

М.-З.О. Османов

**ФОРМЫ
ТРАДИЦИОННОГО
СКОВОДСТВА
НАРОДОВ
ДАГЕСТАНА
в XIX-начале XX в.**

902,7 (Д, 21)
0-74

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Дагестанский филиал
Ордена "Знак Почета"

Институт истории, языка и литературы им. Г.Цадасы

М.-З.О. Османов

**ФОРМЫ
ТРАДИЦИОННОГО
СКОВОДСТВА
НАРОДОВ
ДАГЕСТАНА
в XIX-начале XX в.**

Москва
"НАУКА"

Главная редакция восточной литературы
1990

Ответственный редактор

В.К.ГАРДАНОВ

*Утверждено к печати
Институтом истории, языка
и литературы им. Г.Цадасы
Дагестанского филиала АН СССР*

150832

Османов М.-З.О.

074   Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX — начале XX в. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — 297 с., ил., карты.
ISBN 5-02-016775-4

Историко-этнографическое исследование форм и типов традиционного скотоводства Дагестана, включающее разработку теоретических принципов и понятий форм скотоводства, их типологической классификации.

0 0505000000-192 37-90
013(02)-90

ББК 63.5 (2)

ISBN 5-02-016775-4

- © Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1990
- © М.-З.О.Османов, 1990

Характерной особенностью советской этнографической науки является ее связь с актуальными проблемами социалистического и культурного строительства.

Однако советская этнография уделяет постоянное внимание и изучению прошлого, ибо "было бы неверно полагать, что этнографические исследования, относящиеся к историческому прошлому народов, лишены актуальности" /194, с. 6/.

Познание закономерностей этнокультурного развития в прошлом помогает осмыслению развития настоящего. "Каждое этническое или культурное явление современности может быть до конца понятно лишь тогда, когда известны его происхождение и эволюция" /381, с. 10/. Необходимо иметь в виду и культурно-познавательную сторону проблемы.

Скотоводство как отрасль человеческого хозяйства, "вид хозяйственной деятельности", основывающейся на разведении животных и полностью или частично "определяющей характер хозяйственно-культурного типа" (ХКТ)* /318, с. 92-93/, несомненно, заслуживает специального изучения как одна из важнейших областей человеческой культуры.

Использование скота помогло человеку повысить производительность труда, обусловило "сдвиги в общественных отношениях", явилось "основной предпосылкой дальнейшего развития производительных сил" /111, с. 62/. Хотя в симбиозе с пашенным земледелием скот играл подсобную роль, тем не менее эта роль была обеспечивающей, без его "подсобничества" прогресс земледелия был невозможен.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали на важную роль скотоводства в развитии человеческого общества и хозяйства. К.Маркс подчеркивал, что домашние животные — частица экономики и культуры человека: "Животные и растения... являются продуктами труда... продуктами видоизменений, совершавшихся на протяжении многих поколений под контролем человека, при посредстве человеческого труда" /3, с. 192/. Ф.Энгельс связывал с выделением скотоводческих ("пастушеских") племен глубокие экономические и социальные сдвиги, в частности указывал, что "приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения" /10, с. 57, 58, 160/.

* В работе допущено употребление следующих сокращений: ХКТ (хозяйственно-культурный тип), общеупотребительного в советской этнографической литературе, ФС (форма скотоводства) — объекта нашего исследования, гол. — голова (скота), КРС (крупный рогатый скот), МРС (мелкий рогатый скот).

Подчеркивая важную роль скотоводства в истории человека, Н.И.Вавилов указывал, что проблемы происхождения и развития скотоводства, как и земледелия, интересуют советских ученых "с динамической стороны", с точки зрения "управления историческим процессом" развития скотоводства "в соответствии с запросами сегодняшнего дня" /124, с. 3-4/.

Как и земледелие, скотоводство служило основой не только благосостояния, но и культурного развития. В последнее время некоторые исследователи склонны считать, что даже традиции, связанные с содержанием определенного вида скота, оказывают влияние на культурные феномены этноса /533, с. 2-3/. С другой стороны, скотоводы выступали не только посредниками в обмене предметами и продуктами, но и передатчиками культурных новшеств и достижений. При посредстве мигрирующих скотоводов, образ жизни которых "постоянно приводил их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждал к обмену продуктами" /3, с. 99/, в значительной степени смягчалась обстановка изолированности, при которой "приходилось изобретать ежедневно заново, и в каждой местности независимо от другой" /11, с. 54/.

Исследование всего комплекса хозяйства разных регионов, историко-культурных областей, связанных подвижными ФС, позволяет поэтому изучить во взаимосвязи не только скотоводство, но и быт, образ жизни, хозяйство, культуру, историю всех народов (или этносов), оказавшихся связанными подвижным скотоводством /536, с. 197, 213; 136, с. 72, 83; 137, с. 91/.

В историко-культурных областях и провинциях, таких, как Средняя Азия, Кавказ и др., в результате конвергентного развития и культурных взаимосвязей этносов выработались ценные трудовые навыки, которые "учитываются в целях сохранения и совершенствования их в генеральной перспективе развития народного хозяйства нашей страны". У народов Кавказа в этом плане имеют большое народнохозяйственное значение навыки горного земледелия (особенно террасного земледелия в Дагестане) и скотоводства /166, с. 20-21; 112, с. 45/. Советская этнография должна способствовать тому, чтобы "беречь и применять на деле" эти "навыки, накопленные многими поколениями" /113, с. 16/. В ряду хозяйственных феноменов прошлого, заслуживающих изучения с акцентом на познание истории и культуры народа и значения для современного хозяйства и культуры, немаловажное место занимает ФС. Она включает почти все наиболее важные компоненты скотоводства и фокусирует наиболее существенные его аспекты и проблемы. Являясь составным компонентом ХКТ и как отрасль хозяйства, и как элемент культуры, ФС способствует выяснению вопросов хозяйственного развития этноса (или региона), быта, образа жизни, жизнеобеспечения, показывает взаимоотношение скотоводства с другими отраслями хозяйства. История развития скотоводства в данном регионе освещает многие сто-

роны политического и социального развития в регионе (крае), межэтнических взаимоотношений и контактов, историю сложения отдельных элементов культуры, особенно материальной и обрядовой. Скотоводство играло объединительную роль не только в сфере хозяйства, но и в сфере политической истории и культуры. И это особенно проявлялось в исторической практике историко-географических провинций, объединяющих в себе горную и равнинную части. В истории Дагестана, например, скотоводство и связанные с ним взаимоотношения равнины и гор (зерно — продукция скотоводства, равнинные зимние — горные летние пастбища) сыграли большую роль в развитии хозяйства, экономики, политических, социальных, этнических отношений, и реализация многих из этих взаимоотношений определялась и осуществлялась посредством ФС.

Немалое значение имеет исторический опыт народов Дагестана в сезонно-зональном содержании скота для рационализации современного скотоводства. В частности, в организации отгонного, и особенно внутриапийского, скотоводства, которое в нынешних условиях переселения части населения высокогорной зоны (и высвобождения ее угодий) при растущем земледельческом хозяйстве равнины, с соответствующим сужением резерва равнинных пастбищных угодий, могло бы послужить резервом увеличения производства мяса и молока (с использованием, например, в качестве одного из средств летнепагульного содержания скота). Это послужило бы существенным подспорьем в решении актуальной продовольственной проблемы, одним из главных обеспечивающих элементов которой является, как отметил М.С.Горбачев, "решение проблемы зерна и кормов", что "в конечном счете должно обеспечить необходимый сдвиг в животноводстве" /14, с. 174/. В решениях XXVII съезда КПСС указывается на необходимость "на основе интенсификации полевого и лугопастбищного кормопроизводства существенно увеличить производство грубых и сочных кормов" (что представляет существенную сторону ФС) для "обеспечения устойчивого роста производства продукции животноводства" /15, с. 298/.

В свете сказанного нам представляется актуальным историко-этнографическое исследование ФС Дагестана, и прежде всего хозяйственных, а также культурно-исторических и социальных аспектов проблемы. Главным источником работы стал собранный нами полевой этнографический материал. В советской этнографии признано, что при изучении бесписьменных и младописьменных народов "ведущее место занимает собственно этнографическое исследование — непосредственное наблюдение жизни народов" /440, с. 16/, дополненное имеющим "важное значение", по словам Ю.В.Бромлея, ретроспективным методом с "большими возможностями приложения" /114, с. 86/. Полевой материал собирался по специально составленной программе и вопросу, включающим весь спектр проблематики скотоводства, его места в хозяйстве, соотношения с земледелием и др., т.е. скотоводство бралось на фоне как хозяйства в целом, так и ХКТ.

Программа вопросника охватывала главные занятия населения, соотношение отраслей хозяйства, виды скота и их соотношение, основные сезонно-зональные способы содержания скота по всем его видам, методы организации сельских стад и разделения сельских угодий, обеспечение пастбищами, формы отгона и скотопрогонные трассы, товарищества по содержанию скота — коши, заготовку кормов, виды хуторов, наем и оплату пастухов и чабанов, поляризацию скотовладения и т.п. Изучение проводилось обычно путем беседы с несколькими респондентами в одном селе, чаще с группой их, с выделением одного основного, наиболее знающего. При изучении данной проблемы мы поставили задачу возможно полного сбора материала по всем природно-географическим зонам и подзонам, округам и участкам, владениям и союзам обществ, этносам и этническим группам.

Собранный и изученный нами полевой материал позволяет проследить весь годичный цикл содержания скота, его видовой состав и особенно сезонно-зональные формы содержания скота. В отношении ФС потомственные чабаны бывают очень точны, так как каждое изменение формы содержания скота было связано с сезонными циклами природы и сопровождалось определенными перемещениями скота. При этом выявилась масштабность осведомленности пастухов — знание ФС не только своего аула или даже союза обществ, но и зоны, региона в целом, особенно в части, касающейся отгонных ФС. И еще одно: наши респонденты хотя и не различают исторических этапов (например, пореформенный период), тем не менее четко фиксируют особенности сезонно-зонального содержания скота (т.е. ФС), например в "шамилевское время", "до русских", "после прихода русских", "до колхозов" и т.д. Все это позволяет охарактеризовать полевой материал как достаточный и полный источник для изучения форм скотоводства Дагестана XIX — начала XX в.*.

Вторая группа источников — архивные материалы, прежде всего посемейные описания крестьян 60—80-х годов XIX в. Отличие источников этого рода — наибольшая точность, достоверность в характеристике хозяйства, в том числе скотоводческого. По материалам, извлеченным из них, можно судить о соотношении видов скота, их взаимном удельном весе, что позволяет выявить видовые районы содержания скота и соответственно соотношение с земледелием, преобладающие ФС. Особенно незаменимы посемейные списки в определении поляризации скотовладения и уточнении соотношения ФС — подворные данные позволяют опре-

* Для удобства читателей мы даем в ссылке на полевой материал название селения (если оно не названо в тексте), чтобы читатель по списку селений в "Приложениях" мог сориентироваться в принадлежности аула к природной зоне, союзу обществ (или владению) и единице административного деления (округ, участок).

делить, например, свойственна ли данному селению (союзу обществ) отгонная кышлажная форма, или же ее практикуют лишь несколько крупных овцеводов. К этой категории материалов примыкают различного рода документы, донесения, справки, переписка владельцев и сановных особ, военных и административных чиновников. Так, например, сообщение генерала Граббе позволяет сделать бесспорный вывод о характере и масштабе овцеводства в предгорной Аварии в первой половине XIX в. /23; 22; 24; 32; 19; 21; 25; 26; 328; 471; 73; 121; 234; 264/. Еще более ценные сведения по интересующей нас проблеме содержатся в военных отчетах, отбесах, мемуарах, в которых наряду с большим вниманием, уделяемым географии и топографии края, народонаселению, военному и политическому состоянию края, значительное место занимают и вопросы хозяйствования, обеспеченности населения продовольствием, состояние земледелия и скотоводства, наличие разносезонных (и разнозонных) угодий и отгонного скотоводства и пр. /173; 174; 96; 228; 455; 483; 170; 217; 349; 355; 270; 426; 442; 443/. Наиболее выдающийся из авторов этих трудов, несомненно, И.Г.Гербер — "первый этнограф Дагестана" (М.О.Косвен), правда писавший в XVIII в.

В связи с этим заметим, что в работе отчасти использованы источники и литература, относящиеся и к предшествующим XIX в. историческим этапам. Это вызвано необходимостью показа закономерностей и обусловленности ФС XIX в. хозяйственным развитием предшествующих эпох, в частности сочлененным развитием земледелия и скотоводства. Также захватывает более ранний период, особенно с петровского времени, другой круг источников — описания путешествий и поездок. В некоторых отношениях они уступают военным материалам; в частности, это касается меры осведомленности их авторов о географии, народонаселении, хозяйственных контактах отдельных регионов. Но они более подробны в описании деталей хозяйственной жизни, непосредственно наблюдаемой их авторами /100; 578; 191; 102; 354; 226; 143; 177; 58; 85; 133/.

Известным дополнением к материалам военных и ученых служат сведения местных авторов, большей частью описателей жизни, быта своего селения. Главное преимущество их очерков — знание местного хозяйства и быта, точность в деталях, достоверность информации о существенных сторонах хозяйственного быта, будь это сведения о назначении видов и категорий скота у аварца О.Каранаилова, о заготовке кормов у лакца А.Омарова или о традициях строгого соблюдения интересов сельского общественного стада у даргинца Г.М.Амирова /79; 97; 247; 146; 356/.

Развитые традиции земледельческо-скотоводческого хозяйства горного Дагестана в XIX в. были бы непонятны без археологических изысканий последних 30 лет, давших ценные материалы по хозяйству Дагестана ранних этапов его истории, что делает необходимым и их частичное привлечение. В них мы находим немало разработок по ФС, начи-

ная с древнейших придомных форм через выгонно-стойловую к отгонным, по их взаимодействиям и соотношениям с земледелием, по особенностям развития скотоводства в горах и на равнине, по формам и последствиям взаимоотношений с кочевническим миром пришельцев.

Переходя к характеристике литературы вопроса, следует отметить, что собственно ФС Дагестана совершенно не были предметом исследования — ни специально, ни в контексте других проблем. В дореволюционной литературе историография скотоводства сводится к отдельным замечаниям, наброскам, упоминаниям, как правило поверхностным. Даже в обзорных работах таких авторов, как П.Зубов, С.Броневский и особенно Н.Дубровин /116; 203; 222/, мы не находим хотя бы относительно удовлетворительного описания скотоводства.

В исторических и этнографических исследованиях советского времени, затрагивающих вопросы хозяйства и культуры народов Дагестана, определенное место занимает и скотоводство. В этих работах дается характеристика скотоводства как отрасли и занятия в соотношении с хозяйством в целом, рассматриваются хозяйственная специализация, состав стада, методы содержания, в том числе отдельные сезонные формы (т.е. ФС). Наиболее изученной оказалась кышлажная форма, которая под названием "отгонное скотоводство" нередко принимается в качестве синонима подвижного скотоводства вообще, яйлажной же отгон или выгонная форма, вроде бы как слишком очевидные, оказались в тени /307; 229; 477; 77; 291; 241; 153; 418; 419; 64; 351; 68; 90/.

Первым, кто обратил внимание на своеобразие обстановки в горном Дагестане, где при развитии скотоводстве преобладающим занятием населения было земледелие, был Х.-М.О.Хашаев /452; 454/. После его работ в дагестанской этнографии (и археологии) преобладало изучение земледелия, его истории, степени древности, масштаба, развитости и пр. Однако, сама по себе здоровая и верная, эта тенденция привела к оттеснению на задний план и меньшей изученности скотоводства. Достаточно ознакомиться с этнографическими работами 50—70-х годов, чтобы убедиться в этом: везде, где идет речь о хозяйстве, главное внимание отводится земледелию /154; 330; 118; 364; 65; 230/. Правда, имеются и специальные, посвященные скотоводству исследования, но охватывающие только один народ, или район, и отдельные ФС /91; 148; 149/.

В целом картина изученности скотоводства Дагестана выглядит следующим образом: специальных исследований, разрабатывающих проблему ФС всего Дагестана или только скотоводства как отрасли хозяйства или занятия, не имеется. Однако, как уже отмечалось, сама проблема понятия ФС и их классификации имеет обширную литературу, и, прежде чем обращаться к исследованию ФС, мы полагаем необходимым более подробно остановиться на ней, чтобы вместе с тем предложить свое понимание ФС и их классификации как технологического инструмента нашего исследования.

Начиная обзор наших классификаций ФС, прежде всего остановимся на методологии классификации, с тем чтобы выработать, с одной стороны, общие принципы классификации, ее критерии, с другой — возможность их применения к конкретным формам дагестанского скотоводческого хозяйства. Скотоводческое хозяйство европейских Альп привлекло наибольшее внимание в литературе. Одним из первых сделал попытку определить критерии выделения ФС Р.Шатцман. Он подчеркнул, что пастбища, называемые альпийскими, должны располагаться в горах, причем не в том поясе, где земледельцы и постоянное жилье, с которыми они объединены. Он же отметил принципиальное различие между скотоводческим хозяйством, в котором скот содержится рядом с обрабатываемыми землями (например, Голландия), и скотоводством, в котором (например, Швейцария) осуществляются сезонные передвижения скота (отгон). Обязательным признаком альпийского хозяйства Р.Шатцман считал то, что оно должно давать корм, необходимый для летнего содержания скота /526, с. 73; 525, с. 57/, для чего оно должно обладать (А.Штруби, Р.Зигер) величиной, достаточной для сезонного хозяйства /532, с. 23-25/. С.Штеблер характеризует альпийское хозяйство как хозяйственное (пастбищное) использование гор, функционирующее только в связи с хозяйством основного поселения /530, с. 3-11/.

Таким образом, названные авторы считают непременным признаком альпийского скотоводства его хозяйственную зависимость от равнины*. В этом уже заложены предпосылки для выделения другой ФС, территориально и хозяйственно не связанной с хозяйством базового поселения. Это обстоятельство привлекло внимание ряда исследователей. Р.Зигер, например, считавший, что альпийско-сезонное хозяйство должно быть отдельным от базового хозяйства, но иметь с ним органическую связь, отметил, что оно отличается от другой ФС, в которой нет зимнего содержания и кормления сеном в основном селении, а именно трансюманса /528, с. 2/. По единодушному мнению исследователей (И.Фродин и др.) /509, с. XVIII; 470, с. 43/, впервые произвел это разграничение П.Арбос. Относительно термина "трансюманс" К.Д.Форд позднее уточнит, что он происходит из Испании /508, с. 396/. Е.Я.Борисенко также указывает, что подобная ФС ("своеобразная техника разведения и содержания овец") в отрегулированном виде сложилась в Испании с XIII в. /111, с. 70/.

Итогом и сводкой этой "альпийской" школы исследователей явились работы Д.Фродина, который присоединяется к

* Большинство исследователей словом "равнина" часто обозначают селения, откуда исходит летнее использование Альп. Иногда такие селения действительно расположены на равнине, но может быть и так, что селения эти расположены в долинах гор, предгорьях и даже в горах, но всегда ниже Альп. Во избежание путаницы нам представляется, что лучше его называть основным или базовым поселением.

суждениям об альпийском хозяйстве Р.Шатцмана, С.Штеблера, Р.Зигера и др. /509, с. XIV, XVI, XVIII, 352/. Относительно различий между альпийским хозяйством и трансюмансом он солидаризуется с Зигером, между трансюмансом и кочевничеством — с Бернардом и Лакро: при кочевничестве со скотом следует все племя, при трансюмансе — только необходимые для ухода за скотом люди /509, с. XVIII-XX; то же у Е.Мюллера: 521, с. 365/. Заслуживают внимания положения Д.Фродина о сходстве и различиях трансюманса и альпийского хозяйства: люди и скот связаны с материнским селением, но в альпийском — связь непосредственная, территориальная /люди и скот зимой находятся в своем селе/, в трансюмансе же только экономическая и организационная /509, с. XIX; 521, с. 365/. Отмечено и другое отличие, которое он называет фундаментальным: при альпийской ФС жители затрачивают большую часть времени на заготовку кормов, при трансюмансе — на земледелие (в горном Дагестане к этому следует присоединить еще промыслы и отходничество). У.Беш отмечает, что "характерная черта трансгумаций состоит не столько в перегонах скота, сколько в том, что этот тип хозяйства существует бок о бок с оседлым земледелием", что в отличие от кочевой ФС здесь стада сопровождают только пастухами /105, с. 59-62/.

В XX в. исследование ФС распространяется и вширь и вглубь. Ряд ученых (Е.Кариер, Е.Мюллер, Х.Боеш и др.), посвятивших специальные исследования изучению ФС, считали климатические и географические особенности определяющими факторами в сложении и развитии трансюманса /494; 521, с. 364; 493, с. 202-207/. С.Березовский и К.Плянolz в своих исследованиях отвели определенное место и кавказскому материалу, отмечая, что он имеет значение в синтезе форм скотоводческой культуры /470, с. 51-52/.

В 50-70-е годы по инициативе ученых социалистических стран было проведено историко-этнографическое изучение скотоводства Восточной и Южной Европы, особенно горных регионов. Результатом явилось издание двух капитальных сборников /534; 535/. Л.Фольдеш выделяет четыре ФС: крестьянскую (Bauerliche), номадизм, трансюманс и альпийское хозяйство. При номадизме скотоводы живут не в постоянных поселениях, а в палатках и шалашах и следуют за скотом, находящимся в постоянном движении. Трансюманс характеризуется передвижением между летними (высотными) и зимними (низменными) пастбищами только пастухов, а владельцы оседлы и обрабатывают землю. Общее с номадизмом у них — преобладание МРС. В альпийском хозяйстве скот от весны до осени находится на горных пастбищах с пастухами, зимой в хлеву. Крестьянское хозяйство он, как и И.Балог, локализует на низменности и делит на подсобное полукстенсивное, где скот содержится для домашних потребностей, тягла, и экстенсивное с "внешними" пастбищами, в котором доение и тягло отступают на второй план, а главными целями содержания являются нагул, шерсть, увеличение ко-

личества скота /506, с. VI-VII; 504, с. 285-286; 507, с. 9; 505, с. 345-346; 490, с. 465/. Польский этнограф К.Добровольский в трансюмансе Карпат усматривает смешение хозяйственных и этнических компонентов (инфильтрация кочевников) /497, с. 130-144/. В.Новак находит в Словении две формы содержания скота: альпийское и интенсивное присельское /522, с. 653-657/. Румынский этнограф И.Влэдуциу предлагает несколько иную классификацию: отгонное, оседлое и носящее черты оседлого и отгонного /136, с. 71-72/; по-видимому, имеется в виду трансюманс.

Как отмечает В.М.Шамиладзе, зарубежные исследователи незаслуженно мало внимания уделяют внутриапийскому скотоводству. Нам представляется, что сужено и зональное распространение крестьянского, или интенсивного, скотоводства; во всяком случае, наши материалы свидетельствуют о наличии подобной ФС и в предгорьях, и в горах.

Таким образом, в качестве критериев и признаков ФС учитываются зональное расположение поселения и сезонных пастбищ по отношению к нему, место сезонного содержания скота, способы кормового обеспечения, удельный вес скота, содержащегося тем или иным способом, степень участия владельцев скота в его сезонном содержании. Игнорирование любого из этих критериев, его неправильная оценка или неодинаковое понимание разными исследователями могут привести к неточным и противоречивым оценкам.

Отечественная историография ФС XIX в., особенно горного скотоводства, отставала от зарубежной. Отчасти это объяснялось отдаленностью регионов горного скотоводства, отчасти неверной, поверхностной информацией наблюдателей. Так, например, Н.Абельдяев объясняет особенности содержания скота в Дагестане ленью и нерадивостью скотоводов, откуда якобы и жалкое состояние скота /58, с. 25/. Неудивительно, что, пользуясь такими источниками, даже серьезные исследователи, как Н.Дубровин, считают круглогодичное содержание на подножном корму результатом лени местных скотоводов /203, т. 1, кн. 1, с. 266, 286, 359-360, 512; кн. 2, с. 7, 87/. Однако уже И.Г.Гербер, а затем Ф.И.Гене, Д.И.Тихонов, Н.Данилевский, А.Берже, И.Воронов и другие правильно отмечают в качестве причины подобного содержания отсутствие кормовой базы на месте. Они же отмечают социальную и политическую сторону этого института — различные формы социальной и политической зависимости обществ, нуждающихся в пастбищах (особенно зимних), от обществ и особенно феодалов, предоставляющих им эти пастбища /173, с. 107-110; 174, с. 81-88; 170, с. 344; 439, с. 130-131, 134; 192, с. 67; 104, с. 281; 143, т. I, с. 28-30, т. III, с. 5, 7, 19/. Некоторые авторы обратили внимание и на другую особенность кавказского горного хозяйства — большую роль скотоводческих сезонных баз, которые они называли хуторами /226, с. 41; 180, с. 10; 319, с. 452-454, 460/.

Квалифицированное исследование ФС Кавказа связано с изучением экономического быта государственных крестьян Закавказского края, с устройством казенных летних и зим-

них пастбищ и изучением скотоводства Кавказа, результатом чего явилось издание капитальных сборников /327; 412; 329/. Правда, в них представлен главным образом закавказский материал, но, во-первых, это дает возможность выявления и изучения сходных для всего Кавказа ФС, во-вторых, хотя и незначительно, в них представлен и дагестанский материал. Так, например, А.М.Аргутинский отметил, что из-за отдаленности летних пастбищ с равнины отгонялся только мелкий рогатый скот (МРС), что скотоводство в Кахетии несамостоятельно и служит подспорьем земледелию /86, с. 280-282; 87, с. 59, 71, 116-118/. А.М.В.Мацабели, отмечая, что в Тионети часть населения ухаживает со скотом, а большая его часть оседла и занята земледелием, заключает: "Поэтому тионетский пастух не может быть назван кочевником" /331, с. 455/.

Классификацию оседлого и кочевого быта сделал С.П.Зелинский. Он причисляет к оседлым и тех крестьян, которые пользуются эйлагами, посылая туда скот с пастухами. Он называет их земледельцами-скотоводами и считает, что скотоводство у них "занимает второстепенное место", что, конечно, не обязательно. Признаками кочевничества С.П.Зелинский считает исключительное занятие овцеводством (то же небесспорно), постоянное движение и жизнь в палатках и алачугах /215, с. 9, 15; 214, с. 20, 28-30, 30-31/. Правильно указывает на природно-географические и экономические корни перекочевков Х.А.Вермишев. Он замечает, что надо отличать перекочевку скота от перекочевки населения /131, с. 94, 97, 98-99/ и отказывается считать кочевыми скотоводами азербайджанцев, перекочевывающих летом со скотом в горы, так как они имеют постоянные селения и занимаются земледелием, садоводством и другими отраслями хозяйства /129, с. 150/. А.А.Калантар (как и И.З.Андронников) также указывает на большую роль природно-географических и хозяйственных условий в сложении ФС, однако причисляет к кочевому скотоводческому хозяйству оседлых насельников гор и равнины /235, с. 109-111, 116; 237, с. 3-4; 84, с. 174, 215, 216/.

Таким образом, исследователи этой группы (изучение экономического быта, пастбищ и скотоводства) хотя и не предложили типологических классификаций ФС, однако сделали многое для выявления отдельных ФС, изучения их особенностей, сочетания с земледелием, идентификации кочевничества.

Ряд авторов (В.И.Масальский, С.Заваров, Карганов и Даитбеков и др.), правильно указывая на то, что соседство роскошных горных пастбищ и сухих степей, непригодных под вспашку, позволяло содержать скот круглый год на подножном корму и что это связало обе области — степную и горную, в то же время все формы скотоводческого хозяйства, связанные с передвижениями в горы и обратно, называют кочевыми и полукочевыми /322, с. 579-581; 209, с. 116-118; 251, с. 24-25/. Как показывает наш обзор, в дореволюционной литературе осталось непреодоленным ошибочное

объединение в одной группе кочевых и полуоседлых форм скотоводческого хозяйства.

В советское время разработка проблем истории скотоводческого хозяйства прошла два этапа. На первом, длившемся до Великой Отечественной войны, фактически отсутствовали специальные работы по истории скотоводства, в особенности по проблеме классификации ФС, и терминология их очень разнообразна и даже противоречива. Например, Ю.И.Мкртумян и В.И.Шапиладзе в литературе по Кавказу насчитали до десяти терминов, употребляемых в качестве синонимов: кочевой, полукочевой, яйлажный, двухзонный, альпийский, отгонный, отгонно-пастбищный, оседло-пастбищный, полукочево-отгонный и др. /338, с. 62; 470, с. 60/.

Начало второго этапа условно можно отнести к послевоенному периоду. Характерная черта его — появление специальных исследований, посвященных этнографическому изучению скотоводства, разработке классификации ФС. Однако и на втором этапе можно встретить литературу, в которой мало отражаются достижения этнографических исследований в этой области. Отчасти это объясняется тем, что и в специальной литературе пока не выработано единого мнения об основных критериях типологической классификации ФС.

В советской литературе, продолжая традиции дореволюционной, многие авторы справедливо связывают сложение отгонных ФС с "весьма целесообразно и разумно" используемыми природными условиями: достатком богатых летних пастбищ при невозможности содержать в горах зимой большое количество скота из-за бедности кормовой базы и наличием зимних пастбищ в Прикаспии и низменной части Закавказья /200, с. 101; 185, с. 9, 11/. Правда, при этом отдельные авторы именовали подвижные ФС кочевничеством и полукочевничеством /344, с. 178-179; 61, с. 465; 185, с. 16; 132, с. 103/.

В своих построениях о соотношении экологии и хозяйства советские исследователи исходят из основополагающих положений и методологии марксизма-ленинизма. По мнению акад. Ю.В.Бромлея, механизм взаимодействия идет от возможностей, даваемых каждым ландшафтом для биологической и культурной адаптации сообщества к нему, выражающейся в использовании ресурсов среды для своего существования /114, с. 246/. Но поскольку ландшафты имеются самые разнообразные, постольку объективно существуют условия для сложения и развития разных видов хозяйственной деятельности — то равнинных, то горных, то комбинированных, и, таким образом, естественно возникает разделение труда "вследствие дифференцированности природных условий" /62, с. 78-79/.

Такая дифференцированность условий складывалась в условиях Кавказа, и в частности Дагестана, в том числе по причине неравномерного распределения сезонных угодий по разным зонам. Так, В.К.Гарданов считает, что отгонная

ФС у адыгов как нельзя лучше способствовала использованию кормовых ресурсов и климатических условий трех природно-географических зон: степной, предгорной и горной /165, с. 95/. Г.А.Сергеева ставит направленность хозяйственных и торговых контактов горного Дагестана в прямую зависимость от размещения зимних пастбищ /419, с. 94-95/. На природно-экологические предпосылки оседлого скотоводства указывают грузинские этнографы. Так, А.И.Робакидзе говорит о "типично альпийском со специализированным скотоводством" хозяйстве ингушей, скоррелированном с экологической нишей /402, с. 92/, а Т.Ш.Цагарейшвили связывает форму оседлого скотоводства Нижней Картли с природными предпосылками — обилием покосов и пастбищ, теплым климатом. Правда, назвав ее оседлой, а форму скотоводства горных районов Картли альпийской, он тем самым исключил последнюю из оседлых форм, что представляется неправомерным /457, с. 77/. В связи с наличием горных пастбищ ставит развитие "горно-отгонной" (эйлажной) ФС и Ш.Д.Инал-Ипа /225, с. 209/.

Одна из первых попыток классификации ФС Кавказа в историческом аспекте сделана Т.А.Бунятовым. Он показал, как на базе оседлой ФС в процессе роста поголовья и сохранения кормовой базы складывается полукошевая ФС, обязательно предполагающая "использование двух различных районов — яйлага и кишлага". Определяющим признаком оседлого скотоводства он считает присельский выпас с возвращением вечером (пастушеская форма) /119, с. 117-119/. Позднее Ф.И.Гусейнов сделал уточнение: отделил полукошевую форму от отгонной /186, с. 6, 20/. Подобной точки зрения придерживаются и В.М.Массон и другие исследователи, различающие отгонное (пастушеское) скотоводство, при котором со стадом идут только пастухи, и полукошевое (со стадами передвигаются семьи) /326, с. 39/. А.В.Фадеев также выделяет ногайское кочевое и "отгонное животноводство кавказских горцев" /446, с. 77/. Е.И.Крупнов подчеркивал, что отгонное скотоводство — не полукошевое, ибо оно не вовлекает массу населения, живущего оседло. Генезис его он также увязывает с горным скотоводством, преобразующимся в отгонное под воздействием прогрессирующего недостатка кормов /276, с. 83; 104; 277, с. 304, 306-307/. Х.-М.О.Хашаев под отгонной системой понимал перегон овец (иногда КРС) весной в горы, осенью — на зимние пастбища /454, с. 89/, а авторы книги "Система ведения сельского хозяйства Дагестана" все ФС Дагестана свели к двум: отгонной и стационарной /423, с. 409/.

Таким образом, можно считать, что в советской литературе хотя и установилась более или менее унифицированная номенклатура ФС, но наблюдается смешение разных ФС. В целом в исследовании кочевничества было достигнуто больше успехов. Правильная характеристика кочевничества способствовала более четкому выделению и других ФС, ибо, как отмечалось в литературе, одним из препятствий в классификации форм хозяйства и образа жизни было чрезмерно ши-

рокое понимание понятия "номад" /393, с. 119/. В частности, было доказано, что кочевничество выросло из определенных видов подвижного скотоводства. Так выглядит в кратком виде формула генезиса кочевничества, которую Г.Е.Марков считает результатом исследований советских ученых: от оседлых скотоводческо-земледельческих форм к полуоседлой (полукошевой), яйлажной, отгонной, кочевой. Причем появление отгонного скотоводства не предопределяет "обязательность возникновения кочевничества" /316, с. 18, 25-26/ (в качестве примера региона, не перешедшего к кочевничеству, приводится Кавказ, где, по мнению Г.Е.Маркова, единственными кочевниками являются караногайцы /318, с. 93/.

Наибольшее признание в советской литературе получила характеристика кочевого хозяйства и основных его форм С.И.Руденко, который также в генезисе его видит эволюцию от отгонного пастушеского скотоводства. С.И.Руденко четко отделяет последнее (кочуют только пастухи) от полукошевого, при котором мигрируют семьи со всем имуществом. Кочевое скотоводство, по С.И.Руденко, — это такое, при котором все население кочует, постоянных жилищ нет (таборное); полукошевое: основная часть населения оседла, меньшая кочует со стадами или же все население зимует в зимниках, а с весны до осени кочует со стадами и возвращается к зиме в жилище /407, с. 3-4, 12-13/.

Плодотворная попытка уточнения классификации С.И.Руденко была сделана С.И.Вайнштейном. Оставаясь на общих позициях с другими исследователями в характеристике кочевого хозяйства, он вводит отдельную от полукошевой полуоседлую форму — сезонные переселения всей семьей зимой и летом при наличии постоянного жилища на каждом месте /125, с. 11-12, 72-73/. Таким образом, несмотря на отдельные расхождения, в отношении кочевых ФС в советской литературе устанавливается традиция четкого выделения собственно кочевого ФС и в меньшей степени пастушеского. В отношении последней и полуоседлой форм порой наблюдаются разночтения и даже смешивание их с видами подвижных ФС.

Теперь остановимся на типологических классификациях, охватывающих все ФС. Впервые по-настоящему этнографы столкнулись с проблемой классификации ФС в связи с составлением региональных историко-этнографических атласов. При составлении программы Кавказского атласа Б.А.Калоев указал ФС (он называет их системами), которые могут быть зафиксированы на Кавказе, — кочевая, отгонная, стойловая, стойлово-пастбищная, пастбищно-выгонная и яйлажная /243, с. 18, 35/.

Наибольшую подготовленность к работе над атласом обнаружил грузинская этнографическая школа, особенностью которой являются скрупулезность и тщательность исследования. Имеется ряд исследований, посвященных вопросам скотоводческого хозяйства, этнографов В.М.Шамиладзе, Ц.Н.Бжания, В.В.Гамкрелидзе, М.Н.Макалатия и др. Ц.Н.Бжания для Абхазии констатирует отгонную со стойлом зимой,

внутриальпийскую и круглогодичную выгонную на равнине /106, с. 3, 8, 20-21, 44, 47, 67/. М.Д.Рчеулишвили отметил участие в отгоне только части населения (другая занимается земледелием) /409, с. 95/; Б.В.Гамкрелидзе показал различия в содержании видов скота: КРС — зимой в стойле, летом на яйлагах, коровы — круглый год на присельских пастбищах, овцы — летом на яйлагах, зимой отгон на равнину /157, с. 238-239, 243/. Правда, М.Н.Макалатия находит у оседлого населения Грузии только две ФС (автор называет их типами): горную и равнинную. Отгонное скотоводство она считает подтипом горного и, судя по ее оговорке насчет "оседлого населения", скорее всего полукочевым /310, с. 14-15/. В.М.Шамиладзе правильно указывает, что если отгонная форма — подтип горного скотоводства, то из ее арсенала выпадают селения низин и предгорий, где эта форма распространена /470, с. 57-58/. Попутно отметим, что, правильно указывая на то, что горное скотоводство потенциально несет в себе "перспективу развития в отгонную форму", М.Н.Макалатия ошибается, относя это развитие в Грузии только к XIX в. /310, с. 6-7, 14/.

Известные достижения в классификации ФС, которые впоследствии развил Ю.И.Мкртумян, имели место и в Армении. Так, А.З.Тамамшев выделяет три ФС — кочевую, полукочевую, оседлую (стационарную). Он призывает различать "понятия ФС и быт населения", так как у оседлого населения скотоводство может иметь и стационарный и отгонный характер. Однако следующего шага — необходимость различения подвижности населения и перегона скота и отсюда — трансюманса — он не сделал. Слабо отражен в его классификации зональный принцип /432, с. 17-18/. Зональность отражена в классификации А.А.Рухкяна, но в разграничении ФС нет четкости /408, с. 69-71/.

Более совершенна классификация И.И.Курова и Г.Г.Бадиряна, но авторы делают ошибку, считая, что отгонное скотоводство при определенных условиях принимает форму альпийского /284, с. 143-144, 150-151/, тогда как и исторически, и в хозяйстве XIX в. было наоборот — альпийское при недостатке кормовой базы принимает форму отгонного. Ошибаются авторы и в своем заключении, что в дореволюционном хозяйстве не было сочетания отгонного скотоводства "с широко развитым земледелием" /284, с. 140/, т.е. отрицается трансюманс (это отмечено и В.М.Шамиладзе).

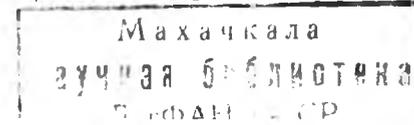
В.П.Курылев выделяет три основных типа скотоводства — кочевой, полукочевой или полуседлый и оседлый. Основным признаком кочевого он считает связь "с пастбищной системой, т.е. круглогодичным содержанием основной массы скота на подножном корму" /286, с. 247-250; 285, с. 166-168/. Но ведь круглогодичное содержание на подножном корму имеет место и при трансюмансе. Недостаточно четки границы и между оседлым и полукочевым типами (например, и там и тут — стойло, занятие земледелием, отгон на летние пастбища и т.д.). В.П.Курылев один из немногих, кто подчеркнул сосуществование всех трех типов и связанную с этим трудность их картографирования /286, с. 250/.

Детально разработанная, но несколько противоречивая классификация скотоводства принадлежит Р.Н.Симакову. Он выделяет форму ("способ выпаса и содержания скота"), тип (сочетание ФС), затем группы ФС, которые в зависимости от принадлежности к оседлым или кочевым скотоводческим хозяйствам составляют "самостоятельную систему" (кочевого или оседлого скотоводства). Таким образом, получается, например, что пастбищная форма определяет характер кочевого хозяйства, но затем, в зависимости от принадлежности к кочевому же хозяйству, входит в группу, образующую "систему кочевого скотоводства". Также и в выделенных им ФС ни один из признаков форм не служит разграничивающим критерием для всех них, и поэтому классификация обоснована нечетко /422, с. 15; 421, с. 72-73/.

Наибольший вклад в исследование скотоводческого хозяйства и классификации ФС народов Кавказа внесли В.М.Шамиладзе и Ю.И.Мкртумян. По мнению Ю.И.Мкртумяна, на Кавказе имеется четыре ФС: оседлое, отгонное, полукочевое, кочевое /338, с. 62, 67; 339, с. 127-129, 133; 340, с. 3-7; 341, с. 16, 17, 20, 21-22, 24, 25/. Ю.И.Мкртумян аргументированно выступает против смещения отгонного и полукочевого скотоводства /339, с. 127-129/. Но его термин "оседлое" для одной ФС представляется нам неудачным, ибо он как бы подразумевает, что все остальные ФС неоседлые. Поэтому предпочтительнее термин "стационарное". Подвиды форм скотоводства (агутнер, дзымеранец и др.) Ю.И.Мкртумян классифицирует по признаку места и удельного веса способа содержания скота в определенный сезон года /339, с. 123-124/. Метод автора конкретен, позволяет очертить ареалы способов содержания, но только в отношении подвидов ФС. Отсюда его недостаток: неувязанность с другими подвидами и ФС в районе, зоне, что разрывает хозяйственно-экономические и культурно-бытовые связи и взаимодействия как ФС зоны, так и ее населения. Думается, именно поэтому В.М.Шамиладзе, придерживающийся зонно-комплексной классификации, выразил несогласие с классификацией Ю.И.Мкртумяна /470, с. 56-57/.

В основу типологической классификации ФС В.М.Шамиладзе входят признаки: "территориальное расположение поселений и сезонных пастбищ и сенокосов, их хозяйственно-экономические и организационные взаимосвязи с учетом их хозяйственного профиля и направления" /470, с. 40/. Особо выделяется резко выраженная зональность, оказывающая определенное влияние на социальную организацию общества /470, с. 58-59/. Таким образом, совокупность признаков, используемых для классификации ФС, отличается многоплановостью и полнотой, хотя и некоторой нечеткостью. На основе разработанного им критерия В.М.Шамиладзе выделяет четыре ФС: горное (альпийское), трансюманс, кочевое и равнинное /470, с. 41, 59, 315-316/. Горное скотоводство делится на два подвида: отгонный и внутриальпийский. Трансюманс, по В.М.Шамиладзе, заключается в "постоянном движении стада и обслуживающего его персонала" от зимних к

150832

летним пастбищам и обратно, с исключением поселений из годового цикла ухода за скотом, но с сохранением их "хозяйственно-экономических и организационных функций ведения скотоводства" /470, с. 46, 150-151/. Равнинную ФС В.М.Шамиладзе характеризует на основе определения венгерских этнографов Л.Фольдеша и И.Балога и делит на экстенсивный и вспомогательный подвиды /470, с. 48, 63-64, 217/. Поскольку вспомогательность квалифицируется по отношению к земледелию, и, поскольку оба подвида предназначены для "обеспечения равнинного земледельческого хозяйства тягловой силой и молочным скотом" /470, с. 48/, целесообразнее термин "вспомогательный" перенести на равнинное скотоводство вообще. Таким образом, классификация В.М.Шамиладзе охватывает все вариации форм скотоводческого хозяйства. Поэтому следует считать справедливой ее оценку Г.Е.Марковым как "весьма убедительной" и годной с известными дополнениями для распространения "и на другие области бытования подвижного скотоводства" /318, с. 92/.

Мы таким дополнением считаем необходимость однозначного принципа классификации. Две ФС в классификации В.М.Шамиладзе построены по зонному принципу (горное, равнинное), две — по принципу преобладания способа содержания скота (трансюманс, кочевое, причем в кочевом на первое место поставлен даже признак образа жизни) /318, с. 94; 252, с. 167/. Такое деление сказывается на четкости предлагаемой классификации, так как выделенная В.М.Шамиладзе как зональная ФС может оказаться и формой по принципу содержания скота и наоборот, тем более что в одном и том же месте одновременно сосуществуют несколько ФС, и разграничение их с помощью зонного определения было бы затруднительно.

Выход видится в сочетании критериев сезонного содержания скота с зонным принципом, что устранило бы несогласованность между классификациями Ю.И.Мкртумяна и В.М.Шамиладзе, наиболее аргументированными и "подогнанными" к скотоводству народов Кавказа.

Подводя итог исследованиям советских ученых по классификации ФС, отметим, что сделано многое для выяснения критериев классификации, признаков отдельных ФС, особенно формообразующих. Однако ряд вопросов ждет еще своего решения: особенно важна выработка единого критерия классификации ФС, тогда как за исходное берутся разные показатели — зона, образ жизни, сезонный способ содержания скота. Необходимо также выяснение четких различий между кочевой и полукочевой ФС, полукочевой, отгонной и полuosедлой. Очевидна необходимость и установления единой однозначной терминологии, выяснения соотношений ФС и земледельческого хозяйства, типов скотоводства и ХКТ.

Значительным вкладом в решение ряда невыясненных вопросов явилась дискуссия, состоявшаяся в 1981-1982 гг. на страницах журнала "Советская этнография" /317; 318; 416; 469; 421; 82/. Она показала, однако, что по многим вопро-

сам сохраняются еще различные точки зрения. Не претендуя на исчерпывающее решение проблемы классификации ФС, мы хотели бы предложить, основываясь на достижениях советской этнографии и собственных изысканиях, свое понимание ее критериев и принципов в качестве рабочей гипотезы.

Думается, что одним из главных препятствий в создании вполне четкой и правильной классификации ФС служит стремление дать при этом характеристику скотоводческого хозяйства в течение всего года (т.е. годичного цикла). Именно этому обстоятельству адресовано замечание Г.Е.Маркова о трудности "четко подразделить" стойловое и подвижное скотоводство, ибо "у одних и тех же групп земледельцев скотоводство может практиковаться как в виде стойлового, так и в виде отгонного", в чем "заключается одна из наибольших трудностей классификации скотоводческого хозяйства" /317, с. 81/. Между тем сущность ФС в значительной степени связана с особенностями сезона и определяется ими. Зимой и при большой надобности невозможно повести скот на высокогорные пастбища, его нужно содержать в стойле, и тот же скот летом, когда в горах есть хороший корм, никто не захочет держать в стойле, даже если горные пастбища далеко от селения. Необходимо учитывать, что сезонные изменения растительного покрова оказывают существенное влияние на хозяйственную деятельность человека, его мобильность /393, с. 120/. Далее, поскольку речь идет о форме содержания скота, следует учесть, что в зависимости от сезона она базируется преимущественно на принципиально разных основах: речь идет о выпасе или содержании в стойле. Имеет значение и то, что для отдельных видов скота каждый сезон имеет свои особенности как в биологическом развитии, так и в обеспечении человека соответствующей продукцией и тягловой силой.

Стремление к "всеохватности" предлагаемых ФС привело и к неточностям в их классификации, разномасштабности выделяемых форм. Так, например, в одном классификационном ряду объединяются кочевая форма, представляющая способ ведения скотоводческого хозяйства в течение всего года, и яйлажная форма, включающая лишь один из сезонных эпизодов содержания скота. В аналогичной ситуации, анализируя разноречивые мнения о соотношении земледелия и скотоводства у адыгов, В.К.Гарданов замечает, что это вызвано "стремлением дать универсальную характеристику основных хозяйственных занятий адыгов без дифференциации по отдельным племенам и районам" /163, с. 67/. В нашем случае такая дифференциация требуется по сезонам (и отчасти по видам скота).

Значительную роль в трудностях классификации ФС играет и отсутствие четкого определения самого понятия ФС. Обычно здесь подразумеваются формы содержания и выпаса скота, но это все-таки довольно общо и неконкретно. Между тем соответствующее определение должно служить ин-

струментом четкого вычленения, а для этого нужны четко обозначенные, одномасштабные критерии. По справедливому замечанию Л.Н.Гумилева, для выяснения основы явления надлежит установить точный критерий классификации: "Только тогда, когда мы получим определенную шкалу, градуированную любым условным способом, но в одном масштабе, мы сможем получить систему классификации, без которой никакая наука не может существовать" /181, с. 143/. Следует учитывать и мнение специалистов-животноводов. Хозяйство — такой объект этнографического изучения, при котором во многих вопросах этнограф следует за специалистами в области хозяйства, географии, биологии и пр. Это и понятно, поскольку этнография, предметом которой является "тот слой культуры, который выполняет этнические функции, т.е. прежде всего традиционно-бытовая культура" /114, с. 84/, должна в процессе этнографического исследования объекта учитывать результаты смежных дисциплин.

Одна из наиболее четких формулировок ФС принадлежит, как нам кажется, Л.М.Зальцману. По его мнению, ФС — это "комплекс взаимосвязанных приемов и методов ведения животноводческого хозяйства применительно к тем или иным условиям производства: система кормления и содержания скота зимой и летом, производства зимних и летних кормов, воспроизводства стада и выращивания молодняка, организации труда и др. /211, с. 17/. Характерно, что Л.М.Зальцман подчеркивает различие форм содержания скота по сезонам /211, с. 19, 21/. Подобный подход к определению ФС с учетом вида скота, сезона, зональности, способа кормления и кормозаготовки, воспроизводства стада и организации труда содержит в себе большие возможности для правильной классификации ФС. Нельзя сказать, что в этнографической литературе эти критерии не учитывались. Например, Ю.И.Мкртумян включал в понятие ФС "особенности содержания скота в различное время года, систему заготовки кормов и кормления, систему организации труда", но он оказался в то же время связанным классификацией общего характера по образу жизни (оседлый, кочевой) и к тому же, по справедливому замечанию Б.Х.Кармышевой, поставил в один ряд с такими формами отгонную форму /339, с. 121-128; 338, с. 62, 67/, т.е. "одну из форм выпаса и содержания скота, характерных для оседлого типа скотоводства" /252, с. 167/. Зону, годичный цикл ухода за скотом, способ выпаса и содержания и т.п. включают в понятие ФС В.М.Шамиладзе, Г.Н.Симаков и др. Однако и у них ФС либо выделены на основе разных посылок с приоритетом зонального фактора (В.М.Шамиладзе), либо нет четкого различия систем кормообеспечения и ФС и основного критерия их вычленения (Г.Н.Симаков).

Сезонность ФС объективна: скотоводы каждый раз, когда сменяется сезон (время года), соответствующим образом меняют свои действия, обеспечивающие наилучшие условия содержания скота в условиях наступившего сезона,

с максимальным использованием зонально-сезонных изменений и особенностей данных угодий. В содержание же понятия "наилучшие условия" в скотоводстве прежде всего входит обеспечение максимально благоприятного кормления и воспроизводства стада, особенно в период расплода и выращивания молодняка. В свете сказанного при определении понятия ФС нужно иметь в виду всю совокупность действий, призванных обеспечить наиболее благоприятные условия кормления и воспроизводства скота в разные времена года, с учетом сезонных изменений и возможностей заготовки кормов в зональных угодьях округа и края. Ведется ли скот на яйлаги летом, кышлаги — зимой или отводится на хутора, содержится в стойле, каждый раз изменение формы содержания скота связано со стремлением максимально сохранить скот в изменившихся природно-климатических условиях, обеспечить его кормом, создать наилучшие условия для его воспроизводства. Этот комплекс критериев (кормление и воспроизводство, угодья, зона), выделенных по критерию сезонности, позволяет лучше определить и разграничить ФС, произвести их однозначную классификацию.

Но, разумеется, содержание отдельных ФС не сводится к указанному комплексу критериев. Есть еще ряд критериев, имеющих отношение к формам содержания скота, в какой-то степени определяющих, дополняющих отдельные существенные стороны ФС*. К ним относятся, в частности:

1. Количество и соотношение угодий поселения (пашня, сенокос, пастбища), традиции и методы заготовки кормов, в зависимости от которых варьируются степень бытования и удельный вес ФС, связанных со стационарным содержанием или отгоном.

2. Обеспечение благоприятных условий для расплода и выращивания молодняка. В Дагестане, например, сложилась специфическая ФС, призванная обеспечить эти условия — весенний отгон скота из ряда горных районов на равнинные земли /359, с. 17-19/.

3. Состав сельского стада, соотношение в нем видов скота, характер и степень их использования (особенно в качестве рабочей силы в земледелии, на транспорте). В горном Дагестане необходимость использования волов на сельскохозяйственных работах породила особую форму комплексного их содержания — попеременного яйлажно-выгонного; вместе с тем в горном и горно-долинном Дагестане поселения, практиковавшие внутриальпийское скотоводство, с ростом поголовья традиционного для них вида скота (например, овец) вынуждены были переходить на отгонные формы.

4. Особенности получения и утилизации животноводческой продукции; в частности, этим был обусловлен один из видов яйлажной ФС (яйлажный хутор) в Дагестане — уход на яйлаги женщин с коровами был вызван необходимостью утилизации молока, заготовки масла и сыра.

* Довольно подробно о дополнительных критериях ФС говорится у Ю.И.Мкртумяна /339, с. 119/ и у Г.Н.Симакова /422, с. 14-15/.

5. Обеспеченность угодьями в соседних районах. Дагестанское горное скотоводство получило прочную базу для своего развития благодаря возможности отгонять скот на равнинные земли Прикаспия, Азербайджана, Грузии.

6. Из последнего вытекает значение взаимоотношений с соседями, политической ситуации в крае. Общеизвестно, что с присоединением Дагестана к России и ликвидацией феодальной раздробленности и междоусобий наблюдалось оживление хозяйственной жизни, торгового обмена, дальнейшее развитие региональной хозяйственной специализации. В скотоводстве, например, большие масштабы и удельный вес приобрели формы, связанные с отгоном скота в горы и на равнину в сопредельные области. При учете всех вышеуказанных причин и обстоятельств ФС в решающей степени зависят от социально-экономических условий. В частности, в Дагестане при изучении ФС в XIX — начале XX в. следует постоянно учитывать влияние на них не только уровня социально-экономического развития данного народа, но и степени втягивания его хозяйства, и в частности скотоводства, в орбиту капиталистического развития России.

Рассматривая вопрос о классификации форм скотоводства и определяя их для данного региона, следует специально остановиться на выяснении типов скотоводческого хозяйства, т.е. речь должна идти о воссоздании на основе сочетаний ФС определенных типов скотоводческого хозяйства. Подобная типологизация на основе ФС уже производилась в этнографической литературе, в частности Г.Н.Симаковым /422, с. 15/, но в этих построениях типу скотоводства как сочетанию форм скотоводства обычно предшествует классификация по образу жизни (кочевой, оседлый и др.), что отрывает от конкретного материала, придавая ему слишком общий характер. Думается, и Г.Е.Марков и Б.Х.Кармышева в целом правы /318, с. 84; 252, с. 167-168/, когда утверждают, что классификация скотоводческого хозяйства требует введения понятия "тип скотоводства". Однако классификация по типам должна происходить не взамен категории ФС, а на ее базе, и поэтому суждение В.М.Шамиладзе, считающего, что классификация на базе определений образа жизни, предлагаемая Б.Х.Кармышевой /252, с. 167/, будет носить слишком общий характер и не заменит подразделения на ФС и не прояснит картины классификации скотоводства, представляется нам справедливым /469, с. 73-74/.

Действительно, если считать, что тип скотоводства — это сочетание ФС, то надо образовать его именно на основе сгруппирования этих форм, а потом уже выяснять, дают ли выведенные типы возможности для увязывания их с определениями образа жизни и другими классификациями на более высоком таксономическом уровне. К сожалению, в подобной классификации невозможно составить годную на все случаи готовую модель ввиду теоретической возможности создания множества комбинаций из ФС и их сочетаний. Однако подобный метод может быть применен как инструмент

для выявления сочетаний ФС в данном социальном организме или определенном регионе. При этом можно руководствоваться справедливым замечанием Ю.И.Семенова о том, что "наличие в социальном организме нескольких отраслей хозяйства ни в малейшей степени не исключает возможности общей характеристики его хозяйства как единого целого. Обычно одна из отраслей хозяйства является ведущей, господствующей" /416, с. 52/.

Итак, из вышесказанного очевидно, что лишь после выделения типов скотоводства следует подумать о возможности связывания их с понятиями более высокого таксономического уровня — образом жизни и ХКТ. Здесь, как нам представляется, могут помочь в совокупности три критерия: а) соотношение скотоводства с земледелием; б) место содержания скота по отношению к селению и его кормовым угодьям; в) организация труда и быта животноводов, особенно степень участия населения в сезонном внесельском содержании скота.

Полагаем, что в связи с образом жизни и ХКТ уместно говорить и о высшем (верхнем) уровне классификации скотоводства согласно предложению Г.Е.Маркова о двух уровнях классификации: низшем, "технологическом", характеризующем хозяйственный компонент, и высшем, основывающемся "прежде всего на социальных критериях", который, правда, сформулирован автором предпочтительно для кочевничества /317, с. 82-86/.

В этой связи считаем необходимым подчеркнуть, что следует сохранить универсальную однозначность формулы "низший" — "высший" уровни для всех типов скотоводства, включая и горное кавказское. Ведь у горцев Кавказа "организационно-экономическая специфика в основном горного скотоводства" тоже наложила свой "отпечаток на характер феодальных отношений", на весь общественный строй горцев /404, с. 273/. Однако, думается, вопрос этот требует еще разработки (в частности, определения критериев или выбора описательного метода) и поэтому заслуживает специального исследования.

Так должна выглядеть, на наш взгляд, классификация скотоводческого хозяйства. Правда, при всех наших определениях форм и типов скотоводства наличествует еще одна сторона классификации, которая должна быть особо обозначена: это система кормообеспечения. Еще в XIX в. указывалось на генеральное различие между ФС на ее основе. Так, С.Г.Штеблер отмечал, что в зависимости от того, как удовлетворяется потребность в траве (в скошенном виде или же выпасом на пастбище), различаются "луговое хозяйство со стойловым содержанием" и "пастбищное хозяйство" /530, с. 3/. В нашей литературе это принципиальное различие кормообеспечения иногда принимается за ФС. Пастбищную и стойловую ФС в одном ряду с отгонной и выгонной (которые суть подтипы пастбищной системы) мы встречаем, например, у Г.Н.Симакова /422, с. 15-16/. Поскольку это системы, характеризующие способ, метод кормообеспечения,

вряд ли можно также ставить для них какие-то временные обозначения и рамки. Так поступает В.П.Курылев, который считает, что пастбищная система — это "круглогодичное содержание основной массы скота на подножном корму" /286, с. 246/.

По-видимому, правильнее будет рассматривать систему как способ кормообеспечения, разграничивая лишь по признаку: пастбищная и стойловая. Любая из них может быть и круглогодичной (как пастбищная в кочевой ФС) и сезонной. На базе этих двух систем складываются на основе совокупности факторов (кормление, воспроизводство, сезон, угодья) ФС, сочетания ФС образуют типы скотоводческого хозяйства (скотоводство поселения в целом весь год), которые, в свою очередь, по трем другим критериям (соотношение с земледелием, место содержания скота по отношению к селению, степень участия населения во внесельском содержании скота) группируются по образу жизни населения (оседлый, кочевой и др.) и ХКТ.

Таковы наши соображения относительно классификации ФС. На этом мы завершаем историографический обзор, выработанные же понятия и принципы классификации форм и типов скотоводства используем в дальнейшем в качестве "технологического" инструмента исследования.

В наших предварительных замечаниях о классификации ФС в Дагестане мы коротко останавливались на вопросе о совокупности условий, влияющих на их сложение.

Наиболее существенными и важными следует считать природно-географические условия, включая количество разных угодий и их соотношение; исторические условия, включая социально-экономическое положение и политическую ситуацию; традиции хозяйствования, в особенности соотношение скотоводства и земледелия, традиции содержания видов скота, в частности состав стада, соотношение видов и категорий скота, регионы видového содержания, особенности использования скота, в первую очередь в качестве тягла.

1. ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Любая проблема, связанная с историей хозяйства, требует увязки с соответствующими природно-географическими условиями. Человек сложился в природе и в своей деятельности по обеспечению личных физиологических и бытовых потребностей тесно связан с ней, во взаимодействии с ней строит всю свою жизнь. Очень знаменательные слова сказали об этом К.Маркс и Ф.Энгельс: "Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга" /11, с. 16/. И поэтому "всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории" /11, с. 19/.

Взаимоотношения человека и природы выражаются как бы трехчленной формулой: природная среда — "предпосылка любой человеческой деятельности, основное ее условие", материальная основа производства, существенно влияющая на "направление и темпы развития производительных сил и, следовательно, общественного производства"; но эта меняющаяся на протяжении исторических эпох ее роль зависит от собственной деятельности человека, "которая сама

в конечном счете определяется уровнем социально-экономического развития общества" /463, с. 23; 232, с. 12-13; 395, с. 74-77/. Хотя "географическая основа" бывает более очевидной при низком уровне производительных сил, тем не менее влияние природных условий в той или иной степени существует постоянно, пока существует человеческая хозяйственная деятельность. В отдельные исторические периоды их влияние то ослабевает, то возрастает в зависимости от резких поворотов в развитии как природной среды, так и человеческого общества.

Конкретно проявление относительного географического детерминизма в хозяйстве проявлялось в том, что разнообразие природных условий, ландшафтно-зональное многообразие в рамках региона, социального организма обуславливали многообразие занятий населения, отраслей хозяйства.

Таким образом, в формуле взаимодействия человек — природа действует ряд закономерностей различного по сущности характера: формирования и развития природной среды; формирования человека как биологического вида; формирования его как социального вида, т.е. формирования общества /380, с. 311/. Можно, по-видимому, добавить здесь и закономерности формирования культуры, подразумевая главным образом хозяйственно-бытовой комплекс.

При конкретном проявлении взаимодействия природа — человек обнаруживает как бы определенную таксономичность, несколько ступеней. Первое: среда в целом является для человека источником добывания необходимых средств и полем его хозяйственной деятельности по этому добыванию. Второе: в зависимости от особенностей экологической ниши, в которой человек разворачивает свою хозяйственную деятельность, он выбирает специфические средства хозяйствования, иными словами, выбирает соответствующие занятия.

Так формируется ведущая форма хозяйства и соответственно определенный ХКТ, которые, в свою очередь, определяют "важнейшие этнографические параметры образа жизни" (оседлый, полуседлый, полукочевой, кочевой, бродячий) /83, с. 8-9/.

Дагестан расположен на северо-восточных склонах Большого Кавказа и в Прикаспийской низменности. Значительная часть его занята отрогами Главного Кавказского хребта, простирающегося на юго-восток от горы Нацидрис-цвери (3098 м над у.м.) до горы Базар-дюзи (4485 м). На севере и востоке — Прикаспийская низменность. От соседних республик (в современных границах) Дагестан большей частью отделен естественными границами (хребты, реки, море). На юго-востоке и юге — Азербайджан (граница — 325 км), юго-западе — Грузия (граница — 155 км). На западе — Чечено-Ингушетия (328 км), отделенная гребнями Снегового и Андийского хребтов и их отрогами. На северо-востоке — граница со Ставропольским краем (по Ногайской степи, 225 км), и 530 км границы проходит по берегу моря. Несмотря на то

что в переводе "Дагестан" означает "страна гор", значительную часть его территории составляет низменность (в настоящее время — свыше 40% площади). Исторически к Дагестану относилась Терско-Сулакская низменность (Хасавюртовский округ Терской области), южнее Махачкалы переходившая в узкую Приморскую низменность, после Дербента вновь расширяющуюся. Горный Дагестан образован восточной частью главного хребта и его боковыми отрогами (Снеговой хребет, Пирикительский, Богосский, Нукатль, Дюльтыдаг, Самурский и др.), отделенными от главного котловины — Дидойской, Бежтинской, Джурмутской, Самурской и др. Внутренний горный Дагестан образован, напротив, продольными хребтами (Андийский, Салатау, Гимринский, Чонкатау, Лес, Карасырт) и плато (Хунзахское, Гунибское, Шунудагское, Турчидагское, Кегерское, Левашинское и др.). Следующий уступ — предгорный, шириной 25-50 км, наибольшая высота — 1200 м, средняя — 500-700 м.

В целом Дагестан по благоприятности природных условий занимает одно из последних мест на Кавказе. Равнины его большей частью полупустынные, горы, несмотря на небольшую абсолютную высоту (ниже 5 тыс. м), труднодоступны, скалисты, а в целом рельеф, представляющий невообразимую мешанину хребтов, ущелий, долин и плато, был одним из самых расчлененных и неудобных для хозяйства и общения.

В природно-хозяйственном отношении большинство авторов делят Дагестан на 3 зоны, или геоморфологических района, с подзонами (до 10) /220, с. 54; 184, с. 22; 476, с. 106, 108/. Наша поправка в эту схему заключается в выделении самостоятельной высокогорной зоны — получается 4 зоны (равнинная с тремя подзонами, предгорная тоже с тремя, горная с тремя и высокогорная). Другая наша поправка связана с хозяйственной специализацией. Большинство авторов, разбивая Дагестан на природно-хозяйственные зоны, ориентируются на современное хозяйство. Исторически же, в частности в XIX в., мы наблюдаем меньшую дробность хозяйственных направлений в одних зонах и большую — в других. Другой момент: есть подзоны, которые географически имеют различия, связанные с широтным, отчасти вертикальным расположением, особенностями рельефа и т.п. /220, с. 54-57/, но в отношении основных занятий и их удельного веса особых различий не имеют. Например, в равнинной зоне в XIX в. вся низменность от Терека до Самура характеризовалась хозяйством с большим удельным весом земледелия и содержания КРС. В предгорье же различия в занятиях больше выявлялись в плане вертикальной поясности (верхнее — нижнее предгорье), и его в общем можно рассматривать как одну зону с частичным выделением подзоны облесенности. В горной зоне можно остановиться на выделении долинной подзоны, которую ввиду отсутствия сплошного пояса некоторые авторы называют "условной" /423, с. 20/.

Таким образом, зональное природно-хозяйственно-исто-

рическое районирование будет выглядеть следующим образом: 1) равнина (от Терека до Самура) с земледельческо-скотоводческим хозяйством, с зимним использованием для выпаса скота; 2) предгорье также с преобладанием земледелия и содержания КРС; 3) нагорье (среднегорье) с земледелием и скотоводством, с подзоной "горные долины" с добавлением насаждений; 4) высокогорье с развитым скотоводством и слабым земледелием. Такое разделение в основном соответствует членению, предложенному исследователями для Дагестана, в том числе крупнейшими географами Л.С.Бергом и Б.Ф.Добрыниным, причем последний специально изучал географию и хозяйство Дагестана /101, т. II, с. 284; 202, с. 14-15; 132, с. 9-32; 298, с. 171-172; 188, с. 28-33; 200, с. 6-7, 9, 20; 201, с. 1-3/.

К особенностям дагестанской географической провинции следует отнести признаки, связанные с пониженной увлажненностью: наличие сухих степей и полупустынь, узость лесной зоны, яркая выраженность горного ксерофита, наличие выше лесов горных степей, расширение зоны горных лугов и их значительная ксерофитизация, более высокое расположение нивальной зоны и др. /220, с. 63; 475, с. 179; 168, с. 130/. Например, по Дагестану годовая сумма осадков составляет 356-680 мм (свыше 55% территории получает меньше 500 мм, 43% — до 500-1000 мм), в то время как испарение достигает 800 мм — четко выраженная аридность /109, с. 6-7/. Отметим еще очень важную, сказавшуюся на специфике хозяйственных занятий особенность: в Дагестане нет постепенного подъема от приморской низменности к высочайшим вершинам гор. Такой подъем можно установить только по речным долинам, очень узким и малодоступным /59, с. 9-10; 187, с. 5/. От приморской части территория Дагестана поднимается уступами — от низменности к предгорьям (ширина 20-40 км, высота — 500-750 м), со сложной системой хребтов и долин. Затем — уступ внутренних плоскогорий после долин рек Сулака (четырёх Койсу-Казикумухского, Кара-Койсу, Аварского и Андийского), Гюргенчая, Уллучая, Самура. Затем идет высокогорье, но и после него по направлению к главному хребту имеется несколько впадин — долин (Бежтинская, Дидойская и др.). Поэтому получается, например, с осадками такой парадокс — за передовыми хребтами предгорий в долинах и плоскогорьях внутреннего Дагестана количество осадков не увеличивается, а уменьшается: предгорное Верхн. Казанище — 630 мм, нагорный Хунзах — 555, Кумух — 561, Гуниб — 560 мм; а в долинных селениях контраст еще более ощутим: Ахты — 340 мм, Тлох — 443, Ботлих, Хаджал-Махи, Гергебиль, Гимры — 418 мм /59, с. 16-18/.

Алогичность выпадения осадков простирается и в широтном и высотном направлениях: вдоль побережья — преобладание осенних, частью зимних, весна и лето засушливы; движение к западу и одновременно к предгорью, примерно при том же количестве осенних осадков (30-40%) сокращаются зимние (25-15-10%). Это перемещение осадков на весну, особенно лето еще более выражено во внутреннем Дагестане,

где зима "отличается замечательной сухостью и ясностью" /200, с. 29/, на осень приходится 15-25% осадков, весну — 25-30, лето — 45-55% (20-35% на низменности и в предгорье). "Обстоятельство это является особенно благоприятным моментом для развития как дикой, так и культурной растительности даже в сравнительно засушливых долинах внутреннего Дагестана" /59, с. 18; 200, с. 28, 29, 31/.

Такое двойное нарушение географических закономерностей — сначала широтной зональности вертикальной поясностью, а затем вертикальной — подзонными вариациями режима осадков, связанными с местными рельефными особенностями, характерно для многих крупных горных систем. В частности, оно отмечено для Средней Азии /400, с. 74/.

Резко выраженная сухость климата Дагестана* отразилась и на вертикальной протяженности природно-хозяйственных зон. Например, в Кабардино-Балкарии, характеризующейся повышенной влажностью, равнинная зона не простирается дальше 100-120 м над у.м., предгорная — 500-600 м, нижняя горная зона — 700-900 м, высокогорная — от 2000 до 3000 м /324, с. 89/. А в Северной Осетии равнина — до 420-650 м, предгорная полоса имеет высоты от 420-650 до 850 м, горная — 850-2000 м, высокогорная — от 2000 до 3300 м /390, с. 5, 7/. Правда, несколько неожиданны данные по Грузии: равнина — до 700-750 м, предгорье — 750-1500 м, горы — выше 1500 м (по Н.С.Яшвили) /470, с. 38-39/; они сходны с данными только по солнечной Кахетии.

Соответственно имеются существенные различия и по лесной полосе и высоте снеговой линии (линии вечного снега). В Дагестане более или менее четко обозначена лишь линия предгорных лиственных лесов, сочетающихся с лесостепью (на высотах 600-1200 м), довольно узкой в вертикальном разрезе. Линия же хвойных лесов обозначена слабо, лишь кое-где, и ее место занимают горно-луговые степи. Во всем Дагестане леса занимали лишь около 4% территории, и они составляли также всего 4% лесов Кавказа /346, с. 260/. Для сравнения укажем: в те же годы в Кубано-Черноморье леса составляли 21% территории, Карачаево-Черкесии — 23, Кабардино-Балкарии — 9, Германии — 25, Франции — 17, Италии — 14% /200, с. 56/. Восстановление же леса в условиях недостаточного увлажнения и при чрезмерной пастьбе скота и разрушении почвенного покрова совершенно не происходило. Отсюда и многие беды — смыв почвы, превращение гор в пустыню, ухудшение лугов, иссякание источников, усыхания и разливы рек и т.п. /200, с. 57-58; 476, с. 356/.

Другой очень важный для хозяйства момент — высота снеговой линии. В условиях высокогорья, где даже в су-

* Ср. у С.В.Зонна: "Основные черты климата всего Дагестана — засушливость, обилие тепла и света" /220, с. 53/; "Сухость — одна из отличительных черт климата внутренних частей горного Дагестана" /221, с. 107/.

хих областях увлажнение бывает сравнительно достаточное, сдвиг этой линии вверх хотя бы на 100 м означает соответственное увеличение кормовых угодий по всем поясам, начиная от предгорья, причем соответственно повышается и верхняя линия произрастания хлебных злаков. В высокогорном Дагестане снеговая линия проходит по высоте 3800-3900 м, в среднем на 500-1000 м выше, чем на Западном Кавказе /168, с. 154-158; 167, с. 150/. Например, в Закавказье средняя высота ее — 3250 м, на западе южного черноморского склона Кавказа снеговая линия опускается до 2700 м, в средней части в восточном направлении поднимается до 3100 м. В общем она повышается с запада на восток и с юга на север /302, с. 33/.

Хотя природные условия Дагестана по своему богатству и потенциальным возможностям в хозяйственном использовании (например, качество почв, пастбищ, степень увлажнения) уступали другим географическим провинциям Кавказа, в то же время степень реализации этих возможностей благодаря большей вертикальной протяженности природно-хозяйственных поясов была выше, чем в других провинциях. Те дополнительные 500-1000 м вертикальной поясной протяженности за счет сдвига снеговой линии оборачивались дополнительными площадями пастбищ и возделываемых земель. То же можно сказать и о незначительности лесного пояса.

Скажем еще об одной особенности дагестанских гор. Специфика природных условий привела к тому, что, несмотря на меньшую густоту и высоту растительного покрова, на то, что он менее сочен и высок, чем, например, на Западном Кавказе /167, с. 151/, он отличался хорошими питательными и вкусовыми качествами, ибо в составе растений на пастбищах было много злаковых (особенно овсяница, коостер, которые "образуют сплошные пестроостровые и пестроовсяничные луга") /132, с. 87-89; 167, с. 151-152/. В то же время широкие снежные и ледниковые пояса питают реки, способствуют сохранению влажности в нижних поясах, поддерживают леса, те, в свою очередь, поддерживают в этом отношении нижние пояса, реки, благотворно влияют на климат, сохранность среды. Поэтому реки Дагестана держат печальный рекорд на всем Кавказе и европейской части СССР по смыву почвы — 2600-5000 г/м³ /168, с. 157/.

В заключение остается изложить материал о политико-административном делении Дагестана в прошлом в проекции на рассмотренные нами природно-хозяйственные зоны. Это будет необходимо для четкого установления границ зон и подзон, особенно при работе с цифровыми материалами, характеризующими хозяйство*. Следует отметить, что абсолютно точно "подогнать" административные и зональные

границы, разумеется, невозможно. В таких случаях мы относим ту или иную административную единицу к той зоне, на которую приходится большая и наиболее характерная в природно-хозяйственном отношении часть политико-административной единицы. При этом надо учитывать, что при "привязывании" участков к определенным зонам мы бываем связаны административными границами участков и округов — в противном случае мы не смогли бы пользоваться цифровыми материалами, без которых изучение хозяйства практически невозможно.

Равнинная зона Дагестана охватывала по административному делению второй половины XIX в. с севера на юг: Аксаевский и Хасавюртовский участки Хасавюртовского округа Терской области, а в Дагестанской области Чирюртовский, Таркинский и Карабудахкентский участки Темирханшуринского округа, Нижнекайтагский и Северотабасаранский участки Кайтаго-Табасаранского округа, Гюнейский участок и Улусский магал Кюринского округа — всего 9 участков (современные районы: Бабаюртовский, Хасавюртовский, Кизильюртовский, Ленинский, Каякентский, Дербентский, Магарамкентский). Обычно эти четыре округа (Хасавюртовский, Темирханшуринский, Кайтаго-Табасаранский и Кюринский) называются в числе житниц края, что подкрепляется тем обстоятельством, что и большая часть остальных участков этих округов, входящих в следующую зону (пояс), также являются земледельческими. Поясная высотная протяженность зоны — от — 28 до 200 м над у.м., площадь — 0,86 млн. га из 3,84 млн. т.е. 22,3%.

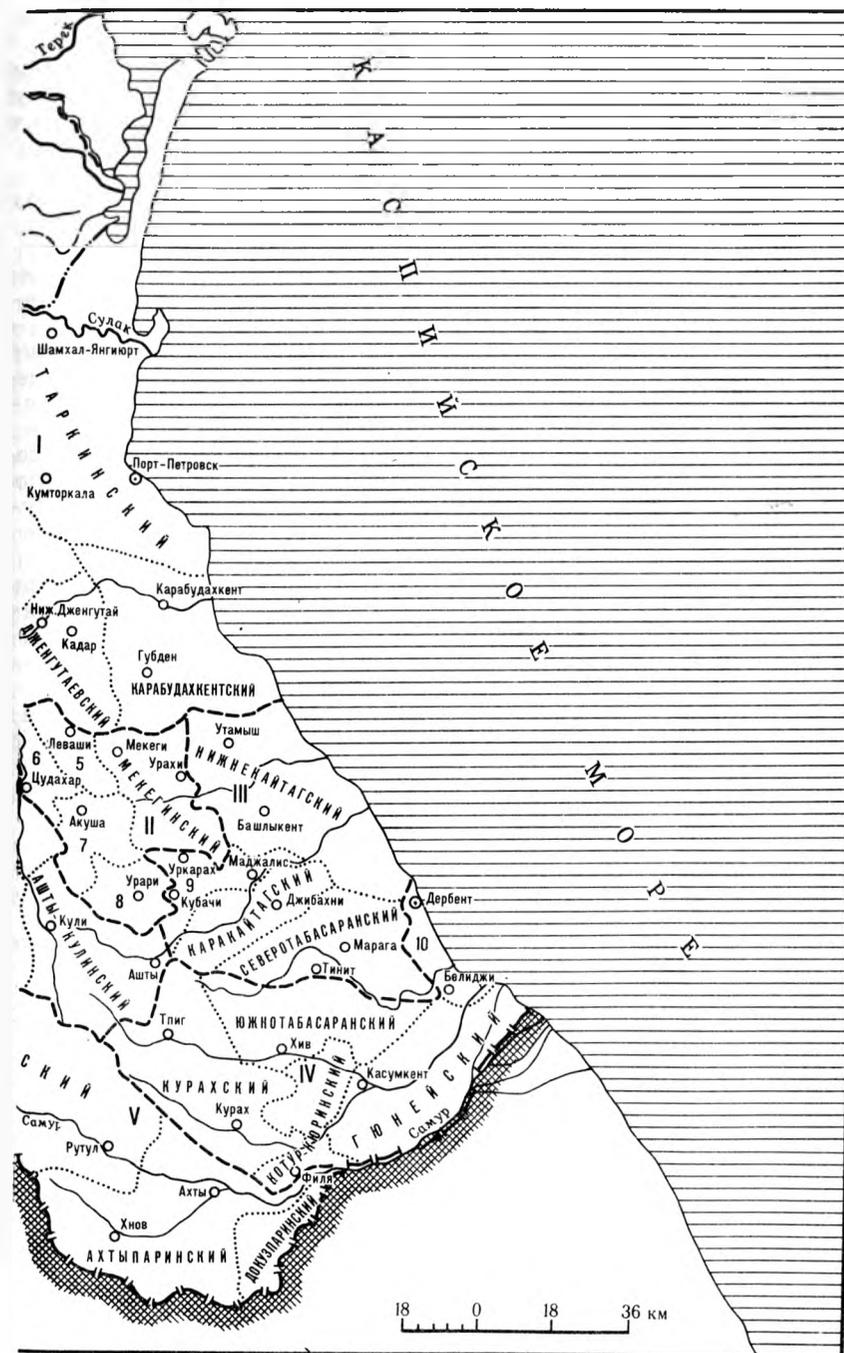
Предгорная зона охватывала Салатавский (его называли "нагорный") участок Хасавюртовского округа Терской области; Темирханшуринский и Дженгутаевский участки Темирханшуринского округа; Каракайтагский — Кайтаго-Табасаранского; Южнотабасаранский и Котуркюринский — Кюринского — всего 6 участков (районы: Казбековский, Буйнакский, Сергокалинский, Кайтагский, Табасаранский, Хивский, Сулейман-Стальский). Часть этих участков (или отдельные куски их территории) вполне могут быть причислены к равнинному земледельческо-скотоводческому ХКТ. Если же придерживаться поясного деления, принятого Н.С. Яшвили — В.М. Шамиладзе /470, с. 38-39/, то они вообще могут считаться равнинными. Это относится прежде всего к участкам, являвшимся житницами округов: Темирханшуринскому и Дженгутаевскому Темирханшуринского округа, части Каракайтагского Кайтаго-Табасаранского округа, частям Южнотабасаранского и Котуркюринского участков Кюринского округа. В этом случае объединенные участки обеих зон с полным правом можно было бы отнести к равнинно-нижнепредгорному ХКТ земледельцев-скотоводов, или земледельческо-скотоводческому региону.

Оставшиеся участки, находящиеся на стыке с горной зоной, могут быть присоединены к ней. Поясная высотная протяженность — от 200 до 1000 м над у.м., площадь — 0,84 млн. га (21,8%).

* Разбивка единиц административного деления на природно-хозяйственные зоны, их взаимная "подгонка" осуществлена на основе данных населения, хозяйства всех зон, зональных особенностей хозяйства.

Административное деление Дагестана

Конец XIX — начала XX в.

В горную зону входили только округа Дагестанской области. С севера на юг это: Технуцальский, Каратинский, Тиндальский участки Андийского округа; весь Аварский округ (Хунзахский, Батлукский, Койсубулинский, Цатанихский участки); Тилитль-Гидатлинский, Куядинский и Андалалский участки Гунибского округа; Цудахарский, Мекегинский и Акушинский Даргинского округа; Вицхинский и Кумухский Казикумухского округа; Уркарахский Кайтаг-Табасаранского — всего 16 участков (районы: Ботлихский, Ахвахский, Унцукульский, Хунзахский, Гергебильский, Советский, Гунибский, Левашинский, Акушинский, Лакский). Из всех них только в двух — Мекегинском и Уркарахском — имеются небольшие куски предгорной территории. Относительно горно-долинной зоны нам уже приходилось говорить, что она в некотором роде "условная" зона, ибо территориально неотделима от горной и частично высокогорной зоны — речные долины вкраплены в массивы их территорий. Наиболее значительные долины были в Технуцальском (Ботлихская долина), Койсубулинском (Ирганайская), Хунзахском (Забско-Годатлинская), Тилитль-Гидатлинском (Гидатлинская), Цудахарском (Хаджалмахинская) участках. Высотная протяженность — 1000-2000 м, площадь — 0,95 млн. га (24,7%).

И наконец, высокогорная зона: Гумбетовский, Андийский, Ункратль-Чамалалский, Дидойский участки Андийского округа; Тлейсерухский, Бохнадальский, Анцухо-Капучинский — Гунибского; Сюргинский — Даргинского; Мукарский, Ашты-Кулинский — Казикумухского; Курахский — Кюринского и весь Самурский округ (Докузпаринский, Ахтыпаринский и Лучекский участки) — всего 14 участков (районы: Гумбетовский, Цумадинский, Цунтинский, Тлярагинский, Чародинский, Кулинский, Дахадаевский, Агульский, Курахский, Рутчльский, Ахтынский). Несколько долин, отличающихся от зоны в целом хозяйственным уклоном, имеется и здесь, — Чиркатинская, Ахтынская и другие. В целом для этого земельного хозяйственно-скотоводческо-садоводческого хозяйства выражено здесь очень слабо и хотя бы относительно значимой роли в хозяйстве зоны не играет. Высота — свыше 2000 м, площадь — 1,17 млн. га (30,4%) /188, с. 26; 423, с. 19-21; 30, с. 13-14; 31, с. 14-139; 16, с. 143; 25 за 1913 г., с. 9-11; 20, с. 350/.

В делении участков по зонам были неизбежны, как отмечалось, отдельные несоответствия. Так, например, части Карабудахкентского, Северотабасаранского и Гюнейского участков на крайнем их западе могли быть отнесены к предгорью. С другой стороны, ближние к побережью территории Темирханшуринского, Южнотабасаранского, Котуркюринского и других участков могли бы считаться равнинными.

В еще большей степени это можно сказать о горной и высокогорной зонах. Почти в каждом горном участке можно обнаружить кусок территории, который по всем признакам, в том числе хозяйственным, является высокогорным. Подобное отсутствие резкой границы между обеими зонами объ-

ясняется специалистами тем, что отроги бокового хребта "часто глубоко вклиниваются во внутренний горный Дагестан" /132, с. 18/. Например, в Технуцальском участке — долинное садоводческое хозяйство вдоль реки и скотоводческое хозяйство в расположенных высоко в горах селениях (к примеру, Муни и Риквани; высота первого над уровнем моря — 630 м, второго — 1800 м, и присельские угодья его тянутся еще на сотни метров). Таких примеров множество в Гунибском, Хунзахском, Цудахарском и других участках. Такая же картина и в высокогорье. Высокие горы сочетаются здесь порой с глубокими речными долинами, в которых традиционно сложилось садоводческое хозяйство. Такое сочетание наблюдается в Ахтыпаринском, Гумбетовском и других участках. Например, в первом из них — сел. Луткун, Ахты расположены внизу в долине, хотя и достаточно высоко (1062 и 1190 м над у.м.), это традиционно садоводческие селения, а сел. Гдым и Борч — высоко в горах (2220 и 2226 м над у.м.) — с традиционно преобладающим скотоводческим хозяйством.

Таковы вкратце природно-географические условия Дагестана изучаемого периода. Обзор этих условий показывает, что природа Дагестана отличалась большим многообразием экологических форм. Здесь можно встретить ландшафты от песчаных и солончаковых пустынь до пойменных пышных лугов и болот, от минусовых до уровня моря (-28 м) низменностей до высокогорных лугов и ледников. Подобное многообразие при скупой отдаче нещедрой на дары природы способствовало многообразию форм хозяйственной деятельности, большей выраженности зональной и подзональной хозяйственной специализации и соответственно развитости межхозяйственных, обменных и культурных связей.

Теперь попытаемся осветить проблему значения экологии непосредственно в сложении и бытовании определенных хозяйственных форм, в частности форм содержания скота. Особое место в ней для ФС займет вопрос о кормовых угодьях.

К.Добровольский, говоря о закономерностях развития пастушеского хозяйства, замечает, что оно должно рассматриваться в историческом контексте, под которым он понимает: географические условия; развитие и изменение производительных сил и связанное с этим изменение степени их воздействия на форму хозяйственного освоения земли; развитие общественных структур и политические события (война и пр.), которые могут изменить этническую картину края /497, с. 116/. В ряд существенных условий развития скотоводства ставит географические условия и наличие надлежащих пастбищ и М.О.Косвен /269, с. 80/.

Сходных взглядов придерживается и Г.Кларк. Определив экономику общества как продукт установившегося соотношения между культурой и окружающей природой, он формулирует три главных фактора экономических изменений: изменение в естественной среде (климат, почва, топография местности); в нуждах и потребностях человеческих обществ, рост экономической культуры, этнические контакты и изме-

нения в хозяйстве; во внешнем окружении в результате деятельности человека (например, вырубка лесов) /258, с. 19-21/. Характерно положение Г.Кларка об этнических контактах. В советской литературе также придается немалое значение в сложении "вариабельности хозяйственной деятельности" действию "специфических культурных традиций отдельных этнических общностей" /114, с. 248/. Ю.В.Бромлей подчеркивает, что в схеме взаимодействия человек — природа после формационного фактора среди других "особое значение имеют различия этнического характера", и в частности ситуация, связанная с устойчивостью этнической общности и обусловленной ею продолжительности взаимодействия с природой (биологическая, хозяйственная, культурная адаптация, сложение ХКТ, их этнизация) /114, с. 245/. В условиях Дагестана такая этнизация произошла на равнине. Насельники равнины, ставшие за несколько столетий послемонгольского времени оседлыми земледельцами-скотоводами, были преимущественно кумыками, и рядом со скотоводами-кочевниками (ногайцами) и скотоводами-горцами понятия "земледелец" и "кумык" становились все более синонимичными. Этому способствовала также и форма этнонимизации кумыков горцами. Называющие их "равнинниками" аварцы и даргинцы постепенно стали смешивать понятия "равнинный", "земледельческий", "кумыкский".

Однако в данном вопросе следует остерегаться преувеличений. Так, например, один из дореволюционных исследователей экономического быта крестьян Закавказья, И.З.Ачдронников, совершенно неверно интерпретирует истоки кочевничества, считая, что оно было обусловлено бытом ("быт определяет род занятий"), "нравственным и умственным укладом" кочевника, не мирящегося "с кропотливой и тяжелой работой земледельца", ибо "он привык к простору, к бродячему образу жизни", отвечающим "требованиям его дикой природы", "силе привычки и любви" и т.д., и на этом основании отрицается влияние "на род и размеры занятий" климатических условий местности (84, с. 159-161/).

С ним перекликается в известной мере немецкий этнограф Р.Аренс, который утверждает зависимость форм хозяйственной деятельности от психологических факторов /487, с. 64-65/. Правда, его рассуждение о принуждении к нетрадиционным формам хозяйствования и быта не лишено здравого смысла. В истории Дагестана, например, переселение народов и нашествия кочевников внесли коренной перелом в формы хозяйствования и совершенно изменили хозяйственный профиль равнинной и горной частей. Немаловажные изменения произошли в хозяйстве горного Дагестана и в период Кавказской войны, выразившиеся, в частности, в сфере скотоводства в сокращении отгонных и росте хуторских ФС. В отношении же психологизма можно сослаться на тех же кочевников, которые с изменением условий жизни без всякого принуждения начали оседать на земле, заниматься хлебопашеством (например, в Азербайджане). Поэтому намного справедливее выглядит позиция азербайджанского исследователя А.К.Алек-

перова, который отрицает связь кочевания с расовыми или национальными особенностями, отводя решающую роль природным и климатическим условиям /75, с. 138/.

Уже упомянутый Р.Аренс, когда он отвлекается от своих "психологических" построений, довольно точно определяет значение ландшафтных особенностей. Он делит их на побуждающие, нейтральные и мешающие, имея в виду условия для определенной формы хозяйства. Человек же ищет независимости от ландшафтных условий, например создавая искусственную оросительную сеть или выбирая определенные ландшафтные участки, и умело пользуется сезонно-годовыми видоизменениями ландшафта /487, с. 65-66/ (что наблюдается, в частности, в практиковании отгонных ФС).

Иной аспект мы видим в классификации Л.Н.Гумилева, который делит не сами ландшафты, а этносы в их отношении к ландшафту: создающие ландшафт, поддерживающие и приспособляющиеся к природному равновесию /182, с. 197/. Хотя идея подобной корреляции этносов и ландшафта соблазнительна и в определенной степени оправдана, однако она содержит в себе потенциальные возможности для переброски моста к расовой или этнической обусловленности хозяйственных (особенно отсталых) форм.

В целом мнение исследователей можно считать единодушным: разнообразие хозяйственно-культурных особенностей обуславливается различиями природных условий, и, хотя физические факторы не определяют абсолютно характер хозяйственной жизни, тем не менее "история большинства сельскохозяйственных ландшафтов начинается с ландшафта естественноисторического" /456, с. 19; 303, с. 66/. Именно поэтому, считают археологи, в решении вопросов скотоводства отдаленных эпох могут быть использованы этнографические параллели, ибо "в условиях близкой географической среды возникновение и развитие скотоводства происходит на основе общих закономерностей" /297, с. 132/. Далее, оказалось, что экология не только воздействует в общем плане как на отрасль хозяйства на "строй хозяйственной жизни" /302, с. 249/, но и "оказывает самые сильные влияния на сложение типа скотоводческого хозяйства" /427, с. 30/. Более того, по исследованиям Г.Кларка, конкретное видовое распространение скота, региональное преобладание отдельных видов, связано с особенностями местных экологических условий (например, слабое развитие овцеводства в лесных местах) /258, с. 124-128/.

КОРМОВЫЕ УГОДЬЯ

Одним из самых важных компонентов природных условий и вообще совокупности факторов, определяющих зарождение и бытование ФС, являются кормовые угодья. Именно они в первую очередь определяют особенности сезонно-зонального содержания скота, т.е. ФС.

Главным кормовым угодьем являются луга, потребностям хозяйства служит трава. Как отмечалось, если потребность

в траве удовлетворяется путем выпаса скота на травяных местах, мы имеем дело с пастбищем и пастбищным хозяйством; если же потребности в траве удовлетворяются путем ее скашивания и скармливания, мы имеем дело с покосом и с стойловым содержанием /530, с. 3-4/. В советской литературе "естественное пастбище" рассматривается "как совокупность природно-плодородной почвы и растительности", служащая "средством кормления (орудием труда) при экстенсивном скотоводстве без предварительного улучшения (обработки), в готовом виде" /383, с. 87/. Здесь можно только отметить, что "средством кормления" неулучшенное пастбище может служить и для интенсивных ФС, в том числе и для сочетающихся с высокоинтенсивным стойловым содержанием. Но то, что "экстенсивно-скотоводческое хозяйство в процессе собственно скотопроизводства остается всегда потребляющим, присваивающим природно-готовое средство труда (пастбище), но не производящим его с последствиями для производства и общества" /383, с. 88/, следует признать справедливым.

В Дагестане XIX в. преобладали именно такие угодья. Они делятся на пастбища и покосы. Покосным местом могла стать любой удобный для выкоса участок пастбища, исключая клочковатые луга нивальной зоны (по причине их низкорослости). Покос — это уже не совсем "природно-готовое средство труда", ибо на нем, во-первых, производится улучшающая работа (очистка от камней, кустарника и пр.), во-вторых, часть покосов орошалась. Известный специалист и знаток скотоводства Кавказа А.А.Калантар даже обнаружил в центральном нагорном Дагестане (Даргинский, Казикумухский, Гунибский округа) "местами сеяные сенокосы", с которых в отдельных селениях собирали по 100-120 пудов сена с десятины (в среднем 20-75 пудов) /237, с. 174/. Поэтому и в классификации С.Штеблера в кормовых угодьях — лугах (пастбища и покосы) различаются постоянные, обработанные (сеяные) и случайные /527; 530, с. 3/.

По характеру, сезонной емкости и возможностям использования пастбища делились на равнинные, предгорные, горные, высокогорные. Равнинные угодья были практически круглогодичными (350 дней в году). Для предгорья этот срок исчисляется в 327 дней. В горной части — 180 дней, однако по отдельным местам амплитуда колебаний здесь высока — от 153 дней до 290 (в долинах) в зависимости от высоты: средняя высота — 1700 м, колебания — 700-2800 м. Наименьший срок использования пастбищ, естественно, в высокогорье — 140 дней (колебания — от 107 до 165) в летний период /343, с. 129-130/. В горно-степной зоне развитость земледельческо-скотоводческого хозяйства уменьшает возможности и летнего использования пастбищ, поэтому и отсюда скот отгоняется в альпы и субальпы, зимой же долинная часть этой зоны — южные участки "прямого румба, так называемые пригревы (гюней)" используются для скота населения верхнего пояса (альп и субальп) /343, с. 131; 59, с. 33-34/.

Определенные различия имеются в сроках использования пастбищ в северной и южной частях Дагестана. На равнине пастбищный период на юге — 360 дней, на севере — 335, в предгорье — соответственно 335 и 320, в горной части — 190 и 163, в высокогорье — 159 и 119 /343, с. 131/. Наблюдатели указывают, что в северной горной части "весной и летом появляется роскошная травяная растительность", но уже "с сентября трава начинает быстро желтеть, и к началу октября все горы совершенно обнажаются" /391, с. 219-220/.

Все-таки горные пастбища Дагестана отличались высокими кормовыми качествами, и одно из преимуществ их заключалось в преобладании в травостое злаковых. Все авторы единодушны в их высокой оценке, в том, что они "представляют исключительные удобства для развития скотоводства" /145, с. 26/: о плато Турчадага (Гунибский округ) — "роскошно зеленевшее пастбище" /143, с. 27/; "покрыто роскошной травой" (о горе Шунудаг) /379, с. 2; 198, с. 65/; "лучшее место для пастбы скота и табунов" (о горе Кули-меэр) /226, с. 44/; "на горах в Дагестане растут сочные и обильные травы" /170, с. 344/; "сочная луговая и альпийская растительность горного Дагестана" и т.д. /200, с. 58/.

Эти высокие оценки сопровождаются и указаниями на обширность, достаток летних пастбищ: "обширные горные пастбища" /328, с. 4/; "обширные летние пастбища", "травы в изобилии" /146, с. 3; 203, т. I, кн. 1, с. 499, 500, 505/; "обширные горные луга" /127, с. 103/; "богатый аул... благодаря обширным своим пастбищам" /411, с. 11/; "большие массивы горных летних пастбищ" Дагестана /185, с. 11/ и т.д. По оценкам П.С.Варавина, хорошего знатока пастбищ Кавказа, Дагестанская область занимала в последней четверти XIX в. первое место на Кавказе по количеству летних горных пастбищ — 571 тыс. дес., пятая часть всех горных пастбищ Кавказа. Горными и высокогорными пастбищами особенно хорошо были обеспечены часть андийских и дидойских обществ, агулы, рутулы, цахуры, часть лакцев. Наиболее богаты пастбищами Гунибский и Самурский округа, в которых в начале XX в. было 395325 дес. пастбищ (при 1138778 по всему Дагестану, т.е. 34,7%) /126, с. 71-72; 25 за 1913 г., с. 8-9/. В распределении горных пастбищ между отдельными местностями наблюдаются большие различия от указанного выше избытка в одних до острого недостатка в других. Так, например, русский офицер А.П.Шербачев (в 1830 г.) указывал, что в обществе Койсубу (горно-долинное, Аварский округ) "скотоводство весьма небольшое по неимению хороших пастбищных мест", а о землях ханства Аварского (Аварский округ) он высказывается еще резче ("скотоводство самое бедное, по недостатку пастбищных мест" /483, с. 196, 198/). Уже цитированный Ф.И.Гене, говоривший об обильных травах; добавляет: "исключая в Акуше, где травяных гор весьма мало" /170, с. 344/. О недостатке пастбищных гор у Телетлинского общества и в Казикумухском округе говорит Н.И.Воронов /143, с. 5, 36/. О бедности пастбищными и се-

нокосными местами Аварского и Даргинского округов говорится в обзорах Дагестанской области /25 за 1899 г., с. 71-72/. По данным податных инспекторов, которые признавались обычно за более точные, в Даргинском округе было всего 2 дес. пастбищ и выгонов на 1 двор; в Казикумухском — 2,3; в Андийском — 3,2; в Аварском — 4,5, в то время как в Кайтаго-Табасаранском округе — 6,6; в Гунибском — 9,7; в Кюринском — 10,8; а в Темирханшуринском и Самурском — соответственно даже 16,4 и 17,8 /25 за 1913 г., с. 8-9/.

Другая особенность проблемы пастбищной обеспеченности Дагестана — недостаток зимних пастбищ. В большинстве случаев, когда наблюдатели или специалисты говорят об обилии летних пастбищ, они тут же добавляют, что, однако, "недостаток зимних пастбищ и невозможность заготавливать на зиму достаточное количество сена" ограничивают возможности развития скотоводства "до такой степени", чтобы наравне со "скудным хлебопашеством" оно могло обеспечить население /328, с. 4; 127, с. 3; 146, с. 3; 203, т. I, кн. 1, с. 505; 185, с. 9, 11, 16; 60, с. 2/.

Недостаток зимних пастбищ был характерен, однако, только для горной зоны. На равнине же было много неосвоенных пустующих земель — степей, полупустынь, которые могли быть использованы под зимний выпас, представляя собой "прекрасные сезонные (зимние) пастбища" для отгонного скотоводства /278, с. 55/. Здесь преобладали злаково-полюнные и солончаковые травы, вдоль русл рек — густотравные пойменные луга. Сравнительно мягкий климат, небольшой снежный покров (овцы могут добывать корм при глубине снежного покрова до 10-12 см, правда при условии отсутствия ледяной корки) создавали здесь отличные условия для зимнего выпаса. Правда, ухудшение погоды, бураны, толстый снежный покров, особенно пагубный при сильном похолодании или гололедице — даже на несколько дней, создавали катастрофическое положение для не готовых к этому зимовщиков, не имеющих ни достаточно теплых помещений для скота, ни заготовленных кормов. В этом случае следовал массовый падеж и, как говорили чабаны, они возвращались домой с зимовки "с одними палками". Особенно много равнинных пастбищ было в Хасавюртовском, Аксаевском участках, Кизлярском округе, Караногае, равнинных участках Темирханшуринского и Кюринского округов.

Нижнепредгорные пастбища, являющиеся как бы продолжением равнинных степей, также использовались в качестве зимних. Верхние же лесолуговые пастбища были летними. Здесь с увеличением количества разводимого скота к концу XIX в. наблюдается процесс обезлесения и превращения лесов в лесолуга с соответствующим перерождением последних в луга. В верхнепредгорной части, на стыке с нагорьем, нередко селения, особенно крупные, богатые, с крепким земледельческо-скотоводческим хозяйством (например, Губден, Чиркей, Эндирей др.), имели пастбища по восходящей ступени — от нижнепредгорных и равнинных степей через лесолуговое предгорье до нижних ярусов нагорья

(круглогодовой набор пастбищ и предпосылки круглогодого содержания на подножном корму на собственных угодьях).

Из сказанного видно, что основное деление пастбищ происходит по принципу использования в теплую и холодную половины года. Несмотря на то что они используются частично и весной и осенью, многие исследователи разделяют их только на летние и зимние*.

В.М.Шамиладзе считает, что эмпирически выработавшееся "рациональное использование южных и северных склонов хозяйственных угодий — достижение высокого культурно-исторического значения" и что практика их "попеременного сезонного использования" "наряду с рациональной системой вертикально-зонального освоения окружающей среды во многом определила локальные особенности различных форм и подвидов скотоводства Грузии и Кавказа" /470, с. 36/. В этом есть свой смысл: лето и зима — основные классифицирующие времена года, отделяющие теплое, вегетационное, продуктивное время от холодного, биологически застойного, продуктопотребляющего. Не зря в диалоге-споре (у даргинцев), приуроченном к обряду дня весеннего равноденствия, весна, выступая от имени теплой половины года, говорит зиме: "Ага, сожрала все мои запасы (припасы)".

Принципы выделения летних и зимних пастбищ не совсем одинаковы, вернее, природа образования их различна. Чисто летние пастбища — это природные угодья, расположенные настолько высоко над у.м., что сумма теплоты (теплого периода) на них недостаточна ни для созревания хлеба, на для лесов**, но на которых "развивается травяная растительность, пригодная для выпаса скота" (пределы: от границы леса и вызревания хлебов до линии вечного снега) /126, с. 69-70/. При определении зимних пастбищ имеют значение и отсутствие посевов из-за недостатка осадков и знойного лета, сравнительно мягкая и малоснежная зима. Естественно, что в условиях зимы основную кормовую емкость составляет не осенняя или осенне-зимняя едва пробившаяся трава, а оставшаяся с лета на корню /126, с. 79/. Отсюда и традиция многих сельских общин горного Дагестана делать летом заповедными участки южных склонов, предназначенные для зимнего выпаса скота /53, с. 26, 33, Чирах; 54, с. 15, Чирката; 55, с. 75, Вихли; 57, с. 136, Хпюг/.

Исследователи, занимавшиеся изучением пастбищ Кавказа, отмечали, что летние и зимние пастбища дополняли

* Разумеется, есть исследователи, выделяющие и весенние и осенние пастбища. Так, например, Б.Х.Кармьшева наряду с "летними пастбищами" называет не "зимние", а "осенне-зимне-весенние". Характерно, однако, что все они объединены в одной "зимней" группе /254, с. 59/.

** Помимо недостатка тепла для вызревания указываются и другие причины: непостоянство климата (резкие перепады температур), малая влагоемкость горных почв, сравнительно высокая влажность /209, с. 116/.

друг друга и возможность пользоваться обоими видами создавала наилучшие условия для скотоводства /322, с. 579-581/. Однако в относительной их оценке имеются противоречивые суждения. П.С.Варавин считал, что в совокупности яйлаг — кышлаг полезнее яйлаг, даже при отсутствии кышлагов, так как можно содержать скот в стойле, отсутствие же яйлагов делает бесполезными зимние пастбища, ибо недостаток подножного корма и дороговизна стойлового содержания в течение долгого лета, невозможность для овец выдерживать летнюю жару вынудили бы отказаться от занятий скотоводством /126, с. 97/. Напротив, И.З.Андронников считает, что крестьянам-горцам без кышлагов труднее, чем крестьянам низменности без яйлагов, так как зимнее содержание из-за продолжительности зимы и недостатка сухого корма труднее, чем летнее содержание скота для равнинника /84, с. 173-174/. Хотя оба автора говорят о Закавказье, исходный материал у них разный. В жарких, безводных степях или на орошаемых равнинах, где кормовые средства предназначаются в первую очередь для КРС, содержание МРС встречает значительные трудности и малоэффективно и даже невыгодно. Там же, где жара не столь сильна, хотя степь и пустынна, и имеются водные источники, хотя бы для периодического водопоя, в лучшем положении оказывается равнинное скотоводство (овцеводство). Наглядным примером является Дагестан, где, безусловно, в лучшем положении была равнина, имевшая резервы и зимних пастбищ, и земледельческого хозяйства, и летних равнинно-предгорных, пойменных и тому подобных пастбищ. Поэтому во всей истории хозяйственных взаимоотношений гор и равнины нуждающейся стороной, более заинтересованной в этих отношениях, даже зависимой, была горная часть. Отсюда и сложившаяся на этой основе зависимость горных обществ от равнинных феодалов.

Отсюда следует, что существование летних и зимних пастбищ обусловлено орографией и климатом, "не экономическими, а естественными условиями" /126, с. 69/ — иными словами, речь идет о природно-географических зонах /200, с. 6-23; 59, с. 21-24, 34, 39, 42, 43; 132, с. 9-11, 15, 18; 298, с. 171-172; 188, с. 26-29; 220, с. 54; 423, с. 20-27, 29-35, 37, 39-44/. Однако пользование ими носило социальный, политический характер. Деление по зонам не исключает использования инозональных угодий (что еще более усиливало общественный, политический характер проблемы кормообеспечения). Например, альпийская зона вовсе не обязательно объект хозяйствования именно альпийского населения. Напротив, наиболее характерные и преобладающие в горных областях Кавказа ФС характеризуются комплексным и даже полизональным использованием угодий. Значит, в данном случае речь идет не о месте проживания, а "об эксплуатируемой человеком зоне" /456, с. 21/ (например, трансюманс может практиковаться и равнинным и горским населением). Подобная комплексность или полизональность хозяйства была порождением своеобразия набора угодий,

имевшихся в каждой зоне, их сезонностью. По подсчетам советских специалистов, в горной зоне, например, Кабардино-Балкарии соотношение сезонных запасов выглядит следующим образом: весенние запасы — 10,5%, летние — 76,7, осенние — 10,5, зимние — 2,3% /324, с. 88-90/ (в Дагестане, отличавшемся более сухим климатом и беснежной зимой, процент зимних запасов несколько выше — до 10) /428, с. 263/. Естественно, и земледельческое хозяйство горной части по своей маломощности не могло компенсировать зимний недостаток сухого корма, так же как и сенокосные угодья (по причине неудобств рельефа и сухости). Так, например, в Самурском округе сенокосы составляли в конце XIX в. всего 1,7% угодий (при 91,2% пастбищ). А в равнинно-предгорном Кюринском округе сенокосы составляли 8,8% угодий (при 54,2% пастбищ), в Кайтаго-Табасаранском — 8,4% (при 55,5% пастбищ) /25 за 1902, с. 6-7; за 1903, с. 32; за 1908, с. 16; за 1911 г., с. 13/. Даже еще в 60-е годы XX в. пастбища в горной зоне Дагестана составляли 81% всех угодий (в предгорье — 63%, на равнине — 50,5%) при удельном весе пашни в горах в 8,7%, в предгорье — 17,2, на равнине — 36,3% /60, с. 2/. Однако в пересчете на поголовье скота показатели эти оказываются невысокими в сравнении с другими областями страны. Л.М.Зальцман, говоря о преобладающем пастбищном животноводстве Грузии, Армении, Азербайджана, Северной Осетии, Дагестана и др., отмечает, что здесь имеется на голову скота лишь 1-2 га пастбищ (при 5-6 га в Средней Азии и Казахстане), причем около 70% из них — горные летние пастбища /211, с. 17-22/, что объективно препятствует развитию скотоводства из-за недостатка зимней кормовой базы.

В данном случае и достоинства горных угодий, и их недостатки оборачиваются в худшую для развития скотоводства сторону. Известно, что, чем круче и скалистее рельеф, тем меньше возможностей для отведения луга под сенокос, а следовательно, и заготовки сухих кормов. С другой стороны, обилие летних, к тому же емких пастбищ создает постоянную диспропорцию в летних и зимних кормовых ресурсах, заставляя крестьян вести временами неоправданный вынужденный убой. Усугубляет это положение и маломощность земледельческого хозяйства.

Исследователи считают, что для выпаса одной головы КРС необходима 1 дес. летнего пастбища /470, с. 102/, по другим подсчетам — 0,75 га хороших летних пастбищ или 1,5 дес. — средних /108, с. 55/. В горной Ингушетии старожилы утверждали, что горные пастбища благодаря непрерывному отрастанию травы более продуктивны. В сел. Энт общине, что 100 дес. горных пастбищ прокормят в лето 1800 баранов, а весенние — только 300. В сел. Алкун горное пастбище Фиалклам в 3 раза, а Гулай-лам (2200-2400 м над у.м.) в 6 раз продуктивнее весенних /456, с. 118/. В Дагестане в Лакском и Гунибском районах ранние весенние пастбища давали 1-1,5 ц сухой массы с 1 га, а высокогорные — 10-12 ц /428, с. 265/ (в 7-12 раз больше). Такая же кон-

трастная картина складывается при сравнении летних горных и равнинных зимних пастбищ. В.М.Шамиладзе считает, что в среднем летние горные пастбища продуктивнее зимних в 1,5 раза /470, с.227/. Однако в условиях Дагестана расхождение будет гораздо более значительным. Исследователи указывают, что, например, на Терско-Кумской низменности продуктивность пастбищ в естественном состоянии очень мала — 3-4 ц с гектара поедаемой массы, поэтому возможность выпаса очень низка — лишь 100-150 овец на 100 га пастбищ (емкость Ногайских пастбищ была оценена в 150 голов на 100 га, Кизлярских — в 100 голов, Присулакских — в 250 голов) /167, с.98; 376, с.23/. Если вспомнить, что в южном высокогорье Дагестана емкость оценена в 10-12 ц сухой массы с гектара — это, примерно 1200 овец на 100 га /428, с.265/, а на отдельных горах, как и в Ингушетии, и того больше — 1500-2000 овец на 100 га /456, с.118/, то картина сравнительной кормоемкости горных (летних) и зимних пастбищ будет достаточно ясной.

Такое резкое различие кормоемкости летних и зимних пастбищ имеет свое объяснение. Мы уже указывали выше, что в кормовой оценке зимнего пастбища принимали во внимание главным образом не осеннее малотравье, а оставшуюся на корню с весны и лета высохшую траву. Разумеется, по сравнению с травой альп и субальп, а также со свежескошенным сеном она была намного хуже как корм.

Использование пастбищ только в зимнее время, как отмечает А.И.Николаев, ведет к недополучению кормов в виде зеленой массы тех растений, которые бурно вегетируют весной-летом, а затем увядают (эфемеры и др.). Из валового количества питательных веществ начала лета к зиме в них остается 30-40%. Количество протеина уменьшается в 4-10 раз и больше /345, с.320/.

Снижало остроту этой диспропорции два обстоятельства: во-первых, зимних пастбищ было намного больше, помимо обширных степей Прикаспия использовались еще долины и равнины Грузии, Азербайджана, Чечни; во-вторых, на зимние пастбища выводился далеко не весь скот, пасшийся на горных пастбищах, особенно КРС, который содержался в стойле с выпасом на выгонах в теплую погоду, а также на хуторах.

В связи со стойловым содержанием скота остановимся и на втором важнейшем виде кормовых угодий — сенокосах. Выше нам приходилось отмечать неудобства дагестанского ландшафта и климата с точки зрения пригодности луговых угодий для использования в качестве сенокосов. Вот почему Дагестан занимал на Кавказе последнее место по обеспеченности сенокосными угодьями. Так, например, в конце XIX в. в Дагестанской области было 0,56 дес. сенокосов на один двор, а в Карачае — 0,79 дес. на одну душу (!), в Балкарии — 0,23 дес., в Кабарде — 0,84 дес. /216, с.122; 25 за 1913 г., с.8-9/. А в Дагестане лишь в трех округах, объединяющих большие массивы равнинных и предгорных земель, — Темирханшуринском, Кайтаго-Табасаранском и Кюринском — сенокосный участок на душу населения выража-

ется в десятых долях десятины (соответственно 0,18, 0,16, 0,25 дес.), в горных же округах — в сотых (Даргинский округ — 0,04 дес. на душу, Гунибский — 0,05, Самурский — 0,06, Андийский — 0,08, Аварский — 0,09 дес.) /25 за 1909 г., с.19/. Таким образом, оказывается, что в самом обеспеченном округе Дагестанской области — Кюринском — сенокосов на душу населения было в три с лишним раза меньше, чем в Карачае, Балкарии, Кабарде, а в самом малообеспеченном — Даргинском — в 20-21 раз. Частично этот пробел покрывался за счет земледельческого хозяйства — в этом отношении Дагестан превосходил другие горные области. Если в Карачае пахотные угодья составляли около 2% всех сельскохозяйственных угодий и на душу населения приходилось 0,1 дес. пашни (в Балкарии — 0,01) /216, с.121-122/, то в Дагестанской области они составляли до 15% сельскохозяйственных угодий и на душу населения приходилось 0,35 дес. /25 за 1909 г., с.19/. Во многих горных обществах Дагестана мякина являлась основным кормом при стойловом содержании скота, сено же служило лишь в качестве улучшающей прибавки /54, с.74, Сиух; 55, с.50, Мокок; 57, с.119, Кандик; с.148, Гоа; с.149, Рича/.

Соотношение летних и зимних пастбищ, сенокосов и горного земледельческого хозяйства уже во многом определяло, таким образом, зонально-сезонные особенности содержания скота, приводя тем самым к экономическому преобладанию подвижных ФС.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ СКЛАДЫВАНИЯ ФОРМ СКОТОВОДСТВА

Изучение исторического аспекта проблемы ФС предполагает выяснение основ социально-экономического положения Дагестана в XIX в., включая и вопросы предшествовавшего хозяйственного и социального развития. При этом мы исходим из марксистско-ленинского положения о первенствующей роли социально-экономических факторов. Любые формы, типы, институты, имеющие отношение к хозяйственной деятельности человека, в том числе обладающие явными признаками экологической обусловленности, могут реализовываться лишь в рамках и на фоне способа производства, будут опосредованы в своем генезисе и функционировании социально-экономическим развитием народа. Сама очевидная зависимость хозяйства от экологических условий опосредована способом производства, социально-экономической ситуацией. Более того, как показали М.Г.Левин и Н.Н.Чебоксаров и другие советские исследователи, ХКТ реализуются и функционируют лишь на фоне и посредством социально-экономической структуры общества, достигшего определенного уровня развития производительных сил и социальных отношений /293, с.4; 83, с.9; 464, с.78/. Характерно, что и географы признают, что "практическая ценность" территории, иными словами, ценность для хо-

зяйственного использования, "изменяется и зависит прежде всего от социально-экономических условий", что резко отделяет ее (ценность) от чисто природных явлений /227, с. 104/.

Эта социальная обусловленность хозяйства проявилась еще в первобытную эпоху, когда зарождение производящего хозяйства стало возможным лишь на определенной ступени общественного развития населения — известный уровень развития производительных сил и производительности труда и на этой основе сложение природно-хозяйственной зоны (предтеча ХКТ) и оседлости с последующей перенаселенностью /380, с. 307; 275, с. 149; 448, с. 21/. Последние материалы по неолиту Чохской многослойной стоянки в Дагестане (VI тысячелетие до н.э.) указывают на сложившееся производящее хозяйство с древнейшим в европейской части СССР построенным каменным жилищем и керамикой, остатками зерен "окультуренных злаков" и костными остатками "уже одомашненных животных" /80, с. 146-147; 81, с. 20/. Дальнейшее развитие хозяйства отражено и в археологических памятниках — Ругуджинские стоянки и особенно Гинчинское поселение (IV тысячелетие до н.э.) /150, с. 9; 151, с. 55; 345, с. 114/.

Начальное скотоводство было, по определению археологов, придомным, т.е. преимущественно стойловым с зачатками выгонного выпаса /407, с. 3; 151, с. 55-56; 274, с. 217-219/. В процессе доместикации, имея дело с животными, находящимися на полпути от диких форм к домашним, иную содержания не могло быть. Человек, таким образом, пришел в XX в. в своих сверхсовременных животноводческих формах к тому, с чего начинал, — к круглогодичному стойлу для скота (имеющему, разумеется, и свои минусы). Однако уже с первых шагов горное скотоводство сталкивается с проблемой недостатка зимних кормов, что вынуждает население изыскивать возможности использования отдаленных от поселения пастбищ. Так, в энеолите (Гинчи) появляются зачатки отгонного скотоводства /150, с. 9; 152, с. 18-25/. Правда, в Дагестане оно существует при стационарном скотоводстве оседлых земледельцев. Уже с этого времени, и особенно с эпохи бронзы (III-II тысячелетия до н.э.), в Дагестане, в котором протекает процесс развития земледельческо-скотоводческого хозяйства, наблюдается определенное отличие развития хозяйства, и особенно скотоводства, от общей схемы развития на Кавказе, нашедшей выражение в стройной концепции Б.Б.Пиотровского (и отчасти А.А.Миллера) /386, с. 19; 387, с. 5-6; 337, с. 51; 480, с. 242; 142, с. 84-85; 288, с. 105; 470, с. 87-89, 281-284, 290-291/. По этой схеме, освоение горной части происходит в результате расширения равнинного земледельческо-скотоводческого хозяйства путем движения в горы (ранняя бронза), вызванного развитием скотоводства (недостаток пастбищ), по мере появления отгонного в горы скотоводства, а затем и постоянных поселений (средняя бронза) в высокогорье; сложения внутриапальпийского скотоводства, ново-

го кризиса в кормах (зимних) и появления в связи с этим трансюманса, с соответствующим преобладанием овец в стаде. Правда, многие исследователи подчеркивают при этом, что заселение гор было земледельческо-скотоводческим, а население оседлым (Р.М.Мунчаев, Б.В.Техов, Я.В.Чеснов, Е.И.Крупнов, Л.И.Лавров и др.) /345, с. 378, 382; 460, с. 56-57; 276, с. 102-103; 277, с. 304; 289, с. 222-223/.

Основной аргумент исследователей (В.Г.Котович, М.Г.Гаджиев и др.), считающих, что в Дагестане были отклонения от этой общей линии развития, — отсутствие преобладания МРС, что характерно для преобладания отгонного скотоводства /407, с. 4; 326, с. 39; 218, с. 164/. Во внутреннем Дагестане начиная с позднего энеолита и в эпоху бронзы наблюдается, напротив, преобладание КРС /218, с. 155, 171, 175-176; 219, с. 291/. Другие аргументы: сверхрасчлененность ландшафтов и угодий во внутреннем Дагестане (трудность отгона, особенно для КРС), достаток угодий на месте, племенная чересполосица и политическая неустойчивость. Гораздо более важна ранняя оторванность от равнины, способствовавшая развитию зернового хозяйства, ограничивающего подвижность скотоводства. Ни одно из вторжений кочевников, начиная с нашествия племен катакомбной культуры в эпоху бронзы, разрушивших земледельческое хозяйство на Северном Кавказе /320, с. 28/, и кончая монголами, не затронуло серьезно внутренний Дагестан, но зато эти вторжения оторвали его от равнины, лишив тем самым возможности получать зерно и использовать зимние пастбища для отгонного скотоводства. Таким образом, происходит определенное разветвление земледельческо-скотоводческого хозяйства: во внутреннем Дагестане земледелие и стационарное выгонно-стойловое скотоводство с незначительным и недалеким яйлажным отгоном (внутриальпийское скотоводство) и ХКТ земледельцев-скотоводов; в высокогорном — слабо развитое земледелие и отгонное скотоводство (видимо, в это время здесь сложился весенний отгон), на равнине у речных долин — земледельческо-скотоводческое, в степях — кочевое и полукочевое скотоводство, в обеих последних зонах преобладал ХКТ скотоводов и земледельцев /271, с. 279-287; 272, с. 5-12; 273, с. 120-164; 150, с. 7-13; 151, с. 56-58; 274, с. 211-222/. В общественном развитии наблюдаются ускорение имущественной и социальной дифференциации, классовое образование, разложение патриархальных семей, появление племенной и общинной верхушки.

В эпоху железа основные тенденции развития хозяйства трех зон усиливаются /385, с. 99, 101-103; 189, с. 116-118/, чему способствуют периодические вторжения кочевников. Но переход части из них временами к оседлости (или полuosедлости) приводит к нарушению этих традиций, частью вынужденных. В частности, во внутреннем Дагестане эти периоды приводят к уменьшению масштабов земледелия, росту отгона скота на равнину, на которой земледелие от речных долин и предгорий распространяется вширь, а в целом хозяйство и линии его развития приобретают близкий к обшекавказскому облик.

Социальный прогресс этой эпохи связан с железом и ростом общественного разделения труда, выразившегося в форме "межобщественной или межобщинной дифференциации хозяйственной деятельности, сопровождающейся обменом на основе прибавочного продукта" /450, с. 129/, имущественным неравенством /229, т. I, с. 102/. Усложнение функций общины — хозяйственных, политических, культурных — приводит к образованию прослойки общинников, "специализировавшихся на организации производства и управления, выполнении идеологических функций" /450, с. 129/, т.е. складывается общинная и племенная верхушка, предтеча господствующих классов. Одновременно индивидуализация производства, тягловое земледелие и отгонное скотоводство, военный быт приводят к усилению патриархата.

Период феодализма — время, когда в хозяйственном развитии Дагестана в наибольшей степени отразились его специфические черты, чему способствовала большая степень воздействия кочевников и отрыв равнины от зональной хозяйственной кооперации /278, с. 54; 76, с. 3/. Это — время наивысшего подъема террасного земледелия и стационарных ФС в горном Дагестане /435, с. 233; 447, с. 247; 336, с. 201, 205-206; 98, с. 18-19; 93, с. 218/. Это и время укоренения ярко выраженных земледельческих традиций. Изолированность от равнины значительно способствовала продвижению земледелия и в высокогорье /171, с. 96; 477, с. 33-34/ вплоть до самообеспечения, что увеличило удельный вес тяглового КРС и соответственно стационара в содержании скота, в частности внутриальпийского содержания с долинным и весенним отгоном, с развитой яйлажной летне-нагульной формой в связи с сокращением возможностей равнинного зимнего отгона. Это же способствовало значительному развитию хуторского содержания. Особенности хозяйственного развития, выразившиеся в органическом единстве развитого земледелия и скотоводства, наложили отпечаток на общественное развитие, способствовали развитию и укреплению сельской общины, строго регламентировавшей весь годичный цикл отраслей хозяйства, использование всех индивидуальных и общинных угодий, задержавшей феодализацию. Именно община обусловила тот уровень социальных отношений, которые характеризуются как раннефеодальные или патриархально-феодальные. Еще больший вес приобрели в эту эпоху этнотерриториальные (и военно-экономические) союзы общин — "вольные общества", роль и значение которых в жизни Дагестана были огромны /307, с. 119/. С другой стороны, рост внутригорного (и отчасти временами равнинного) отгона приводит к росту пастбищной ренты /72, с. 4-5/. Эти особенности общественного развития (крепость общины и особенности ренты) имели обратное влияние на формирование и степень бытования отдельных ФС, их функциональных видовых и зональных особенностей.

Период феодальной раздробленности (XV-XVIII вв.) характеризуется новым значительным поворотом в хозяйственном

развитии. Освободившаяся от кочевников равнина с нижним предгорьем, имевшая благоприятные условия для земледелия, становится житницей края, здесь интенсивно развивается земледельческо-скотоводческое хозяйство с ведущим земледелием /174, с. 62, 69, 71, 74, 77, 83, 104; 439, с. 129; 228, с. 199; 96, с. 213-216; 175, с. 105/. Назначение КРС — тягло (отсюда роль стойловой ФС), затем идут хуторская и яйлажная ФС (для овец). Здесь господствует ХКТ равнинных земледельцев-скотоводов.

Внутренний горный Дагестан перестает быть земледельческим центром, забрасываются наиболее неудобные, высокие, малые террасы, в экономике главным становится скотоводство, однако земледельческие традиции сохраняются /71, с. 96-97; 193, с. 21-25; 174, с. 75, 102, 113; 96, с. 225/, как занятие оно преобладает, бытовая обрядность тоже преимущественно земледельческая. В скотоводстве большой удельный вес приобретают овцеводство и отгонные ФС, в том числе отгон на равнину.

В высокогорье скотоводство и отгонная форма преобладают /174, с. 77, 79-80, 112-113; 439, с. 129; 96, с. 216; 478, с. 41/, по-прежнему бытует внутриальпийское скотоводство (сочетание выгонной, стойловой, яйлажной и хуторской форм).

Рост зональной хозяйственной специализации сыграл существенную роль в изменении ФС. Все большее место занимает кышлажная форма, происходит более четкая дифференциация ФС по зонам и районам: последовательное возрастание подвижности от равнины (преобладание выгонно-стойлового типа) до высокогорья (трансюманс с частичным отходом населения). Соответственно устанавливаются обусловленные наличием возможностей использования разноразнозонных (следовательно, разноразнозонных) угодий закономерности корреляций между ФС и видами содержащегося скота: например, продиктованные земледелием стационарные формы и преобладание КРС или, наоборот, обусловленные содержанием КРС стационар и содержанием овец — отгонные формы. В целом можно считать, что к XIX в. завершилась зональная хозяйственная специализация и становление основных форм земледелия и скотоводства и сложившихся на их базе главных ХКТ. Рост отгонного скотоводства и зональной хозяйственной специализации объективно обусловил рост экономических и политических взаимосвязей как этносов, так и субрегионов.

Отгонное скотоводство, преимущественно овцеводство, став в горных областях Дагестана ведущей отраслью хозяйства /287, с. 39/, привело и к интенсификации феодальной эксплуатации, развитию феодальных отношений, одним из проявлений которого стали разные формы выплат за использование пастбищ для выпаса скота, т.е. пастбищная рента /174, с. 84; 439, с. 131; 116, с. 306; 222, с. 247, 252; 228, с. 244; 96, с. 225/. Впервые это было отмечено С.В.Юшковым. Отметим, что в руках дагестанских феодалов были сосредоточены земельные владения, которые имели громадное

значение для основной отрасли хозяйства — скотоводства, он пришел к выводу об "особом значении ренты, взимаемой с пастбищ" /485, с. 66, 69, 70, 74, 75, 85/. Р.М.Магомедов, Х.-М.О.Хашаев, Г.Г.Османов, Г.Д.Даниялов считают такую ренту особенностью дагестанского феодализма, а его основой — "феодалную собственность на пастбищные горы и угодья" /307, с. 95, 159; 454, с. 101; 358, с. 23-24; 227, с. 58/. Е.Н.Кушева также считает пастбищную ренту "одной из характерных черт феодальной эксплуатации в Дагестане", однако переход от дани к ренте относит только к XVIII в. /287, с. 52/. Думается, что утверждение ренты связано с устранением препятствий для отгона скота в обе стороны, с развитием отгонного скотоводства, в частности трансюманса, и зональной хозяйственной специализации (с XVI в.). Г.А.Меликишвили относит "горский феодализм" к раннеклассовой стадии развития, считая возможным называть общества этого уровня протофеодальными, поскольку ведущая тенденция для них — развитие в сторону феодализма /334, с. 52/.

К этим общим оценкам относительно Дагестана можно добавить несколько моментов. Во-первых, равнинную часть Дагестана с ее земледельческо-скотоводческим хозяйством нельзя относить к территории безусловного господства пастбищной ренты. Основные доходы шамхалов, уцмиев, аксаевских, эндиреевских, костекских и пр. владетелей поступали с крестьян, которые были земледельцами. Все повинности крестьян были связаны именно с земледельческим хозяйством (выход на пахоту, жатву, обмолот, косовицу). Между тем в равнинной части (вместе с нижним предгорьем) были сосредоточены 75% пашни, 60% сенокосов, 40% КРС, 40% лошадей, 20% овец и 3% ослов. Во-вторых, было немало горных обществ, которые, будучи земледельческими, тем не менее отставали в своем социально-политическом развитии, представляя собой не феодальные владения, а территориальные союзы сельских обществ (например, Гидатлинский, Андалалский, Мекегинский, Цудахарский). В-третьих, большинство обществ высокогорного Дагестана, оставаясь союзами обществ, были в одно и то же время и получателями пастбищной ренты, и ее плательщиками. В-четвертых, никак невозможно отнести, например, шамхальство, засулакские кумыкские владения, уцмийство, Аварское и Казикумухское ханства и др. с их феодальной иерархией, зависимыми и даже крепостными крестьянами /307, с. 95, 159; 454, с. 161; 153, с. 106-143/ к протофеодальным образованиям.

Правда, при всей экономической и этнической пестроте в Дагестане наблюдается хозяйственный симбиоз разнозональных хозяйственных систем, прерываемый лишь военными вторжениями и потрясениями. Я.В.Чеснов со ссылкой на Э.Лича и Ф.Лемана говорит о "необходимости для горцев социальных и культурных контактов с более развитыми обществами" /460, с. 78/. Мы бы поставили на первое место хозяйственные контакты, особенно в свете тонкого наблюдения названных исследователей о попытках горцев "эконо-

мически включиться в цивилизацию" наряду с отказом принять ее институционную сеть, вследствие чего у них отсутствует надобность "политической организации при экономической зависимости от равнинной цивилизации" /460, с. 78/. Однако по материалам XV—XVIII вв. мы видим, что экономическая зависимость от владения, в военном отношении даже гораздо более слабого, чем экономически нуждающегося общества, в конечном счете приводила эти общества к политической и социальной зависимости от равнинного владения. Единство равнинных и горных хозяйственно-экономических комплексов считает необходимым условием экономического, социального и культурного развития Грузии и В.М.Шамиладзе. При этом он придает большое значение "стабильности политических границ, что представляло собой основное условие развития отраслей хозяйства, и в первую очередь овцеводства" /470, с. 33, 312/ — по-видимому, отгонного. В условиях Дагестана эта стабильность (или ее нарушение), как мы видели, самым непосредственным или решающим образом сказывалась на зональной хозяйственной специализации и соответственно на сложности, бытовании и удельном весе отдельных ФС.

В исторических условиях хозяйственного и социального развития Дагестана в XIX в. не происходит резких поворотов. Тенденция на углубление зональной хозяйственной специализации и развитие отгонного скотоводства приобретает еще большую силу благодаря усиливающимся обменным связям с соседними областями, с Россией. Лишь в период освободительной борьбы горцев под руководством Шамиля часть внутреннего Дагестана, главным образом Авария, вынуждена была временно переориентироваться и возобновить формы хозяйствования предыдущей эпохи (до XVI в.), а именно вновь поднимать собственное малопроизводительное земледелие, прекратить отгон скота на равнину, увеличить удельный вес хуторского (и вообще внутриальпийского) содержания скота. Другие районы эта переориентация мало затронула, так как царская администрация проводила политику задабривания "мирных" дагестанцев разрешениями на торговлю и отгон скота (и соответственно в виде наказания — их лишением).

В социальном и политическом отношении тоже не было препятствий основным линиям хозяйственного развития. Напротив, ликвидация политической власти феодалов устранила их произвол, междоусобицы, рахтарные и дорожные сборы и т.п., что, несомненно, оздоровило обстановку и облегчило обменные и иные связи. Что касается угодий, то они или оставались у феодалов, или, отобранные у них (в порядке санкций), сдавались отгонным скотоводам казной на тех же или даже лучших условиях. Позднее царская администрация даже отменила устаревшую, имевшую характер феодальной ренты систему выпасных выплат "сабалахо" на более демократичную (и "буржуазную") выплату по площади угодий и количеству выпасаемого скота. Но это в пре-реформенный период, который является уже новым этапом в

хозяйственном и социальном развитии народов Дагестана. В этот период зональная специализация и рост отгонного скотоводства получили сильные экономические стимулы при одновременном устранении многих препятствий (подключение к российскому капиталистическому рынку и экономике, выдвигание на первый план торгово-денежных отношений, ликвидация феодальной многоукладности, политической пестроты и междоусобиц, налаживание мирной жизни внутри и вне области и т.п.). Однако при всей значимости новой, пореформенной социально-экономической обстановки большое значение приобретают исторически сложившиеся культурные традиции хозяйствования населения, приверженность к определенным отраслям, к традиционным формам содержания скота, к его основным видам.

3. ТРАДИЦИИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

История хозяйства Дагестана показывает, что способы и методы сезонно-зонального содержания скота во многом зависят от соотношения двух главных отраслей — земледелия и скотоводства, объективных возможностей их развития, степени симбиозности их между собой и т.д. Рассмотрим теперь подробнее воздействие на ФС сложившихся к XIX в. хозяйственных традиций дагестанцев. Считаем нелишним начать этот обзор с общей оценки, данной И.Пантюховым: "Не будучи знакомы с внутренней жизнью лезгин, но зная их только как смелых грабителей, летописцы и историки, разнообразно путая названия, считали лезгин дикарями и разбойниками. Правильная внутренняя организация лезгинских общин, честность взаимных отношений и оседлая земледельческая культура не дают, однако, основания считать лезгин дикарями. Главные средства для существования лезгина всегда давали не разбой, а земледелие и скотоводство" /378/.

Однако многие авторы, в том числе побывавшие в Дагестане, оказались менее наблюдательными. Видя скалистые горы, небольшие участки возделанной земли и большие стада скота на летних пастбищах, они делали выводы об отсутствии или ничтожности земледелия, грабительстве.

Основным занятием населения Дагестана следует считать, однако, земледелие с садоводством и виноградарством и лишь затем скотоводство. Относительно равнинной части по этому поводу ни у кого не возникает сомнений; мало сомнений вызывает и факт преобладания скотоводства в высокогорной части. Следовательно, разногласия касаются центрального (внутреннего) нагорного Дагестана, колыбели (и цитадели) дагестанского земледелия, и особенно террасного. Например, в Даргинском округе, по переписи 1897 г., земледелием занимались 15 767 "самостоятельных лиц" мужского и 2 798 лиц женского пола (всего 18 565) и еще 53 943 члена семей, в общей сложности 72 508 человек из 79 443 /26, с. 168-169/, т.е. 91% населения. Разумеется,

это население занималось и скотоводством, но оно не было названо главным занятием, оно сочеталось с земледелием. Характерно, что среди "самостоятельных лиц", занимающихся животноводством, указана только одна женщина, и членов семей, имеющих отношение к животноводству, названо очень немного — при 79 "самостоятельных" только 71. Этот факт раскрывает особенности учета: в число животноводов явно попали только наемные чабаны (да и то далеко не все), население же, и особенно члены семей, занимающиеся скотоводством, при наличии обрабатываемого участка попало в земледельцы. В этом сказались не только структура хозяйства горца, в котором как занятие ведущую роль играло земледелие (затем разведение скота, домашний промысел и отходничество), но и структура разделения труда: в полной семье, в которой глава семьи имеет участок обрабатываемой земли, все остальное хозяйство, в том числе связанное с содержанием скота, особенно КРС, уходом, приготовлением молочных продуктов и пр., отходит на второй план, так как занимаются этим только женщины. В том же хозяйстве, где значительно поголовье МРС, которым занимаются мужчины, скотоводство выступает на первый план, и хозяйство фиксируют как скотоводческое. Но овцеводство в центральном Дагестане было сравнительно слабо развито, было много хозяйств, не имевших овец, и поэтому относительное преобладание земледелия как занятия выглядело практически как подавляющее. Дело в том, что хозяйств, не имевших овец, было намного больше, чем хозяйств без обрабатываемого участка, пусть и ничтожного. Крупных собственников обрабатываемых земель в горах было немного, владельцев же крупных стад было намного больше.

Аналогичная картина структуры хозяйства и разделения труда наблюдается в другом округе нагорной части — Аварском /26, с. 132-137, с. 132-133/. В начале XX в. из 7 359 хозяйств Аварского округа 73,3% хозяйств не имели овец. А из 4 860 выборочно отобранных хозяйств области 81,7% тоже оказались не имеющими овец /452, с. 55/.

По данным переписи и обзорам области, в земледелии и садоводстве не принимало участия 45 тыс. человек из 250-300 тыс. взрослого населения, что дало основание Х.-М.О.Хашаеву сделать вывод, что "основным занятием следует считать занятие подавляющего большинства населения, а таковым в горах было земледелие и садоводство. Другое дело — высокогорная зона, где жители преимущественно занимались овцеводством" /454, с. 93/.

Таким образом, внутренний горный Дагестан нельзя характеризовать однозначно: он не скотоводческий, как высокогорный, но и не безусловно земледельческий, как равнинный. Хотя здесь "полеводство существовало в крайне ничтожных размерах", но было еще и садоводство, которое считалось (наравне с овцеводством) "более развитым", чем полеводство /146, с. 66/, и обе отрасли — и садоводство и особенно полеводство были повсеместными, распространен-

ными, хотя и не масштабными. Перед нами ситуация, когда имеется древнее развитое земледелие, но "острый недостаток пахотной земли" препятствует его удельному росту /405, с. 5-6/. Это положение хорошо охарактеризовано Н.Абель-дяевым: хлебопашество ничтожно, но им в Дагестане "занимаются все без исключения" /58, с. 25/. Сходная ситуация описана в Сванетии: при преобладающем скотоводстве жители "с необыкновенным усердием занимаются хлебопашеством" /429, с. 333, 336/. Подобная обстановка объективно противоречива, и в частности в вопросе о приоритете отраслей при отведении (использовании) угодий. Следует признать, что хотя вопрос о забрасывании обрабатываемого участка рассматривался категорически отрицательно, однако в послемонгольское время (и особенно в XIX в.) происходил внешне как будто незаметный объективный процесс выдвигания на первый план интересов скотоводческого хозяйства и животноводческой утилизации обрабатываемых площадей, особенно небольших, трудных для обработки, отдаленных от селения и т.п.

Однако тенденция иметь собственный обрабатываемый земельный участок, земледельческая целеустремленность сохранялись и на протяжении XIX в. Каждый горец, независимо от того, какая отрасль хозяйства доставляла ему основные жизненные средства, непременно хотел быть земледельцем, владельцем пусть и очень маленького обрабатываемого участка. Наблюдатель отмечает, что все сбережения жители сел. Ботлих, "как и все горцы, употребляют на расширение участков земли под посевы и сады" /406, с. 247/. Отходники, накопившие на чужбине немного средств, употребляли их также на приобретение пахотного участка. Офицер Щербачев о Мехтулинском ханстве (предгорье и горы) пишет, что у них много хлеба, а у койсубулинцев (горные долины) — фруктов. В обоих владениях и в Аварском ханстве, по его словам, "скотоводство самое бедное", "весьма небольшое" /483, с. 294, 296, 298/. Немецкий автор Ф.Боденштедт пишет о союзе даргинских обществ Акуша-Дарго (Даргинский округ), что земля у них плодородна и они сеют маис, просо, есть вино, фрукты. Правда, когда он говорит о Сюргинском союзе, он добавляет, что "урожая, однако, хватает только для потребностей земли Сюрхия" /492, с. 316-317/ (отметим, что у них его не хватало и на эти потребности). О.Каранайлов пишет из аула Чох (Гунибский округ), одного из известнейших в XIX в. своим скотоводством: "Богатство и гордость горца — пашни и скот" /247, с. 5/. Это очень характерно и точно отражает психологию горца: в селении, имевшем от 70 до 100 тыс. овец, при перечислении богатств прежде всего указывается пашня. А учитель из сел. Ахты (Самурский округ) указывает занятия в таком порядке: отхожие промыслы, садоводство, огородничество, хлебопашество, скотоводство, овцеводство /97, с. 146/. К.Ф.Ган говорит о хозяйстве жителей сел. Арахкул Самурского округа, что их главное занятие — "земледелие и скотоводство". О жителях сел. Хосрек Казикумух-

ского округа он замечает, что они "довольно состоятельны, занимаются хлебопашеством и скотоводством" /160, с. 70, 76, 78/. Таких свидетельств очень много.

Другая сторона этого вопроса — свидетельства старожиллов, хорошо помнящих соотношение отраслей хозяйства в прошлом, отношение к земельным участкам. Так, в сел. Гигатли каждый овцевод при первой возможности стремился купить участок земли. За участок давали столько овец, сколько на нем могло уместиться, чтобы они были не в состоянии даже пошевелиться /54, с. 24/. В сел. Ирганай каждый хозяин на любой доход с любой отрасли хозяйства стремился прежде всего приобрести участок пашни, сада /54, с. 79/. То же отмечено в сел. Кикунь /54, с. 89/. В сел. Дарада зажиточность определялась наличием в собственности пахотных участков, никакой другой вид состояния не давал преимуществ общественного уважения, положения. Участок пашни ценился так высоко, что дом ни при каких обстоятельствах не строился на участке, годном для обработки /54, с. 93-94/.

Прежде чем продолжить описание зональных хозяйственных традиций, нам хотелось бы сделать оговорку, что мы ни в коей мере не связываем развитие земледельческого хозяйства во внутреннем Дагестане с престижными оценками хозяйственной или социальной истории. В литературе уже обращалось внимание на то, что вопрос о соотношении земледелия и скотоводства вышел за рамки хозяйственной проблематики в связи с некоторой корреляцией, допускаемой отдельными исследователями, "между общественными и хозяйственными формами" /480, с. 244/.

Другой аспект этого "выхода за рамки" заключается в том, что с ведущей отраслью хозяйства связываются "важнейшие этнографические параметры образа жизни... оседлый, полуседлый, полукочевой, кочевой и бродячий" /83, с. 8/. Мы не склонны в таких оценках всегда отдавать предпочтение земледелию и хотим подчеркнуть, что скотоводство народов Кавказа было весьма далеко от того примитивизма, который ему приписывался многими дореволюционными авторами, считавшими его пользованием готовыми дарами, стихийно-потребительским, результатом лени местного населения и т.п. Достаточно в качестве примера привести высказывание Н.Дубровина о лениности кавказцев, связываемой преимущественно со скотоводством. Говоря о перегонном скотоводстве в Азербайджане, он заключает: "Такой образ жизни весьма пригоден татарину: удовлетворяя прежде всего своей лени, он вместе с тем без всякого труда может содержать значительные стада рогатого скота, составляющего источник его средств жизни и богатства" /203, т. I, кн. 1, с. 359/. Такие же характеристики встречаются и в описании хозяйства ногайцев, осетин, абхазцев, сванов, дагестанцев и др. /203, т. I, кн. 1, с. 92, 266, 286, 360; т. 1, кн. 2, с. 7, 37/.

Говоря о таком истолковании скотоводства народов Северного Кавказа (стихийно-потребительское, пользование готовыми дарами и пр.), В.К.Гарданов справедливо заме-

чает: "Нет ничего более далекого от истины, чем такое представление" /165, с. 97/. Этим толкователям можно ответить также словами другого автора: "Горцы Кавказа скот не разводят, они его выращивают, выхаживают, делеют, отдавая каждой особи внимание, заботу и поистине удивительное многотерпение" /178, с. 20/.

Следует также иметь в виду, что ведущая роль земледелия, как справедливо отмечает В.М.Шамиладзе, "со своей стороны, была определена развитыми формами равнинного скотоводства" (тягловый скот, удобрения) /470, с. 215/. То же отмечает и Ю.И.Мкртумян: "Ведущей формой хозяйства у армян было земледелие", но предполагавшее "развитое скотоводство, поскольку обе эти отрасли были тесно связаны между собой" /341, с. 16/. В общем плане этот симбиоз выглядит следующим образом: основная отрасль хозяйства — земледелие определяет направленность и удельный вес видового соотношения скота и обеспечивает существенную (а то и преобладающую) часть корма; скотоводство обеспечивает земледелие тягловой силой и удобрением (навозом), но качества этого скота и количество удобрения зависят от земледелия (от количества фуража и т.д.) (ср. /236, с. 15/).

Однако вряд ли справедливо считать основным определяющим признаком зональных особенностей "распространение культурных растений" с вытекающими отсюда соответствиями и в зональном распространении видов скота /470, с. 37/. Скорее всего отличительным зональным признаком может служить степень бытования или удельный вес культур и видов скота, а не их распространение. Например, пшеница была основной культурой и в равнинном Карабадахкентском участке, и в горном Мекегинском, и в высокогорном Сюргинском /426; 379, с. 10; 492, с. 316/; КРС преобладал в равнинном Аксаевском, Таркинском и вообще во всей равнинной зоне — 1,5 гол. МРС (в переводе на КРС) и 4,2 гол. КРС на одно хозяйство, но также и в высокогорных Сюргинском (2,2 МРС и 4,2 КРС), Тиндальском (2,9 и 4,5), горных Хунзахском (3,3 и 5), Тилитль-Гидатлинском (2,3 и 4,6) и т.д. (см. табл. 2). В общем обзоре Кавказского края середины XIX в. о горцах Кавказа говорится, что они, мало занимаясь земледелием, терпят лишения, а "мясо и молоко огромных стад" составляют главную пищу жителей" /353, с. 391/.

Один из путешественников по Дагестану считает скотоводство главным занятием горцев, а Дагестан — страной, "преимущественно созданной для скотоводства" /226, с. 86/. О высокогорном Куруше говорится: "Главное занятие курушцев — скотоводство, от него зависит и их благосостояние". Однако и здесь автор не преминул отметить наличие земледелия, хотя и на "втором плане", и перечислить засеваемые культуры /379, с. 9-10/. По-видимому, следует считать справедливым высказанное В.А.Шнирельманом мнение о том, что развитые земледельческие районы влияют на усиление развития скотоводства по соседству /480, с. 241/. Вы-

сокогорные общества Южного и Западного Дагестана в соответствии с этой закономерностью как бы реализовали географическое и отраслевое разделение труда с плодородными областями соседних Грузии и Азербайджана, тем более что помимо получения хлеба они имели еще возможность выпасать зимой свой скот на их зимних пастбищах и отправлять туда избыток своей рабочей силы.

Правда, в проявлении другой закономерности, характерной для бедных, испытывающих недостаток жизнеобеспечивающей продукции горных областей, отмеченной Г.С.Читая для горных районов Грузии (перманентный процесс переселения из высокогорных районов в равнинные и связанная с этим низкая плотность населения в высокогорье) /467, с. 37-38/, в Дагестане имеются определенные несоответствия. Во-первых, в горном Дагестане плотность населения не была низкой; напротив, она была самой высокой на Кавказе. В конце XIX в. плотность населения составляла в Аварском округе 26,57 человека на 1 кв. версту, Казикумухском — 28,18, Даргинском — 52,88. В этом отношении горная часть намного превосходит равнинную, несмотря на наличие в горах большого количества непригодных для заселения земель. К высокогорью плотность понижается: Андийский округ — 17,70 человека на 1 кв. версту, Гунибский — 16,50, Самурский — 19,42 /25 за 1899 г., с. 36/, но даже в них она выше, чем в равнинном Темирханшуринском (14,08). Если же рассматривать плотность населения на 1 дес. угодий, то в высокогорном Самурском округе она будет в полтора раза, Гунибском — в 2, в Андийском — в 4,5 раза выше, чем в Темирханшуринском /25 за 1903 г., с. 14, 32/.

Все это позволяет сделать вывод, что миграция населения из горного Дагестана не носила массового характера и постоянного регулирования, как в горной Грузии, здесь не происходило. Этому препятствовали и малая земледельческая емкость дагестанской равнины, и частые "запирания" гор, и отрыв их от равнины пришельцами. Лишь в Южном Дагестане, имевшем традиционные хозяйственные и культурные связи с соседним Азербайджаном, происходит отток населения и образование новых поселений в его равнинно-долинные области. Характерно, что нагорный Дагестан с его земледельческо-скотоводческим хозяйством (Аварский, Даргинский округа, часть Гунибского и Андийского), дает наибольшую плотность населения, что иллюстрирует большую степень его приверженности к местам традиционного проживания, поддерживаемой отчасти и лучшей по сравнению с высокогорьем жизнеобеспеченностью традициями земледельческого хозяйства.

Положение в горном Дагестане напоминает ситуацию, описанную В.К.Гардановым у адыгов: "Даже те адыгские племена, у которых в рассматриваемый период было развито преимущественно скотоводство, не обходились без своего земледельческого хозяйства, ведение которого было необходимым условием нормального существования населе-

ния" /163, с. 70; 212, с. 9-10/. Небесспорным считает признание скотоводства преобладающей формой хозяйства и у осетин А.Х.Магомедов, объясняя свои сомнения скупостью зимней кормовой базы, что делало невозможным расширение этой отрасли хозяйства /309, с. 79-80/. Однако большинство наблюдателей и исследователей единодушны в том, что в горных областях Кавказа преобладало скотоводство, признавая, однако, хотя и второстепенное, но обязательное земледелие /156, с. 111; 203, т. I, кн. 1, с. 287; 147, с. 271; 94, с. 2; 240, с. 65-66; 312, с. 27/. Главное богатство — стада, главное занятие в горах — скотоводство и у ингушей и чеченцев. Для Чечни также характерно большое количество КРС: в начале XX в. в Грозненском округе его было 350 тыс. гол. на 209 480 жителей /162, с. 218/, т.е. в среднем 167 гол. на 100 душ. Для сравнения укажем, что в Дагестане в 1886 г. с учетом Хасавюртовского округа, где удельный вес КРС был выше, чем по Дагестанской области, его было только 75 гол. на 100 душ, по Хасавюртовскому же округу — 101 гол. (см. табл. 2) /25 за 1892 г./.

В этом перечне характеристик обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое: во всех случаях, несмотря на самые превосходные степени в оценке преобладания скотоводства, наблюдатели и исследователи неизменно прибавляют, что население занимается в той или иной степени и хлебопашеством. Даже после категорического утверждения об овцеводстве у тушин как "главном и единственном занятии" А.Зиссерман затем добавляет: "Только живущие в горах постоянно сами занимаются хлебопашеством" /217, с. 233, 254/. Некоторые даже склонны говорить о "доминирующем значении" в некоторых горных районах Кавказа (в Верхней Раче) хлебопашества, в отличие, по их мнению, от положения в европейских Альпах, где скотоводство является "самоцелью" /196, с. 121/. Второе обстоятельство противоположного характера. В некоторых областях скотоводство не просто экономически преобладающая, но и особо престижная отрасль хозяйства. По словам М.Джанашвили, для абхаза, например, скот не просто главное богатство — он для него "существенный рычаг жизни человека, кормитель, хранитель и взраститель его"; "можно еще кое-как обходиться без хлеба, но без скота нельзя" /195, с. 15/. Примерно то же говорит Г.Х.Мамбетов о кабардинцах: скотоводство не только "основа хозяйственной жизни", "количество скота определяло положение крестьянина в обществе" /312, с. 27/. Таким образом, скотоводство стало мерилем общественного положения, престижным показателем.

Это прямо противоположно положению, характерному для внутреннего горного Дагестана, описанному несколько выше. Здесь наличие земельных обрабатываемых участков считалось своего рода признаком свободного узденя, рассматривалось как своеобразное родовое поместье. Земледелец (и владелец) смотрел на равного ему по имущественному положению (но с другого рода состоянием — скот, имущество и пр.) и сословному положению узденя примерно так же,

как родовитый граф на дворянина с личным дворянством в феодальной России. По-видимому, такие различия в престижности отраслей хозяйства могут отражать не только традиции хозяйствования, но и нацеленность на определенную отрасль, заложенные в обществе социальные и культурные мотивации определенных хозяйственных направлений и специализаций.

Остановимся еще на одной стороне этого аспекта. В.К.Гарданов, говоря о преобладании скотоводства у адыгских народов, указывает, что распространенность и большая ценность скота подчеркивалась тем, что скот был "мерилом стоимости и основной платежной единицей при торговых сделках, уплате калыма, пени за кровь, увечье, бесчестье и т.д." /165, с. 88/. В Дагестане же, например, в композициях, штрафах за нарушение общинных постановлений мы увидим совершенно другую картину: здесь и мера зерна, и участки пашни, и медные котлы, и коровы, и быки, и овцы и прочее, причем скот фигурирует в основном в случаях, связанных со скотоводством. Например, за поджог сенокоса — 1 медный котел; за то, что очередник по выпасу скота послал вместо себя сына или женщину, — 1 мера зерна; за проложение дорожки через пашню или покос — 1 мера зерна; за содержание скота в ауле в заповедное время — 1 мера зерна; за выкос сена с общинного сенокоса — 1 котел и т.д. /70, с. 82; 451, с. 17; 375, с. 95, 124, 133, 138/.

В плане нашей темы подобные "нацеленности" важны как в межотраслевом, так и во внутриотраслевом отношении. Поскольку ФС — это целый комплекс мероприятий населения, общества, связанных с целым рядом природных, хозяйственных, социальных, традиционно-культурных моментов и зависящих от них, избирательность их сложения, бытования будет каждый раз меняться в зависимости от конкретного стечения или взаимодействия этих факторов: совокупность А+Б+Д дает один результат, одну, данную ФС, изменение же в этом ряду хотя бы одного из членов (т.е. наших факторов — моментов) А+Б+Г дает уже иную совокупность, иной результат, другую ФС. В ряду этой совокупности традиции хозяйствования обладают не только материальной силой взаимодействия, но и силой инерции, социальной значимости, знаковости и пр.

В Дагестане XIX в. традиции хозяйствования отражают, с одной стороны, продолжение традиций предшествующего послемонгольского времени, с другой — в них еще продолжают имманентно действовать более древние традиции горного земледельческо-скотоводческого хозяйства, особенно сильно проявляющиеся во внутреннем горном Дагестане. Равнинный Дагестан характеризуется господством земледельческо-скотоводческих традиций с определяющей ролью земледелия. В высокогорном Дагестане преобладают скотоводческие традиции, но при существующем незначительном земледелии, уже не симбиозном со скотоводством.

Эти зональные особенности хозяйственных традиций са-

мым непосредственным образом влияли на сложение определенных ФС. И это влияние традиций хозяйствования на ФС происходит, в частности, и через (посредством), и наряду (в комплексе, взаимодействии), а иногда и вопреки традициям содержания видов скота (видовой направленности скотоводческого хозяйства), к рассмотрению которых мы и переходим.

4. ТРАДИЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ВИДОВ СКОТА

Одним из основополагающих факторов в эволюции ФС являлись традиции разведения определенных видов, а внутри их — пород и профилированных категорий скота. В свою очередь, и эти традиции подвержены воздействию исторического развития, они связаны или с земледельческими традициями и потребностями, или с особым благоприятствованием местных условий для данного вида скота (на данном этапе развития хозяйства и общества) или сложившимися традиционными этнопсихологическими стереотипами принятия или непринятия определенного вида скота. Со своей стороны, и ФС, став составным элементом хозяйственного уклада, ХКТ, сами влияют на выбор населением видовой направленности содержания скота.

Подобное переплетение взаимных воздействий факторов природного, экономического, социально-политического, этнотрадиционного характера способствует в конечном счете сложению видовых регионов содержания скота, которые по другим параметрам, в особенности хозяйственным и культурным, смыкаются с регионами более широкого порядка, заключающими в себе элементы не только скотоводства, но и земледелия, этнокультурных и этнопсихологических традиций. Основными слагаемыми, формирующими эти регионы, можно, по-видимому, считать следующие: степень обеспеченности разными угодами для всех видов хозяйственной деятельности, развитость земледельческого хозяйства и степень его симбиозности со скотоводством; состояние торгово-экономических связей и политическая ситуация в крае; этнокультурные связи и взаимоотношения на разных уровнях; этнопсихологическая избирательность по отношению к видам скота.

Таким образом, хотя основные виды скота разводились на всей территории Дагестана, степень их бытования, удельный вес регулировались закономерностями развития хозяйственно-культурных районов. Естественно, что мы останемся на видах скота, "имеющих непосредственное отношение к сельскому хозяйству" /111, с.10/. В Дагестане это КРС, МРС, ослы, лошади, мулы.

С начала domestikации животных с целью использования для удовлетворения собственных нужд скот стал для человека одновременно и предметом труда, и средством труда, и продуктом труда, что создало совершенно новые, особые обстоятельства по добыванию жизненных благ. Человек в

данном случае не только берет, потребляет, но и сам должен постоянно отдавать, причем речь идет о живом организме, который он должен сохранять и выращивать. Эти "особенности предмета — продукта труда как живого организма обуславливают характер его потребления: субстанции (мясо, шкура) или жизнедеятельности. При потреблении последней организм может временно играть роль средства труда (производство приплода, получение молока, как рабочее животное и пр.), не переставая быть всегда и предметом труда (кормление) до убоя" /383, с. 88/.

Эта двойкость — потребление субстанции или жизнедеятельности — определяет и избирательность человека по отношению к видам скота и его породам, и совокупность применяемых им методов содержания скота в зависимости от того, что ему в первую очередь нужно от содержащегося скота (мясо, шкура, шерсть, молоко, рабочее использование и т.п.). При этом, однако, человек должен сообразовать свою скотоводческую практику (тактику) и с объективными условиями — природными, хозяйственными, социальными. Таким образом, обусловленность содержания вида скота в каждом данном районе представляет собой как бы итоговый результат диалектического взаимодействия комплекса факторов, и действие каждого из них в каждом отдельном случае неодинаково. Например, в горно-долинном Дагестане условия не благоприятствуют разведению КРС, однако в период монгольских завоеваний, когда оторванный от равнины горный Дагестан с большим напряжением производил собственный хлеб, горцы независимо от своих потребностей в других животноводческих продуктах, от неблагоприятных природных условий вынуждены были содержать определенный контингент тяглого КРС. Поэтому в оседлом хозяйстве в отличие от кочевнического состав стада помимо природных условий и "спроса на тот или иной вид животного или продуктов скотоводства на рынке их сбыта" /407, с.7-8/ определяют и собственные "спросы", обусловленные в первую очередь интересами земледельческого хозяйства, степенью симбиозности с ним.

Подобную разность позиций кочевника и земледельца отметил еще Э.Хан, когда писал, что для земледельца молоко КРС не цель его содержания, а "приложение, добавка" (Zubusse), для кочевников же молоко — необходимо, они живут за счет молока своих животных /515, с.72/. Поэтому исследователи сумели, несмотря на авторитет того же Хана, отвлечься от построений, исходящих из обрядовой, церемониальной роли КРС, и рассматривать его как основу структуры взаимных обязательств и как важнейшего по своей отдаче партнера — животного — для существования человека /495, с. 153/.

Со стороны человека же "степень заботы о домашних животных находится в прямой зависимости от их роли в хозяйстве" /481, с.41/. В этих "заботах" и действиях по достижению максимального эффекта от содержания скота человек разными способами достигал целесообразного соот-

ветствия между численностью народа, его способами добы- вания средств существования (в том числе и посредством содержания скота) и его природным окружением, экологией. В достижении этого соответствия, по мысли Х.Ашмана, отдельные народы достигают разных степеней "доминации животных в экономике", и их можно разделить, по его мнению, на три основные группы: максимально зависимые от животных, весьма мало зависимые и промежуточные (средние) между этими обеими /488, с. 260-261/.

Для Дагестана следует признать характерной именно третью группу, поскольку ни в одной из зон скотоводство не является "способом хозяйства" (по Ю.И.Семенову), а представляет собой одну из его отраслей. Причем, по справедливому замечанию А.Калантара, состав стада КРС определяется хозяйственными условиями, в частности связью с земледелием: где нужна плужная пахота, там много волов, где пашни мало, а корма есть — коров /235, с. 113-119/. На преимущественное разведение КРС, его преобладание там, где главный источник благосостояния — земледелие, указывают и другие авторы /84, с. 175/.

Серьезно влияют на количество скота (особенно крупного рогатого), которое может держать хозяйство, и запасы зимнего корма. И в Дагестане, где больше возможностей для заготовки кормов, преобладает КРС, где этого условия нет, но много летних пастбищ, — МРС /454, с. 94/.

Н.Дубровин, говоря о скотоводстве лакцев и сванов, отмечает, что, "несмотря на тучность и обилие лугов", скотоводство у тех и других незначительно из-за трудности "содержания в течение долгой зимы" по причине недостатка в зимних пастбищах и невозможности заготовить достаточное количество сена /203, т. 1, кн. 1, с. 505; кн. 2, с. 87/. Отсюда феномен "ножниц" в скотоводстве горных областей Кавказа — при возможности содержать большое количество скота на летних пастбищах резкое уменьшение этих возможностей в зимний период.

Для Ингушетии, например, было отмечено, что количество летних кормов шестеро превышает запас зимних, и поэтому здесь скота в 5-6 раз меньше количества, "которое могли бы выдержать летние пастбища" /456, с. 91/. А при малом корме, как верно отметил тот же А.Калантар, "оседлый житель гор" не держит овец, "ибо корма нужны для коров и волов, без которых не может жить кавказский земледелец" /237, с. 3-4/. Очень точное наблюдение, отмечающее устойчивые земледельческие традиции кавказских горцев. У КРС есть еще одно преимущество: он одинаково переносит жару и холод и поэтому его можно держать и в горах, и на равнине, в то время как овцы южную жаркую равнину переносят плохо. Отчасти этим можно объяснить, что в северной части равнинного Дагестана (обильной и степными просторами) овцеводство было более развито, чем в южной, причем на севере было возможно и безотгонное содержание овец, на юге же — в сочетании с отгоном. Для примера приведем два наиболее богатых пахотными угодьями

земледельческих участка южной и северной частей: в Аксаевском участке на севере было 14 овец на одно хозяйство, а Гюнейском — 4 овцы, в Улусском же магале на самом юге всего 1 овца на хозяйство (см. табл. 2). Правда, есть в этом вопросе еще один аспект: КРС не переносит безводных равнин. Следует учитывать, что овцеводство — менее сложный вид животноводства, чем разведение КРС (последнее требует определенного уровня развития земледелия), и потому "перейти к нему легче" /481, с. 35/. Основной фактор меньшей сложности овцеводства заключается, по-видимому, не в том, что КРС требует развитого земледелия (скорее наоборот, земледелие требует его разведения), а в том, что он труднее утилизирует пастбища, менее приспособлен к зимнему выпасу, а поэтому нуждается в заготовленных кормах, и это могут быть и солома и сено, как в высокогорном Дагестане, Хевсурети и других местах.

Эти особенности содержания КРС и МРС послужили предпосылкой того, что в горных областях Кавказа, и особенно в Дагестане, сложилось многообразное, "чересполосное" положение в содержании различных видов скота, так что однозначно рассматривать этот вопрос нельзя даже в пределах одного горного Дагестана. Например, внутренний горный Дагестан довольно успешно сочетал овцеводство с земледелием. Здесь имеет место хозяйственно-экологическая взаимная обусловленность: в свое время рост земледелия привел к обезлесению, что благоприятно для овцеводства. "Таким образом, овцеводство великолепно уживалось с оседлым земледелием" /258, с. 126-128/.

В объяснении повсеместного развития овцеводства на Кавказе нет разногласий: это наличие обширных степей с невысокой травой, лучше используемых овцами, высокогорные пастбища, малодоступные и малопригодные для КРС, дающие небольшой процент сенокосных угодий; расположенность основных сезонных пастбищ в ландшафтно сильно различающихся и отдаленных друг от друга местах, что вызвало необходимость далеких перегонов, в чем МРС имеет несомненные преимущества перед крупным /84, с. 215/.

Когда А.Калантар сформулировал основные аспекты задач и способов исследования скотоводства, на первом месте он поставил "цель содержания скота" /235, с. 116/. В.А.Шнирельман, рассматривая различные аспекты проблемы развития раннего скотоводства, также ставит на первое место "эволюцию способов использования" продуктов скотоводства и "мускульной силы животных". Из других аспектов этой проблемы, перечисленных названным автором, обратим внимание еще на "динамику взаимоотношений скотоводческого хозяйства с другими видами хозяйственной деятельности, и прежде всего с земледелием" /480, с. 218/. Именно этот аспект оказался наиболее актуальным для равнинного и внутреннего горного Дагестана.

А.Калантар перечисляет основные цели содержания КРС: молоко, мясо, земледельческие работы, навоз для кизяка

и любые сочетания этих отраслей. Использование его в качестве тягловой силы считают более поздним, связанным с появлением плуга и повозки. Однако вол появился, по-видимому, раньше. В отличие от Э.Хана и его последователей, считавших, что кастрация быков идет от ритуала, современные исследователи ищут этому феномену более рациональные объяснения. Например, У.Сирелиус рассматривает ее как "средство уменьшить напряженность в стаде" /480, с.20/. В.А.Шнирельман считает, что кастрация не была вызвана необходимостью использования мускульной силы животных, что она лишь предпосылка этого использования. Цель кастрации — создание животных, поддающихся откорму, уменьшение агрессивности (и для человека, и для жизнедеятельности стада). Это также метод контроля за воспроизводством стада. И все же, заключает автор, широкое распространение кастрации "связано, по-видимому, именно с переходом к использованию мускульной силы животных, в особенности с запряжкой их в плуг и повозку" /480, с.226-227/. С использованием вола в качестве рабочей силы связывает кастрацию и В.И.Цалкин /458, с.32/. Более универсальной считает ее Ю.А.Краснов: "Получение животных, не только более пригодных к работе, но и более способных к откорму" /275, с.115/. В связи с одной из целей кастрации — уменьшением агрессивности — можно высказать предположение, что кастрация могла зародиться как в процессе доместикации, так и в процессе приручения к упряжной работе.

Для равнинного Дагестана цель содержания КРС обычно указывается очень определенно: выращивание рабочего и молочного скота. Так, в частности, считает А.Калантар, говоря о кумыках Приморской низменности и нижнего предгорья, о нижнем Табасаране. Поскольку земледелие он называет главным занятием, соответственно подчеркивается значение рабочего скота, при этом, в частности, отмечается особенность: зимой рабочий скот кормят хорошо, а коров и гулевой скот — неважно. По своим особенностям это хозяйство уподобляется А.Калантаром хозяйству оседлых жителей равнины Кубинского и Мюшкурского уездов Азербайджана, в которых цель содержания скота — "удовлетворение потребностей в рабочем скоте и в молоке" /237, с.147, 168-171, 197/. В Эндиреевском владении рабочих буйволов (признак интенсивного поливного земледелия) было больше, чем волов (1890 против 1535), в то время как буйволиц более чем вдвое меньше, чем коров (1552 и 3656). Во всей Засулакской Кумыки буйволы, показатель сугубо рабочего и молочного назначения скота, но отнюдь не мясного, составляли треть КРС (см. табл. 2) /28, с.50-69/. В сел. Эндери у информатора (когда он входил в колхоз) было 2 вола, а коровы не было. Такое же преобладание волов в селениях Карадаглы, Джебел, Оруджоба и др. /56, с.157; 57, с.12, 68, 75/. Правда, в большинстве случаев наши материалы указывают на преобладание коров, но это, как справедливо отмечает В.А.Шнирельман, не абсолютный признак именно молочного хозяйства, ибо, как по-

казывают материалы по современному скотоводству ряда областей мира, на мясо режут выборочно больных и старых особей "вне зависимости от наличия там молочного хозяйства. Кроме того, стремление сохранить коров вызывается прежде всего заботой о воспроизводстве стада, а уже потом потребностями молочного хозяйства" /480, с.224/.

Во время своих поездок по Дагестану А.Калантар обратил внимание на зонально-видовые различия дагестанского скота, в Кайтаго-Табасаране он отметил большой процент рабочих буйволов (от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ всего скота), а основным назначением скота считает молоко и использование в качестве рабочей силы (точнее было бы переставить их местами). Уже для предгорий акцент несколько смещается: молоко, рабочая сила, отчасти удобрения, а повыше лесной полосы — топливо. В горной части назначение более универсальное ("многообразно" — по его выражению): молоко, масло, рабочий скот, навоз для удобрения и топлива, убой и обмен /237, с.168-176; 264, с.82/. Однако и здесь, особенно в центральном нагорном Дагестане с его богатыми сельскохозяйственными традициями рабочее использование занимает большое место.

Для горного Дагестана классической можно назвать формулировку местного жителя: ослы для переноски тяжестей через горы, быки для земледелия, лошади для верховой езды /247, с.5/. Другой приезжий наблюдатель, сказав о скотоводстве горного Дагестана, что оно "не в лучшем положении", добавляет: "Каждый, правда, имеет несколько штук рогатого скота, но держит его только для обрабатывания земли и перевозки тяжестей на арбах" /58, с.25/.

Даже если авторы отмечают незначительность разведения КРС, что "он разводится в ограниченном количестве, необходимом для потребностей домашнего хозяйства", они и в этом случае в качестве его назначения отмечают сельскохозяйственные работы, перевозку грузов /251, с.24-25/. В значительной части горных обществ Дагестана разведение КРС преобладало и "животноводство как отрасль производства было подчинено земледелию" /77, с.55/. Не случайно в Аварском округе удельный вес КРС вдвое превышал удельный вес МРС в переводе на крупный, в Гидатлинском участке — также вдвое, Куядинском — почти втрое, Мекегинском — в полтора раза, Каракайтагском — в 3,5 раза, Кумухском — вдвое. И отметим, что многие из них известны и развитым земледелием; например, Гидатлинский, Мекегинский, Каракайтагский даже были зернопроизводящими и сбывали его излишки.

Другой аспект этого вопроса выражается во внутривидовых соотношениях. В Аварском округе 38,8%, в Андийском 35,4% скота составлял рабочий /23, с.132-133, 140-141/. Ничего исключительного в этом, по-видимому, нет; на Кавказе нередки ситуации, когда в высокогорье ведущее место занимал КРС. Например, скотоводство в Сванети было непосредственно связано с земледелием, здесь имеет место симбиоз горного земледелия и отгонного скотоводства и ведущее место в скотоводстве занимал КРС /255, с.4, 6/. В

нагорных селениях азербайджанцев А.Калантар одной из главных целей скотоводства считает выращивание рабочего скота, а в нагорной Армении "удовлетворение в рабочем скоте" ставится даже на первое место /237, с. 73-76/.

Однако будет, по-видимому, точнее, если мы сделаем для горного Дагестана акцент на "домашние потребности" и присоединимся к формулировке Калантара: "многообразное" или "всестороннее" назначение /237, с. 172-174/. Так, перечисляя назначение КРС, он пишет: "Наконец, есть местности, где скотоводство должно одновременно доставлять и молоко, и мясо, и кизяк, и удобрения, и рабочую силу. Там скотоводство приобретает большую связь с остальным хозяйством крестьянина. Таково скотоводство во многих местах Дагестана" /235, с. 116/. О Даргинском, Казикумухском и Гунибском округах он пишет, что молоко идет на домашнее потребление, где больше травы — на масло и обмен, рабочий скот — для земледельческих работ, навоз — на топливо и удобрение, небольшая часть скота — на обмен. Буйволиц держат в общем-то редко в отдельных селениях Даргинского округа, в хозяйствах с излишком сена /237, с. 172/. Насчет сена, впрочем, судя по полевым материалам, дело обстоит не совсем так — буйвола надо кормить мякиной (саманом), соломой, сено ему противопоказано, разве только немного или в примеси /57, с. 68, Джебел; с. 75, Оруджоба; с. 95, Касумкент/. В отношении Аварского и Андийского округов тот же автор отмечает отсутствие транспортного назначения скота (нет арбы), большую роль навоза как удобрения /237, с. 174/, вплоть до того, что, по его мнению, в некоторых селениях КРС держат только ради удобрений /235, с. 116/, что, впрочем, нам не удалось подтвердить. Кроме того, при необходимости употреблять часть соломы и навоза на топливо (что было особенно характерно для горного Дагестана) количество навоза существенно уменьшалось и соответственно падала функция КРС как поставщика удобрения.

Что касается высокогорного Дагестана, то здесь в назначении КРС преобладало мясо-молочное направление. Земледелие здесь было незначительно, повозки не бытовали, поэтому рабочего скота требовалось мало. Однако в отдельных участках удельный вес КРС был здесь очень высок, не уступая удельному весу мелкого. Это не совсем понятно, поскольку при имевшемся здесь обилии летних пастбищ отгонная форма, практиковавшаяся здесь, должна была обеспечить абсолютное преобладание МРС. Объяснение лежит в хуторской системе содержания скота. Материалы убеждают нас в том, что в любой части (зоне; районе) Дагестана при выборе формы содержания скота сначала рассматривались все возможные формы его содержания без отгона. Ради этого применялся даже и такой губительный для расширенного воспроизводства метод летнегулевого выпаса с осенним массовым убоем, с расчетом на уже имеющиеся зимние кормовые припасы. И в этом безотгонном содержании скота большую роль играли хутора для его зимне-весеннего содержания.

Удается проследить прямую связь между развитостью хуторской системы и относительно высоким уровнем содержания КРС. Убедительный пример в этом отношении — Гидатль в горном Дагестане. В высокогорье подобная закономерность прослеживается на примере Сюргинского участка (4,8 гол. КРС на одно хозяйство и 2,2 — МРС), Анцухо-Капучинского (5 и 5,5 соответственно), Ункратль-Чамалалского (4,7 и 4,9), Тиндальского (4,5 и 2,9), Мукарского (3,6 и 3,7) и др. (см. табл.2). В этих участках мы обнаружили еще одну закономерность: в них более развит специальный отгон коров на яйлаги.

И все-таки мясное назначение КРС в высокогорье поставлено на первое место не случайно. Мы уже указывали выше на особую бедность Дагестана сенокосными угодьями, между тем регулярное молочное хозяйство требует хорошей кормовой базы на зимне-весенний период, в противном случае оно будет постоянно нести потери в поголовье удойного скота. Поэтому в районах с недостаточными ресурсами заготовления кормов предпочтительнее при обилии хороших летних пастбищ мясное направление скотоводства. Оно экономически выгоднее и целесообразнее еще потому, что неожиданные бескормицы, вынуждающие резко увеличить убой скота осенью, будут иметь для него не столь катастрофические последствия. Здесь вынужденная повышенная выбраковка скота явится как бы лишь продолжением (хотя и невыгодным для хозяйства) общей линии хозяйства, его специализации, в то время как в молочном хозяйстве это будет ломкой специализации, уничтожением основы и резервов хозяйства. Здесь как бы лишь нарушение очередности, потеря однородного с традиционно теряемым продуктом — мясного скота, там потеря молочного (специализированного) скота, являющегося основой и производства и воспроизводства.

Относительно назначения МРС вопрос выглядит несколько проще. Г.Е.Марков допускает, что "одомашнение древнейших животных — мелкого рогатого скота" могло иметь в основе "любителство" и другие "нехозяйственные соображения" /315, с. 64/. Однако опыт domestikации очень скоро показал хозяйственную целесообразность содержания скота, что подвинуло древнего человека на одомашнение даже таких крупных и злобных животных, как бык и кабан. Естественно, что в начальную пору применения находили в первую очередь мясо, шкуры, кости /315, с. 64; 269, с. 79/, т.е. первичные, очевидные продукты, использование которых было апробировано еще охотничьим хозяйством. Дальнейшие изменения в назначении скота были связаны как с опытом содержания domestikцированных животных, так и с развитием человеческого быта, культуры. Так, например, возникновение плетения, вязания, а затем ткачества сделало более актуальным использование волоса, что привело к росту содержания животных, дающих волос. А развитие в результате domestikации подшерстка овцы сделало ее шкуру "исключительно благодарным сырьем для ткачества" /326,

с.39/. Что касается молочного назначения, то оно, по-видимому, одно из самых поздних. Если использование продукта труда — мяса, шкур — было очевидно полезным, вытекало из додоместикационного периода, то использование скота в качестве средства труда (молоко, рабочая сила) могло сложиться лишь в течение длительного периода функционирования производящего хозяйства. Поэтому не случайно в науке считаются с мнением, что молоко было "открыто" случайно, детьми /315, с. 64/, которые в повседневном общении с детенышами животных могли даже из подражания приобщиться к потреблению животного молока.

В Дагестане XIX в. овцеводство сохранило свое древнейшее назначение — мясное. Указывая, что в горных областях Кавказа отдают предпочтение овце, Калантар перечисляет продукцию овцеводства: вначале в общем плане — сыр, масло и мясо; затем подробно — молоко, молочные продукты (особенно предпочитаемый коровьему сыр), приплод, мясо (тоже предпочитаемое), курдюк (ценимый), шерсть, овчина и, кроме того, благоприятный рынок /235, с. 126/. Даже в целом для Дагестана этот перечень потребует внесения коррективов. Во всем Дагестане из всех назначений овцы на первом месте стояла мясная продукция, затем шерсть, сыр (или брынза), овчина.

По зонам были существенные отличия: на равнине главным и основным было мясное назначение овцеводства, сыр почти не производился, шерсть тоже не имела особого значения, больше учитывалась овчина. В горной части после мяса наиболее важной продукцией была шерсть, затем овчина, сыр. В высокогорье — мясо, сыр, шерсть, овчина, но для рынка — мясо, шерсть и сыр. Остальные статьи, упомянутые Калантаром, не имели самостоятельного значения, они были формой реализации — в зависимости от конъюнктуры — этих основных продуктов овцеводства. Например, молоко в цельном виде не употреблялось, оставшаяся после приготовления сыра сыворотка или шла на рассол для брынзы, или скармливалась скоту. Приплод важен при содержании любого вида скота, МРС в этом отношении не исключение. Упоминание же его в перечне А.Калантара объясняется тем, что приплод (его часть) имел самостоятельное значение в качестве статьи обмена (в условиях недостатка заготовленных кормов нередко предпочитали "выравнивание" стада осуществлять за счет приплода этого года). Курдюк в самом деле имел особое значение. В Дагестане ему приписывалось много полезных свойств, и не без оснований. Он является кладовой не только жира, но и витаминов, его жир в отличие от сального не сворачивается и не твердеет и поэтому служил прекрасным медицинским средством, он был незаменим в дороге благодаря необычайной питательности, употреблялся в качестве приправы ко многим национальным блюдам. Каждая семья старалась иметь в хозяйстве запасы курдюка, даже если у них совсем не было овец, поэтому он был одним из самых ходовых предметов обмена.

В наибольшей степени отличается в Дагестане, как мы видим, молочное использование МРС. Здесь не употребляют цельного молока, не готовят из него масла, да и сыр не является важной статьей утилизации; и местами вообще не производится сыр и не доят овец /54, с. 78, Буцра; с. 88, Аракань/. Если вспомнить о месте, отведенном молоку и сыру Калантаром, положение действительно своеобразное. Характерно, что и у отдельных этнических групп в Карпатах (у чеклеров), у которых "овца стоит на первом месте", первым, важнейшим продуктом указано молоко. Отметивший этот факт венгерский исследователь Л.Фольдеш добавляет, что у венгров долин, например, этот перечень совсем другой — мясо и шерсть /504, с. 285-286/. Насколько можно судить, отсутствие доения и производства сыра связано в Дагестане с состоянием кормовой базы, недостатком летних пастбищ и традицией летнегулевого содержания и "выравнивания" стада за счет молодняка. Последний, получая максимум материнского молока, быстрее набирал вес. Есть и другая сторона: при относительном недостатке летних пастбищ было трудно отводить специальные лучшие пастбища для нагула молодняка.

Таким образом, в традициях содержания основных видов скота в Дагестане наблюдаются тесные взаимосвязи с комплексом природных условий в масштабе всего Дагестана (всех его зон), с традициями земледельческого хозяйства, занятиями соседей и конъюнктурой рынка. В этом отношении просматривается определенное единство традиций видового содержания и ФС, так же как существуют определенные закономерности и взаимообусловленные особенности между ними, определяющие соотношение их сосуществования. По-видимому, вопрос о соотношении видов скота и ФС станет яснее и конкретнее, если охарактеризовать сами виды скота, их особенности, породы и пр.

5. ВИДЫ СКОТА

КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ

Классификация его производится по характеру продуктивности, в зависимости от которого различают породы "односторонне специализированные и породы комбинированной продуктивности"; породы по происхождению, а также назначению (хозяйственное, племенное) /111, с. 376/. Но особо важной при характеристике дагестанского скота представляется классификация "эколого-географическая", согласно которой породы подразделяются на горные, низменные (равнинные) и степные /111, с. 377-378/. Этой классификации, отодвигая другие на задний план, придерживались все исследователи, начиная с А.А.Калантара, который первым дал научную классификацию дагестанского скота. Он делил скот Кавказа, исходя из этого признака, на 7 групп:

1) скот низменностей, 2) покатых низменностей, 3) предгорий, 4) гор, 5) горных долин, 6) горных плоскостей, 7) кочующий. Относительно горной группы он замечает, что "типом горного скота может служить дагестанский скот, умеющий пастись на крутых скатах и крутизнах, проходящий без усталости большое расстояние по крутым подъемам и спускам в течение дня" /235, с. 16-17/. Классифицируя скот по величине (мелкий, средний, крупный), А.А.Калантар относит к мелкому дагестанский скот в общем (Аварский, Андийский, Даргинский и другие округа), к среднему из дагестанского — только скот кумыкской плоскости, крупный в Дагестане не обозначен совсем. По удойности намечаются 4 группы: посредственные (10 ф. молока в сутки, 25-30 ф. масла за пастбищный период), хорошие (соответственно 15 и 40-50), отличные (20 и 60-70), высокомолочные (20 и 80, 120 ведер молока в год). И здесь по Дагестану отмечены только посредственные (в местах, небогатых пастбищами) и хорошие (в местах, "богатых кормами"). Зато наиболее высокий процент жирности молока по всему Кавказу он зафиксировал в дагестанских селениях Гуниб и Хаджал-Махи /237, с. 20-21, 22, 23-24/. Преимуществом дагестанского скота горных долин он считает их одинаковую приспособленность и к горной местности, и к предгорьям, и даже к равнине /235, с. 109/.

Генетически кавказский скот обнаруживает гораздо большее единообразие; по А.А.Калантару, на Кавказе имеются две основные породы: великокавказская (охватывающая отродья всей территории Большого Кавказа, в том числе и Дагестана) и малокавказская /237, с. 9/. С.Н.Боголюбский относит обе породы к подвиду коротконогий домашний скот. Он считает его молочным /110, с. 353; 267, с. 237/. Исследованиями дагестанских специалистов подтверждено породное единообразие при значительных различиях, которые "обусловлены главным образом вертикально-зональным распространением, а не являются породными различиями" /185, с. 26/.

Дагестанский скот не обойден вниманием и в западно-европейской литературе. Так, Е.Рамм, и Г.Вернер со ссылкой также на Фрайтага и Хенгвельда выделяют дагестанскую породу, отмечая ее "знаменитую" работоспособность и вполне удовлетворительную удойность и кормоспособность /523, с. 284; 537, с. 184/. Й.Хансен, характеризуя "великокавказский" скот — маленький, сильный, соразмерной конституции, черный, рыжевато-красный или пестрый, очень подвижный, весом до 130-200 кг, с удойностью от 700 до 1000 л, отмечает, что в нем "наиболее выдающееся место занимает дагестанская корова, дающая до 1400 л". Й.Хансен также указывает на связь величины и продуктивности генетически однородного скота с экологической средой /518, с. 431-432/.

Отдельно следует сказать о буйволах. Они обладают многими достоинствами: силой, выносливостью, устойчивостью к жаре и кровососущим насекомым, хорошей удойностью (до 12 л в день), высококачественным молоком (7-

8% жирности). Буйвол не боится болот, стоячих вод, волков. Недостатки его в условиях Дагестана — он не переносит холода и требует много корма, не приспособлен к работе на холоде и каменистом грунте /235, с. 130; 200, с. 95; 266, с. 253/. Это сделало буйвола непригодным для горного Дагестана /140/, но на равнине он ценился высоко, особенно на орошаемых и тяжелых почвах, лесолуговых залежах (двухупряжная связка буйволов легко проходила с плугом там, где не могла пройти четырехупряжная связка волов). Например, у засулакских кумыков в начале XX в. насчитывалось 19756 буйволов, т.е. треть всего поголовья КРС, и из них 3627 рабочих буйволов (треть рабочего скота). По Дагестанской области наибольший удельный вес буйволов был в стадах Кайтаго-Табасаранского, Темирхан-Шурина и Кюрина округов (в 1892 г. 97% всех буйволов), т.е. в наиболее хлебных земледельческих округах Дагестана /28, с. 50-69; 25 за 1892 г./.

Если говорить о классификации по степени завершенности племенной работы, то дагестанский скот следует, по видимому, отнести к переходным породам. Ни примитивным, ни заводским его назвать нельзя. Здесь проводилась большая работа по зональной адаптации скота, выработке рабочих или молочных качеств, по метизации; применялись оба вида искусственного отбора: "бессознательный" и методический. При первом виде просто сохранялись наиболее ценные особи, при втором виде проводили простой массовый отбор — отбор на племя по продуктивности, плодовитости и экстерьеру (т.е. по фенотипу) и индивидуальный отбор (с оценкой генотипа). Однако в целом по своим рабочим и продуктивным качествам дагестанский скот по причине суровой экологической среды, отсталости экономики, бедности был ближе к примитивным породам, чем к заводским: мелкий рост (суровые условия, скудное кормление); универсальная и низкая продуктивность; выносливость, крепость, стойкость против заболеваний, неприхотливость к корму, поздняя зрелость, меньшая изменчивость /111, с. 369-370/. Ученые отмечают, что дагестанская порода "молочного типа, черной масти, мелка, крепка, быстра на ходу, имеет плотные и твердые копыта, позволяющие пастись среди острых камней, на неровных местах, по скалам и утесам". Эта порода ловка, подвижна, нетребовательна, "замечательно приспособлена к условиям рельефа и климата дагестанских гор"; имеет высокие рабочие качества и продуктивные способности при благоприятных кормовых условиях (полпуда молока в день при высокой жирности молока) /237, с. 172; 200, с. 95; 85, с. 399; 205, с. 54/.

В пределах этой породы народная селекция добилась определенных успехов. Например, в части предгорных селений, лучше обеспеченных кормами, была традиция создания адаптированной к местным условиям помеси с крупными равнинными породами. Селения со средней обеспеченностью кормов специально покупали для селекции скот из бедных пастбищами селений, но с хорошим экстерьером, справед-

ливо полагая, что в их условиях это может дать лучшее потомство и лучшие результаты нагула.

Отбор скота проявлялся в хозяйственной и зональной адаптации. В условиях равнины и нижнего предгорья, где рабочие функции и качества КРС выступали на первый план (ср. /155, с. 13/) и где были сравнительно лучшие кормовые возможности, предпринимались отбор и метизация для укрупнения скота, в то время как в высокогорной полосе более заботились о нагульных и молочных качествах.

МЕЛКИЙ РОГАТЫЙ СКОТ

Исторически его разведение в Дагестане прошло длительную эволюцию, в ходе которой происходила зональная адаптация, сложение местных форм и пород, рост или падение удельного веса в зависимости от экономической или политической ситуации и соответственно изменений в ФС. К XIX в. овцеводство приняло в некоторых регионах Дагестана внушительные масштабы, но по массовости бытования и проценту населения, занимавшегося им, значительно уступало разведению КРС, ибо КРС был более необходимым, универсальным и распространенным видом скота в Дагестане, в то время как МРС был более специализированным, независимым от остального хозяйства, занимающим меньше рабочих рук, более промысловым.

В классификации по продуктивности МРС тяготеет к "односторонне специализированным" в отличие от "комбинированной продуктивности" пород крупного /111, с. 376/. Если в отношении КРС речь шла о единообразии пород и генезиса, о большой роли эколого-географического фактора, то в отношении овец, по-видимому, имели значение и производственные и бытовые потребности человека. Очевидно, например, что андийская овца в результате исторического (филогенез) и индивидуального (онтогенез) развития, при целенаправленной селекционной работе человека приобрела те свойства, которые в наибольшей степени отвечали хозяйственным и бытовым потребностям андийцев.

В отношении овец принята классификация зоологическая и производственная. В отличие от других видов скота овцы классифицируются зоологически не по черепу, а по форме и длине хвоста — по классификации Палласа-Натузиуса, Н.П.Червинского, М.В.Иванова /109, с. 15-16/. По этой классификации дагестанские овцы относятся к четвертой группе — длинножирнохвостые, в которую входят и северокавказские и закавказские породы: а) осетинская, б) дагестанские неулучшенные овцы, в) андийская, г) балбас, д) карабах, е) мазах, ж) тушинская. Признаки группы: длинный хвост с жировыми отложениями достигает скакательных суставов. Жировые отложения в виде округлого образования или равномерно сужающейся клинообразной фигуры. Нижняя часть хвоста — без отложений, прямая или изогнутая*.

Однако в практике овцеводства чаще приходится сталкиваться с производственной классификацией, которая строится по основной продукции овец /109, с. 14/. В дореволюционном Дагестане были овцы только шестой группы — мясо-шерстно-молочные горные грубошерстные овцы, — совпадавшей с четвертой группой зоологической классификации — длинножирнохвостые /109, с. 16-17; 301, с. 157/.

Природно-географические условия горного Дагестана были более благоприятны для содержания и расширенного воспроизводства МРС. Недостаточность сенокосов, вынуждавшая искать им замену в зимнем выпасе в округе или путем отгона на равнину, была одной из главных причин этого, ибо для отгона овцы более приспособлены. После лошади овца — наиболее приспособленный к тебеневке вид скота. Овца может пастись на плохих, сухих, ксерофитных пастбищах, каменистых и крутых склонах. Заостренная морда, острые и овално изогнутые резцы позволяют овце откусывать совершенно недоступную для другого скота траву: у нее наиболее широкий ассортимент поедаемых трав /459, с. 94; 200, с. 93-94/; ее потомство буквально в тот же день способно самостоятельно следовать за матерью, что намного облегчает уход за ягнятами, воспроизводство стада. Несмотря на эти преимущества, овцеводство не стало главным занятием дагестанских крестьян в целом, даже крестьян в тех обществах, где скотоводство получило в общем значительное развитие. Для сравнения приведем одну цифру: в 1886 г. в Дагестане было 480 224 гол. КРС, а овец — 2 489 950 гол. (в переводе на КРС — 414 991). Если в среднем на 1 дым в Дагестане было 7,3 условные головы всех видов скота (МРС, КРС, лошади, ослы, мулы), то МРС составлял 3 гол., в то время как КРС — 3,6 (см. табл. 2). Объяснение этому мы прежде всего видим в устойчивых традициях земледельческого хозяйства. Не случайно в высокогорной части Дагестана, где традиции земледельческого хозяйства были слабее, овцеводство получило большое развитие: здесь мы обнаруживаем 5,8 условные головы МРС при 3,6 гол. КРС (см. табл. 2).

Остановимся на отдельных породах. А.Калантар насчитывал на Кавказе 13 групповых типов, из которых 6-й составляла лезгинская порода, 7-й — прикаспийская (с видами ширванская, табасаранская или нижнесамурская, кумыкская), 9-й — дагестанская (с видами андийская белая и черная, даргинская черная, аварская, верхнесамурская — джиных, дидойская) /238, с. 4/. А.И.Николаев высказался за то, чтобы горные дагестанские породы (андийская, даргин-

* С.Н.Боголюбский делит эту группу на полукурдючную (жировая подушка — расширение мягкого основания хвоста) и равномерно жирнохвостую (жир по всей длине хвоста). Кавказских овец он относит к полукурдючным, указывает на большое разнообразие (до 20 пород) и отмечает, что "особенно много их было в Дагестане" (лезгинская, кумыкская, бозах, аварская, черкесская, андийская, самурская, табасаранская, балбас и др.) /110, с. 262-265/.

ская, гунибская, дидойская) рассматривались как разновидности одной "нагорной дагестанской породы". Подобную классификацию поддержали затем А.И.Панин, В.М.Сириус, И.Я.Крайнов, С.Л.Колюнов, М.Ф.Иванов, В.Близниченко, А.Потанина /109, с. 12/. В качестве другой самостоятельной породы они признают лезгинскую. Как отличительное свойство дагестанских овец отмечается их небольшая величина, приземистость форм, хорошо развитые ноги, позволяющие легко преодолевать каменистые склоны, кручи, большие переходы. Оброслость плохая, окраска — черная, белая, бурая, шерсть грубая /109, с. 13-15/.

Лезгинскую породу А.Калантар называет "одной из выдающихся пород закавказских овец". По качеству шерсти она уступает только тушинской, шерсть белая, мясо удовлетворительное. Курдюк (точнее, не курдюк, а жировое отложение на хвосте) средний, круглого очертания, с полукруглым зеркалом, с хвостовым придатком /238, с. 14-15/. Близкой к ней А.Калантар считает табасаранскую (нижнесамурскую) овцу. Крупнее лезгинской, менее прихотлива, шерсть грубее, с желтоватым отливом, курдюк более открытый и более раздвоенный /238, с. 16-17/. Кумыкскую он считает промежуточной между лезгинской и калмыцкой (по видимому, лучше сказать — ногайской) /238, с. 17-18/.

Остальные породы сведены в дагестанскую группу. Первой из них А.Калантар называет андийскую белую. Это одна из крупных дагестанских пород, шерсть (как и у черной) высокого качества (мягкая как пух, длинная, волнистая, нежная); большей частью идет на бурки; мясо высоко ценится /238, с. 19-20/. Б.Ф.Добрынин назвал андийскую овцу наиболее замечательной среди дагестанских овец /200, с. 98/, а автор описания Дагестана 1804 г. А.И.Ахвердов говорит о них: "содержат стада овец отменных против всех горских овец... шерсть у них достигает до земли" /96, с. 226/.

Следующая дагестанская порода или разновидность — даргинская овца. Черная, мелкая, густо обросшая, предпочтение отдавалось овце, у которой шерсть на брюхе коричневая; однако шерсть у нее хуже, чем у аварской и андийской. Курдюк общедагестанского типа, рога загнуты вниз и вперед /260, с. 21/. Аварская порода, напротив, белая, шерсть хорошая, но уступает андийской. Б.Ф.Добрынин полагал, что она родственна карабахской овце. Центральный нагорный известняковый Дагестан отличается наибольшей изрезанностью ландшафта, и аварская порода в наиболее яркой форме отражает приспособленность к каменистым лугам, кручам, к холоду, перегонам и пр. Это "настоящая горная овца", по определению Ю.Ф.Добрынина /238, с. 21-22; 200, с. 98/. У аварской породы, по свидетельству многих авторов и нашим полевым материалам, усматривается одна особенность: ее шерсть выщипывали руками. Е.Я.Борисенко считает, что это делается с овцами примитивных пород и что до изобретения ножниц их не стригли, а обирали во время линьки /111, с. 254/. Но наши наблюдения не

подтверждают этого. Ножницы местного производства существуют с древних времен, аварская порода не примитивнее даргинской или верхнесамурской, а сами чабаны довольно просто объясняют эту особенность свойствами шерсти этой породы и особенностями ее выпаса. Так, например, при зимнем выпасе в горах и особенно на высокогорных пастбищах летом предпочитали иметь овец аварской породы, так как после выщипывания тонкого пуха на овце оставалась шерсть, которая защищала ее от холода /54, с. 41, Токита; с. 77, Буцра/. Тут же, даже в одной отаре бывали овцы другой породы, никто и не думал их обирать от пуха, их стригли /54, с. 66, Годобери/. В некоторых селениях, где зимой овцы содержались в теплых помещениях, а летом — в высоких горах, поступали даже так: весной выщипывали шерсть, а осенью стригли /54, с. 27, Квананада/; в других селениях выщипывали шерсть у овец, оставляемых в горах для зимнего выпаса (для тепла), и стригли у овец, перегоняемых на равнину /55, с. 100, Куба/. Особенно часто отмечают наблюдатели эту особенность сбора шерсти у овец среди жителей общества Келеб, причем это они ставят обычно в связь с отсутствием у них отгона овец на равнину (П.П.Надеждин, Е.Марков, Н.И.Воронов и др.) /346, с. 268; 319, с. 491; 143, т. I, с. 30/.

Еще одна дагестанская порода — верхнесамурская (джинных), напоминающая аварскую. Мелкая, но шерсть хорошая; ценится мясо, особенно молодняка /238, с. 22/. Б.Ф.Добрынин выделяет еще одну разновидность дагестанской овцы — кюринскую (гюдек); она несколько крупнее аварской, с более грубой шерстью, с большим раздвоенным курдюком, без устойчивой масти, теплолюбивая /200, с. 92/.

К особенностям дагестанских овец можно отнести и то, что в большинстве своем они доились — в отличие, например, от широко известной на Кавказе карачаевской овцы. Наблюдатели высоко оценивали качества дагестанских овец, объяснявшиеся, в частности, использованием для выпаса и кормления разнородных угодий разных природно-климатических зон. Так, О.В.Маркграф писал: "Благодаря совокупности этих угодий местные породы горских овец соединяют в себе достоинства, которые считаются несоединимыми, давая вкуснейшее мясо, массовое отложение жира курдюка, прочную кожу, нежнейшие овечьи меха (курпей) и хорошую — по тонкости и завитку — шерсть для сукна и войлочных изделий" /313, с. 6-7/; мы добавили бы здесь еще и отменное молоко. О шерсти дагестанских овец путешественник XVIII в. Дж.Белл пишет, что "шерсть их овец столь хороша, что я такой нигде не видывал" /100, с. 180/.

Что касается территориального распространения пород, то в большинстве случаев в их наименованиях заключено и определение ареала их разведения, часто совпадающего и с расселением соответствующего этноса: лезгинская — в Самурском округе; кюринская — в восточной, низменной части Кюринского и Самурского округов; табасаранская — в Южнотабасаранском, Кюринском, Северотабасаранском и ча-

стично Каракайтагском участках; кумыкская — в Темирхан-шуринском округе и частично в Засулакской Кумыкии (Хасавюртовский участок) и Нижнекайтагском участке; андийская — в большей части Андийского округа, в Андийском, Гумбетовском, Технуцальском участках, частично в Каратинском, Ункратль-Чамалалском; аварская — в Аварском округе, частично в Каратинском, Тиндальском и Ункратль-Чамалалском участках Андийского округа, в Цудахарском участке Даргинского округа, в Вицхинском и Кумухском участках Казикумухского округа; дидойская — в Дидойском, частично Ункратль-Чамалалском, Тиндальском участках Андийского округа; даргинская — в Даргинском округе, частично в Уркарахском участке Кайтаго-Табасаранского округа; верхнесамурская (джиных) — в верхней по реке Самур части Самурского округа — в Ахтыпаринском, Лучекском участках, частично в Докузпаринском участке.

ОСЛЫ И МУЛЫ

В хозяйстве дагестанцев осел и мул, несомненно, отодвигают на второй план лошадь. Известно, что ослы предназначены для переноски тяжестей в горах /247, с. 5/. Поэтому осел получил распространение в тех районах, где возможности колесного транспорта были крайне ограничены. Там, где не могла проехать арба, главным средством перевозки груза был осел. Лошадей было мало, ибо конная повозка в Дагестане не бытовала, а использование лошади для вьючных перевозок не оправдывало себя в бедных сенокосными угодьями местах. В сельскохозяйственных работах лошадь также почти не использовалась, в них господствовал вол. Лишь в высокогорье с его богатыми пастбищами лошадь имела большее распространение; она использовалась и для вьючных перевозок, что соответственно уменьшило здесь потребности в разведении ослов.

Осел как сельскохозяйственное животное имеет много преимуществ в условиях горной каменистой страны аридной зоны, каковой является Дагестан. Осел незаменим во многих сельскохозяйственных работах в условиях расчлененного рельефа и бездорожья. Осел — прирожденное вьючное животное, его спинной хребет очень гибок, и случаи его перелома весьма редки. В Дагестане ослу приписывают слова: "Если бы ноги не гнулись, я вынес бы на спине весь мир". На осле возили и внутри хозяйства сельской округи, и вне ее самые различные грузы. Вместе с тем осел отличается неприхотливостью, нетребовательностью к корму, способностью долго без него обходиться, выносливостью, умением выбрать и навсегда запомнить раз пройденную им дорогу. Ослу можно скормить корм, ни для какого другого вида скота непригодный (ср. /423, с. 481/); в то же время осел обладает способностью быстро поглотить очень много корма (многодневную свою норму). В даргинском анекдоте женщина, у которой случилось подряд несколько бед, и в том числе смерть мужа, разгневанная, обращается к Алла-

ху с требованием: "Слезай, синелиций, не тебе мирские дела решать" — именно после того, как Аллах, по ее словам, "опору дома — осла погубил".

В распространении и бытовании осла играют роль несколько факторов: природный (рельеф, кормовая база), хозяйственный (возможность его широкого использования), социальный (дешевизна и доступность содержания). Исходя из первых двух факторов (природа и хозяйство), равнина и нижнее предгорье выпадают из ареала бытования осла (здесь был всего 1% ослов Дагестана). Больше всего было ослов во внутреннем скалистом, бедном кормом Дагестане (68%) и несколько меньше в высокогорье (28%) (см. табл. 2). Характерно, что по количеству ослов Дагестан в конце века занимал одно из первых мест на Кавказе (второе после Елисаветпольской губернии) /322, с. 561, 582/.

В качестве верхового и упряжного животного осел в Дагестане обычно не использовался. Сесть на него могли лишь старики и дети. Узда ослу не полагалась, ход его регулировался окриками — трогайся, вперед, вверх, вниз, остановись — и легким ударом палки по крупу и шее (на поворот). Упряжным животным осел не был потому, что там, где в упряжи мог пройти осел, пройдут и волы; преимущество осла в том и состоит, что он с поклажей проходит по бездорожью и тропам. Можно упомянуть еще, что на ослах мальчишки проходили первые, самые трудные уроки джитовки.

В заключение отметим, что многие авторы XIX в. совершенно несправедливо обвинили горцев в пренебрежении к содержанию и уходу за ослом. Напротив, уход за ослом был фактически приравнен к уходу за дойной коровой; именно ему давалась вечером наравне с коровой теплая бурда вроде похлебки из остатков хинкального бульона, отрубей, хлебных остатков и др. А то, что осел получал худший, чем другие домашние животные, растительный корм, объяснялось тем, что он может его есть, а другие не могут. Отмечали, что осел часто ходил по аулу и окрестностям и вроде бы "побирался" (именно это вводило наблюдателей в заблуждение), но это происходило потому, что он умел находить при своих блужданиях какие-то крохи всевозможного корма, недоступные другим видам скота, и этим экономил корма хозяина. Вечером он всегда получал свою порцию заготовленного корма.

Несколько слов о мулах. По своим качествам мул как транспортное животное не имеет для горных стран себе равных: он соединяет в себе все положительные качества осла и лошади и в отличие от других гибридов ни в одном из этих качеств ни одному из исходных видов не уступает. Сила тяги мула на 25% выше, чем у лошади, мул проходит везде, где проходит осел, и даже лучше его, так как более устойчив на скалах, осыпях, льду и при этом несет в 2-3 раза больше груза. Мул сохраняет работоспособность до 30 лет, чего нет ни у лошади, ни тем более у осла. Особо следует отметить его высокоразвитую спо-

способность к балансировке на крутых тропах, лучшую, чем у осла, не говоря уже о лошади. Копыто у мула твердое и прочное, как у осла, и выдерживает продолжительную работу на каменистом грунте без подковывания /423, с. 481/. Словом, мул "подымал больше груза, нуждался в меньшем количестве кормов и отличался большей надежностью в передвижении по горам", чем лошадь. "Поэтому он ценился дороже лошади" /255, с. 10/. Например, жители селений Конхидатль и Н. Энхело, добывавшие соль и развозившие ее, приобретали для этого именно мулов (этих мулов специально для них выращивали в дидойском селении Кидеро) /55, с. 41, Кидеро/. Но вообще мулов в Дагестане было немного (2,5% от общего количества ослов и мулов), причем больше трех четвертей их приходилось на Самурский, Андийский и Гунибский округа /25 за 1892 г., с. 42/, население которых вынуждено было перевозить через большие перевалы по крутым тропам зерно и другие продукты из Закавказья /56, с. 206, Ириб; с. 220, Смугул; с. 223, Хнов/.

Заключая изложение материала об ослах и мулах, отметим, что по отношению к ним в еще большей степени, чем по отношению к МРС и КРС, проявляются природно-хозяйственные зональные закономерности их распространения и использования.

ЛОШАДИ

Положение лошади можно считать одним из противоречивых в скотоводстве Дагестана. С одной стороны, всемерное почитание, популярность, с другой — слабая распространенность, небольшой удельный вес в скотоводстве, очень ограниченный спектр использования (только для верховой езды и отчасти вьючных перевозок). Молоко лошади совершенно не использовалось, на убой ее никогда не готовили, давали дожить до естественной смерти (но если молодое животное калечилось, ему не давали пасть и резали на мясо). В науке общепризнано, что всадничеству предшествовало использование лошади на мясо, затем молоко и упряжку /480, с. 231-232/, в Дагестане же утвердилась лишь последняя по последовательности функция лошади — ее использование в качестве верхового животного.

Коневодство свойственно открытым ландшафтам; лошадь как разводимое в массе животное нехарактерна для горных стран и не играет в них значительной хозяйственной роли /135, с. 27, 127/. Роль лошади в качестве верхового животного возрастает в горах с приближением к высокогорью при условии наличия здесь хороших пастбищ. Объясняется это тем, что при больших масштабах высокогорного скотоводства и росте его подвижности растут величины переходов, а "передвижение человека по пересеченному рельефу на большой высоте при сильно разреженном воздухе почти невозможно без лошади" /423, с. 479/.

Характерно, что даже в начале 60-х годов нашего века

64,5% производимой в Дагестане лошадьми работы приходилось на животноводство (14,1% — на транспорт и полевые работы) /423, с. 479/. О. Каранаилов указывает: "Быки — для земледелия, лошади — для верховой езды" /247, с. 5/. Таким образом, быки сохранили в Дагестане свое назначение "древнейшего упряжного животного", а лошади утратили его. Правда, еще в средневековье конина составляла до трети мясной продукции населения Дагестана /218, с. 175-176/. Падение значения лошади в этом плане и возрастание ее значения в качестве верхового животного связано с изменением зональной хозяйственной специализации в XV-XVI вв., когда горный Дагестан становится регионом развитого скотоводства на базе отгонных форм, при которых возрастает транспортная (и тебеневочная) роль лошади. В условиях роста овцеводства, дававшего наилучшую мясную продукцию, и возрастания транспортной и тебеневочной роли лошади, естественно, она постепенно перестает быть мясным животным — никто не станет резать на мясо скотину, имеющую важное хозяйственное значение, при наличии возможностей получить мясо за счет других, более мясных видов скота с меньшей хозяйственной ролью. К XIX в. это коренное изменение назначения лошади завершилось полностью, и лошадь теперь предназначалась только для верховой езды.

В отношении породности следует указать на генетическое единство дагестанской лошади с закавказскими горными породами. В целом дагестанская лошадь не приобрела особых скаковых или рабочих качеств наподобие кабардинской, карабахской и др. Думается, в этом сыграли роль поздняя специализация дагестанской лошади в качестве верховой и специфические, неподходящие природно-хозяйственные условия Дагестана для выработки в лошадях особых скаковых и иных качеств. Положительные качества дагестанской лошади — "крепость конституции, прочность конечностей и копыт, энергичный темперамент и свободные движения, выносливость и приспособленность к табунному содержанию круглый год" /176, с. 207-208/, резвость, способность к большим переходам в неблагоприятных условиях, к резким колебаниям климата, прекрасная приспособленность к службе под седлом и вьюком (проходят 100 км и более в день). Специалисты различают несколько разновидностей дагестанской лошади, главные из них — лезгинская, кумыкская и аварская /176, с. 207; 377, с. 30-34/.

Кумыкская распространена на равнине и в предгорье срединного и Северного Дагестана; она крупнее других дагестанских лошадей, имеет удлиненное туловище с достаточно развитой мускулатурой; масть преимущественно гнедая, караковая, вороная. Она больше изменялась под влиянием других пород — ногайской, кабардинской, терской /192, с. 207-208; 423, с. 30-34/.

Лезгинская распространена в Кюринском, Самурском и в части Кайтаго-Табасаранского округа. Лезгинская лошадь — самая изящная и легкая из местных пород, для нее харак-

терны укороченные шея и туловище, крепкая спина, сухая, плотная мускулатура, крепкий костяк и копыта. Она энергична, легка на ходу, особенно на горных тропах. Это прекрасно выраженный тип верхово-вьючной лошади. Масть — светло-рыжая и серая. Сохранилась в наибольшей чистоте /176, с. 208/.

Аварская лошадь (весь центральный нагорный Дагестан — Аварский, Гунибский, частично Андийский, Даргинский, Казикумухский округа) — чисто горского верхово-вьючного типа — подвергалась большой метизации кабардинской и другими кавказскими породами. От лезгинской породы аварская отличается большей компактностью и округлостью, мускулатурой и оброслостью. Масть преимущественно гнедая и рыжая /192, с. 209/.

Русские военные авторы XIX в. высоко оценивали дагестанскую лошадь, называя ее "преизрядной", "крепкой", незаменимой в условиях крутого и расчлененного скалистого рельефа /100, с. 180; 426/. Некоторые из них, например Е.Марков, Н.И.Воронов и др., которым приходилось ездить на местных лошадях по горным тропам Дагестана, буквально поют им дифирамбы /319, с. 454, 474; 143, т. I, с. 5-10/. И все-таки лошадь в Дагестане не была распространена в той мере, в какой она этого заслуживала. Главное препятствие этому — трудность ее содержания. Содержать лошадь зимой в горах могли лишь более или менее состоятельные хозяева, так как для этого требовалось много качественного сена и фуража. Можно было увести лошадь на равнину на тебеневку, но это было сподручно только барановодам, уходящим со своими отарами. Отдавать же лошадь в чужие руки достаточно рискованно — ведь за лошадью нужен тщательный уход, и притом какой смысл иметь лошадь, если две трети времени ее придется держать вне своего дома и хозяйства. И еще один важный момент: лошадь в Дагестане не стала важным хозяйственным животным. В силу этих причин здесь больше трех четвертей хозяйств не имели лошадей. Больше их было на равнине, у кумыков: 15-20 на 100 жителей, тогда как в целом по Дагестану их было 10 на 100 жителей /141, карта 2/. Степень распространения лошадей по зонам Дагестана была следующей: высокогорье — 0,5 лошади на одно хозяйство, 0,3 в горной и 0,6 в равнинной зонах (см. табл. 2).

Таковы основные виды и породы скота в Дагестане в XIX в. Их особенности, экологическая и хозяйственная обусловленность того или иного вида, традиции разведения влияли на формирование ФС, которые, став традиционными или объективно вынужденными (например, отсутствие мест для отгона), влияют на видовой состав стада.

6. ОБЛАСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ПРЕОБЛАДАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ И КАТЕГОРИЙ СКОТА

Прежде чем переходить к вопросу о соотношении видов скота (особенно главных, определяющих формы содержания скота), представляется необходимым сделать несколько предварительных замечаний. В советской литературе количественное соотношение различных видов скота признается "одним из важнейших вопросов, характеризующих специфику скотоводства" /125, с. 14/ и существенно влияющих на бытование и удельный вес отдельных ФС. Отмечается, что в любом скотоводческом хозяйстве "при нормальных условиях и в определенной географической среде между отдельными видами скота существует определенное соотношение и необходимый минимум каждого вида". Нарушенные стихийными бедствиями соотношения сравнительно быстро восстанавливаются, но изменения, связанные с социально-экономическими переменами, устойчивы, являются коренными /297, с. 119/. В Дагестане это примерное равновесие соотношения наблюдалось в последний период от XV-XVI вв. до пореформенного времени.

Другой аспект касается подхода к этому соотношению. Обычно в работах, использующих статистический материал по скотоводству, приводятся и учитываются абсолютные цифры численности видов скота. Однако археологи, например, производят "учет костных остатков не по числу особей, а в пересчете на выход мяса" /325, с. 3/. Разумеется, "мясо" археологов и живой скот — не одно и то же, тем более что степень убоя предназначенного на мясо мелкого и молочного и тяглового КРС будет неодинаковой. Однако независимо от этого на каждый данный момент имеются определенные количества видов скота, и каждая единица каждого вида требует определенной массы корма и соответственно угодий, и соотношение потребления корма отдельными видами скота совпадает с соотношением выхода у них мяса. А обеспечение скота кормом — стержневой вопрос в бытовании и соотношении ФС. В зависимости от регионов, пород, экологии приняты разные соотношения в пределах 1 гол. КРС, приравняваемой к 10 овцам, но могут быть и выше и ниже. Для Кавказа и до революции и в наше время чаще принимается соотношение 1:5 или 1:6 /218, с. 175; 237, с. 172; 238, с. 14, 16-17, 19-21; 109, с. 20; 185, с. 26, 151, 156; 228, с. 5; 229, т. II, с. 178; 209, с. 119/. Мы, исходя из наших полевых материалов и принятого соотношения в органах ЦСУ, взяли последнее — 1:6.

Игнорирование аспекта соотношения приводит к тому, что статистика скотоводства во многих случаях совершенно не отражает истинной картины его состояния, удельного веса его видов, соотношения с другими отраслями хозяйства, особенно земледелием. Так, например, в обзоре Дагестанской области за 1892 г. мы читаем, что из 2122 361 гол. скота 80,7% составляли овцы и козы, 15,7% — КРС /25 за 1892 г., с. 42/. Цифра более 80%, естественно, впе-

чатляет, и, таким образом, получается, что основной скот — это овцы и основное занятие населения — овцеводство. Но в переводе на условную голову овец оказывается 41%, а КРС — 48%. В связи с этим следует подчеркнуть, что во многих местах овцы составляли ничтожный процент (например, в Нижнекайтагском участке — одну девятую при четырех пятых КРС) (см. табл. 2) или даже при преобладании овцеводства имелось значительное количество рабочего скота (например, в Андийском округе, хотя 57% условного поголовья составляли овцы, тем не менее в стаде КРС 35,4% волов) (см. табл. 2) /23, с. 132-133, 140-141/, что вносит существенную поправку в сторону уменьшения хозяйственного значения овцеводства и увеличения роли КРС и земледелия. Как показал Ю.И. Мкртумян, и в Восточной Армении соотношение крупного и мелкого рогатого скота было 1:3, однако главной целью разведения скота была "потребность в рабочем скоте для нужд земледелия" /338, с. 65/. И еще одно замечание. Мы уже упоминали, что до двух третей и больше хозяйств Дагестана в XIX в. не имели овец /452, с. 55; 348, с. 75/.

Интересно в этой связи остановиться на вопросе о том, как сами крестьяне определяли преобладающий тип своего хозяйства и видовую направленность скотоводства. Из 10 селений равнины в 8 нам ответили, что главной отраслью хозяйства было земледелие, в двух — земледелие и скотоводство. В предгорье из 13 ответов 4 пришлось на земледелие, 5 — на земледелие и скотоводство и 4 — на скотоводство и земледелие. В горной части 17 (из 34) — земледелие и скотоводство (из них несколько с садоводством) и 17 — скотоводство и земледелие. В высокогорье 4 (из 36) — земледелие и скотоводство, 11 — скотоводство и земледелие, 21 — скотоводство /46/. Эти оценки подтверждаются и объективными хозяйственными показателями. Такая же картина при определении видового содержания скота. Характерно, что во всех 7 селениях равнины, где ставился этот вопрос, опрошенные утверждают, что в стаде КРС в соотношении вол — корова преобладание имел вол (и по числу имеющих их владельцев, и в абсолютном количестве). В предгорье из 7 селений преобладание коров отмечено в 4. В горной и высокогорной частях во всех 14 селениях ответы дают преобладание коров и по числу владельцев, и абсолютно /46/.

Таким образом, намечаются зональные особенности хозяйства на нескольких уровнях: межотраслевом, внутриотраслевом, видовом, и на всех уровнях главные закономерности идут от экологии к отрасли через соотношение отраслей и экологию к виду. Разумеется, следует иметь в виду и экономические факторы, такие, как рентабельность, обменные связи, в том числе взаимное межзональное пользование угодьями. Ф.Энгельс обращал внимание на эту особенность: "Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать известное неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести

до минимума, но никогда не удастся устранить полностью" /6, с. 5-6/. Так, равнинная зона вместе с частью нижнего предгорья характеризовалась сравнительно (для Дагестана) высоким развитием и удельным весом земледельческого хозяйства. В Дагестане традиционно используемым при обработке земли животным был вол, что наложило отпечаток и на соотношение земледелия с разведением КРС. Чем больше предпосылки экономического характера возникало для развития земледелия, тем большим становился удельный вес рабочего КРС и тем теснее становилась его симбиозная подсобная связь с земледелием. Эта "подсобность" отразилась и в указанном выше преобладании рабочего скота над молочным на равнине. В преобладании КРС сыграла роль и специфика природно-географических условий равнины, в частности кормовая база. Один из основных видов корма равнины — саман малоприспособлен для овец и, напротив, легко принимается и усваивается КРС, особенно буйволами, которым сено даже противопоказано.

В этом положении отразилась закономерность, сформулированная К.Марксом: "Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств" /2, с. 733/. В сел. Башлыкент 1642 гол. КРС владели 258 хозяйств (79%) и 21 хозяйство (6%) владело овцами (2696 гол., причем 1700 из них принадлежали двум хозяйствам). В сел. Великент 131 хозяйство из 150 (87%) имело 1389 гол. КРС и только 12 (8%) — овец (320 гол.). В сел. Хучни было 83% владельцев КРС и 5% — МРС. В сел. Агачаул 80 хозяйств из 106 (84%) имели КРС и 16 хозяйств (15%) — овец (1723 гол., из них 1000 гол. — у одного хозяйства). При этом волы и буйволы были у 95% владельцев, и они составляли 42% всего поголовья КРС, а коровы и буйволицы — у 86%, и они составляли 24% поголовья. В сел. Тарки КРС имели 429 хозяйств (53%), а овец — 15 хозяйств (2%). При этом волы и буйволы имелись в 398 хозяйствах (93% владельцев), и составляли они 66% всего поголовья КРС, а коровы и буйволицы — в 236 хозяйствах (55% владельцев), и в общем поголовье они составляли только 20%. В сел. Султан-Янгиюрт КРС имели 68% хозяйств, а овец — 7%. При этом волы и буйволы были у 88% владельцев, и они составляли 52% всего поголовья, а коровы и буйволицы — у 84% владельцев и составляли 31% поголовья /32, д. 45, л. 2-224; д. 40, л. 482-552; д. 12, л. 96-134; д. 14, л. 115-163, 520-805; д. 38, л. 1-246/.

Другой район с преобладанием КРС — это часть высокогорья: союзы обществ Чамалал, Хварши, Тлейсерух, Джурмут, Тланада, Бохнада, Кос, Капуча, Сирха, Ихрек и др. Однако здесь разведение КРС имело свою специфику. Слабость земледелия, недостаток покосов при достатке летних пастбищ, большая отдаленность от равнинных пастбищ привели к преобладанию мясного и молочного скота с применением летнепагульной (с массовой осенней выбраковкой) формы содержания.

Другая часть высокогорных и часть горных обществ Да-

гестана характеризуются преимущественным развитием овцеводства. Это районы с недостатком сенокосов и традициями отгона. Например, в Батлукском и Сюргинском участках, где преобладал КРС, приходилось на 100 хозяйств соответственно 97 и 37 дес. сенокосов, а в Акушинском с преобладанием овец — 5 дес. /23, с. 132-135; 22, с. 46-47, 78-79/. Интенсификация любого из этих направлений ведет к расширению соответствующей ФС. Преобладание овцеводства наблюдается в горной части, в союзах — Андалал, Вицхи, Гапш, Карата и др.; в высокогорье — Гумбет, Анди, Шуратль, Шиитль, Тлейсерух, Джурмут, Тланада, Тох, Гунзал, Капуча, Буркун-Дарга, Кули, Дусрех, Кушандере, Агулдер, Рича, Алтыпара, Докузпара, Ахтыпара, Цахур. Оно базируется на достаточном количестве летних пастбищ и отгоне на равнинные пастбища, а частично — на хуторском содержании овец.

В тех же районах, где имеется достаточное количество и пастбищ и сенокосов, складываются регионы интенсивного разведения обоих видов скота, без особого преобладания одного из них. Немалая роль при этом принадлежит скотоводческим хуторам. В горной части таких мало (Цунта-Ахвах, Ратлу-Ахвах, Хедолал и др.), в высокогорье больше (Ункратль, Мукратль, Карах, Тлебель, Анцросо, Рутул и др.).

Еще одну группу с видовой спецификой составляют районы, но в большей степени отдельные поселения разных зон. Ее особенность — слабое развитие скотоводства, его потребительский характер. Причины: отсутствие угодий, земледельческий, садоводческий уклон хозяйства, традиции населения, невозможность или трудность отгона и т.п. Группа охватывает значительную часть дагестанских поселений, особенно в среднегорье, горных долинах, верхнем предгорье. Особенность ее скотоводства — равная распространенность и рабочего и дойного скота, небольшое количество овец. В этих селениях почти все и достаточно интенсивно занимаются земледелием и, следовательно, нуждаются в рабочем скоте, но в них нет ни подавляющего преобладания земледельства и достатка сенокосных угодий, как на равнине, ни обилия летних пастбищ и сенокосов при удаленности от равнинных зимних пастбищ, как в высокогорье (например, Технуцал, Муги, Кумух, Ганк и др.).

Попытаемся путем анализа сравнительных данных по количеству видов скота на одно хозяйство по селениям Дагестана выяснить зональные районы преимущественного разведения определенного вида скота и соответственно отношения между разведением обоих видов и преобладанием той или иной ФС. Для этого надо выбрать все селения (без хуторов и отселков, т.е. имеющие примерно больше 20 хозяйств), имеющие по каждому виду скота не ниже определенного минимума голов на один дым.

Переходя к определению минимума преобладания скота по видам, вспомним, что овцы имелись далеко не во всех хо-

зяйствах*, и, взяв в качестве ориентировочного минимума среднее их количество на одно хозяйство по Дагестану (18 гол), мы можем считать, что наличие в ауле в среднем на хозяйство 20 овец будет означать бытование промыслового овцеводства с отгонным содержанием**. Например, в сел. Башлыкент было 8 овец на одно хозяйство и 5 гол. КРС. Отсюда ясно, во-первых, что здесь овцы не были преобладающим видом скота и, следовательно, во-вторых, что преобладающей ФС была форма содержания КРС, т.е. стационарная форма. Еще более наглядны показатели по селам Великент (2 овцы и 9 гол. КРС на хозяйство), Султан-Янгирт (6 и 4,4 гол. соответственно), Тарки (2 и 2) и т.д. (32, д. 45, л. 2-224; д. 40, л. 482-552; д. 38, л. 1-246; д. 14, л. 520-805/. В то же время пример горного аула Дибгаша, в котором на одно хозяйство приходилась 91 овца, причем они имелись в половине хозяйств, при 4,5 гол. КРС /32, д. 42, л. 216-254/, показывает преобладание овец и соответственно отгонного содержания скота.

Владельцев КРС в аулах было намного больше, чем владельцев овец. Это связано с тем, что КРС — более универсальный: и рабочий в земледелии, и транспортный, и продуктивный. Поэтому средний показатель по Дагестану (3,6 гол. на одно хозяйство) был бы недостаточен в качестве уровня преобладания, ибо ненамного превысил бы уровень его назначения в качестве рабочего и молочного потребительского скота. Поэтому для КРС целесообразнее взять более высокий уровень от среднедагестанского, чем для овец, примерно в 5 гол. Естественно, что в масштабах участков и округов он должен быть более приближенным к среднедагестанскому, например 4 гол. Такой пример: если в указанных выше участках Курахском и Уркарахском овец не имели соответственно 63,3 и 83,2% хозяйств, то КРС не имели значительно меньше — соответственно 22,4 и 26,6%. Далее, если в Уркарахском участке в среднем было 13 овец на дым, а у фактических владельцев овец — 78, то для КРС эти показатели не настолько разительно отличаются: 2,3 и 3,1 гол. на дым (454, с. 92; 23, с. 168-169; табл. 2). Беря такие, не очень высокие уровни преобладания видов скота, мы имеем в виду и факт социального расслоения в ауле, что повышало удельный вес бескотных горцев и тем самым увеличивалась степень фактической видовой промысловости скота.

В дополнение к приведенным выше данным укажем: в Кюринском округе в 1886 г. не имели овец более двух третей хозяйств, в то же время 484 хозяйства (3,3% хозяйств) владели 54,2% всего поголовья овец, а из них 121 хозяйство

* Так, например, 63,3% хозяйств Курахского участка не имели овец, в Уркарахском не имеющих овец еще больше — 83,2% /454, с. 92/.

** В Уркарахском участке в среднем на дым имелось 13 овец, но если учесть только хозяйства, имеющие овец, то в среднем на дым получится 78 овец /23, с. 168-169/.

(менее 1%) сосредоточило в своих руках 30% овец. В 1895 г. здесь было уже 10 хозяйств с числом овец до 4 тыс. в каждом. В Дженгутаевском участке 1,5% хозяйств владели почти половиной поголовья овец. В сел. Чиркей генерал Парзулаев имел до 30 тыс. овец (три четверти овец участка, насчитывавшего свыше 1200 хозяйств), в Аварском округе Н.Гочинский владел 18 тыс. овец /229, т. II, с. 179-180/. А.В.Пастухов указывает в Куруше владельца, имевшего 2 тыс. овец, 20 гол. КРС, 100 лошадей и 20 ослов /379, с. 9-10/. О барановодах в Уркарахе, имевших по несколько тысяч овец, упоминает Р.Эркерт /500, с. 204/. Д.Н.Анучин свидетельствует: "Есть 6-7 хозяев, которые имеют по 2 и 5 тыс. баранов, а имеющих до 1000 довольно много" /85, с. 428/.

О крупных скотовладельцах в Аварии есть сведения у Н.И.Воронова: в высокогорном союзе союзов обществ Антльратль (Джурмут, Тлебель, Бохнада, Ухнада, Тланада, Анцросо) было немало владельцев, имевших от 8 до 10 коров, от 200 до 300 овец, 3-4 лошади. В союзе Тинди также по 20 гол. КРС и до 300 овец. В отдельных хозяйствах союза Ратлу-Ахвах было до 100 гол. КРС и 1000 овец /143, т. I, с. 27-29, 36, т. III, с. 17; 193, с. 166-167/. И это на общем фоне отсутствия овец в 66% хозяйств Дагестана /348, с. 75/. И опять меткое наблюдение Н.Абельдяева: "Овец только богатые имеют значительное количество, прочие же совсем не держат или имеют их только по несколько штук" /58, с. 25/. В сел. Хунгия владельцами овец были 60% хозяйств, средний уровень очень высокий — 137 гол. на одно хозяйство, но один из владельцев имел 2300 гол. /56% поголовья/; кстати, ему же принадлежало 81% всего КРС, 56% лошадей /32, д. 49, л. 50-62/ — ясно, что перед нами типичный предприниматель. В сел. Дибгаша средний показатель тоже очень высокий — 91 овца на хозяйство, но владельцев овец только 45%, и у них сосредоточено 8878 овец, причем три владельца имеют 4100 овец (46% всего поголовья) (32, д. 42, л. 216-254/.

Эти примеры довольно убедительно показывают, какой степени промысловости и поляризации достигло овцеводство в Дагестане в пореформенный период. Это подтверждают и полезные материалы: по сведениям респондентов (иногда, возможно, преувеличенным), Акбулат из сел. Костек имел 1,5 тыс. овец, в сел. Н.Казаничи Арслан-Гаджи имел 2 тыс. овец, Джанхуват-Гаджи — 9 тыс. овец, в сел. Кандик К.Хан-Магомедов имел 6 тыс. овец, С.Магомедов из Муни, К.Магомед-Магомедов из сел. Анчиха, М.-Г.Алиев из сел. Годобери, М.-А.Арслангереев из сел. Гимры имели по 1 тыс. овец, А.Абдусаламов из сел. Мехельта — 1,5 тыс., Г.Магомедов и А.Магомедов из сел. Чирах — по 2 тыс., М.Закариев из сел. Тлядала — 3 тыс., Р. и А.Омаровы из сел. Дебгаша — по 5-6 тыс., М.Абакаров из сел. Уркарах — 11 тыс., Фатали-Хан из сел. Сиух — 12 тыс., братья Насрулла и Омар из сел. Усуг — 7 тыс. /53, с. 33, 47, 91; 54, с. 12, 33, 63, 65, 70, 73, 81; 55, с. 36; 56, с. 138, 137; 57, с. 48, 117, 144/.

Приблизительно такая же, правда менее выразительная,

картина наблюдается в отношении КРС. Например, в 1886 г. по Дагестану на каждые 100 дворов приходилось 11 дворов без КРС, 79 — имеющих по 6 гол., 9 — до 7-12, 1 — свыше 12 /358, с. 281/. Или же в том же Кюринском округе в 1886 г. было 778 дворов, имевших от 10 до 20 гол. КРС, и 64, имевших более 20, а житель сел. Кандик Г.Кутай-оглы имел 100 гол. КРС, 80 лошадей и 2500 овец /229, т. II, с. 179-180/. У наиба Идриса из Годобери кроме 2 тыс. овец было 2 лошади, 8 волов и 15 коров; у А.Андалаева из сел. Батлаич — 15 лошадей, 15-20 быков; у Акбулата из сел. Костек — 35 дойных коров и буйволиц; у бека Бийболы из сел. Аркит — 100 коров и 200 кобыл /54, с. 65, 70; 56, с. 138; 57, с. 48/. В Утамьше крупным скотом владели только 375 из 538 хозяйств (63%) и 70 хозяйств имели его более 10 гол. каждое. В Великенте больше 10 гол. имели 53 хозяйства из 150, а больше 20 — 14 хозяйств, и они владели третьей частью всего поголовья; в Султан-Янгиюрте КРС владели 68% хозяйств, а в сел. Тарки — только 53% /32, д. 14, л. 520-805; д. 41, л. 1-699; д. 40, л. 482-552; д. 33, л. 1-246/. В сел. В.Казаничи из 418 хозяйств 130 (31,1%) не имели рабочего скота, 233 (55,8%) имели до 2 гол., 45 (10,7%) — от 2 до 4 и 10 (2,4%) — свыше 4 гол. /323, с. 115/.

Довольно часто поляризация и рост зажиточного хозяйства приводили к сложению скотоводческого предприятия промышленного характера. Житель из г. Хазры закупил в пойме Самура 12 дес. угодий и основал ферму для нагула телят; перед зимой он специально искал в горных аулах истощенных телят, скупал их за бесценок (100-200 гол.), откармливал, выпасал и нагуливал летом и осенью продавал, а потом закупал новую партию /57, с. 69, Джебел/.

Социальная поляризация была особенно масштабна в тех случаях, когда не хватало собственных обшинных пастбищ и владельцы скота вынуждены были арендовать пастбища на все сезоны. Однако это было не под силу мелким и средним владельцам. Поэтому были нередки случаи, когда основная масса крестьян селения содержала свой скот зимой в стойле, на хуторах, пригревах, а крупные барановоды арендовали земли на равнинах и в высокогорных селениях и держали овец круглый год на отгонных землях.

Советские исследователи указывали на эту особенность. Так, П.В.Погорельский писал: "Овца из крестьянского хозяйства до революции уходила в крупное барановодческое хозяйство, имевшее возможность отгонного содержания овечьего стада далеко на плоскости, на арендованных у помещика землях. Индивидуальному же мелкому крестьянскому хозяйству разведение овец было не под силу" /388, с. 38/. Х.-М.О.Хашаев также считает, что из-за трудности и дороговизны аренды, невозможности заготовить корма, построить капитальные кошары, необходимости привлекать дополнительные рабочие руки в период интенсивного труда (окоп, стрижка и пр.) отгонные формы были недоступны среднему и особенно мелкому хозяйству /454, с. 89; 452, с. 49/. Н.В.Котляревский, долго проживший в Дагестане

(1842-1875), рассказывает, как встретил подряд "до 12 огромных овечьих стад" и все они оказались шамхальскими /270, с. 137/. Кюринский податной инспектор, отметив развитость овцеводства в податном участке (Кюринский и Самурский округа), наличие, например, в сел. Смугул и Шиназ по 20 тыс. овец, в сел. Рутул — 22,5 тыс., Ихрек — 30 тыс., Куруш — 90 тыс., Фий — 155 тыс., добавляет, однако, что подворное развитие оно получило только в Куруше, а в остальных находится в руках нескольких крупных владельцев /45, л. 72-73/.

Сосредоточение овец в пореформенный период в руках незначительного меньшинства, падение овцеводства как всеобщего занятия, но рост промышленного отгонного скотоводства, поляризация его отмечены и у грузин, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев /331, с. 460-461; 332, с. 245-246; 169, с. 283-284; 86, с. 296; 283, с. 272; 250, с. 61; 84, с. 215-216; 470, с. 249-250; 401, с. 192; 312, с. 27/.

Описывая положение в Ингушетии, В.П.Христианович указывал на необходимость наличия в хозяйстве 10,6 овцы — на душу, или в среднем 50 гол. на хозяйство ("чтобы жить не нуждаясь"). В Ингушетии в 1865 г. он определил 3,6 гол. на душу, в 1889 г. — 3,3 /456, с. 171/. Приблизительно такими были пропорции и в Дагестане в конце XIX в.: 18 гол. на хозяйство (учитывая, что в хозяйстве было в среднем 5 человек). Однако, по нашим подсчетам, отары в 50 гол. на семью для прожиточного минимума было недостаточно, требовалась отара в 100 голов*, обычный состав которой в Дагестане был 60-75 маток, 3-5 производителей, остальные — ягнята, ярочки, баранчики, валухи. Неизменный принцип хозяев при этом был такой: отару не уменьшать, а увеличивать; маток, производителей и ягнят этого года не трогать. Баланс отары выглядел примерно так. Приход: шерсть — 6-8 пудов по 6-7 руб. за пуд — 50 руб., сыр — 8-10 пудов по 4-5 руб. — 45 руб., продажа 20 гол. валухов и баранчиков — 80 руб.; сумма дохода — 175 руб. Расход: плата за летние пастбища — 5 руб., за зимние — 10 руб., соль для овец и сыра — 4 пуда — 3 руб., мука для 1 собаки — 4-5 пудов — 5 руб., питание чабану — 25 пудов муки — 25 руб., два барана — 10 руб., выплата чабану — 4-8 баранов — 30 руб., другие расходы на него — 5 руб. (обувь, одежда и пр.) — всего 93 руб. Раскладка сделана из расчета 1 чабан на отару в 300 гол. — наиболее часто встречающаяся норма. Прибыль получается в 75-80 руб., однако, если хозяин сам выпасает свою отару, его доход увеличивается на 50-60 руб. /47, с. 10, Киша; 55, с. 58, Гиндух; с. 69, Ругуджа; с. 92, Кули; 57, с. 136, Хпюг; с. 138, Шимихюр; с. 146, Усуг/. С учетом дохода других членов семьи (обработка земли, промыслы) и цен того времени /47, с. 10, Киша; 454, с. 122/ этого дохода хватало на приобретение зерна (основной покупаемый продукт в горной части) и других продуктов (кро-

ме мяса), одежды, утвари, других предметов быта, орудий труда.

Отметим, что в расчетах по другим областям Кавказа имеются существенные различия, вызванные разной оценкой воспроизводства поголовья, продуктивности (шерсть, сыр) и нормы выбраковки на продажу: доход на одну голову колеблется от 35,4 коп. у Х.А.Вермишева до 1,43 руб. у С.В.Мацабели /86, с. 296; 130, с. 261; 244, с. 356-357; 169, с. 297-298; 332, с. 246-247/.

С учетом вышеуказанных особенностей дагестанского скотоводства мы и проведем некоторые подсчеты по преобладанию отдельных видов скота по селениям, союзам обществ и участкам (т.е. по ареальности видов и видовых соотношений скота). По нашим подсчетам, в Дагестане из 1016 сел. свыше 20 овец на хозяйство (т.е. принятого нами минимума преобладания и промысловости) имели 324 сел. Значительно меньше было селений с преобладанием КРС — 227. Это вид скота по преимуществу стационарного содержания; он по физико-биологическим свойствам труднее переносит отгон, нуждается в подкормке, что на отгонных зимних пастбищах при отсутствии заготовки кормов невозможно, не способен пастись по мерзлой земле. Важнейший фактор его преобладания — сопряженность с земледелием и традициями питания. Поэтому не случайно, что около трети селений (72) с преобладанием КРС относилось к равнине, где он выполнял подсобную для земледелия роль. С другой стороны, традиции молочно-мясного разведения скота приводили к попыткам изыскания способов содержания больших количеств КРС и в горной части. Здесь было несколько выходов: увеличение запасов заготовленного корма (наименее возможный), хуторское содержание, отгон на близкие равнинные пастбища, особенно весной. Например, из 51 сел. с преобладанием КРС горной зоны 44 оказались сосредоточенными в 6 участках (Хунзахский, Батлукский, Койсубулинский, Цатаихский, Тилитль-Гидатлинский, Андалалский) из 47. База этого преобладания — развитая система хуторского содержания.

Н.И.Воронов отмечал развитость содержания КРС в Гидатлинском, Андалалском и Куядинском участках. Особенно выделяют Гидатль с его крупным молочным хозяйством, производством масла на обмен /143, т. I, с. 29/. Здесь уместно отметить, что данные Н.Воронова и других, более ранних наблюдателей (например, И.Гербера) в своих видовых отношениях и даже абсолютных цифрах близки к данным наиболее полного нашего источника, посемейных списков 1886 г., что отмечено и в предисловии составителей "Свода статистических данных" 1886 г. /23, с. XV/. Так, например, И.Гербер в XVIII в. говорил о 100 тыс. овец акушинцев "в пригоне" на равнинах Кайтага /174, с. 84/. С вычетом сюргинцев и цудахарцев, которые по традиции русских наблюдателей того времени не входили в "состав" акушинцев, и учетом удельного веса отгоняемой части овец эта цифра близка к численности овец жителей Даргинского округа в середине и

* Экономисты даже считают, что этот минимум обеспечивает только питанием /229, т. II, с. 177/.

конец XIX в. (270 тыс. и 207 тыс.). В начале XIX в. А.Ермолов наложил на акушинцев дань в 2000 овец ежегодно /73, т. VI, ч. 2, с. 39/, что, исходя из его (и вообще русских военных властей) традиции взимания одной головы со 100 /73, т. V, с. 162/, даст цифру в 200 тыс. Очень близки цифры поголовья и по посемейным переписям 60-х и 80-х годов (ср. /21, с. 4-18; 23, с. 126-211/). И еще один пример: в отчете главнокомандующего Кавказской армией за 1863-1869 гг. в Дагестанской области указано 432 777 человек и 1,6 млн. овец, "что дает средний вывод по 16 или 17 овец на дым" /144, с. 96/. По нашим данным, в 80-х годах в Дагестане было 18 овец на хозяйство (см. табл. 2).

В Аварском округе в 1869 г. было 100 тыс. овец, в 1874 г. — 115 тыс., в 1886 г. — 138 тыс.; в Андийском — соответственно 200 тыс., 312 тыс. и 391 тыс.; в Гунибском — 280 тыс. в 1869 г. и 401 тыс. — в 1886 г.; в Темирханшуринском — 230 тыс. и 266 тыс.; в Даргинском — 270 тыс. и 207 тыс.; в Самурском — 450 тыс. и 444 тыс.; в Казикумухском — 200 тыс. и 192 тыс. (см. табл. 2) /373, с. 114-115; 21, с. 4-18/. Таким образом, только в трех наиболее затронутых Кавказской войной округах — Аварском, Андийском (здесь еще сказались страшный падеж 1867 г. — 67 тыс. овец /373, с. 116/) и Гунибском — различия в поголовье скота существенны (пострадало и затем восстанавливалось традиционное поголовье, его удельный вес и соотношения), в остальных же округах уровни поголовья почти не различаются. В этом проявляется историческая закономерность: "сохранение в условиях одного ХКТ традиционного видового состава стада в течение многих веков" /125, с. 22/.

Возвращаясь к видовым ареалам дагестанского скотоводства, отметим, что и в высокогорье в 6 участках (Тлейсерухский, Бохнадальский, Анцухо-Капучинский, Лучекский, Курахский и Сюргинский) из 14 насчитывалось с преобладанием КРС 59 селений из 77. Непосредственная связь с хуторским содержанием здесь особенно наглядна: в других участках с менее развитым хуторским содержанием (Гунибский, Ункрятль-Чамалалский, Мукарский, Ашты-Кулинский, Докузпаринский, Ахтыпаринский) селений с высоким удельным весом КРС было мало.

В целом в зональной картине содержания КРС имеются как бы два района: равнинный, земледельческий, с преобладанием рабочего скота и высокогорный, с мясо-молочным направлением. Среди видов рабочего скота отметим преобладание буйволов в местах с поливным земледелием.

Отметим один момент, связанный с особенностями содержания рабочего скота: в нашей таблице против ожидания процент селений с преобладанием КРС невелик в предгорье, показатель высокогорья чуть превышает показатель равнины, горной части — предгорья. Объясняется это тем, что крупномасштабное земледелие с большими плантациями в Дагестане не получило развития; исключения составляют лишь несколько районов на Засулакской равнине и вокруг Дербента. Обратим внимание: в 2 засулакских равнинных участ-

как из 9 было 33 из 67 сел. с преобладанием КРС. А это означало, как отмечают респонденты, что большинству хозяйств была необходима лишь одна упряжка волов, но требующая больше ухода и внимания /56, с. 196, Хубар/. Поэтому в земледельческом хозяйстве имеются определенные границы количественного роста скота, в то время как при мясо-молочном направлении рост стада и его средние размеры в хозяйствах были более значительными. Не случайно респонденты равнинных селений говорят о преобладании в стаде КРС волов /56, с. 157, Эндери; 57, с. 18, Утамыш; с. 46, Хучни; с. 48, Аркит; с. 51, Хуриг; с. 94, Касумкент/, горных и высокогорных — о преобладании коров, и притом значительном /55, с. 35, Н. Батлук; с. 51, Мокок; с. 58, Гиндух; с. 62, Никар; с. 68, Ругуджа; 56, с. 205, Гилиц; ч. 209, Ириб; 57, с. 109, Хпюк; с. 149, Рича; с. 151, Кураг/.

Еще более четкой выглядит картина зонального размежевания в отношении овцеводства. Из 324 сел. с преобладанием овец 207 (64%) приходится на высокогорную зону и 68 (21%) — на горную. В высокогорных участках Андийского округа из 72 сел. 47 — с преобладанием овец, Гунибского — соответственно из 91 — 55, Кюринского — из 37 — 26, Самурского — из 74 — 57. В отдельных союзах обществ показатель еще выше: в союзе Ункрятль — 9 из 10, Тлейсерух — 12 из 12, Джурмут — 6 из 6, Тланада и Гунзал — 3 из 3, Капуча — 5 из 5, Дусрех — 8 из 12, Кушандере — 6 из 7, Рича — 7 из 8, Ахтыпара — 14 из 19, Рутул — 12 из 15, Ихрек — 4 из 5, Цахур — 19 из 19. Н.И.Воронов отмечал, что некоторые из верхнедагестанских обществ "владеют громадными стадами баранов", причем подчеркивал их быстрый рост "за время мирной жизни". В союзах Тлейсерух и Мукратль он констатировал наличие 112 тыс. овец (28 на 1 душу) /143, т. I, с. 28-29/.

В целом можно выделить примерно 5 районов нагорного овцеводства со специфическими формами содержания скота. Это северный высокогорный (Гумбетовский, Ункрятль-Чамалалский и другие участки); центральный, преимущественно горный (Каратинский, Хунзахский, Цатанихский, Андалалский и др.); западный высокогорный (Дидойский, Тлейсерухский, Бохнадальский, Анцухо-Капучинский); южный (Ашты-Кулинский, Курахский); самурский (Ахтыпаринский, Докузпаринский, Лучекский, т.е. весь Самурский округ) (см. табл. 2).

Земледельческая направленность равнины и нижнего предгорья особенно четко вырисовывается в картине распространения овцеводства. На равнине всего 19 сел. с минимумом промысловости овцеводства, причем в 7 из 9 участков таких селений или вообще нет (1 участок), или есть одно селение (4 участка) либо 2 селения (2 участка). По владениям — в 11 из 18 нет ни одного, в 4 — по одному. В предгорье тоже нет ни одного в 8 владениях (и союзах обществ) из 20, по одному — в 4 (см. табл. 2, 3, 4).

Отметим еще наличие районов, сочетающих развитое содержание обоих видов скота. Условием подобного сочетания

являлось наличие резерва южных экспозиций для зимнего выпаса, хуторского хозяйства, сенокосных угодий, отгон на равнину МРС, а там, где возможно, — весной и КРС. В горной части это Тилитль-Гидатлинский (9 сел.) и Хунзахский (13 сел.) участки (см. табл. 4) в высокогорной — отдельные союзы обществ: Гумбет, Тлейсерух, Карах, Джурмут, Тланада, Бохнада, Капуча, Ихрек и др. Без возможностей хуторского содержания или весеннего отгона развитое содержание КРС и универсализм скотоводства были невозможны.

Таблицы подтверждают, таким образом, специализацию по отдельным зонам и районам. Горная часть (и особенно высокогорная) обнаруживает тенденцию к интенсификации овцеводства, превращению его в торгово-промысловую отрасль скотоводства со специализацией отдельных субрегионов на разведение КРС; равнина же и предгорье продолжают тенденцию развития земледельческого хозяйства, органически связанного с разведением КРС (с большим процентом рабочего).

Для более четкого выделения видовых ареалов скота целесообразно выделить группу селений с максимальным количеством скота на одно хозяйство. И здесь для предупреждения случайностей следует взять минимум десятую часть (т.е. 90-100) селений Дагестана на каждый вид скота (это дает и 10 селений на каждый округ), характеризующихся наивысшим показателем количества голов в среднем на хозяйство (от селения с наивысшим показателем отсчитываются по нисходящему показателю 100 сел., которые затем распределяются по округам).

Начнем с КРС. Общая картина — та же, два полюса преобладания — равнина и высокогорье (по 37 селений, т.е. 74 из 100). На равнине большинство (21 селение) приходится, как и следовало ожидать, на Засулакскую равнину с ее развитым земледельческим хозяйством и обширными сенокосами и пастбищами. Это не исключает, правда, ведущего места мясо-молочного (или молочно-мясного) скота в горных районах. К.Маркс подчеркивал эту особенность соотношения рабочего и нерабочего скота, особенно когда речь идет о "крупных размерах" скотоводства: "Масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота" /4, с. 327/.

В перечне ста селений по овцам из равнинной зоны только 4 селения из разных участков, поэтому об ареале не может быть речи, просто в этих селениях несколько крупных скотовладельцев /24, с. 22-23, 30-31; 24, с. 126-127/.

И в предгорье только 5 селений, вошедших в список, и почти все они (Хунгия, Кандик и др.) имели много скота за счет нескольких крупных владельцев /32, д. 49, л. 50-52; 251, т. II, с. 179-180; 57, с. 117, Кандик/.

Горная зона также представлена лишь 13 селениями. Однако большинство из них являются показателями отдельных небольших районов (на уровне участков или союзов обществ) промыслового овцеводства. Наиболее характерный

из них — хунзахско-андалалский, часть указанного нами выше центрального очага и союз Гапш, примыкающий к южному очагу. И Андалал и Гапш имеют высокий, на уровне высокогорных обществ (и они являются частично высокогорными), показатель промысловости — 39 и 40 овец на хозяйство.

Наиболее весома в перечне селений с преобладанием МРС высокогорная зона (81 селение). В нем представлены 13 участков из 14, и селения образуют те пять очагов высокоразвитого овцеводства, о которых говорилось выше, — северный, центральный (в основном горная зона), западный, южный и самурский.

В целом же по Дагестану лишь высокогорная зона выступает районом развитого овцеводства. Даже в горной зоне, имевшей местами довольно мощные очаги овцеводства (например, в сел. Чох Андалалского союза обществ было 70 тыс. овец — 224 овцы на одно хозяйство /23, с. 148-149/), большая часть территории не отличалась развитым овцеводством.

И еще одна сторона, связанная с преобладанием видов скота: вопрос о совпадениях в преобладании обоих видов в одном и том же месте. Совпадения, а в большей степени несовпадения показывают различия природы (сущности) преобладания, оттеняя истоки межвидовых и межкатегорийных (например, рабочий и молочный КРС) соотношений. Первая и главная особенность: несовпадение селений в перечнях обоих видов скота не только предметно, но и зонально, ареально. Преобладание КРС — равнина и высокогорье (рабочий на равнине, мясо-молочный в нагорье), преобладание МРС — преимущественно высокогорье. Из 551 селения первого общего перечня (324 — по овцам и 227 — по КРС), встречаются в обоих, т.е. характеризуются преобладанием и КРС и овец, лишь 112 — пятая часть, и то главным образом за счет высокогорной зоны (66 селений, 59%).

Такая же картина и в обоих перечнях ста селений по КРС и МРС. Совпадение здесь приходится на 30 селений, но 25 из них (83%) являются высокогорными. В самом высокогорье наибольший процент совпадений (15) дает западный район, характеризующийся широкомасштабным отгоном и высокоразвитым хуторским содержанием. И опять мощный скотоводческий Самурский очаг, по общему числу селений с преобладанием овец почти не уступающий западному очагу (57 против 61), а по общему поголовью овец и даже всего скота в переводе на крупный намоглов превосходящий его (120 557 гол. против 72 896), дает совпадение по обоим перечням лишь по двум маленьким селениям. Это было вызвано подавляющим преобладанием дальнего (в Закавказье) отгона, неподходящего для неприспособленного для больших перегонов КРС при слабом развитии хуторского хозяйства.

Обзор многих факторов природно-географического, хозяйственного, политического и социального характера свидетельствует о наличии определенной совокупности компонентов, которые оказывают воздействие на сложение, бы-

тование и удельный вес отдельных ФС (и их сочетаний) в хозяйстве населения.

Большую продуцирующую роль в этом отношении играют экология, совокупность и соотношение естественных кормовых угодий, исторические условия, традиции хозяйствования, содержания (и возможностей содержания) определенных видов скота. В качестве одного из главных определяющих компонентов выступает положение с кормообеспечением в разные сезоны года, которое в значительной степени служит и основополагающей "матрицей" для сложения совокупности ФС в определенном регионе.

7. ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ СКОТОВОДСТВА В ДАГЕСТАНЕ В XIX в.

Особенности экологии, распределение зональных кормовых угодий, традиции хозяйствования и содержания видов и категорий скота, являясь предпосылками и фоном для ФС, во многом приближают к непосредственному их рассмотрению. С тем материалом, который мы успели изучить, и с помощью разработанной формулировки ФС можно произвести предварительную классификацию ФС Дагестана в XIX в. За основные критерии ФС нами были приняты действия по обеспечению наиболее благоприятных условий кормления и воспроизводства скота в каждый сезон (время) года с учетом изменений угодий округа и области; т.е. основные критерии — это кормление, воспроизводство, зона, угодья, выделяемые по критерию сезонности.

Начнем с наиболее распространенных и в то же время первичных в историко-генетическом плане форм, а именно с форм, при которых содержание скота не связано с его передвижениями за пределы сельской округи и выгонов (стационарных). Наиболее распространенные из них, характерные для всех зон Дагестана, — стойловая и выгонная. Они чаще применяются для содержания КРС, особенно дойного и рабочего. Скот зимой в стойле, с максимально возможным выпасом, летом на выгонах и присельских пастбищах с возвратом вечером в стойло. На равнине и в теплых горных долинах выгонная и стойловая формы функционируют в комбинации почти круглый год, в горной же части с ее суровой зимой часто разделяются на чисто стойловое содержание зимой на базе заготовленных кормов и выгонное летом.

Другая стационарная ФС — хуторская с тремя видами. Первый, выгонный, — преимущественно для содержания КРС на выгонах, с заготовленными кормами и выпасом при первой возможности. Второй, пастбищный, дальше от поселения, — для содержания и выпаса овец. Оба — зимние, летом принудительно закрывались общиной. Фактически яйлажным хутором можно назвать и яйлажный отгон дойного скота, сочетающий свойства обеих ФС — хуторской и яйлажной. Следующая группа ФС — это формы, при которых содержа-

ние скота связано с его перемещениями, в том числе и за пределы зоны; это подвижные ФС. Подвижное скотоводство понимается исследователями по-разному — от очень широкого толкования до отрицания вообще. Представляется, например, некорректным расширительное толкование Г.Е.Маркова, который все ФС Грузии, описанные В.М.Шамиладзе, относит к подвижным. Отсюда, по-видимому, и возражения В.М.Шамиладзе против термина (и понятия) "подвижное скотоводство", поскольку, как он справедливо отмечает, им не могут быть охвачены такие ФС, как равнинное подсобное, внутриапальское и др., "при которых исключается большая или меньшая подвижность скотоводческого хозяйства" /469, с. 75/. Нам кажется, что понятие "подвижное скотоводство" следует сохранить, но надо уточнить его содержание и объем. В частности, надо определить, что под "подвижностью" понимаются (в отличие от кочевничества) перемещения только скота с пастухами, а не населения. Имеется немало примеров подвижных ФС при оседлом населении и преобладающем земледельческом хозяйстве (например, трансюманс в равнинной Грузии или Дагестане /470, с. 142-143; 366, с. 10-11/*.

Одной из распространенных форм здесь является отгон скота на летние горные и высокогорные пастбища — яйлажный отгон. "Отгоном" мы считаем перемещение скота на отдаленное от поселения пастбище для постоянного содержания на месте под присмотром пастухов в течение некоторого времени, без периодического возврата в поселение. Яйлажная форма также подразделяется на несколько подвигов. Преобладающим был отгон овец на дальние, высоко расположенные пастбища. С ними уходили только чабаны. Второй подвид (смыкающийся с хуторской ФС) заключался в отводе дойных коров на нижний ярус яйлагов. Третий подвид — отгон рабочего скота на лучшие, специально выделенные яйлажные участки в нерабочие периоды. Такой отгон применялся во всех горных зонах, на равнине же, где не было яйлагов, его заменяла шалашная ФС. Четвертый подвид — отгон остальных категорий КРС (быки, бычки, телки) на дальние яйлаги.

Вторая по масштабности и удельному весу форма отгона (на равнинные зимние пастбища) — кышлажная. Ее особенность — значительное преобладание МРС в отгоне. Подразделяется на три подвида: а) осенне-зимний, основной, преобладающий, б) весенний, менее распространенный, и в) осенне-зимний с частичным отходом населения.

Еще одна подвижная форма — долинный отгон, практиковавшийся селениями высокогорной и горной зоны для час-

* Возможно, было бы целесообразно различение отгонных и подвижных форм, подразумевая под последними формы, при которых со скотом уходит и часть непастушеского населения. Тогда группы форм выглядели бы несколько иначе: стационарные формы, отгонные, подвижные и кочевые. Думается, что такой исследовательский аспект может дать в будущем плодотворные результаты.

тичного покрытия недостатка заготовленных кормов. Отгоняли как овец, так и КРС.

Шалашная (по В.М.Шамиладзе) форма подвижного скотоводства была характерна для нижнепредгорного и равнинного животноводства. Яйлажный отгон здесь хотя и практиковался, но имел небольшой удельный вес, и скот, не занятый в земледельческом хозяйстве, отгонялся в пойменные места, небольшие взгорья, овраги, лесные места под присмотром пастухов. В некоторых местах скот приводился в селения через каждую неделю.

Наконец, последняя группа — это кочевые ФС, представленные в Дагестане одной формой, которая фиксируется только у ногайцев. Подразделяется эта кочевая ФС на таборно-кибитковый летний и циклически-зимниковый зимний подвиды. Поскольку Караногай исторически (и в XIX в.) не входил в Дагестан, мы на нем останавливаться не будем. Считаем, что, хотя кочевничество изучено достаточно полно, скотоводческое хозяйство всех ногайцев Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, заслуживает специального исследования.

Таким образом, перечень ФС в Дагестане в XIX в. выглядит так:

I. с т а ц и о н а р н ы е: 1. стойловая; 2. выгонная; 3. хуторская с подвидами: а) выгонный хутор, б) пастбищный, в) яйлажный.

II. п о д в и ж н ы е: 1. яйлажная форма с подвидами: а) отгон овец, б) отгон дойного скота, в) отгон рабочего скота, г) отгон остального крупного рогатого скота (телки, бычки и др.); 2. кышлажная форма с подвидами: а) осенне-зимний, б) осенне-зимний с частичным отходом населения, в) весенний; 3. долинно-отгонная форма отгона; 4. шалашная форма отгона.

III. к о ч е в ы е: 1. кочевая ФС с подвидами: а) таборно-кибитковый и б) циклически-зимниковый (табл. 5; карты 3, 4).

1. СТОЙЛОВАЯ ФОРМА

В классификации ФС мы поставили на первом месте стационарные формы, а среди них стойловую, исходя из общего принципа — от наиболее стационарных к наиболее подвижным. Скотоводство складывалось как стационарная отрасль человеческого хозяйства, и Дагестан не был исключением из этого правила.

Доместикация скота стала возможной лишь в хозяйстве первобытных земледельцев, и первой формой содержания скота стала его подкормка продуктами и отходами земледельческого хозяйства. Выпасать скот, находящийся в стадии одомашнивания, было трудно. Поэтому стойловое содержание стало изначальной формой содержания скота. Лишь завершив доместикацию животных, человек мог перейти к открытому выпасу скота, и пока наличная кормовая база не перестает удовлетворять растущие кормовые потребности скота, первоначальный симбиоз земледелия и скотоводства сохраняется. В дальнейшем в зависимости от физико-географических условий, социальной и экономической истории, политических потрясений происходит разделение регионов и народов по хозяйственной специализации: часть становится скотоводческими, часть — земледельческими. Хозяйство Дагестана по ряду обстоятельств, о которых говорилось выше, пошло по земледельческому пути, и скотоводство здесь сложилось как стационарное. Лишь изменение обстоятельств, в частности рост стад, нехватка кормовых ресурсов, вынуждало население переходить к подвижным формам содержания скота за пределами сельской округи.

На каждом историческом этапе соотношение стационарного и подвижного начал решалось как бы заново, вытекая из масштабов скотоводства, состояния местной кормовой базы и общественно-политической ситуации, решающей вопрос о сезонно-зональном комплексном использовании угодий всех зон и поясов края. Таким образом, модель историко-генетического, "эмбрионального" соотношения стационарного и подвижного скотоводства повторялась как бы каждый раз с самого начала, и не только в масштабе исторического этапа и региона, но и почти в каждом поколении людей и каждом обществе, селении, хозяйстве. И на любом из этих уровней началом, точкой отсчета этого развития выступает простое крестьянское стационарное хозяйство, в котором скот содержится в пределах сельской округи, без отгона за ее границы, в стойле, на заготовленных кормах.

Форма эта органически сливается с присельским пастбищным содержанием, вследствие чего в литературе часто употребляется (в том числе раньше и нами) наименование "стойлово-пастбищное". Однако, согласно ныне принятым нами принципам классификации, это будет уже сочетание ФС, поэтому целесообразнее придерживаться определения "стойловая".

Стойловое содержание отличается от других форм своей заданностью, повторяющейся сходной ситуацией, при этом объективно содержание складывается таким образом, что оно больше свойственно для КРС, дойного и рабочего. Отсюда ясно, что одной из предпосылок стойлового содержания являются традиции земледельческо-скотоводческого хозяйства, при котором значительная масса скота является дополнением к земледелию, составляет с ним неразрывный комплекс и, следовательно, должна быть в месте осуществления основных земледельческих работ. Другая предпосылка этой формы заключается в специфике продукции КРС (молока), которая стала предметом повседневного домашнего потребления (в итоге совокупного действия традиций оседлого хозяйствования, быта, питания и т.п.), что влекло за собой необходимость содержания этого скота вблизи своего очага, семьи.

Предпосылками этой формы являлись также относительно высокая продуктивность земледелия, что дает для скота дополнительный корм (полова, солома, зернофураж); наличие достаточного количества сенокосных угодий и сложившихся традиций сенокосения, хранения кормов и т.п. По этой причине в XIX в. стойловая форма скотоводства в Дагестане была в наибольшей степени характерна для равнины и нижнего предгорья. Здесь было развито земледельческое хозяйство, было больше кормов, больше надобность в рабочем скоте, больше сенокосов и пастбищ, которые можно было использовать круглый год.

Видами скота, которые содержались в стойле, были: рабочий скот — волю, лошади, ослы, мулы, объединяемые общим названием "оцазул рехъед" — "вололье стадо" (ав.) или "дибгута" (дарг.), егив (кум.) — "запрягаемые", хотя запрягали только волов.

Затем сюда входил дойный скот (бечічулеб — ав., изуте — "доимые", дарг., нехир — лезг., савун — кум., тизей — лак.) и нетели (хІораб — ав., дацІабе — "порожние", "пустые", дарг.), овцы. Последние — в тех случаях, когда их немного (1-5 голов) и связываться с отгонном или хутором не имело практического смысла.

Видом скота, в стойловом содержании которого более всего был заинтересован крестьянин, был КРС, особенно рабочий и дойный.

Цикл содержания скота вырабатывался веками и воспроизводился с каждым новым поколением и скота и людей. Летом хозяин заготавливает корма, скот пасется в сельском стаде, зимой скот содержится в стойле. На корм в горной части заготавливали сено и полову, в предгорье — сено, полову, солому, немного зернофуража. В отличие от сезо-

на активных полевых работ зимой большее внимание уделялось дойному скоту, хотя и не везде. Корм задавался в основном дважды в день — утром и вечером, хотя многие рачительные хозяева пытались ввести, если так можно выразиться, "многообразное кормление". Последнее более экономично, так как животное, видя перед собой сразу много корма, начинает выбирать лучшее и в этих поисках приводит в негодность остальную корм. Небольшие порции это исключают, так как скот, не утолив голода избранным им кормом, постепенно доест и остальное.

Суточной нормой в горах считалась одна охапка сена, которая в зависимости от обстоятельств (например, был ли скот хоть некоторое время на выгоне, или он много дней стоит в стойле и не видел другого корма; или это волю, только что приведенные из дальней поездки, и т.д.) могла быть малой или большой (до 10 кг). В предгорье и на равнине, где и скот был покрупнее, и с кормами было лучше, норма была примерно в два раза больше (две охапки). Например, в высокогорном селении Усуг (Курахский участок) это выглядело так: в день корм давали 3 раза из расчета один "хаб" (охапка) корма на 1 гол.; корм составляла заранее приготовленная смесь сена и мякны в соотношении 1:3 /57, с. 145/. В сел. Гельхен имелись специальные плетеные корзинки — сапетки для задавания корма скоту; корм также смешивали, но пропорция была уже другая: 1:1. Кормили также 3 раза из расчета 1 сапетка "кудрих" на 2 гол.; более крупная сапетка "кут" вмещала разовый корм для 6 гол. КРС /57, с. 140-142/. Сапетками также измеряли и задавали корм у дидойцев /55, с. 50, Мокок/, корм был смешанный — полова и сено ("геру"). А вот в другом высокогорном селении, Тисси, место сапетки занимает шерстяной мешок, вмещающий 14-15 кг сена. Он является дневной нормой для 5 гол. КРС /54, с. 22/. Но чаще респонденты говорят об охапках. Они мотивируют это тем, что урожаи корма были очень неустойчивы, сильно разнились и возможности каждого отдельного хозяйства, поэтому чаще всего дневная норма определялась запасами корма данного хозяйства /54, с. 25, Гигатли/. Обычно подсчитывались кормовые припасы (чаще всего в ослиных или иных вьюках) и затем делалась раскладка по видам животных. В горном селении Токита, например, 1 ослиный вьюк распределяли на 5 суточных доз для лошади /54, с. 41/, а в высокогорном Ругельда — на 4-5 суточных доз для КРС, 10-15 для осла /55, с. 31/. Характерно, что в том же селении Ругельда и в долинном селении Чирката вообще не подкармливали овец /55, с. 32; 54, с. 16/. Так же и во многих других селениях всех зон; правда, в части из них производили подкормку весной и в снежные периоды /54, с. 13, Аргвани/.

Помимо основных кормов — половы и сена часто применялась их смесь, особенно в горной части. О подобном смешивании корма у осетин, ингушей упоминают Б.А.Калсев, Э.К.Мартиросян /242, с. 88; 321, с. 110/. Причина такого смешивания приводится одна: после чистого (тем более горного) сена скот не сможет есть мякны /57, с. 50, Гу-

ми; с. 51, Хуриг/. Правда, мякину голозерного ячменя можно было давать и отдельно, но мякину ячменя и ржи необходимо было смешивать с сеном /57, с. 154, Амух/. На необходимость сдобривания соломы более сильным кормом, например сеном, указывает и А.Калантар /236, с. 40/. Предпочтение отдавалось высушенной прополотой траве (ч'ар — ав., арци — дарг.). Ее и в свежем, и в высушенном виде давали отелавшейся корове. Ей же давали отвар крапивы; сено с южных лугов принято было давать телятам и ягнятам, а с пастбищ и перелесков — КРС /54, с. 28, Кваната; 55, с. 49, Мокок/. Полова без сена шла на корм только буйволам, которые не переносят чистого сена /57, с. 68, Джебел; с. 118, Кандик/.

Помимо грубых кормов скоту давали немного ячменя, овса (особенно верховым коням), замешивали в горячей воде или бульоне из-под хинкала отруби с примесью муки или же готовили густую горячую бурду на бульоне с мукой, остатками хинкала и другой еды. У засулакских кумыков было в обычае давать истощенному скоту по 2-3 початка кукурузы утром и вечером — через 2 недели скот приходил в норму /56, с. 121, Хамамат'юрт/. Кукурузу же давали волам в страдную пору. А вот коню кукуруза была противопоказана — после нее он сильно потеет, ячменя тоже нельзя было давать свыше 3 кг за один раз; коню лучше всего подходил овес, его можно было скормить за раз до 15 кг /56, с. 156, Эндери/. У южных кумыков истощенному скоту давали дробленый ячмень ("ярма"), то же у равнинных лезгин и т.д. /57, с. 19, Утамыш; с. 75, Оруджоба/.

Стойловое содержание скота в зависимости от природно-климатических зон, кормовой базы, экономического положения как отдельных семей, так и общества в целом имело разную продолжительность. Наиболее полным являлось стойловое содержание в селениях лесного предгорья, не имевших на стыке с равниной своих пастбищ, ибо зимой здесь выпадал обильный снег, и в части высокогорных селений, где выводу скота на зимний выпас мешали холода и отсутствие пастбищ-пригревов. Стойловое содержание с выпасом зимой более присуще равнинной и горно-долинной зонам, где для этого имеются и предпосылки и необходимость (особенно в горных долинах, где ощущается недостаток кормов).

В стойловом виде проблема кормления скота, с одной стороны, проще, так как не приходится его отгонять на яйлагы или равнину, но, с другой стороны, труднее, ибо со всей остротой стоит проблема обеспечения скота кормами в стойловый период. Причем, как бы по привычке, подкормка скота производится и в летнее время. Летом нельзя было выходить в поле с орудием для косьбы или жатвы, но вручную вырвать траву с межевых откосов или принести выполотую с поля траву разрешалось. Делали это обычно женщины. Проработав целый день на участке, они вечером связывали большую вязанку травы и приносили домой. Часть ее шла на подкормку доящейся коровы и телят, часть высушивалась на сено. Мужчина мог принести немного травы под рукой или на плече, не связывая в вязанку, и то в боль-

шинстве аулов лишь в том случае, если с ним был ягненок. В период осеннего выпаса, если дома имелось достаточное количество сена, также производили подкормку, но главным образом сено предназначалось для зимнего и весеннего периодов, когда скот бывает истощен, пастбища или очень скудны, или их нет совсем и главным кормом для скота является заготовленное сено.

Кормом в первую очередь обеспечивались дойный скот с приплодом, рабочие быки, лошадь, осел, затем остальной крупный рогатый скот и овцы. То, что овцы стоят на последнем месте, не случайно, во многих горных аулах овец не разрешали заводить в аул или даже на ближние к аулу выгонные хутора.

В целом стойловое содержание скота имеет всеобщий характер по охвату как видов скота, так и районов и зон. Его всеобщность выражается еще в том, что оно сосуществует с любой другой ФС благодаря его универсальной пригодности для всех видов скота. Оно может сопутствовать другой форме в нескольких видах: 1) как форма содержания крупный рогатый скот и овцы. То, что овцы стоят на последнем месте, не случайно, во многих горных аулах овец не разрешали заводить в аул или даже на ближние к аулу выгонные хутора. В целом стойловое содержание скота имеет всеобщий характер по охвату как видов скота, так и районов и зон. Его всеобщность выражается еще в том, что оно сосуществует с любой другой ФС благодаря его универсальной пригодности для всех видов скота. Оно может сопутствовать другой форме в нескольких видах: 1) как форма содержания определенным кругом членов общины (как правило, бедных) при существовании в ауле другой, развитой ФС для больших масс скота состоятельных хозяев (например, отгонного овцеводства, летнего отгона коров и т.п.); 2) как форма содержания определенного вида скота при господстве другой формы в отношении остальных видов (например, стойловое содержание коров при преобладании трансюманса); 3) как форма, дополняющая другую ФС или сочетающаяся с другой как равная по значению или преобладающая (например, сочетание с весенним отгоном скота).

Отсюда видно, что стойловое содержание не исключает отгонного содержания скота в хозяйстве, хотя нельзя отрицать и общепринятого положения о том, что "в умеренном поясе" форма, при которой скот "не перегоняется", — это "стойловое содержание в зимний период" /105, с. 61/ (для одного вида скота). А.Якобий называет такое скотоводство "домашней" и даже "семейной" формой в отличие от "табунной" или кочевой /486, с. 6/. Правда, табунная форма вполне возможна и у оседлых скотоводов с преобладанием стойлового содержания. "Домашним" или "для домашних потребностей" называют такое содержание и другие авторы /472, с. 310/. Большинство исследователей связывают стойловое содержание с земледелием, их симбиозом; крестьян же, ведущих такое хозяйство, называют земледельцами-скотоводами* (87, с. 116/. Поэтому отдельные исследователи характеризуют содержание скота, связанное с земледелием, как "интенсивное содержание" ("присельское содержание") /522, с. 656-657/. Фродин даже считает, что стойловое содержание

* Характерно, что один из знатоков хозяйства крестьян Закавказья, С.П.Зелинский, причисляет к ним кроме горных армян, "татар" и части татов земледельческих областей также "грузинские горские племена" — тушин, шавов, хевсуров /214, с. 31/.

(кормление скота) в селении конституирует органическую взаимосвязь (единство) между обоими хозяйственными элементами альпийского хозяйства — между земледелием основного селения и альпийским (пастбищным) содержанием скота /509, с. XVIII-XIX/. На подобную взаимосвязь указывает и В.А.Шнирельман, связывая прогресс в контроле за домашними животными (появление пастушества и стойлового содержания) с необходимостью сохранения выработанной специализированности скота (шерсть, рабоче или молочное назначение и т.п.) и интересами развивающегося земледелия /480, с. 234/.

Следует подчеркнуть, что ни в одной области Кавказа, в том числе и в Дагестане, не было чрезмерного увлечения стойловым содержанием скота. Знаток горного хозяйства Европы Вилькенс указывал, что "в Швейцарии господствует совершенно ложное мнение, что дурной скотный двор лучше, чем полное отсутствие его". Сам он справедливо полагал, что лучше скот держать под открытым небом, и даже в жару и холод, чем в дурно устроенных, плохо вентилируемых постройках. Особенное внимание он обращает на плохое устройство стоков для жижи — одного из необходимых условий правильного стойлового содержания скота /134, с. 116/. Кстати, организация стоков жижи — одна из самых продуманных в скотоводстве Дагестана, особенно в горной части (канавки между каменными плитами пола, выведенные наружу): Что касается увлечения стойлом, то и в Западной, и в Восточной Грузии, у осетин /87, с. 118; 445, с. 967; 347, т. I, с. 303; 242, с. 87-88/ и у дагестанцев считалось, что лучше как можно больше времени держать скот на выпасе, просто на солнышке, воздухе, пусть даже во дворе, чем в закрытом стойле. Правда, условий для выпаса скота больше было на равнине. Если в горной части скот в течение 6-7 месяцев должен был содержаться в "теплых хлевах" и пастись лишь "в прочее время" /97, с. 147; 143, с. 5/, то на равнине он был на выпасе от ранней весны до глубокой осени, а в южной части — практически круглый год /452, с. 48; 155, с. 13/.

Стойловый период в равнинном Дагестане оценивается специалистами в 90-100 дней, в предгорье — в 180 дней, в горной части — в 210, в высокогорной — в 240 дней /185, с. 12-14/. Сравнительно большая разница между равниной и предгорьем объясняется тем, что в предгорье дольше держится снежный покров (больше осадков, леса). В высокогорных обществах стойловое содержание нередко приходилось проводить совсем без зимнего выпаса. Так, в обществах Кель, Батлук, у дидойцев КРС содержался подобным образом 7 месяцев в году /55, с. 31, Ругельда; с. 35, Нижн. Батлук, с. 52, Мокок/. В Курахском участке длительность стойлового содержания доходила до 8 месяцев, в Вицхинском участке одним из его назначений являлось приготовление кизяка. Характерна поговорка, сложившаяся в Кайтаге: "Не став лопатой для навоза, не вырастишь скотины" /57, с. 133, Кабир; 55, с. 96, Унчукатль; 53, с. 87, Чумлы/.

Таким образом, наряду с неосновными (и поэтому малочисленными) видами скота /169, с. 285/ в стойле содержится скот, органически связанный с земледелием, но, с другой стороны, являющийся связующим звеном в цикле годового содержания стойло — пастбище — стойло. В ином виде стойловое содержание невозможно и немыслимо — в традиционном хозяйстве подобное было просто разорительно и неразумно. Поэтому стойловую форму практически трудно отделить от пастбищных форм содержания, и особенно от присельских. Отсюда и частое объединение их в одну форму — стойлового и присельского пастбищного содержания. Так, например, Б.А.Калоев выделяет помимо стойловой и стойлово-пастбищную форму /243, с. 18/.

ЗАГОТОВКА КОРМОВ, СЕНОКОШЕНИЕ

Заготовка кормов имеет непосредственное отношение к стойловому содержанию скота. Она имела две основные формы: прямую и косвенную (через земледелие). Судя по предыдущим периодам, земледельческие корма предшествовали луговым — и сену, и даже выпасному лугу. И в XIX в. в части регионов Дагестана, особенно во внутреннем нагорном, корма земледельческого происхождения занимали главное место в кормовой базе. Но земледелие, будучи повсеместным, было маломасштабным и поэтому не могло быть достаточно емким источником кормоприпасов. В разделе о кормовых угодьях уже говорилось и о недостатке сенокосных мест в большей части Дагестана.

Имелись и другие причины, сужавшие кормовую базу. В частности, в Дагестане не сложилась традиция заготовки кормов на равнинных зимних отгонных пастбищах, что исключало там стойловое содержание. Объяснялось это тем, что люди в период заготовки кормов находились в горах и прежде всего были обеспокоены обеспечением кормов для придомного скотоводства, а также преобладанием в этой заготовке труда женщин, которые в отгонном содержании скота принимали мало участия. С другой стороны, для местного (равнинного) земледельческо-скотоводческого хозяйства нужно было много рабочих рук и рабочего скота, что требовало полного использования сенозаготовительных ресурсов для своего скота.

По этим причинам здесь не сложилась практика сдачи в аренду сенокосных угодий (самим нужны) и заготовки кормов горцами (нет ни угодий, на рабочих возможностей заготовить сено). Кстати, это одна из причин того, что КРС редко отгонялся зимой на равнинные пастбища, ибо в силу зимних условий бывали периоды, когда он нуждался в стойловом кормлении, а иначе мог быть массовый падеж от бескормицы (особенно если ей сопутствовали морозы). К примеру, в 1898 г. в результате зимней бескормицы и непогоды в Дагестанской области пало 40 тыс. гол. КРС и 300 тыс. овец (седьмая часть КРС и пятая — овец); в 1899 г. пало свыше 100 тыс. гол. скота всех видов /229, т. II, с. 178; 25

за 1899 г., с. 74/. Правда, в Южном Дагестане, где зима была мягкой, круглогодичный выпас был возможен и поэтому не сложилась "привычка заготавливать много сена для своего скота" /354, с. 449/.

Остановимся на вопросе о соотношении заготовок земледельческого и лугового корма для скота. Существо этого соотношения хорошо отражено в одном экономическом обзоре Дагестанской области: "Дагестан беден в особенности сенокосными местами", заготовленного сена очень мало, поэтому дополняют его саман и сухие стебли кукурузы, а в низменных местах круглогодичное содержание на подножном корму /190, с. 151/. Описывавший Аварское ханство в начале XIX в. русский офицер писал о высокогорных гумбетовцах, что они "пастбищных и сенокосных земель имеют достаточно", но о самом ханстве он пишет, что там "недостаток сена заменяет мякина с хлеба" /455, с. 267-268/. Еще один наблюдатель, А.Г.Предельский, также отметил, что корм КРС — преимущественно саман, кукурузные листья /391, с. 24/. А.А.Калантар пришел к выводу, что "в Даргинском округе мало сена" и поэтому "зимний корм — преимущественно саман и немного сена" /237, с. 173/. Даже в предгорье, в селениях с развитым земледельческим хозяйством (Темирханшуринский, Дженгутаевский, Карабудахкентский и другие участки) А.А.Калантар называет главным кормом саман, к которому для волов прибавляется сено, а нерабочему скоту — кукурузные стебли. По его подсчетам, в этих местах заготавливается 50-200 пудов сена на двор /237, с. 171/. Думается, здесь имеется известное преувеличение. По оценкам специалистов, лучшие (неполивные) сенокосы Дагестана в благоприятные годы дают 18-20 ц сена с 1 га /428, с. 266-267/ (правда, наилучшие из них, в частности в Курахском участке, давали 33,5 ц с 1 га) /223, с. 54/, а сенокосов на одно хозяйство в Темирханшуринском округе было 0,86 дес., но больше всего сенокосов было в Кюринском округе (куда входил и названный уже нами Курахский участок) — 1,3 дес.

Таким образом, получается, что в Темирханшуринском округе в среднем, исходя из высших показателей, можно было заготовить 100-110 пудов сена на 1 двор. Если учесть еще и высушенную прополотую траву, то цифра А.А.Калантара оказывается довольно близкой к действительности. Но не будем забывать, что в Даргинском округе, например, сенокосов намного меньше и в среднем на одно хозяйство получается 20 пудов сена, а в целом по Дагестану — 82,5 пудов (без учета прополотой травы) /25 за 1896 г., с. 16-17; 1902 г., с. 6-7; 1908 г., с. 16; 1911 г., с. 13; 1913 г., с. 2, 4/.

Попробуем подсчитать, много это или мало. Специалисты определили, что в крестьянском хозяйстве старой России минимальная суточная норма была 1 фунт корма на 1 пуд веса скота (311, с. 16; 275, с. 125). Это наиболее простой и универсальный коэффициент подсчета. По расчетам С.Н.Бибикова (с соломой) получаются почти те же самые результаты (чуть меньше фунта) /108, с. 54/. Возьмем средние циф-

ры веса и количества всего скота в переводе на КРС и подсчитаем. При этом необходимо сделать один допуск: большая часть овец перегонялась на зимние пастбища и подкормки заготовленным кормом не получала; в то же время большая часть КРС не отгонялась и содержалась в стойле. Ослы и лошади хотя и уводились с овцами, но не все, к тому же лошади были предметом особой заботы и для содержания в стойле, поэтому мы их тоже отнесем к содержащемуся в стойле скоту.

В качестве примеров лучше, по-видимому, взять два округа — хуже всего и лучше всего обеспеченный сенокосами — и Дагестан в целом. Средний вес дагестанского КРС оценивается специалистами от 195 до 237 кг (по зонам) /185, с. 26/. Не будет, по-видимому, большой ошибкой, если, исходя из этих цифр, мы примем за средний вес дагестанского скота 13 пудов, т.е., учитывая вышесказанное, на 1 гол. требовалось 13 ф. корма ежедневно. КРС, лошадей и ослов на одно хозяйство приходилось в среднем 2,6 гол. (см. табл. 2) /22, с. 78-81/. Следовательно, количество сена, необходимое для скота одного хозяйства в день, составляло 13 ф. × 2,6, т.е. 33,8 ф. Помножив эту цифру на среднее количество дней стойлового содержания (180), мы получим 6084 ф., или 152,1 пуда. В хуже всего обеспеченном сенокосами Даргинском округе на 1 хозяйство приходилось 20 пудов сена. Приняв в расчет сено с несенокосных угодий (межи, неудобья, около дорог, особенно прополотая трава), можно увеличить цифру сбора сена вдвое, и тогда на 1 хозяйство окажется 40-50 пудов сена, т.е. примерно одна треть минимальной необходимой нормы. Эта недостача компенсировалась побочной (и прямой — зерно) продукцией земледелия и максимально возможным выпасом в погожие, теплые дни.

По Кюринскому округу на двор приходилось 1,3 дес. сенокосов и соответственно 162,5 пуда сена на двор. Потребность же — 4,1 (гол. КРС и лошадей на двор) × 13 × 180 = 240 пудов, т.е. собранное сено удовлетворяло две трети потребностей в кормах. В среднем по Дагестану 0,56 дес. сенокосов приходилось на 1 двор /25 за 1902 г., с. 6-7; за 1903 г., с. 16; за 1915 г., с. 8-9/ — это 82,5 пуда сена на 1 двор. Потребности: 4,3 × 13 × 180 = 251,5 пуда на двор. С учетом сена из других источников можно считать, что весь сбор сена удовлетворял меньше половины потребностей в кормах для зимнего стойлового содержания.

Таким образом, положение с кормом — одно из самых неблагоприятных на Кавказе, и только относительный недостаток пастбищ и особенности климата позволяли находить выход из этого положения. Отсюда и общая закономерность, наблюдаемая в содержании отдельных видов скота: чем меньше сенокосных угодий (и чем меньше удельный вес земледелия), тем меньше количество КРС в скотоводстве, и, наоборот, где много сена — много и КРС. Например, в хуже всего обеспеченном сеном Даргинском округе был самый низкий по Дагестану показатель по количеству КРС на 1 хозяйство (2,1) (см. табл. 2). В земледельческом Темирханшу-

ринском округе, где был сравнительно высокий показатель по сенокосам, соответственно был высок удельный вес КРС. Но, к примеру, в Карабудахкентском участке, имевшем самый низкий показатель по сенокосам в округе, был соответственно и самый малый показатель численности КРС на одно хозяйство — 2,9, а Чирьюртовский участок, имевший больше всех сенокосов, был первым и по количеству КРС на 1 двор /23, с. 126-129/. Также и в Кайтаго-Табасаранском округе Нижнекайтагский участок, имевший больше сенокосов (1,4 дес. на 1 двор), первенствовал и по КРС (4,8 гол. на двор) /23, с. 170-173/. В высокогорном Андийском округе из семи участков Ункратль-Чамалалский с высшим показателем в округе по сенокосам (0,5 на двор) имел и наибольший показатель по КРС (4,7 на двор), в то время как в Андийском участке его было совсем мало (1,1 на двор), и здесь же был низший показатель по сенокосам в округе (0,1 на двор) /23, с. 134-135, 140-141/. Таким образом, эта закономерность является всеобщей для всех районов Дагестана. Однако и в ней имеются исключения.

Первое исключение связано с земледелием. Там, где высок его удельный вес, правило прямого соответствия сенокосы — КРС может не сработать — это означает, что скот разводится для земледелия и что кормами его обеспечивает главным образом земледелие. Так, например, в том же Андийском округе Тиндальский участок также имел низший показатель по сенокосам (0,1), но второй после Ункратль-Чамалалского — по КРС (4,5). Секрет в том, что Тиндальский участок, единственный во всем северном и западном высокогорном Дагестане, имел развитое земледелие (более 1 дес. пахотных угодий на один двор; см. табл. 2) /23, с. 140-141, 196-197/. В Самурском округе Лучекский участок имел наименьший показатель по сене — 0,1 (остальные — 0,3 и 0,7) и наибольший по КРС — 4 (другие — 2,2 и 3,6). Зато по пахотным угодьям он имел наивысший показатель в округе (0,7) (см. табл. 2) /23, с. 210-211/; рутульцы, составлявшие основное население участка, известны как традиционные земледельцы-скотоводы.

Второе исключение связано с соотношением сенокосов и пастбищ. Дело в том, что в отдельных обществах высокогорного Дагестана получило развитие наравне с овцеводством и разведение КРС, но базой его содержания были не земледелие и не сенокосы, а обширные летние пастбища. Зимой такое количество КРС содержать они не могли, и потому большая его часть шла осенью на обмен и убой. Поэтому направление содержания скота было мясо-молочное, имеющее летненагульный (или осеннеубойный) характер. В качестве примера можно указать на Сургинский участок Даргинского округа, имевший один из высоких в Дагестане показателей по КРС — 4,8 (лишь 6 участков в Дагестане из 47 имели более высокий показатель), но не отличавшийся ни особым богатством сенокосов (были побогаче), ни развитым земледелием (см. табл. 2) /22, с. 78-81/.

Вариантом этого исключения являются общества (и участки) с достатком пастбищ и относительным достатком сено-

косов. Поэтому они характеризуются одинаково высоким развитием содержания обоих видов скота. Это, например, Дидойский участок в Андийском округе (КРС — 5,3 на один двор, 3,3 овцы), Тлейсерухский (соответственно 4,8; 6,2), Бохнадальский (5,8; 7,9), Анцухо-Капучинский (5; 5,5) в Гунибском; Мукарский (3,6; 3,7) в Казикумухском (см. табл. 2) /23, с. 140-141, 146-147, 150-151, 154-155, 156-157/.

И все-таки основную кормообеспечивающую роль в скотоводстве Дагестана играли пастбища, как зимние, так и особенно летние. В противном случае скотоводство в Дагестане, особенно в его горной части, оказалось бы практически невозможным. Ведь положение с сенокосными угодьями в Дагестане обстояло намного хуже, чем у всех народов Северного Кавказа. В начале XX в. при 0,56 дес. сенокосов на 1 двор в Дагестане, в нагорной Ингушетии этот показатель составлял 1,2 дес., в горных обществах Кабарды и в Северной Осетии — 1,4, в нагорной Чечне — 1,7 дес. /321, с. 85/.

В этом отношении Дагестан ближе к Закавказью, где, по словам одного наблюдателя, "сено — роскошь" и его хронически не хватает /445, с. 984/. По материалам изучения экономического быта крестьян наивысший показатель по покосам имела Бакинская губерния (1,5 дес.), затем Эриванская (0,81 дес.), Тифлисская (0,59 дес.), Елисаветпольская (0,47 дес.), Кутаисская (0,03 дес.). Правда, из этих расчетов можно исключить корм для овец: как и у горцев Грузии, корм для овец в Дагестане почти никогда не запасался /331, с. 458/.

Другая особенность заготовки кормов в Дагестане: они заготавливались без нормирования и ограничения. Если, например, у карачаевцев для подобных расчетов была даже целая система, выражаемая в "кормовых коровах" /250, с. 69/, а у сванов рассчитывали потребность в количестве сена и самана, нужного для скота, со скрупулезной точностью, с учетом каждой головы, каждого вида и каждой категории скота /484, с. 25/, то в Дагестане, особенно в горной части, кормозаготовка не нормировалась: каждый заготавливал сена и самана столько, сколько мог.

В связи с этим возникает еще один вопрос: при всех ли (и каких) ФС практиковалась заготовка кормов? Так, например, К.Т.Каракашлы указывает на то, что в горном Азербайджане до второй половины XIX в. население не делало запасов сена на зиму, и связывает это обстоятельство с "экстенсивным скотоводством, с привольем пастбищных угодий". И их сокращение привело к "интенсивному скотоводству с приговлением кормов на зиму" /245, с. 43, 51/. Таким образом, вопрос заготовки прямо связывается с характером скотоводства — экстенсивным или интенсивным. Мы уже приводили выше замечание наблюдателя, что дидойцы не знают сенокосения. Однако тут же, опровергая себя, он приводит в словнике дидойского языка местные названия косы и даже косьевища /420, с. 286, 299/. В таком случае откуда они могли появиться, если понятия "коса" не существует? Указанный автор не одинок. Гакстгаузен, го-

вора о занятиях осетин, замечает, что, "между тем как грузины не знают, что такое уборка сена, у осетинов добывание его есть одно из важнейших занятий" /156, с. 111/. С ним переключается О.Евецкий, который, говоря о скотоводстве горцев Закавказья, пишет, что "жители, не имея обыкновения запастись сеном, претерпевают в продолжительные зимы значительный урон в скоте" /205, с. 54-55/. Эти ошибки связаны скорее всего с неосведомленностью авторов и с ошибочным взглядом, согласно которому отгонному скотоводству сенокосение несвойственно. Однако это неверно.

Так, В.К.Гарданов пишет об адыгах, что, хотя у них было возможно содержание на подножном корму 9-10 месяцев, "адыги заготавливали сено в широких масштабах. Сенокосение служило необходимым дополнением отгонной системе, без этого условия был невозможен достигнутый высокий уровень адыгского скотоводства" /165, с. 97/. И наконец, имеется прямое свидетельство средневекового очевидца (до 1235 г.), что "аланы вместе косят" /289, с. 207/; значит, и у их соседей в это время коса уже была. И в дагестанских языках, например в даргинском, коса имеет местное название наравне с серпом, так же как и понятие "косить" (кьвалкьу — коса, михъ — серп; кархъиз — косить, иреш — жать).

Отметим, что особенности дагестанского сенокосения повлияли и на характер самих сенокосных угодий, способы их утилизации. Там, где не было традиций уборки сена серпом, горцы на Кавказе вынуждены были тратить много сил и энергии на окультуривание сенокосных угодий. Наблюдатели и исследователи отмечали, что покосное место очень трудно готовилось, так же как пашни /179, с. 11/, что за ними ухаживали как за огородами, террасируя, очищая от камней, орошая, удобряя, ставя заборы и т.д. /468, с. 73/. В Дагестане все подобные действия и все силы отданы были террасному земледелию, поэтому сенокосные угодья, и по ландшафтным своим особенностям трудно окультуриваемые, оставались в более или менее первозданном виде и стали делом женского серпа.

Другая сторона этой проблемы — доступность для уборки и подвоза. В литературе описывались районы, в которых "до 30% хороших покосных мест остаются вовсе не использованными из-за недоступности" /456, с. 26, 41-42, 93/. Из-за трудностей доставки в Сванетии хорошие сенокосы использовались под пастбища или вообще не находили применения. Исследователь считал даже, что из-за трудностей уборки и доставки здесь пропадает около трех четвертей угодий /424, с. 67-68/. Серп и вьюк в Дагестане во многом решали эту проблему. Угодий было мало, и оставлять их втуне было слишком большой роскошью, бесхозяйственностью. Поэтому-то в горном Дагестане и измерение покосов производилось или во вьюках, или в мерах посева (как пашни) в отличие, например, от горной Ингушетии, где измеряли днями работы косаря или по урожаю, но мерами, доходящими до 3 т (например, мецхаль — 20-25 копен

и 2400 кг) /456, с. 34-36/. Такие масштабы и объемы горному Дагестану не были известны. Нам не удалось выявить мер объема, которые были бы больше волокуши или арбы. Измерение начинается с охалки (лапыр, лапур — кум., ав.) — иными словами, то, что может везти один человек на вилы, 20 охалок образуют копну (бижагъ), 3копны — волокушу, 3-5 копен — арбу /56, с. 122, Хамаматъюрт; с. 196, Хубар/. В высокогорье же нередко связывались небольшие связки (кIамар — рутул.) в 3 кг, 20 таких связок составляли вьюк /56, с. 219, Шиназ/, 5 вьюков — арбу /57, с. 142, Гельхен/. Здесь на 1 корову заготавливали по 3 арбы сена и мякины. В высокогорном Микрахе, имевшем хорошие луга и земледелие, на 1 корову заготавливали 3 волокуши сена и мякины с одного обмолота, т.е. с 3 волокуш обмолоченных снопов /56, с. 225/. В Табасаране сена было много, и все-таки сообщения наших информаторов представляются нам несколько завышенными: в сел. Гуми было у каждого 1-5 дес. сенокосов, копны составляли большие — на 3-5 волокуш, у каждого было 5-10 копен, т.е. 15-50 волокуш /57, 49/. В сел. Хуриг — в среднем 10-20 волокуш, столько же мякины /57, с. 51/, а у бека Бийбола в Арките бывало 5 стогов сена, в каждом — 20 арб /57, с. 58/. У соседей табасаранцев в предгорье — лезгин у среднего хозяина 5-6 стогов, в каждом — 4-5 волокуш, вмещающих 300-400 кг, т.е. в общей сложности от 6 до 12 т /57, с. 108, Хпюк/ — цифра немалая. Однако различия бывали даже в пределах небольших районов. В табасаранском селении Кандик говорят уже только о 2-3 волокушах на 1 гол. КРС весом 200-300 кг (57, с. 119), а в равнинном кумыкском — о 2 арбах сена в буйволиной упряжке, т.е. очень больших повозках (до 1 т сена) /56, с. 193, Султан-Янгюрт/. Солидные запасы готовились и в лесистой Салатавии — 3 волокуши, вмещающие по 3 копны каждая (до 2,5 т), на 1 вола и 1,5 волокуши на корову. Эти цифры объясняют тем, что вол всю зиму работает, а корова — нет /56, с. 196, Хубар/. А в высокогорном селении Усуг, где сена было больше мякины в 5-6 раз, на одну голову КРС готовили 3 копны сена и 1 копну мякины /57, с. 145/.

Правда, тут есть еще одна сторона: корм-корму, сено-сено — рознь. По исследованиям Христиановича, подтвержденным и другими специалистами, альпийское сено почти вдвое превосходило луговое по содержанию протеина и в 3,5 раза — жира. Общий крахмальный эквивалент альпийского сена составляет по отношению к луговому 162% /456, с. 54; 324, с. 91/. По другим сведениям, равнинное и горное сено ценилось в Ингушетии в соотношении 1:2 /158, с. 23/. Поэтому, указывает Христианович, во Владикавказе горное сено ценилось на 40-50% дороже равнинного /456, с. 54/. Горное сено имело и чисто внешние преимущества — нежная консистенция, аромат, листьев и цветов больше, чем стеблей, сочность и т.п.

Другой вид корма, местами даже преобладающий, — саман (мякина). Наблюдатели называли его "важнейшим кормовым средством для скота в зимнее время" /322, с. 567/. А.Калантар называет его даже "главным кормом" закавказского

земледельца /237, с. 40/. Другой исследователь, С.Заваров, указав на наличие большего, чем в России и Европе, количества скота в Закавказье, объясняет это "большой питательностью нашего корма — сена и в особенности соломы (самана). Последняя, как известно, в России и на Западе вследствие своей грубости мало употребляется в пищу" /209, с. 121/. В этом свете несколько диссонансно звучит высказывание Б.А.Калоева со ссылкой на мнение Ю.Клапрота, что отсутствие молотильной доски у осетин, адыгов и других народов Северного Кавказа объясняется тем, "что в этом случае солома, которую они заботливо берегут для зимнего фуража, совершенно раздавливается" /242, с. 80-81/. Между тем именно раздавливание и укорочение делает стебель хлебных злаков более приемлемым для корма. Об этих преимуществах молотильной доски кавказцев и самана имеется авторитетное суждение И.И.Клингена /259, с. 225/.

ОРУДИЯ СЕНОЗАГОТОВКИ

Основными орудиями при заготовке были коса, косовидный серп (его еще называют женской или одноручной косой, но функционально это не совсем верно, так как в механике работы им имеются элементы, схожие как с работой серпом, так и с работой косой), круглый серп, вилы, грабли.

Дагестанская местная коса была двухпозиционной, позволявшей работать и справа налево и слева направо; это дает больше преимуществ в условиях неровных, крутых склонов сенокосов. Косовидный серп — действительно женское орудие, им нужно работать нагнувшись, как серпом, но на более или менее ровных площадках при густой траве женщины делают неполные замахы, как при работе косой, и сама форма серпа, похожего на косу, позволяет делать это, что намного повышает производительность труда убирающего*. Косой работают мужчины; на равнине и в предгорье, где площади сенокосов были велики и ровны, коса господствовала безраздельно, и косовидного серпа здесь не знали. В горной зоне оба орудия сосуществуют, и в целом уборка сена женщинами преобладает.

В бытовании орудий сенозаготовки было много различий и в пределах зон. Так, в Гидатле с развитым земледельческо-скотоводческим хозяйством косы не было, как и в соседнем скотоводческом обществе Келеб /55, с. 29; Гента; с. 32, Ругельда/. Не было косы и в высокогорных обществах Аварии, в частности в союзе союзов Антль-Ратле. И везде, где не было косы, основную нагрузку нес косовидный серп в руках женщины /55, с. 57, Гиндус; с. 61, Никар; с. 100, Куба; с. 205, Гиблиб; с. 209, Ириб/. Однако это не означало, что коса была неизвестна в этих обществах. И у аварцев была местная коса (чаг, чоги), особенно в западной Аварии, у андийцев /54, с. 25, Гигатли; с. 37, Местерух;

* Косовидный серп (женская коса) был известен и у других народов Кавказа /169, с. 263/.

с. 45, Тад-Магитль; с. 66, Годобери/. Там, где было возможно применение косы, она существовала наряду с косовидным серпом, например в горно-долинных обществах /54, с. 84, Гимры/; у дидойцев, в центральной Аварии; у высокогорных лакцев роль косы варьирует от незначительной до существенной /55, с. 51, Мокок; с. 66, Чох; с. 69, Ругуджа; с. 71, Куяда; с. 76, Вачи; с. 97, Унчукатль/.

В Южном Дагестане косы не было у цахуров /56, с. 214, Цахур/ — наглядное свидетельство того, что дело не в том, что орудие неизвестно, а в том, что применить его было невозможно; ведь цахуры имели наиболее тесные связи, вплоть до переселения и ведения билокального хозяйства, с равнинным Азербайджаном. Не было косы у части рутульцев и лезгин — сено убирали косовидным серпом (паскун), для травы же, растущей среди камней, более подходил круглый серп (араб). Для хлеба был третий, зубчатый серп (мангал) /56, с. 224, Хнов; с. 225, Микрах/. Однако в высокогорьях, где сена было больше, коса имела немалое распространение. Так, у агулов были и коса (дерец) и косовидный серп (хавак) и примерно три пятых сена скашивалось косой мужчинами /56, с. 148, Гоа; с. 149, Рича; с. 152, Кураг/. Еще южнее, в бассейне Самура, косовидного серпа не было, а в кошени большая роль принадлежит косе /56, с. 212, Лучек/. Также у агулов (и лезгин и даргинцев) по ту сторону хребта, в богатом сенокосными угодьями Курахском участке роль серпа очень мала; собственно, сено скашивали только косой, и лишь для зимнего сухого редкотравья использовали круглый серп /57, с. 136, Хпюг; с. 138, Шмихюр; с. 142, Гельхен; с. 146, Усуг; с. 154, Амух/.

Другое орудие, необходимое при сенокосе, — грабли (хадеро — ав., диргъла — дарг.). Они были обычной конструкции, в которой главной особенностью была легкость, чем объясняют причину бытования их в горном Дагестане и в наше время: фабричные грабли неудобны, тяжелы, меньше площадь захвата, цепляются за землю и поэтому неприводительны /54, с. 37, Местерух; с. 45, Тад-Магитль/.

Нагорный Дагестан XIX в. (и более ранний) дает нам картину большого объема труда женщины в заготовке сена. Хорошая работница определялась по ее способностям в заготовке сена, авторитет же женщины, ведущей при уборке сена серпами, был вообще непререкаем. В горах покосные угодья очень часто расположены на небольших труднодоступных участках, крутых и обрывистых, и скосить здесь траву довольно трудно. Поэтому в группе женщин, которая занимается сенокосением в таких местах, имеется ведущая (мархутIа, марх — дарг. "клин", "полоса"), которая, будучи опытным косарем, возглавляла группу, выбирала участок, показывала направление кошени, наиболее рациональный подход, при этом сама обкашивала самые трудные участки.

Так же была велика роль женщины по подвозу сена к дому или хутору. Это только называется "подвоз". Она несла его на себе, иногда на довольно большие расстояния — до 3 км. За день безостановочной работы серпом женщина

убирала 3-5 вьюков для ослов и не уступающую им по весу вязанку для себя. "Женщина во время кошения не иначе возвращается домой, как с порядочной ношей на спине... можно видеть целый караван навьюченных сеном женщин, идущих с поля медленно, согнувшись под тяжестью вьюков, так что головы свои они держат наравне с коленками" /356, с. 9, 22/*. Нельзя сказать, что мужчины не помогали женщинам, они возили, например, сено на лошадях, ослах, волокушах, на крутых склонах они скатывали сверху вниз своеобразные копны-тюки**, но на себе они сено никогда не носили.

Трудность доставки сена женщинами усугублялась еще одной стойкой традицией: все, что было скошено женщиной не на своем участке или на общинном пae, а на откосах, кручах, вообще ничейных местах, и прополотая трава приносилось сразу домой или на хутор и здесь высушивалось. Даже появление в конце XIX в. первых механических орудий — конных сенокосилок, грабель и пр. — не облегчило женский труд, так как орудия эти проникли только в низменные районы, да и там лишь в хозяйства зажиточной верхушки, в горах же ни о каких механизированных процессах в сельскохозяйственных работах пока речи не могло быть***.

В предгорье и на равнине сено заготавливали мужчины косой, заготовка здесь была легче. За день здесь выкашивали косой до 0,5 дес., в объеме это составляло от 3 до 5 копен /56, с. 121-122, Хамаматюрт/. После скашивания сено оставлялось в валках несколько дней, затем собиралось в копны (гIарахъ — ав., бижжагъ — дарг., маркв — лезг., бижакъ, кюлта — кумык., халабакIу — лак.). Через несколько дней готовое сено на арбах свозилось к усадьбе.

Поскольку мы затронули вопрос о разделении труда, остановимся на нем подробнее. В литературе господствовала в общем-то верная оценка, что на Кавказе (особенно в Дагестане) "все тяжкие домашние работы лежат на женщине" /353, с. 391/. Но попыток выяснить природу, основу такого неравного разделения труда не делалось, поэтому мы имеем дело только с констатацией того, "что женщины исполняют все работы", а мужчины были праздны и ленивы /420, с. 291; 398, с. 66/. Всячески подчеркивая, по удачному выражению Э.Хана, "место женщины как авторитетного, руко-

* Сено на себе носили женщины и у ингушей, хевсуров, осетин, но, по-видимому, только с ближайших покосов /169, с. 264/.

** Скашивание копен-тюков, обвязанных или оплетенных прутьями, было известно во многих областях Кавказа, в частности у ингушей, осетин, хевсуров, грузин и др. /179, с. 11; 169, с. 264/.

*** В 1917 г. в Хасавюртовском округе было 85 косилок, 16 соломорезок и 560 конных грабель. Кое-какие орудия были и в Темирханшуринском, Кайтаго-Табасаранском и Кюринском округах /454, с. 96/. "В остальной части области пока почти не имеется никаких усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий", — констатируют составители "Обзора Дагестанской области за 1911 г." /25, с. 17/.

водящего фактора в хозяйственном развитии прошлого" /515, с. 6/, эти авторы (и наблюдатели) не захотели разобратся в социальных корнях этого явления, сведя все к области морали и эмоций. Между тем ответ на этот вопрос может быть выведен из известного положения К.Маркса о том, что "община организована прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация" /5, с. 465/. Общественный строй Дагестана XIX в. оценивается исследователями как патриархально-феодальный /454, с. 126-134/, в нем были сильны еще элементы патриархального, и в частности военного, быта, представлявшего собой реликтовый осколок более раннего времени. Поэтому, по образному выражению поэта, мужчина вынужден был постоянно держать в руках оружие, что, естественно, не позволяло ему держать в руках и орудия труда. Правда, после присоединения к России держать в руках оружие не имело смысла, войн и междоусобиц не стало, но мужчина по инерции избегал "женского" труда и превратился в "обитателя" годекана, столь часто описываемого наблюдателями.

Другое объяснение подобного разделения труда мы находим у В.М.Шамиладзе и Ю.И.Мкртумяна, считающих, что в его основе лежит перегонное скотоводство (трансюманс), в котором женщина не принимала участия, вследствие чего она становится "ведущей силой в горном хозяйстве и наряду со скотоводством была занята также полеводством" /470, с. 244-245/. Ю.И.Мкртумян считает, что в условиях развитого молочного хозяйства и отгонного скотоводства создаются предпосылки для высокой хозяйственной роли женщины и соответственно ее высокого положения /341, с. 27-28/. Нам представляется, что фактор перегонного скотоводства в этом деле несколько преувеличен.

Согласно классификации самих же авторов, в перегонном скотоводстве участвуют только пастухи, а основная часть населения, в том числе и мужчины — владельцы скота, остаются в селении. Следовательно, занятость с отгоняемым скотом — только один из факторов, но не решающий, имеющий меньшее значение, чем фактор отражения в разделении труда былых традиций военного быта.

ОБЩИННЫЕ СЕНОКОСЫ

Общинных сенокосных угодий было два вида: "поточные", открываемые для ненормированного выкоса, и долевые (паевые). В процедуре получения принимали участие только мужчины, а обкашивали участки сообща всей семьей или методом взаимной помощи. На равнине и в высокогорных обществах общинные сенокосы выкашивали косой. Так, у высокогорных аварцев в день открытия сенокоса каждое хозяйство выделяло одного косаря. Это очень характерно — ограничение числа выкашивающих для себя сено от каждого хозяйства. В иных обществах разрешалось приводить определенное количество членов семьи, но нигде и ни в каком случае нельзя было привлекать к этому (в любой форме —

взаимопомощи или за плату) не членов семьи. "Поточные" сенокосы были, например, в сел. Гимры, Маали (здесь специально оговаривалось отсутствие права на устройство помочей), Мокок, Нижн. Батлук (тоже без права помочей) /54, с. 83, с. 98; 55, с. 48, с. 34/. Интересное распределение общинных сенокосов было в сел. Гельхен: общинный сенокос — басатги ("бесхозный") — могли выкашивать только бедняки, не имеющие своих сенокосов, с обозначенного общиной дня. Другим хозяевам косить там можно было лишь после выкоса всех своих участков, если оказывалось, что сена им не хватает, но все равно это считалось унижительным для хозяев /57, с. 139/. В сел. Хаджалмахи до объявления "поточного" выкоса давали выкосить несколько десятков ослиных выюков хозяину лошади, победившей на скачках в день первой борозды /47, с. 52/.

В отдельных селениях община каждый год решала, отдать общинный сенокос на поток или разделить на пай /55, с. 34, Нижн. Батлук/. Однако преобладала все-таки долевая система, что вполне объяснимо в условиях нехватки сенокосных угодий. На равнине в части селений сенокосы делились по жребию на равные пай для каждого хозяйства /56, с. 159, Чонтаул/, но в большинстве сел, особенно в Засулакской Кумыкии, величина пая зависела от количества скота, так что богатый владелец получал большую часть общественного достояния. Однако ханы (и райяты) пая в сенокосе не имели. Иногда здесь надо было после объявления покоса заявить о своем желании участвовать в жеребьевке. Хозяину, не имевшему скота, пай не полагался /56, с. 138, Костек; с. 191-192, Султан-Янгирюрт/.

Такой же порядок был и в нижнем предгорье /53, с. 54, Доргели; 56, с. 201, Эрпели/. В горном Дагестане в части обществ сена с общинных сенокосов получали больше, чем со своих участков. В сел. Чох один пай давал от 10 до 50 ослиных выюков, а личный участок — 15-20, так же было и в лакском селении Унчукатль /55, с. 63, с. 96/. В лезгинском селении Хпюк общественный сенокос (хIенарихъ) тоже делился по жребию, но только среди явившихся после объявления глашатая /57, с. 135/, а в сел. Кулецма, напротив, пай доставался обязательно каждому и он мог его продать (для выкоса), обменять, передать за другие услуги /48, с. 108/.

В больших селениях сенокосные участки делились по кварталам. В сел. Уркарах было 3 участка, которые каждый год мнялись по кварталам. Участок примерно на 100 паев. Его делили пополам, еще раз пополам, и так до 12 паев (по 50, по 25, по 12 паев), измеряли косой, делали зарубки-выкосы и тянули жребий (предварительно раздавали палочки, которые каждый надрезал по-своему, и собирали их в папаху) /53, с. 50-51/. Чей жребий выпал, тот и выбирал себе участок, или же — для полной справедливости — обладатель палочки, вытянутой первой, получал первый участок с краю, обладатель второй палочки — следующий и т.д.

Порою некоторые участки на 8, 10, 12 паев, которые трудно подавались пропорциональной справедливой разбивке, не делились, а выкашивались сообща, с тем чтобы разделить потом сено /47, с. 35, Гапшима; 53, с. 61, Гапшима; 47, с. 14, Усиша; 53, с. 72-74, Гинта; с. 99, Муги/.

В высокогорной зоне также отмечено преобладание паевого раздела. В сел. Годобери, Ругельда такой пай давал 4 волокуши сена (20-25 ослиных выюков) /55, с. 31; 54, с. 65/. Интересная традиция зафиксирована у бежтинцев: член общины, имевший семерых сыновей и более, получал из неприкосновенного фонда общины (харима) участок земли, который он мог использовать и для обработки, и для покоса /55, с. 45, Бежта/.

Для Южного Дагестана и при паевом разделении наблюдается принцип выборочности. В сел. Усуг в жеребьевке участвуют только те, кто не имеет собственных сенокосов /57, с. 145/, а в сел. Рича на общинных сенокосах (сабилар) после решения схода каждый член общины мог застолбить себе участок, но строго по потребности своего скота. Те, у кого было достаточно своих сенокосов, на общинные не допускались /57, с. 149-150/. Правда, у южных даргинцев отмечено наделение паями всех членов общины поголовно /55, с. 153, Амух/. Более того, в отдельных селениях мы встречаемся с интересным и неожиданно щедрым в условиях земельной тесноты обычаем: паем сенокоса наделялись оказавшиеся на участке сенокоса (или в ауле) иносельчане, не члены общины. В сел. Унцукуль наделялись просто оказавшиеся в ауле /54, с. 86/, а в сел. Усиша выделяли пай для кунаков или случайных гостей /47, с. 14/. Возможно, эта мера служила средством привлечения населения в аул из других мест, например после какого-либо бедствия, мора, разорения и пр.

2. ВЫГОННАЯ ФОРМА

Выгонная форма — вторая по степени стационарности и первая по масштабу бытования и удельному весу ФС. Чтобы отличать ее от более ярко выраженных пастбищных форм, мы называли ее выгонной. Основная ее особенность — содержание скота при селе, доме, "рядом с обрабатываемыми землями" по возможности с максимальным выпасом /526, с. 73/ в сочетании со стойловым содержанием. Отличительный признак — скот, по преимуществу рабочий и дойный, к вечеру приводится к стойлу, дому /530, с. 6/.

Интересно, что пастбища, на которых выпасается скот при таком содержании, также получили наименование "домашних" (Heimweiden, домашние (сельские) пастбища) /530, с. 6/. Характерно, что даже при отсутствии присельских выгонов (из-за малоземелья и разбросанности дворов) необходимый для хозяйства и семьи скот (рабочий и часть дойного) оставляется при селении с выпасом на залежах и неудобьях /445, с. 962/. Важнейшей особенностью придомного скотоводства Ю.А.Краснов считает использование "в качест-

ве пастбищ ближайших к поселению угодий при полной оседлости и, как правило, при ежедневном возвращении животных к месту поселения". При этом он подчеркивает, что эта форма непригодна для содержания больших стад овец /275, с. 120-124/. В.П.Христианович отмечает, что выгоны в противоположность летним пастбищам обычно составляют прилегающие к усадьбам склоны гор, расположенные настолько близко, что скот может два раза в день приходиться домой для дойки /456, с. 39/. Для такой формы не исключено содержание в значительных количествах скота и не связанного с земледелием. В частности, у хевсуров В.Н.Геевским были отмечены незначительность количества рабочего скота и преобладание молочного (коров) /169, с. 273/; а В.П.Христианович свидетельствует о том, что "только доящиеся коровы остаются на выгоне весь пастбищный период" /456, с. 39/. О "многочисленных стадах" хевсуров и тушин на выгонах, которые "паслись, возвращаясь под вечер домой", говорит и Г.Радде /399, с. 279/.

Разбивка скота на отдельные стада зависела от состава стада в ауле, разнообразия пастбищ и их достаточности. Но независимо от всего этого два вида скота выделялись обязательно — волы и дойные коровы. Содержанию волов в отдельном хозяйстве и стада волов в масштабах всего села уделялось самое большое внимание. При этом во многих селениях такое стадо паслось на лучших пастбищах. Так, например, в сел. Мурего в каждом квартале было одно стадо волов (диггуге), пасшееся на лучших ближних пастбищах, два стада коров (изуге), пасшихся также на хороших, достаточных для них пастбищах, и три стада нетелей (дацIабе), куда входили и телята, ослы, лошади (вспомним, что Мурего — селение с сильно развитым земледельческим хозяйством) /53, с. 11/. А в горном селении Гапшима было 4 стада: волы, коровы, телята, нетели всех видов с лошадьми /53, с. 61/. Для буйволов по возможности также создавали отдельное стадо, особенно в Южном Дагестане. Если был отграниченный участок, то их пускали вольным выпасом, ибо они непоседливостью не отличаются, волков не боятся. Кобылы часто содержались с коровами, ослы — с телятами или нетелями. Лишь в отдельных горно-долинных селениях (Гергебиль, Хаджалмахи и др.), где было много ослов, практиковался их отдельный выпас. Таким образом, при комплектовании стад животные разделялись по видам, по половому признаку и затем некоторые из них по производственному. В периоды, важные для воспроизводства, получал преобладание половой признак (например, отделение маток), в период получения продукции (например, лактации) — продуктивно-половой, в страдную для полевых работ пору — производственный.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫПАСА СТАД И ОБЩИНА

Особенностью, связанной с использованием пастбищ и выгонов для дойного и рабочего скота в общине, было пра-

во каждого члена общины в отдельности и всех членов общины вместе на все виды ее выпасных угодий. Повсюду община воспринимает как свою обязанность заботу об обеспечении пастбищами и кормами как всего сельского стада в целом, так и коров и волов каждого члена общины. Поэтому владелец большого стада КРС получал возможность неограниченной эксплуатации общесельских пастбищ, ибо за рабочий и дойный скот, в каком бы количестве он ни вливался в общесельское стадо, дополнительная оплата за использование общинных пастбищ не взималась.

Особенности организации сельского выпаса, деления пастбищ и выгонов вытекают из того, что как первобытная, так и крестьянская община являются "хозяйственными организациями, причем столь ограниченными по своим размерам, что все их члены находятся в повседневном непосредственном контакте" /417, с. 88/. В Дагестанском ауле эти контакты были особенно тесны из-за большой скученности населения и вынесения всех сельскохозяйственных работ за пределы селения, в присельскую округу. Поэтому здесь был невозможен так называемый "приусадебный выпас", даже на равнине, как это имело место, например, на Западном Кавказе или в Карпатах /137, с. 88/. Скученность эта объяснялась интересами экономии пахотоспособных угодий и обороны /154, с. 75-83; 330, 96-111/. И само дагестанское поселение является средоточием населения вокруг совокупности обрабатываемых угодий, придатком к ней. Для обозначения этой округи существует и специальный термин (ургуба — дарг.; мегъ — ав.), подразумевающий совокупность всех присельских угодий без пастбищ.

Об особом значении земледелия как древнего занятия в центральном нагорном Дагестане мы говорили выше. В связи с этим напомним, что слово "трудящийся" передается в даргинском языке словом "хлебороб" (хъубзар — поле обрабатывающий) /154, с. 18-20; 360, с. 70/. Правда, в литературе бытует мнение, причем весьма авторитетных исследователей, что "большое место скотоводства в хозяйственной жизни кавказских горцев" сыграло решающую роль в особенностях их поселений и способствовало "сохранности общинных форм землепользования". "Заказное время, принудительный севооборот, организация орошения сенокосов в масштабах хеви регламентировались в первую очередь потребностями скотоводства" /405, с. 5-6; 402, с. 98-99; 157; 158, с. 31/. Все сказанное можно отнести лишь к высокогорному Дагестану. Кстати, и орошение сенокосов практиковалось только здесь, хотя в горных долинах или предгорьях они нуждались в этом больше (но там вся возможная к использованию для орошения вода шла на пахотную угодья).

Относительно центрального горного Дагестана концепция скотоводческих поселений не имеет ни фактологической, ни логической базы. Здесь вопрос о главном занятии — земледелии или скотоводстве — решается в пользу первого. Учтем также, что исторически с ростом скотоводства возникла проблема столкновения интересов земледелия и скотоводства и решалась она за счет огораживаний и выведе-

ния места основного выпаса скота за пределы присельской округи (одна из предпосылок развития отгонного скотоводства: "Выход на летовку в горы был здесь связан прежде всего с желанием избежать потравы посевов") /480, с. 233-237/.

Соответственно тому, что лежало в основе поселения-земледелие или скотоводство, выдвигается в качестве основного предмета заботы общины и сама отрасль, ее состояние, функционирование. Для дагестанской равнины и нагорного Дагестана общинная инфраструктура и ее установления работают на земледелие и скотоводство (симбиозное хозяйство), для высокогорья — преимущественно на скотоводство.

Общепризнано, что "развитая детализация в законах sluчаев кражи скота" характерна для пастушеских племен /135, с. 129/. В обычном праве народов Дагестана нет такого скотоводческого уклона, напротив, большее внимание уделяется охране обрабатываемых угодий. Но и в том, и в другом случае поселение — это "средоточие земельных угодий, находившихся в чересполосном владении", и выборный аппарат власти его являлся силой, обуздывающей "сепаратизм в целях обеспечения нормальной хозяйственной деятельности всего населения хеви как общественно-экономического единства, покоящегося на территориальной общности" /405, с. 6/.

Встречающаяся же порою "моногентильность кварталов, а нередко и сел", по справедливому замечанию А.И.Робакидзе, "носит в большинстве случаев либо вторичный, либо фиктивный характер" /403, с. 31/. Как верно отмечает А.А.Шенников, "в земледельческой (крестьянской, соседской) общине нет родового строя, а есть лишь его пережитки в сфере родственных отношений, в духовной культуре, но не в организации производственных коллективов" /473, с. 19/. Здесь главная основа отношений между крестьянами — частная собственность, обуславливающая хозяйственную самостоятельность семьи, благодаря чему кровнородственные имущественные связи отступают на второй план и выдвигаются связи соседские. Следовательно, ни рода, ни племени нет, хотя и сохранились родственные группы. В Дагестане для них более принято наименование тухум. В этих условиях соседская община существует "почти исключительно как орган производственной кооперации". И в основе этой кооперации могут существовать и единая ирригационная система, и единый севооборот, и единая система сельского выпаса, и совокупный комплекс единого земледельческо-скотоводческого или скотоводческо-земледельческого хозяйства. Общественный строй горного Кавказа характеризовался в XIX в. именно сельской общиной, и различие общин у разных народов и регионов заключалось не в том, что у одних она была родовая, у других — сельская /207, с. 388-396/, а в том, что у них были разные экономические основы.

Относительно значимости родственных отношений сохранившихся групп, в том числе и дагестанского тухума, осо-

рых разногласий нет — это реликты, и соответственно их роль находится на реликтовом уровне /306, с. 81-94; 454, с. 220-237/. Несколько большая роль приписывается им в скотоводческом хозяйстве и обществе. Считается, что родственные отношения "на сезонных пастбищах играли еще видную роль" и что "именно в этом одна из причин живучести традиций азговых (родственных) отношений в районах, где население практиковало отгонную систему скотоводства" /341, с. 48/. Э.Т.Карапетян считает эту живучесть обусловленной самой природой экстенсивного скотоводческого хозяйства, которое сохраняло более примитивные формы организации, что и вызвало потребность в больших коллективах, способных вести это хозяйство /248, с. 4-5; 249, с. 126/.

Отметим, что существует и противоположная точка зрения: А.А.Шенников, например, связывает большую семью с трудоемкостью хозяйства, но не скотоводческого, а земледельческого /473, с. 19-20/. Наши материалы также не дают однозначного ответа на этот вопрос. С одной стороны, наибольший процент родственных коллективов — и тухумов, и больших семей (лучше называть их для XIX в. неразделенными, неразделившимися семьями) — дают народности южного высокогорного Дагестана, занимающиеся отгонным овцеводством с частичным отходом населения: это цахуры, рутульцы, лезгины. Именно здесь мы находим "сдвоенные" семьи — разделение "большой" семьи принимает форму филиации по месту нахождения отдаленных друг от друга зонально-сезонно размещенных отраслей хозяйства: при основном поселении — преимущественно скотоводческое хозяйство (с земледелием), по месту отгона скота — хозяйство земледельческое и отгонного овцеводства (в начальной стадии разделения размещение отраслей было обратным). Однако другие народности высокогорного Дагестана, в такой же мере занимающиеся отгонным скотоводством, — часть аварцев, андийцев, дидойцев — такого удельного веса бытования неразделившихся семей не обнаруживают.

Следует иметь в виду, что террасное земледелие горной части или орошаемое земледелие на равнине требовали тогда больших трудовых усилий, чем отгонное скотоводство. Средняя семья в состоянии была содержать 1000 гол. овец и 10-20 гол. КРС, в то время как уже 3 дес. террасных полей в центральном Дагестане та же семья не смогла бы обрабатывать с тем же успехом. Правда, в отгонном скотоводстве есть элемент разнотональности, но все-таки в большинстве своем отгонное скотоводство не приводит к сложению двух самостоятельных хозяйственных баз, и с отгоняемым скотом уходят только чабаны — как сами владельцы, так и наемные. В этом плане обратим внимание и на другое обстоятельство: у отчетливо выраженных земледельцев — кумыков в XIX в. удельный вес неразделившихся семей был намного больше, чем у даргинцев или аварцев с преобладающим отгонным скотоводством. В то же время встречающиеся в XIX в. примеры подобных семей показывают, что их существование вызвано потребностями большого многоотраслевого неразделившегося хозяйства /153, с. 252-259/.

Нам рассказали о неразделившейся семье у лакцев, основой которой было большое хозяйство, объединявшее земледелие со скотоводством (с отгонным овцеводством). Каждый из четырех братьев этой семьи при главе-отце занимался одной отраслью: один оставался при присельском хозяйстве, другой уходил с овцами в Прикаспий, третий "веддал" промыслами, четвертый — отходничеством и иными заработками и помогал также дома по хозяйству. Из данных материалов прежде всего вытекает непреложный вывод: неразделившаяся семья обязательно зажиточная, экономически самостоятельная. У упомянутой семьи (Мигроевых), например, было пашни на 150 мер посева (7,5 дес.) /23, с. 157/ — цифра невероятная для горного Дагестана, 4 вола, 5 коров, 4 лошади, 4 осла и 400 овец /55, с. 94, Унчукатль/. Другой вывод: сохранение неразделившихся семей не обязательно связано со скотоводческим хозяйством. Все это подводит к мысли, что нельзя столь однозначно связывать сохранность родственных институтов со скотоводством, и в частности отгонным овцеводством.

Относительно жизнедеятельности дагестанской общины можно учесть еще один аспект: обе основные отрасли хозяйства интерпретируются общиной в своей планирующей организационной деятельности во всех случаях как взаимосвязанные, взаимообусловленные (симбиозные); община как бы игнорирует, что существуют две отрасли, что их интересы не всегда совпадают, противоречивы; она исходит из того, что имеется одно хозяйство, единое, комплексное, но имеющие разные отрасли, функционирование которых в интересах этого единого, одного хозяйства община и должна обеспечить. И не имело значения, какой объект (угодий) являлся частновладельческой собственностью, какой — общинной. Важен был общий принцип обеспечения нормального функционирования хозяйства селения. И сенокос, принадлежавший общине, и пастбище, используемое для сельского стада или дававшее ей доход в виде арендной платы, и индивидуальный пахотный участок, и скот, вообще никогда и нигде не бывший общинной собственностью*, — все на первом месте, но планируется и контролируется в интересах единого сельского хозяйственного организма.

Гармонизация всех хозяйственных интересов планировалась уже при комплектовании стад. Так, например, в горно-долинных селениях, где держали коз, учитывая их всеядность и губительность для растительности, деревьев** , а также неустойчивость к холоду, пускали их на скалистые склоны средне- и нижнегорья без чабана, закрыв ос-

новные выходы из этих мест к угодиям и аулу. Время от времени хозяева коз или наведывались туда, или ограничивались обзором урочища издали /54, с. 19, Мехельта/. Не очень доверяли в этом отношении и овцам. На примере последних отчетливо прослеживается приоритет растениеводства при гармонизации интересов отраслей. В большинстве селений запрещалось держать овец в ауле, в присельской округе и даже на собственных хуторах. В сел. Ирганай, чтобы привести на время истощенных овец в пределы сельских выгонов, даже на свой хутор, хозяин овец обязан был испросить разрешение схода. Но козы ни под каким видом не допускались в пределы округи /54, с. 80/. Что дело тут не столько в недостатке пастбищ (хотя было и это), сколько в принципиальном отношении к имеющимся противоречиям обеих отраслей, видно на примере сел. Утамыш (нижнее предгорье) — одного из богатейших в Дагестане по своим угодиям: и здесь овец не пускали в аул и округу ни летом, ни зимой /57, с. 19/. В сел. Ругуджа в присельской округе разрешали держать в хозяйстве только по одной дойной корове /55, с. 69/. В сел. Урари и Цугни летом категорически не разрешали держать при ауле овец /69, с. 82/. Даже в тех селениях, где было совсем мало овец, хозяева обязаны были группировать их и выпасать в определенных общинных местах /57, с. 94, Касумкент/, если же возможности такого выпаса не было, овец надо было сдавать владельцам, уходящим на яйлаги, кышлаги /57, с. 107, Хпюк/.

И лишь в высокогорье (и то не везде), где возделанных угодий было меньше, а пастбищ больше, допускалась большая свобода в сельском содержании овец, организации сельских стад с поочередным выпасом их владельцами (один день на 5 гол.) или наймом чабана /55, с. 50, Вихли/. Однако и здесь, в местах, где был значителен удельный вес КРС (мясо-молочного) и поэтому была остра проблема зимнего кормообеспечения, также запрещалось приводить овец в селение (например, в Сюргинском участке) /53, с. 105, Нахки/.

Особое отношение ко всему, что связано с земледелием, проявляется и в установлениях общины относительно КРС — и рабочего и дойного. Один из непреложных принципов в этом отношении — не только обеспечение в первую очередь, не только лучшие пастбища, но и близкие, прилегающие к селу и основным угодиям (пахотным и сенокосным), присельские. Такой принцип соблюдался на всем Кавказе (ср. /147, с. 274/). Наиболее опекаемой категорией скота был рабочий скот — волы. Две особенности их содержания обнаруживают заинтересованность сельчан в их качественной пастьбе. Первая: только в пастьбе волов сохранился принцип общественного выпаса, основанного на обязательном поочередном привлечении хозяев скота. В этом проявлялась и элементарная практичность: недоверие к наемному труду в таком важном деле, а также тот факт, что волы как наиболее ценный скот (наравне с конями) нуждались в охране. Стадо волов пасут сами же хозяева, числом от двух

* На этот счет имеется вполне определенное положение Ф.Энгельса: "И несомненно, что на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семей" /10, с. 58/. Это положение подтверждено и в современных исследованиях А.И.Першица, Г.Е.Маркова, С.И.Руденко и др. /382, с. 74; 316, с. 289; 315, с. 235; 407, с. 13-14/.

** Ср. об этом у Вилькенса: "Из всех животных самые страшные враги для леса — это козы, так как они не шадят ничего" /134, с. 24/

до двенадцати, в зависимости от величины стада и характера местности (ландшафт, наличие рядом крутых обрывов, леса), где находится пастбище, от активности скотокрадов и волков. Например, в горной части стадо волов пасли два хозяина по очереди /53, с. 19, Мекеги/; в предгорье — два днем и четыре ночью (каждый хозяин проводил у стада две ночи и один день) /53, с. 5, Урахи/, а в лесистых предгорьях Кайтага и Табасарана со стадом находились шесть человек днем и двенадцать в ночную смену /55, с. 73, Джибахни/.

В тех довольно редких случаях, когда волов выпасал наемный пастух, на ночь в помощь ему ходили по два хозяина скота по очереди /55, с. 73, Вачи/. Увеличение количества присматривающих за скотом ночью объяснялось и необходимостью ночного выпаса (къаси чуял къваназари — ав., гузет — дарг., гезет — кум.) волов, проработавших весь день. А ночной выпас при большом стаде очень трудное дело, ибо надо не только следить, чтобы скот не разбрелся, не только его охранять, но и заставлять его пастись. Дело в том, что скот, сильно уставший за день, утолив первый голод, сразу же ложится отдыхать. Скот не может предусмотреть, что к утру его снова впрягут, что к утру он проголодается и поэтому надо запастись кормом. Это предусматривает человек: если скот ложится, пастух насильно поднимает его и заставляет пастись, если стоит на месте, побуждает идти к лучшей траве, к тем животным, которые пасутся. До утра таких циклов чередования отдыха с пастьбой может быть несколько, а чтобы все это хорошо проделать, нужно побольше людей. На ночном выпасе человек заставлял скот съест как можно больше корма, а пережевать его можно и потом, утром и днем. Если у хозяина не было в доме другого мужчины, то в ночь перед "гузетом" он даже не имел права работать на своем участке — полагалось, чтобы он отдохнул перед "гузетом". Система "гузета" вызвана нехваткой скота, отсутствием возможности содержать много скота при напряженном цикле работ и основана на некоторых физиологических особенностях жвачных.

Вторая особенность содержания волов — это выделение для них специальных пастбищ, расположенных поблизости от селения, предусматривающих максимальные удобства выпаса и обладающих высокими кормовыми качествами. Отводятся эти пастбища в летний период, после весенних работ и до летних, а затем и осенних. Цель — обеспечить в страдную пору полевых работ рабочему скоту максимум отличного корма и отдыха с сохранением возможно близкого расстояния от выделенного для пастьбы урочища до места основных работ. Эта практика зафиксирована повсеместно по Дагестану, но особенно в центральном нагорном Дагестане.

Объясняется это, по-видимому, не только развитостью здесь земледелия и необходимостью приоровления к циклу земледельческих работ, но и сравнительно небольшим количеством рабочего скота, обусловленным бедностью кормовой базы, и прежде всего сенокосов, а также характер-

ным для этого региона хроническим недостатком хороших летних присельских пастбищ. Так, в сел. Муги после сева для волов отводилось нетронутое (сага — целина) лучшее пастбище, и по 6 человек из хозяев, еженедельно сменяясь, пасли их. Каждая смена полностью отвечала за выпасаемое ею стадо волов, в том числе и за пропажу и пр. /53, с. 97-98/. В сел. Уркарах волов с подобного участка приводили во время сбора снопов, затем уводили до обмолота и осенней пахоты /53, с. 50/. Повыше в горах, где хорошая трава вырастала позже, особый участок отводился для волов в период осеннего сева и обмолота /55, с. 75-77, Вачи/. В сел. Кутлаб было несколько периодов содержания волов на выделенных пастбищах: на высокогорном от весеннего сева до осеннего, затем до похолодания на нижнем ярусе /55, с. 53/.

Время содержания на избранном участке было разное; недельное — наиболее распространенное, но бывали и однодневные, когда волы каждый вечер приводились в аул. Так, например, в Курахском участке (Кюринский округ), характеризовавшемся развитыми и скотоводством и земледелием, в части селений был однодневный цикл (например, сел. Шимихюр), в других (сел. Гельхен и др.) — многодневный: скот держали на пастбище от весенней вспашки до жатвы, те же, кому волы были нужны для работы, просили очередника, идущего на выпас к волам, послать их с возвращающимся очередником /57, с. 135, Хпюг; с. 137, Шимихюр; с. 140, Гельхен; с. 148, Гоа; с. 149, Рича/. Кстати, эта традиционная функция пастухов-очередников отводить или приводить скот нуждающимся хозяевам, хотя и не числилась в перечне их функций, была тем не менее обязательной для исполнения. Даже если очередник был кровником человека, нуждающегося в волах, он был обязан привести их по предложению нового очередника, пришедшего к стаду, к селению и там препоручить какому-нибудь мальчугану отвести волов их хозяину.

Высокая общественная значимость, придаваемая выпасу волов, видна и из санкций общины, применяемых к тем, кто проявлял нерадение или неуважение к своему долгу. Если очередник не являлся в свою очередь на выпас, даже если там в данный момент не было его скота, с него взыскивалась мера пшеницы и пища пастуху-заменщику. Если же он посылал вместо себя подростка-сына или женщину — мера зерна, за неприход до полудня — мера зерна, за полный день — овца и т.д. /375, с. 81, 96, 133/.

Однако время пребывания очередника-пастуха со стадом в громадном большинстве случаев не зависело от количества его скота, находящегося в стаде. Правда, в некоторых аулах уже наблюдается пропорциональное количеству скота время пребывания с общественным стадом (например, в сел. Харбук каждый хозяин скота должен был выходить один день за каждую голову скота) /53, с. 92/. В этом новом явлении можно усмотреть, во-первых, то, что пропорциональное количеству скота участие в выпасе означает ломку старой общинной традиции, прогресс в социальном развитии,

поляризацию классовых сил, разложение общины и общинных традиций. Во-вторых, отсутствие пропорционального количеству скота привлечения к труду может означать не только реликтовую общинную солидарность и взаимопомощь, но и ответственное сохранение этого обычая стараниями зажиточной сельской верхушки, в интересах которой сохранить "обычай отцов", когда несколько их волов и один-два вола рядового горца содержатся на пастбище при одинаковом количестве труда, вложенного ими обоими. Отметим также, что везде подчеркивают тот факт, что никакой другой, кроме волов, скот на эти пастбища не допускался /57, с. 135, Хпюг; с. 137, Шимихюр; с. 148, Гоа; с. 149, Рича/. Характерный случай произошел в 1860-х годах в сел. Хаджалмахи: община никак не могла оградить выделенный для волов участок от потравы другим скотом. И тогда старшина предложил на сходе любой забредший туда скот резать в пользу бедных. Предложение было принято, а старшина в тот же вечер велел пастуху загнать туда своего лучшего, известного всему аулу бугая. Затем "барламан" (исполнитель) нашел бугая, и по приказу самого же старшины он был немедленно зарезан для бедноты аула. Естественно, что после этого жители аула постарались не допустить потравы этого места своим скотом.

Правда, в отдельных обществах была традиция, по которой крестьянин, не имевший волов, имел право пустить на это пастбище одну корову /54, с. 94, Дарада/. В некоторых селениях, в том числе таких, где пастбища для волов не было из-за отсутствия подходящих угодий, в выпасе рабочего скота преобладал раздельный подворный выпас каждым хозяином или группами хозяев /57, с. 12, Карадаглы; с. 68, Джебел; с. 94, Касумкент; с. 120, Зильдик/. Вот как, например, использовал волов в период страды горец из сел. Гельхен: вечером приводил волов с пастбища, подкармливал, среди ночи (в 2 часа, по звездам) поднимал их и вел на выпас, где они паслись до рассвета, после которого начиналась работа. С потеплением дня, когда волов начинают одолевать слепни, хозяин прекращал работу, а скот вводил на пастбище, которое выбиралось и с учетом отсутствия мошканы, слепней и пр. /57, с. 140/.

Относительно других видов скота в присельском содержании положение было проще. Наиболее распространенным было содержание дойного скота. Бросаются в глаза отличия в его содержании по сравнению с содержанием рабочего скота. Во-первых, нет специальных пастбищ; коровы выпасаются в пределах округи везде, где только возможно и как возможно. Во-вторых, для их стада нанимается пастух. В-третьих, во многих обществах, особенно высокогорных, в присельской округе содержится только меньшая часть коров (одна дойная корова на хозяйство), остальные уводятся на яйлаги. В-четвертых, коровы присельского содержания обязательно возвращаются каждый вечер домой, ибо характер потребления и утилизации их продукции не допус-

кал недельного цикла*. Например, в крупнейшем скотоводческом селении Чох воли (с лошадьми и молодняком обоих полов) выпасались по понедельно хозяевами (от пятницы до пятницы) независимо от количества их скота; коровы же с ослами и телята выпасались наемными пастухами. Характерно, что оба последних стада уводились и приводились с разницей в один час во избежание сутолоки и смешения /55, с. 64/. В другом ауле в общем стаде оставалось только по одной корове на хозяйство, остальные же коровы и другой скот содержались по дворам, кроме овец /35, с. 69, Ругуджа/.

Такое разделение рабочего и дойного скота бытовало почти по всему Дагестану, на равнине — в меньшей степени /53, с. 19, Мекеги; 55, с. 73, Вачи; с. 77, Вихли; с. 82, Тлярата/.

Другие виды скота в присельском содержании не имели особого значения (конституирующего ФС). Это тоже один из парадоксов выгонного содержания — здесь содержатся все виды и категории скота, но самостоятельное, имеющее отношение к ФС значение имеет только содержание рабочего и дойного скота.

На фоне тщательной продуманности организационной стороны выпаса, формирования стад и деления угодий в осуществлении технической (технологической) стороны выпаса дагестанская община оказалась менее распорядительной и дальновидной. В.Н.Геевский, говоря о горцах верховея Терека и Белой Арагвы (осетины, грузины, хевсуры), точно подметил, что "кавказские горцы, по-видимому, не дошли до того, чтобы определять число животных, которое можно допускать на пастбища без вреда для последних" /169, с. 261/. Бичом скотоводства на Кавказе называет неумеренный, не считающийся с возможностями пастбищ выпас скота и выбивание пастбищ (особенно овцами) и Х.А.Вермишев /129, с. 92, 119/. Это в полной мере относится и к Дагестану. Одним из главных условий рационального использования пастбищ является установление нагрузки "в соответствии с их емкостью", установление периода и продолжительности стравливания, установление пастбищеоборота для каждого массива и т.д. /342, с. 6-7/. Правда, как мы видели, пастбищеоборот (периодическая смена способа использования угодья на выпас или сенокос) в Дагестане применялся, и довольно активно. Ясно, что это подсказывал горцам их практический опыт (в опытах по проверке способов использования угодий В.И.Евсеева пастбищеоборот повысил сбор питательных веществ по сравнению с сенокосным использованием на 18%, с пастбищным — на 29,4%) /342, с. 7/, а также острая нехватка угодий. И потом смена эта была в большей степени характерна для традиционных сенокосов, нежели для пастбищ.

* Содержание дойных коров круглый год на присельских пастбищах и увод их в горы только теми хозяевами, у которых их было несколько — до 10-15 гол., отмечено и у ингушей /157, с. 243/.

В этом отношении кавказские горцы уступают, например, жителям европейских Альп, где каждое пастбище измерялось в штоссах — участок, необходимый для прокормления коровы в течение лета (1,8 га) /146, с. 8-10/. В кантоне Глярус, например, строго предписывалось, прежде чем пускать скот на пастбище, определять, сколько скота можно туда пускать; другое интересное установление: с тех участков Альп, где пасется скот, нельзя вывозить ни траву, ни сено, ни даже удобрения /134, с. 27-28/. В особенно печальном положении, считает автор, находится альпийское хозяйство там, где "большая часть Альп составляет собственность общин", и особенно при периодических переделах (нет заботы о последствиях эксплуатации) /134, с. 23/; аналогичная картина и на Кавказе. В результате — последствия, которые самым отрицательным образом в больших масштабах сказываются на состоянии экологической среды и через посредство ее — на хозяйстве, как это было, например, как указывал Ф.Энгельс, "когда альпийские итальянцы вырубали на южном склоне гор хвойные леса", не подозревая, "что этим подрезывают корни скотоводству в их области", истощают водные источники, превращающиеся в период дождей в "бешеные потоки", изливающиеся в долины /9, с. 496/.

На Кавказе именно Дагестан в силу особенностей его геологии, ландшафта и климата в наибольшей степени испытывал на себе последствия нерационального использования угодий — размывание поверхности земли. А.И.Воейков, говоря об этих "ранах земли" во Франции, счел нужным добавить: "И у нас в России немало горных стран на наших южных окраинах, где человек погрешил в том отношении, как в Южной Франции. Особенно можно указать на Дагестан, страшно изрытый горными потоками и необычайно бедный лесом" /139, с. 79-80/.

Нельзя сказать, что выпас скота был совсем непродуманным, что не было сложившейся системы, методов — они были, и довольно хорошо разработанные, но плохо учитывалось главное условие правильного выпаса — соответствие нагрузки емкости пастбища. Так, например, на летних пастбищах, как только кош получал свою долю, старший чабан разбивал пастбище на несколько участков, внутри которых были и однодневные пай на каждую отару. Порядок пользования участками шел снизу вверх с таким расчетом, чтобы на каждой высотной полосе оказались в период максимально хорошего травостоя (на высокогорных пастбищах учитывалось и повысотное таяние снега); планировалось время пройти гору вверх и вниз так, чтобы возможно более продлить пребывание на летнем пастбище. К концу теплого времени отары должны были быть уже внизу, откуда они отправлялись на зимние пастбища. Обычным показателем, сигнализирующим отход с вершин, было первое выпадение там снега*. Система выпаса по фронту, с идущим

впереди чабаном, с повторными возвращениями в течение дня и на нетронутые и на объединенные участки была строго продумана (см. /129, с. 132-133/).

Иначе проходил зимний выпас в горах. Выпас здесь, исключая хуторское содержание овец, был дополнением к стойловому содержанию и заключался в максимальном использовании теплых и погожих дней (ср. /200, с. 104; 241, с. 79/). Однако и летом и зимой вся эта продуманность была однобокой: она была рассчитана лишь на извлечение максимального возможного корма с пастбища, без учета сохранности угодий.

На равнине было несколько иное положение, ибо у веками сдававшихся в аренду урочищ (кутанов) кормежность была относительно определена и феодалы следили, чтобы не было большого перегрузок на их пастбища. Здесь прежде всего все пастбище делилось пополам и одна половина оставалась нетронутой до окота для овцематок и ягнят. На другой половине применялась загонно-порционная система с разделением на однодневные и многодневные участки, внутри которых овцы каждый день паслись на нетронутом участке (раци — ав., сага, дагъкъар — дарг., Чіруухъан — лезг., сага, сая — кум.) и уже однажды объединном (бухла, хъаркъача, къяйцбик — дарг.).

В связи с системами выпаса находится и вопрос круглогодичного содержания скота на подножном корму. Поскольку отгонное скотоводство приобрело самостоятельное значение (и наименование), вряд ли есть смысл включать его в понятие круглогодичного содержания на подножном корму. Предпочтительнее, на наш взгляд, круглогодичным называть содержание скота именно относящееся к стойловому и выгонному содержанию, т.е. такое, когда выгонная форма благодаря природным условиям практически становится круглогодичной, без содержания в стойле.

В условиях Дагестана, когда в течение 2-6 (в зависимости от зоны и широтной расположенности) зимних месяцев в стойловых условиях кормилась только четверть скота /343, с. 125/, круглогодичное содержание на подножном корму имело большой удельный вес. Но тут-то и требуется разграничить тот скот, который отгоняется (это совсем другая ФС), и скот, который содержится на месте. Естественно, что таковым оказывается в первую очередь рабочий и дойный скот южных равнин и предгорий и частично горных долин, т.е. скот содержался на месте в тех местах, где теплая зима не вызвала "острой необходимости в создании искусственной кормовой базы" /197, с. 46-47/. Характерно, что исследователи закавказского скотоводства С.П.Зелинский, М.В.Мачабели и др. также не различают разновидностей круглогодичного "подножного" содержания, указывая только, что в низменных районах коровы и вообще КРС (и овцы) содержатся на подножном корму /222, с. 98; 332, с. 245, 248; 331, с. 464-465/.

Между тем подобное разграничение внесет ясность и в выявление бытующих в данном регионе форм и типов скотоводческого хозяйства, так как в основе каждой разновид-

* Ср. сходное описание у П.С.Варвина /126, с. 74-75/.

ности лежат разные принципы содержания скота — выгонная (с добавлением стойловой) и отгонная, бесстойловая.

В связи с методами выпаса остановимся коротко и на вопросах найма и оплаты пастухов. Нанимались они на весенне-летний период, а в более теплых местах — и на весь год (причем плата за разные периоды была различной). На Засулакской равнине нанимали на лето одного пастуха, на зиму — другого. За зиму ему давали 1 малую меру (сах) зерна с 1 гол. скота, летом — 1 сах за голову ежемесячно и однодневный надой /56, с. 139, Костек/. В сел. Султан-Янгиюрт пастуху давали на выбор: трехдневный надой с головы скота или 1 сах зерна с 1 гол. и 1 сах муки с каждого хозяйства плюс однодневный надой на питание. В сел. Чонтаул нанимали пастуха сразу на год (редкий случай) и давали ему 1 пуд зерна, 1 сах муки и однодневный надой с 1 гол. /56, с. 192, с. 158/.

В предгорье оплата пастуха была гораздо выше, что объясняется, по-видимому, большей трудностью выпаса в условиях лесистых возвышенностей. Так, в сел. Джебел пастуху помимо зерна полагалось ежедневно 5 хлебов, крынка сметаны (творога, масла), вечером — горячий ужин /57, с. 68/. В сел. Чумлы пастуху давали 2 саха зерна с головы скота и кормили по очереди /53, с. 86/, а в сел. Трисанчи помимо пищи и одежды давали еще в конце года двух овец и двух ягнят /47, с. 140/. В горном внутреннем Дагестане плата была разработана с большей градацией по видам и категориям скота. В сел. Батлаич пастуху полагалось с коровы — сах зерна, с теленка — гьорто (1 сах = 2,5 гьорто), с быка и лошади — мера зерна (кьали) /54, с. 71/. А.Калантар приводит по Хунзаху такие данные: 0,5 меры зерна с коровы за лето и осень и 0,25 за весну; в Тлохе трем пастухам дают по $\frac{1}{2}$ меры весной и 1 мере кукурузы осенью /237, с. 175/. Вариантов выплат, зависящих от условий работы и особенностей местного скотоводства, было много /54, с. 55, Кудиябросо; с. 74, Сиух; с. 91, Кикини; 55, с. 99-100, Куба; 53, с. 73, Гинта; с. 97, Муги, и др./.

Особых различий в оплате пастуха не было. В высокогорье существовала приблизительно такая же система оплаты; правда, кормление здесь предусматривается намного чаще /54, с. 20, Хуштада; 55, с. 32, Ругельда/, что можно связать с характерным для высокогорья дефицитом еды. Здесь же введено и разграничение оплаты присельского выпаса и более отдаленного, яйлажного. Так, например, у дидойцев пастуху за выгонный выпас полагалось 1 сах зерна и кормление в течение одного дня, в то время как на горных пастбищах ему давали 4 меры (кьали) зерна со всего стада и брынзу. В сел. Мокок пастуху выделяли еще полсаха зерна с головы за сезон — на сапоги /55, с. 50/. В некоторых селениях лакцев платили не с головы скота, а с каждого хозяйства /55, с. 73, Вачи/, что должно свидетельствовать о большей, чем в других местах, равномерности распределения скота (и живучести общинных традиций). Еще одна особенность отдельных селений высокогорья — выплата производится не зерном, а мукой /53, с. 104, Нахки/. Это

делается (причем в интересах сельчан) в тех местах, где мало мельниц и пастуху пришлось бы надолго отлучаться для помола зерна.

Интересно отметить, что на Северном Кавказе оплата труда пастуха зерном далеко не всегда входила в систему выплат, что может быть объяснено двумя различными причинами: или зерна было много и хлеб не был особой проблемой, или же земледельческие традиции были менее выражены. Так, у кабардинцев летний пастух аульного стада (кожеахо) получал удой одного дня с каждой коровы и 25 молодых телят за лето /389, с. 32/. Говоря об оплате труда пастуха у осетин, исследователь А.Х.Магомедов упоминает об обязанности хозяев скота по очереди принимать на ночевку, кормить пастуха, выделять ему кусок сукна и две пары обуви за сезон, о зерне же говорится вскользь, между прочим /309, с. 85/.

Несколько слов о положении пастуха. Это занятие считалось самым непрестижным. Пастухом становился только очень бедный человек, ни на что другое не рассчитывающий, причем он старался наняться в пастухи в другом ауле; в своем ауле лишь круглые сироты могли, не унизив себя, пойти в наемные пастухи или подпаски. Между тем оплата труда пастуха по сравнению с другими работами была не низкая, скорее наоборот. Но получение заработка малыми мерами с каждой семьи, с обходом с мешком в руках хозяев скота, обидные оговорки при этом и т.п. было тягостным. Процедура питания по домам хозяев или снабжения пищей на день также имела много возможностей для обмана и унижения пастуха. При этом труд пастуха очень тяжелый: надо встать задолго до рассвета, собрать скот, выслушать претензии владельцев, затем целый день быть на ногах, а вечером опять обойти некоторых владельцев, у кого скот не в порядке (пастух обязан заметить и это). При этом пастух нес полную ответственность за скотину, должен был предотвратить падеж, принять отел и т.д. (ср. /309, с. 85/). В общем и физическая и морально-психологическая нагрузка очень велики.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ВЫГОНОВ И ПАСТБИЩ

В связи с комплектованием стад и организацией выпаса следует осветить и вопрос о распределении сельских выгонов и пастбищ. Община уделяла этому вопросу большое внимание. Распределение сельских пастбищ определялось помимо приоритета разных видов и категорий скота качеством угодий, их соответствием этим видам и категориям, составом и состоянием травяного покрова. Многое в распределении пастбищ зависело также от степени усиления общинной верхушки и зажиточной прослойки, зависимости от крупных феодалов, от обеспеченности общины пастбищами, зональной позиции поселения, от уровня развития земледельческого хозяйства.

В высокогорном обществе Келеб, например, участки для разных видов скота определялись по травостою, и уже после разделения по видам кидался жребий для установления урочищ отдельным стадам, и особенно кошам овец /55, с. 31, Ругельда/. По составу трав распределялись пастбища и у дидойцев, а также в обществах высокогорной Аварии, таких, как Ухнада, Анросо /55, с. 48, Мокок: с. 54, Кутлаб; с. 56, Гиндух/. Здесь наилучшей считалась трава открытых солнцу вершин (адра) как для выпаса, так и для сена. Такой же порядок был и в Южном Дагестане, в частности у агулов /57, с. 150, Рича/.

Наиболее простой вид утилизации пастбищ — открытый. В этом случае община лишь определяла начало вывода скота на пастбища, а также участки, сохраняемые для зимнего выпаса. В остальном каждый хозяин скота или группа хозяев могли вывести свой скот на любой участок и выпастить его там. Такой способ был характерен для селений с большим количеством пастбищ и особенно часто встречался в равнинном и высокогорном Дагестане. Но чаще, конечно, использование пастбищ было регламентировано, причем перечень ограничивающих мероприятий в значительной степени варьировался не только в разных природных зонах, но даже в пределах одной округи. Прежде всего община выделяла участок, предназначенный для партнера по взаимному использованию разносезонных пастбищ, затем выделялся участок для сдачи в аренду и только потом — участки для сельских стад и отар, в первую очередь для рабочего и дойного скота.

Во многих обществах представители общины каждую весну обходили угодья и определяли их назначение, обращая особое внимание на выделение сенокосов /56, с. 201, Эрпели/. При этом первостепенное значение придавалось выделению пастбищ для зимнего выпаса. Так, в сел. Чирката (Гумбетовское общество) нижний ярус горных пастбищ был закрыт летом для всех видов скота /54, с. 15, Чирката/. В зависимости от зоны и местного ландшафта эти зимние пастбища или требовали строгой охраны, или же просто оставались нетронутыми без особых предупредительных мер. У агулов даже считали, что охранять их нет никакой необходимости, ведь летние (сув) и зимние (мехI) выпасы находились в разных местах (поясах) сельской округи /57, с. 150, Рича/. Ближе же к равнине, в предгорьях, выеденные весной выпасы летом все равно выгорали и были бесполезны для скота, но зато зимой представляли собой хорошие пастбища, так как зимой ценились именно выгоревшие летние травы, а не бедная осенняя трава /57, с. 68, Джебел/.

Но не везде было так. У тех же агулов, если чабан нарушал границу и захватывал часть осеннего пастбища, у него тут же резали барана. Чтобы нарушение считалось состоявшимся фактом, необходимо было, чтобы границу перешли 5 овец, одна собака и один чабан. Если же баранов на запретной земле оказывалось больше — увеличивался размер штрафа /57, с. 150, Рича/. Строго разделялись зимние и летние пастбища и у даргинцев /53, с. 33, Чирах/. И вообще во-

прос использования зимой выгонов, пахотных и сенокосных угодий, солнечных экспозиций — зимних пригревов — имел особую остроту в связи с трудностями зимнего содержания скота, недостатком зимних пастбищ и заготовленных кормов. Поэтому община повсюду в горах запрещала использование летом для выпаса зимних пригревов, чтобы сохранить их для периода зимней бескормицы /54, с. 25, Гигатли; с. 50, Карата; с. 54, Кудиябросо; с. 66, Годобери; с. 82, Гимры; 56, с. 191, Султан-Янгиюрт, с. 218, Шиназ; 57, с. 151, Кураг; с. 191, Хпюг/.

Особое место занимает вопрос об обеспечении пастбищами овец. Община далеко не со столь большой готовностью и охотой заботилась об этом. Пастбища для овец выделялись лишь после того, когда все другие виды скота были обеспечены пастбищами. В некоторых селениях, в частности долинных, часть лучших пастбищ, оставшихся после распределения, выделялась владельцам овец только за плату, иначе пастбища могли быть сданы барановедам других селений. Примером такой сделки может служить сел. Кабир: здесь на сельских землях летом оставалась примерно пятая часть владельцев овец и они были обязаны вносить за овец арендную плату общине /57, с. 132/. В сел. Верх. Мулебки за выпас овец на двух горах — Канда (весенний выпас) и Харанаци (летний) — с владельцев крупных отар селения взималась арендная плата "кьарган" /53, с. 143/. В сел. Гинта общинные пастбища Гумрилабек и Кабкая сдавались владельцам отар за 70 баранов (мясо раздавалось подушно всем членам общины) /53, с. 74/. Также брали плату с сельских барановодов в сел. Кулецма, Гимры, Унцукуль, Араканы, Ругельда и др. /48, с. 108; 54, с. 83, 86, 88; 55, с. 31/. Иной раз, если даже владельцы овец не обязаны были арендовать сельские пастбища, они должны были по возвращении с выпаса устраивать благотворительные раздачи овец и мяса беднейшим членам общины. Хотя это и не имело юридической силы, но в противном случае при попытке использовать летние пастбища в следующем году у барановеда могли возникнуть трудности /53, с. 33, Чирах/.

В отдельных обществах вообще не выделяли пастбищ для овец, как, например, в даргинском селении Гапшима /53, с. 62, Гапшима/, община которого считала, что одну-две овцы можно содержать вместе с другими видами скота, а те, кто хочет иметь больше, могут вступить в кош и арендовать пастбища. В союзе обществ Технуцал аулы Ботлих, Конхидатль и Тасуда также не выделяли общественных выгонов для овец, да и для КРС их пастбищ хватало на 1-2 месяца; в сел. Арчо пастбища были рассчитаны на 150 гол. КРС (тоже без овец), в сел. Рачабудда — на 100 гол. КРС, в сел. Нижн. Мнхело вообще не было выгонов, а в сел. Хелатлури существовали выгоны только для КРС /54, с. 63-64, Муни; с. 67-69, Ансалта; с. 49-53, Карата/.

При выделении овцам отводились пастбища самого верхнего яруса, самые дальние /57, с. 118, Кандик/. Там и горы повыше, и склоны крутые, трава мелкая (кьичIвил — лезг.) и прохладно. КРС здесь практически нечего было бы делать

из-за крутизны склонов и характера травяного покрова – трава здесь настолько низкая, что КРС не может ее поедать /57, с. 139, Гельхен/. Именно по этим причинам были сравнительно невысоко расположены ярусы выпаса КРС на горных пастбищах в Дагестане. Несмотря на свой незначительный вес (144-224 кг), КРС поднимался на пастбищах не выше 2000-2100 м (Чирах), 1700-1800 м (Ахты), 1800-2000 м (Сугул), 1800 м (Рутул), 1800 м (Тухчар), 1700-2100 м (Уна), 2180 м (Кумух), 1700-1800 м (Кая). Только в сел. Кули и Хосрех с относительно пологими склонами гор и открытым ландшафтом скот заходит на высоту 2100-2250 м (Хосрех) и 2200-2300 м (Кули). Сходное положение отмечается на Ахманганских летних пастбищах Армении, Тарсчайских – Азербайджана, в горной Ингушетии /343, с. 132-133/.

Особо следует отметить обилие разнообразных сервитутов при эксплуатации кормовых угодий. Так, например, у лакцев Казикумухского ханства при имевшейся частной собственности на пахотные и сенокосные угодья использование их в качестве выгонов принадлежало уже ханам, которые по своему усмотрению давали их на выпас за плату. Назывался этот сервитут "тамач" /55, с. 74, Вачи/. У высокогорных аварцев было, по выражению нашего респондента, "двойное владение покосами": один владеет до выкоса и уборки сена, другой пасет на нем скот после уборки сена /55, с. 203, Гибли/. Сервитуты у лакцев описаны в литературе /118, с. 39-40/. А.Калантар называет их "дробным владением земель – сено, отава, весенняя трава" /237, с. 174/. Бросается в глаза то, что представители ханской власти и отдельные лица получили права на присвоение функций, которые принадлежали прежде сельской общине и отправлялись ею в интересах всех отраслей и всего хозяйства аула.

Этими же интересами было продиктовано во многих местах принудительное чередование общиной севооборотов по отдельным урочищам сельских угодий и соответственно "закрыванию" и "открыванию" участков угодий, урочищ, с тем чтобы использовать часть пахотных и сенокосных угодий в качестве сельских выгонов и в летнее время и рационализировать использование всего комплекса угодий общины. Например, в сел. Хаджалмахи все неполивные угодья делились на две части: восточную (Чяххи-Хухбурт) и западную (Хиуссула кьада). Границей их было ущелье Хлинцла кьадаги. Каждый член общины, независимо от того, был ли у него участок пашни или сенокоса в этих угодьях или нет, имел право выпастить летом скот в той половине угодий, которая отведена под пар или перелог. "Раз ты член общины, значит, твой скот в сельском стаде, а стадо пасется там, где укажет джамаат. Земля хозяйская, но закон – джамаата", – объяснял наш респондент /47, с. 55-57/. Именно так оценивал это положение и Ф.Энгельс, когда указывал, что "принудительный выпас естественно требовал, чтобы время посева, как и жатвы, не зависело от воли отдельного лица, а было для всех общим, устанавливалось общиной или обычаем" /7, с. 334/.

Мы уже отмечали, что подобные "закрывания" и "открывания" имели в виду как соблюдение интересов земледелия, так и обеспечение кормом скота. Перевешивание в этом балансе зависело от удельного веса отраслей. Однако общинники, специально открывавшие для выпаса сенокосы и даже пахотные угодья, имели в виду и улучшение угодий, их унавоживание. Высокоотравные субальпы хороши для сенокосов, но при длительном их использовании происходит развитие мхов и заторфовывание. И потому в качестве профилактики полезен, оказывается, умеренный выпас /167, с. 126/. Рекомендация прямо гласит: в субальпах "желательно преимущественно сенокосное использование травостоя с периодическим, строго регулируемым выпасом" /476, с. 337/. Горцам это правило открыл стихийный опыт, поэтому в горной части до середины июня, а повыше – до конца июня были открыты для выпаса и сенокосы. Затем их закрывали и открывали только в октябре /55, с. 96, Унчукатль/. Но поскольку в процессе пастбищеоборота использовались и обрабатываемые угодья, земли под насаждениями, то в горном Дагестане (особенно в центральном) чаще применялось поэтапное открытие и закрытие разных урочищ /54, с. 50, Карата; с. 77, Буцра/. У аварцев, разработавших наиболее детальные правила использования угодий всех категорий для выпаса, бытует даже специальный термин, обозначающий открывание урочища: мегъ бихун – "разрушить (запрет)", "отпустить" /54, с. 11, Мехельта/.

С учетом этого порядка весной, с окончанием сева, весь скот (рабочий, молочный и непродуктивный) выводился на дальние сельские пастбища, ближайшая же к аулу сельхозокруга (пашни, хутора, сенокосы, пастбища, оставляемые для зимнего выпаса) объявлялась закрытой для скота. Для скота, который на ночь приводили в селение, оставляли специальные проходы – дороги между угодьями, огражденные завалами камней, иногда плетнем, колючей изгородью. После уборки урожая объявлялись постепенно (поэтапно) открытыми для пастбы все угодья. Вот как выглядит эта последовательность на примере сел. Араканы (горная долина). Стадо волов селения содержалось на яйлагах в урочище Большой лес (на Араканском хребте), стада коров и телок в урочище Дирхьибазди. В августе глашатай объявлял, чтобы освободили от жнивья местность Шураб кIкIал, которая предоставлялась стаду волов. В сентябре объявлялись открытыми для сенокосения субальпы, а по его завершении сюда тоже можно было выгонять скот. В середине октября глашатай объявляет запрет на выезд из аула, пока каждый не уберет кукурузу на своем участке; особенно это касалось участков, через которые пролегали проходы-дороги к другим участкам и пастбищам. Затем объявлялся сбор винограда, затем снятие урожая всех видов в местности Верхние Теснины (куда приводилось стадо волов), через 3-4 дня указывалось на необходимость освобождения угодий в Нижних Теснинах, которые тоже отдавались под выпас. Через 10 дней объявлялось об освобождении от посевов всех земель вверх по течению реки от мельницы, и

уже затем освобождались все поля "до большой реки" (Койсу) /66, с. 13-14/. С этого дня сельхозокруга в целом отдавалась под выпас; не успевший убрать свое поле по неуважительным причинам мог лишиться урожая, его не ждали; если причина была уважительная — община помогала завершить работы.

Аналогичный порядок соблюдался и в предгорных аулах /57, с. 94, Касумкент; 53, с. 45, Шилаги; 47, с. 116, Чумлы; 53, с. 87, Чумлы/, и в нижнепредгорном Утамьше /57, с. 18-19/. В части селений из общей совокупности обрабатываемых земель создавались три группы — участки под озимые, под яровые и под пар со строго соблюдаемой погодовой очередностью; пар отводился под выпас /51, с. 81, Кана-Сираги/. И в этом делении отдельные общины не забывали подчеркнуть приоритет земледелия. В обществе Ганк при этом трехчленном делении угодий на землях, отведенных под пар, разрешалось выпасать только волов, занятых земледельческими работами ("запряженных в этот день") /53, с. 51, Уркарах/.

Назначение этого мероприятия, казалось бы, ясно — обеспечить скот дополнительной кормовой базой. Отчасти это справедливо, но именно только отчасти. Наш респондент, рассказав об этой традиции в сел. Гапшима, затем добавил: "От пашни как пастбища вообще-то мало толку, так как ее часто вспахивают" /53, с. 63/. В некоторых засушливых местностях пар вспахивали до 7 раз, 3 раза это было обязательно. С перелогам дело обстояло лучше, но в горах перелогов было очень мало — этого не позволяли земельные ресурсы. Следовательно, суть этого порядка не в том, чтобы поставить пахотные угодья на службу скотоводству, используя как выпасы, а в том, чтобы лучше организовать выпас на чересполосных землях, межах, оврагах, неудобьях, незанятых склонах и т.п., лежащих вокруг пахотных угодий, и при этом не нанести ущерба земледелию, а, напротив, даже поддержать его посредством унавоживания почвы.

Таким образом, речь идет не об ущемлении одной отрасли в интересах другой, а о рациональном и эффективном использовании всей совокупности сельскохозяйственных угодий поселения в интересах аульного многоотраслевого хозяйства. Об этом свидетельствует пример осуществления принудительного чередования в сел. Утамьш. В этом ауле не было недостатка в угодьях: больше 7 дес. пахотных угодий на хозяйство — один из самых высоких показателей в Дагестане; много было здесь пастбищ, лесов и соответственно имелось много КРС /23, с. 170-173/. Неорошаемая часть общинных земель этого аула (в том числе и пахотных) была на потоке, и любой общинник мог сделать заимку и обработать землю под посев в любом конце сельских угодий. О недостатке пашни или земель под выпас не было речи /57, с. 18-19, Утамьш; 53, с. 12, Мурего/. И тем не менее принудительное чередование было и здесь, и оно преследовало цель в первую очередь рационализировать отданное на поток земледелию на общинных землях, оградить их от беспорядочного выпаса, но одновременно и наладить организованный, правильный выпас многочисленных сельских стад, т.е. за-

дача заключалась в рационализации и упорядочении комплексного хозяйства поселения в целом.

Разумеется, такие порядки существовали не только у дагестанских крестьян. В частности, в горной Грузии отмечены двухлетние циклы чередования использования пахотных угодий в качестве пастбищ /196, с. 112-113, 117-118/; у абхазцев этот институт получил название "времени, когда снимаются ограды". Связан он был с "порядком, по которому все поля крестьян, с которых уже собран урожай, поступали в общественное пользование, т.е. правом беспрепятственного выпаса на полях, где убран урожай и разрушены ограды, пользовались все крестьяне села" /106, с. 30-31/. То же отмечено у армян: после уборки хлеба и сена участки "поступают в общее пользование, и никто не имеет права воспрещать пастьбу скота на своих участках" /215, с. 49/; скот пасется на них "вне зависимости от их принадлежности", и владельцы даже заывают пастухов на свои угодья, а некоторые для привода скота на свой участок (особенно пашню) идут даже в пастухи /341, с. 18/. Аналогичное явление отмечено на Северном Кавказе, а также в Средней Азии, где весной до посева и осенью по снятии урожая "частновладельческие земельные участки превращались в общественные пастбища" /257, с. 124/.

СЕЛЬСКИЙ ВЫПАС И ОБЫЧНОЕ ПРАВО

В целях организации рационального ведения хозяйства аула община устанавливала порядок проведения работ земледельческого и скотоводческого цикла во взаимосвязи. На это были направлены и многочисленные запретительные установления обычного права, призванные предупредить нарушение хозяйственных циклов, обеспечить комплексное гармоничное развитие хозяйства поселения, а также обеспечить и неотвратимость наказания за нарушения хозяйственного порядка с установлением за это высоких штрафов.

Прежде чем приступить к изложению охранительных и запретительных действий дагестанской общины в целях рациональной организации хозяйства поселения, приведем один пример, характеризующий принципиальную позицию дагестанской общины периода ее дееспособности в области общественных и частных интересов, в том числе связанных с содержанием скота.

В сел. Урахи квартальный джамаат не разрешил владельцу Султану-Махмуду перестроить дом с возведением второго этажа, мотивируя это так: второй этаж закроет доступ лучам солнца на дорогу, ведущую к зимнему водопою, поэтому там будет образовываться лед, что создаст для прогона скота трудности. Султан-Махмуд пожаловался начальнику участка — наibu, который лично приехал разбирать это дело и принял сторону владельца дома. Однако квартальный джамаат был поддержан всей общиной и сельским судьей — кадием. На слова наиба, что участок есть соб-

ственность Султана-Махмуда и он волен делать там, что он хочет, судья отвечал, что это у вас в России так, а у нас "не всегда и не всякий может пользоваться своею собственностью так, как ему угодно. Спора нет, когда это пользование не приносит вреда другому" /79, с. 72/.

А.В.Комаров, крупный знаток обычного права Дагестана, пишет: "Главные причины всех ссор и драк — это подержание и защита права собственности на землю, воду для поливки, скот и проч." (по его данным, в 1864 г. 60 из 138 и в 1865 г. 129 из 274 случаев ранений и убийств были по перечисленным им причинам). Так, например, в 1865 г. из-за потравы посевов было столкновение между жителями сел. Мочох и Хиндах (Цатанихский участок), в результате которого ранено 26 человек /268, с. 50/. Выдвижение на первый план покосно-пастбищных и связанных со скотом конфликтов объясняется, по-видимому, нечеткими границами пастбищных угодий (в отличие от пахотных), наличием пастбищных гор совместного пользования разными обществами, нахождением пастбищ на границах разных обществ, отгонным скотоводством, создававшим множество ситуаций для конфликтов, и т.д.

Остановимся на характеристике регулирующих возможную анархию мер общины. Организующие и охранительные меры община начинает с общих установлений, определяющих места пребывания и выпаса скота. Почти во всех обществах вводится нормирование количества разных видов скота, которое разрешается содержать в ауле и присельской округе, — главным образом рабочий скот, лошадь, одну-две овцы, причем без права вывода на присельские выгоны (помимо общесельского стада) /268, с. 61/. В сел. Цугни и Ура-ри (Сюргинский участок) за привод в аул хотя бы одного барана полагался штраф в 20 коп., любой другой скотины — мера пшеницы с головы. Лошадь разрешалось держать в ауле без рабочей надобности только три дня /70, с. 82/. Такие меры, конечно, сокращали возможные потравы. В Мекегинском обществе разрешалось держать летом дома барана или козла, лишнюю скотину сельские исполнители (тургаки) резали тут же на месте. В Урахинском обществе за одного лишнего барана взымали сах (малая мера — от 1,5 до 4,5 кг) пшеницы, а прочих лишних резали. В ауле разрешалось держать только волов, осла и жеребца, за найденных сверх этого — 2 серпа с каждой головы (тургакам). В Акушинском обществе разрешали держать двух баранов, за превышение сначала предупреждали, второй раз брали штраф — 1 сах зерна с головы (20-25 коп.), в третий раз барана резали. Из прочего скота можно было держать только волов и жеребца /70, с. 43, 57/. В Усишинском обществе пребывание овец в ауле было регламентировано более детально: в период весеннего отгона до выгона овец в горы — трех, с этого времени до начала лета — двух и затем до спуска с гор — одного; лишних резали тургаки /70, с. 109/. Очень характерно установление в Кара-Кайтаге в период летнего стадного содержания скота "если чья-нибудь скотина зайдет в чей-либо сад, даже и в свой, то она режется и

потребляется обществом" /69, с. 578/. Во многих обществах содержание скотины дома при наличии сельского стада наказывалось штрафом /70, с. 43, 97; 69, с. 214-215/.

Разумеется, при этом наибольшее внимание уделялось "сбережению общественных полей от потрав". Для этого назначались сторожа, сельские исполнители (курухчи, гел, чоуш, тургак) /307, с. 33/. Характерно, что во многих случаях адат предусматривает штраф как для исполнителей, так и в пользу общества /70, с. 82; 69, с. 190/.

Иногда предусматривалась постепенность наказания. В Кайтаге с потравщика-сторожа брали в первый раз один чурек, второй и третий — по мере пшеницы /69, с. 538/. В высокогорных аварских обществах Антль-Ратля (Джурмут, Бохнада, Тлебель, Ухнада, Тланада, Анцросо), Тлейсеруха, Мукратля при потраве общественной земли не ограничивались сторожами, а посылали двух почетных людей, которые оценивали убыток и взыскивали его с владельцев близлежащих частных земель. Если их было много и никто не признавался в потраве, им давалось право очистительной присяги, после чего убыток взыскивали с того, кто от присяги отказался. Характерно, что адат предусмотрел и такой вариант: когда присягу готовы дать все, она не принимается и убыток взыскивается со всех поровну /69, с. 418; 307, с. 34/. Предусмотрены были штрафы и для старейшин и исполнителей: если они скроют того, кто допустил потраву, — один баран с каждого; если откажутся дать присягу о правильном взимании штрафов — две овцы с каждого /69, с. 78/. Не были бесконтрольны и потерпевшие: возмещение хозяину полагалось в размере, установленном по его присяге /451, с. 19/.

Наказания за потравы общественных земель были особенно строгими. В Аварском ханстве за имевшую место потраву, если даже ее никто не видел и никто в ней не признается, "штраф взыскивается со всех ближайших пастухов" /69, с. 449/. В любом случае владелец скота и пастух обязаны были принимать "присягу о том, что их скот не съедает травы на запретных землях общества"; за отказ от присяги с них взымался один баран весной и мера зерна осенью. Такое же наказание предусматривалось за выпас овец на пахотных угодьях. За потраву пастбища, отведенного для волов, взымалась одна овца, если же пастух волов пустил их на охраняемое пастбище (например, зимнее), с него взымалась одна мера зерна /375, с. 78/. В Гидатлинском обществе "с того, кто посылал свой скот пастись в заповедные луга", взымали штраф — котел в 4 ратГала (ратГал — мера веса в 6 фунтов); такой же штраф взымали за скашивание травы с чужой земли и с того, "кто погнал намеренно свой скот на чужую собственность" /307, с. 34-35/.

Еще большее наказание полагалось за вспашку, использование для выпаса или выкашивание пустыря, не подлежащего раздаче: 2 котла весом в 4 ратГала каждый /451, с. 27/. Очень любопытно дополнение к этому пункту адата: "Если кто-либо своим скотом потравил урожай или траву

на присвоенной вышеуказанным образом земле, то с него не взыскивается ни компенсация, ни штраф" /451, с. 27/. Еще большую строгость в этом вопросе проявил Цекобский джамаат: за распаху общественного выгона на солнечной стороне за одну борозду взыскивалось две овцы, на теневой — за участок в полсаха посева — одна овца /375, с. 96/. Характерно разделение в одном и том же пункте потравы посева и покоса: за потраву покоса — 1 серп или 1 сах пшеницы (20 коп.), посева — 1 руб. за дневную потраву и 3 руб. за ночную /70, с. 109/, т.е. в 15 раз больше, чем за сенокос. Ночная потрава считалась более тяжелой, в ней усматривался элемент умысла, поэтому во многих обществах в этом случае требовалась самая суровая очистительная присяга — на расторжение брачных уз (хатун = талах) /70, с. 69/. За потравы с умыслом штрафы были огромными: например, у даргинцев за неумышленную потраву полагалось возмещение убытка хозяину и штраф 3 руб. в пользу джамаата; если же при скотине был хозяин или пастух, то 7 быков в пользу джамаата /70, с. 42/.

В части обществ при неумышленной потраве штраф в пользу джамаата не взимался /70, с. 42, 57/. О строгих штрафах за "потраву сена, сенокосного места и пр." говорится в обычном праве Тиндальского, Технуцальского, Каратинского, Ункратль-Чамалалского, Андийского, Гумбетовского участков. Здесь привлекает внимание такая статья: "за проложение дорожки через пахотное поле или покосное место взыскивается одна мера пшеницы" /375, с. 124, 133, 138, 139, 150, 151, 154, 161, 168, 175/.

Следила община и за регулированием взаимоотношений, связанных с взаимными хозяйственными услугами, с членами других джамаатов. Так, например, если старейшины согласились продать сельскую общественную землю, то с каждого из них взималось по овце. С члена общины за продажу пахотной или покосной земли чужаку взимался один бык за каждый день нахождения земли у чужака /375, с. 96/. В Цекобском обществе за содержание в любом месте угодий села на основе взаимных услуг более трех овец иносельчанина взималась одна овца, а в Келебском обществе за подобное содержание на своей земле без разрешения общины — три овцы. Более того, если без соответствующего согласия общины овцы местного жителя смешивались с овцами жителя другого селения, то взыскивался один бык /375, с. 78/. В постановлениях Цекобского Джамаата предусматривался штраф (четырёхлетний бык) не только за содержание чужого скота в селе или на своем хуторе, но и за продажу сена или мякны жителю соседнего селения Хучада /375, с. 102/.

В установлениях как бы подавляется всякая мысль о несанкционированной сельским сходом передаче скота, земли, приеме на содержание скота и пр. Иногда здесь проступает та "явная несообразность штрафов и возмещений", а также несоразмерность наказаний, которая отмечена А.Я. Гуревичем "для варварских правд" /183, с. 118/. Так, например, за продажу пахотного или сенокосного участка чужаку в адатах Келебского общества с виновного полагалось взыс-

кивать ежедневно по одному быку. За сдачу в аренду иносельчанину — по две овцы ежедневно и т.д. /375, с. 75, 77/. Правда, здесь не очень подходит интерпретация автора, полагающего, что эти "несообразности" исходят из стремления общины защитить свою собственность, подавить своеволие общинников и установить равновесие между обществом и личностью просто из традиций (раньше штраф "падал на род") /183, с. 119-120/. Как мы могли убедиться, дагестанская община в своих установлениях не делает разницы между частновладельческой и общинной собственностью, между скотом крупных и мелких владельцев. Для нее важно установить категории угодий и порядок их использования, устранить возможные помехи для нормального функционирования обеих главных отраслей хозяйства, обеспечить согласованность хозяйственных циклов обеих отраслей с извлечением для каждой из них максимальной выгоды из этой согласованности, симбиоза.

В этой своей деятельности община препятствовала, в частности, утверждению отмеченного К.Марксом для пастушеских народов положения, при котором "собственность на естественные продукты земли, например на овец, — это одновременно и собственность на луга, на которых они пасутся" /5, с. 480/. При этом во избежание анархии в наказаниях адат делает попытки персонификации ответственности и штрафов. Например, у даргинцев, когда скот в стаде, в коше, за все, что связано с потравами и кражами скота, несет ответственность старший чабан (хула букун, удаман) /69, с. 69/.

Особую категорию составляют штрафы, касающиеся непосредственно скота. И тут довлеет один принцип: обеспечить его неприкосновенность и сохранность. Начать с того, что о всякой болезни скота хозяин должен заявить сельскому суду; виновный в нарушении этого правила платит штраф 5 руб. в пользу общества /69, с. 450/. За нанесение раны чужой скотине штраф — четырехлетний бык (8 руб.) — обществу и столько же хозяину побитой скотины. Если кто-то ударит чужую скотину вне своего владения (мюлька), платит штраф — одну овцу /375, с. 97/. У аварцев Хунзахского ханства за умышленное умерщвление чужой скотины взимались ее двойная стоимость и штраф в пользу общества 5 руб. и в пользу хана 10 руб. Подобные статьи зафиксированы по всему Дагестану /70, с. 123; 69, с. 490-491 и др./. Бывают, правда, определенные нюансы: в Акушинском участке раненая скотина отдается ответчику в обмен на здоровую по выбору истца /69, с. 127/; в Сюргинском обществе к этой статье имеется очень характерное добавление: ответчик не несет наказания, если скот или лошадь осуществляли потраву угодий ответчика не один раз и хозяин скота был предупрежден об этом /69, с. 190/.

Суровые наказания предусматривались за увод и кражи скота. При этом, чтобы не было заблуждений на этот счет, существовала специальная статья, приравнивавшая кражу у пастухов на кутане или хуторе к домашней краже, т.е. речь шла, следовательно, и о возмещении убытка, и о штрафе /451,

с.19/. У кумыков за кражу барана помимо возмещения его стоимости полагалось 30 руб. штрафа с каждого участника кражи, даже если их было 10 на одного барана (предупреждение соучастия, молодежных "налетов") /296, с. 206/. У южных даргинцев за увод скотины только в виде штрафа взималось 100 мер зерна (по 8-12 ф. каждая). Если же кто-либо отказывался от выплаты штрафа, полагалось "не допускать в стадо его скот" /308, с. 29-30/.

Своеобразный штраф нерадивому пастуху, у которого украли скотину, был предусмотрен в Келебском обществе: пахотный участок, равный известному в обществе "участку Исмаила", независимо от количества украденного. Впоследствии вместо участка можно было отдать 30 баранов или их стоимость /375, с. 75/. Вообще положение пастуха в этом отношении было незавидным. Если он дал возможность угнать стадо с пастбища, с него взимался один бык, но если он поднял ложную тревогу, опять же взимался бык /451, с. 19/.

В то же время обычное право пытается оградить как пастухов, так и обычных смотрителей и сторожей от последствий естественной отрицательной реакции провинившихся людей. У гидатлинцев на этот счет было очень суровое определение: "Если кто спорит и скандалит с общинной охраной, когда она удаляет его скот с посевов", должен внести штраф — 7 коров и накормить 100 человек /451, с. 29/. У даргинцев убийство считалось "кара" (предумышленное, с отягчающими обстоятельствами, не прощаемое, ставящее убийцу вне общества, вне закона), "если кто задержит чужую скотину на своей пашне или покосе, а хозяин скотины будет сопротивляться этому задержанию и убьет задержавшего" /69, с. 86/. В другом месте "постановлено считать кара всякое убийство, совершенное в урочищах, удаленных от населенных мест" /69, с. 17/, — явная попытка ограничить столкновения на границах отдаленных угодий.

Большое место в обычном праве занимали постановления, имеющие целью согласование хозяйственных интересов в межобщинном, региональном масштабе. Отсутствие единой центральной власти в условиях, когда одним из животрепещущих вопросов хозяйства было рациональное использование разнотонных угодий, находящихся в разных районах и политических образованиях, делало подобное регулирование крайне необходимым. Осуществлялось это согласование сначала внутри пределов союзов обществ. Хорошо разработанными в этом отношении являлись адаты союза обществ Гидатль. Например, для выпаса отар на общей пастбищной горе, выделенной союзом для негидатлинских селений Ратлуб и Ахвах, требовалось согласие всех 6 аулов общества, а также Ратлуба и Ахваха. Нарушитель должен был отдать одного быка /451, с. 37/.

Чтобы предотвратить возникновение конфликтных ситуаций, обычное право предписывало собирать в горах отары на расстоянии не ближе выстрела кремневки. Если при этом один напал и выгнал отару другого, виновник отдавал овцу. Если при этом напавший убит, "за него не взыскива-

ется выкуп и кровь его считается пропавшей" /451, с. 35/.

Следующая ступень регулирования — между союзами обществ и феодальными владениями. Например, из истории известно, насколько натянутыми, если не сказать сильнее, были отношения между Хунзахским (Аварским) ханством и Гидатлинским обществом; в то же время между ними существовало соглашение о том, что "с виновного в нападении на стадо овец и увозе овцы взыскивается один бык" /451, с. 39/. Такие же соглашения, являвшиеся своего рода согласованными обобщениями адатов разных обществ, существовали между многими обществами. Так, например, если внутри даргинских обществ старший чабан отвечал и за потравы, и за воровство своих пастухов, то в соглашении с Казикумухским ханством он отвечал только за потравы /70, с. 124/. Позиция ясна: во взаимоотношениях с чужими обществами, на чужой земле трудно уследить за действиями чабанов, не связанными с их основной производственной деятельностью — выпасом (потрава более очевидна).

Для мирного разрешения конфликта, связанного с потравой угодий другого селения, имелась особая статья о том, что к месту потравы следует направить двух почетных старцев из нейтрального селения для оценки и взыскания ущерба. Кандидатуры этих стариков-посредников должны были быть одобрены обеими конфликтующими сторонами. В отдельных случаях при конфликтах внутри союза обществ допускалось, что эти два старика могут быть из пострадавшего селения /69, с. 419-421/. Характерно, что общества и феодальные владения старались обеспечить и безопасность на скотопроегонных трассах, одном из самых вероятных источников потрав и конфликтов. Так, например, семь союзов даргинских обществ выработали общее установление о том, что "всякое убийство на урочищах Дюз-Майдан, Чумра-Кака, Ая-Кака, Диква-Дюз, Какбарц, Маква-Цильда, Чартла-Ирца и Уркут" считается "кара". Комментаторы считают причиной этого то, что здесь убийства были часты — "по безлюдности и отдаленности мест" /69, с. 86/. Однако поименованные урочища — это не безлюдные места, а известные стоянки и отрезки на скотопроегонных трассах. Здесь нередко были встречи перегонщиков скота с местными жителями, владельцев отар из самых разных обществ и селений, и потому были возможны столкновения. Для предупреждения этих опасных конфликтов и предусматривалось самое тяжелое наказание.

Таким образом, в реализации выгонной ФС необходимость максимального использования угодий при тесном сочленении с земледельческим хозяйством выдвигает на первый план организующие коллективные действия общины.

3. ХУТОРСКАЯ ФОРМА

Содержание скота на хуторе — одно из распространенных явлений в Дагестане, и поэтому удельный вес скота, содержащегося на них, был довольно высок. Название, дан-

ное нами этой форме, в определенной степени условно, ибо хозяйственные базы, названные нами хуторами, не отвечают сложившемуся их определению. Однако мы не разделяем точку зрения, согласно которой хуторами можно называть только поселения в виде независимых и территориально отдаленных друг от друга комплексов с постоянными усадьбами, в основе которых лежит пахотная земля /89, с. 103/. По В.Далю, хутор — это "отводная усадебка, отдельный дом, изба, с ухажом, со скотом и сельским хозяйством" /191, т. IV, с. 569/, т.е. здесь подразумевается любое хозяйство, а акцент делается на его обособленность. Думается, что главным в хуторе является отдельное, приближенное к угодию хозяйство, как независимое, так и сопряженное с хозяйством основного дома, усадьбы. Поэтому хутор может быть сезонной усадьбой, а не только постоянной. Отсюда и наше толкование дагестанского хутора: обособленная от основного поселения опорная база с определенным локально самостоятельным хозяйством, преимущественно животноводческим, с различными постройками, в том числе для проживания.

Главные предпосылки сложения хуторов заключаются в стремлении владельцев скота облегчить для себя содержание скота, уменьшить непроизводительные переходы вместе со скотом, приблизить скот к основным местам его выпаса, а также к местам сосредоточения кормовых запасов*. Последнее означает, что скот должен быть приближен к пахотным угодиям, так как они дают часть кормов и, кроме того, с ними связана одна из трудоемких операций сельскохозяйственного цикла — вывоз навоза на пахотные участки в качестве удобрения. Следовательно, в последнем случае производственная необходимость обобщенная — и для облегчения содержания скота и жизни человека, и для обеспечения целесообразного выполнения земледельческих работ.

Соответственно указанным двум главным предпосылкам образования хуторов, их можно разбить на два главных вида: выгонный и пастбищный, но есть и третий вид — яйлажный (молочный), смыкающийся с яйлажным отгоном.

Названия, данные нами, несколько условны, но они отражают, по нашему мнению, главные отличительные признаки видов.

ВЫГОННЫЙ ХУТОР

Отличительные особенности выгонного хутора — расположенность в зоне пахотных и сенокосных уголдий, наличие определенного, нередко значительного земельного

* Это обстоятельство точно подмечено Ю.А.Красновым: "Помещения для скота часто располагались в удалении от жилищ, вне поселений... в естественно защищенных от ветра местах, поблизости от запасов сена, что избавляло от необходимости транспортировать его на значительные расстояния" /275, с. 123/.

Фото 1. Отара овец на высокогорных пастбищах

Фото 2. Возвращение овец с яйлагов

Фото 3, 5. Вожак отар

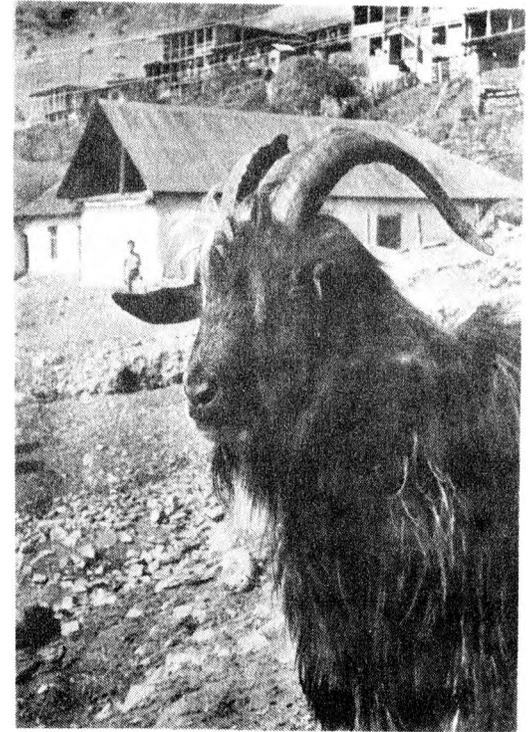

Фото 4, 6. Верховые лошади чабанов

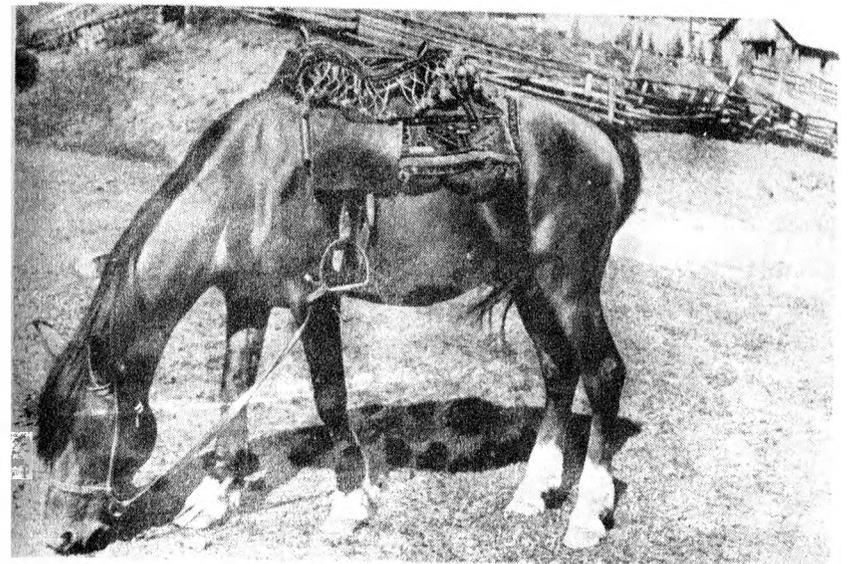
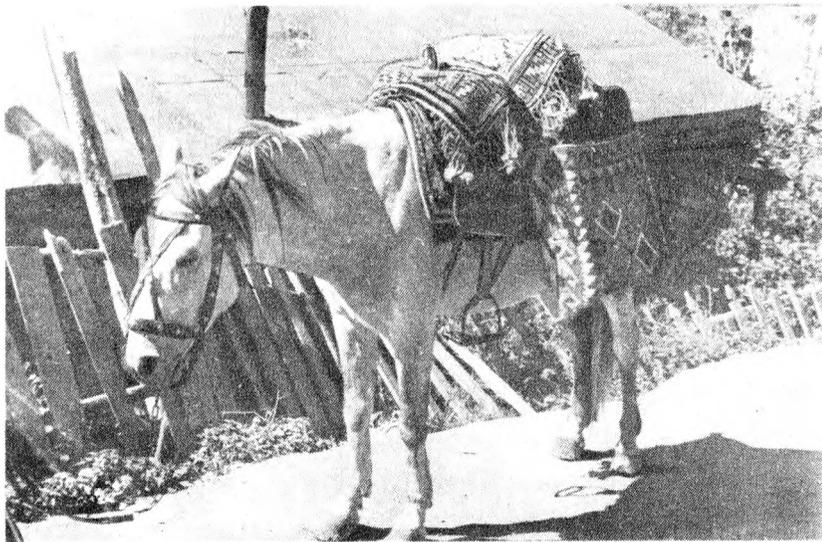

Фото 7. Осел в горах

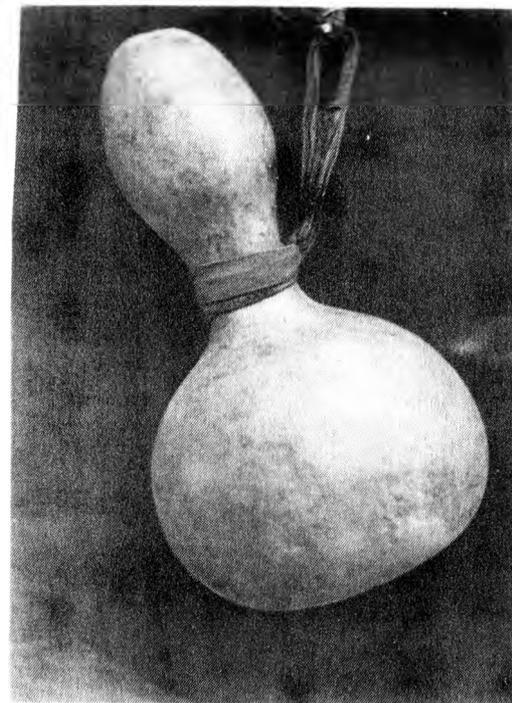

Фото 9. Сосуд из тыквы -
чабанская фляга

Фото 8, 10. Сенники в предгорье

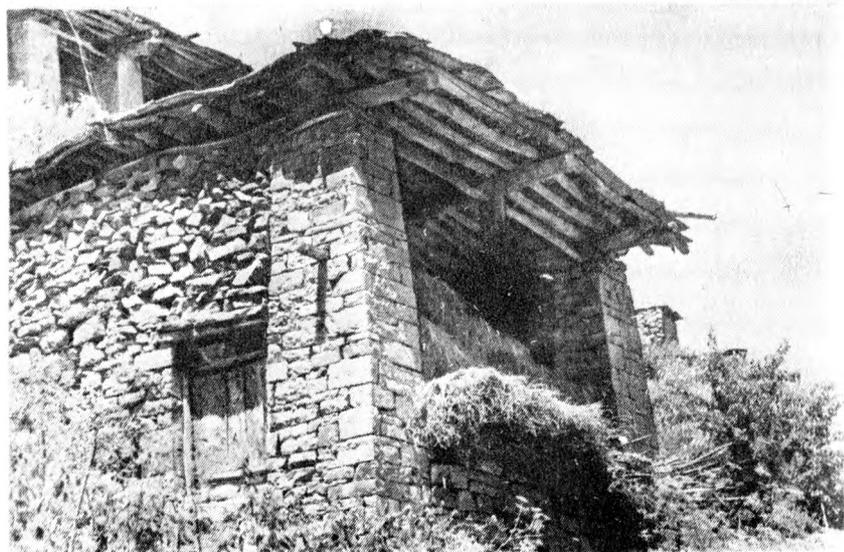

Фото 11, 12. Сенники
в предгорье

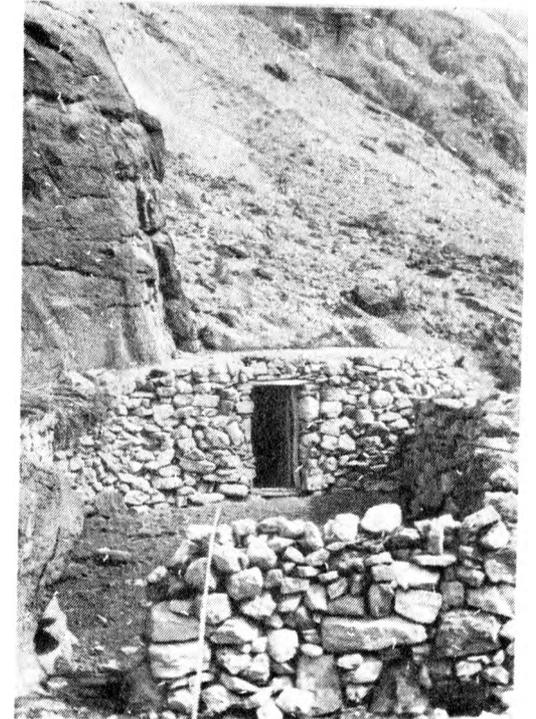
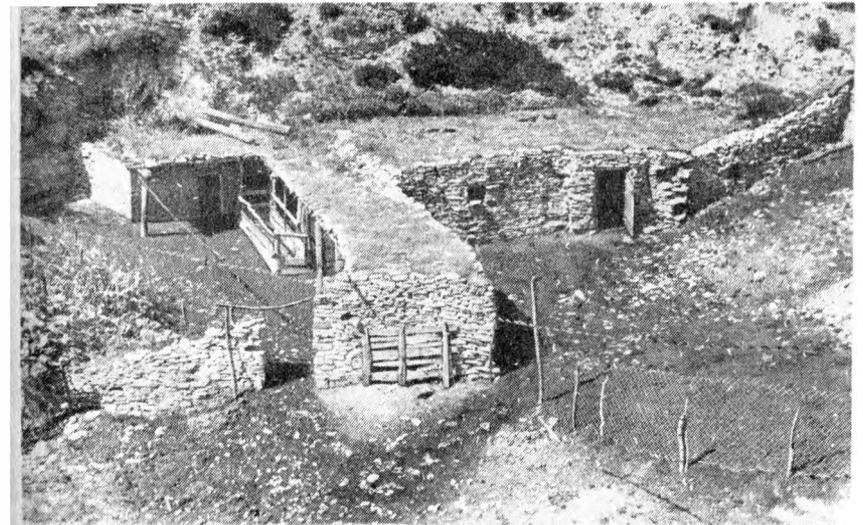
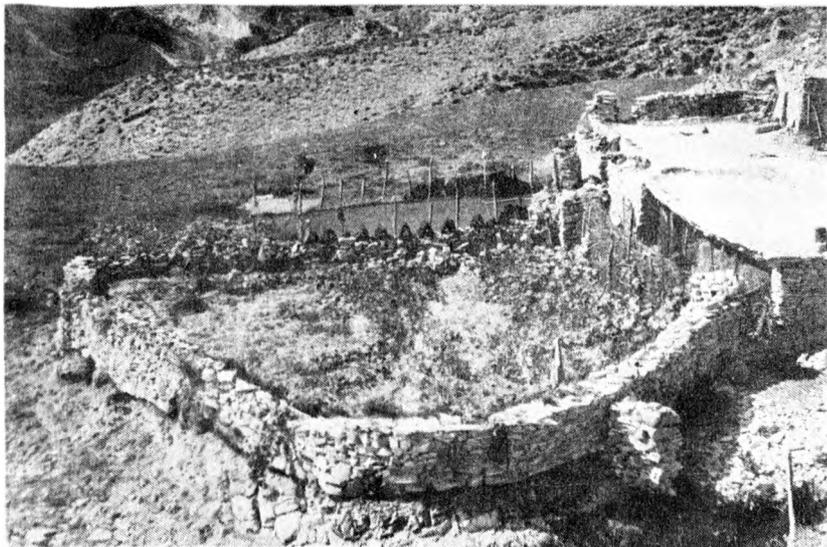

Фото 13. Пастбищный хутор
в горной части

Фото 14. Выгонный хутор
в горной части

Фото 15. Выгонный хутор
в горной части

Фото 17, 18. Выгонные хутора
в высокогорье

Фото 16. Хлев-сенник
в предгорье

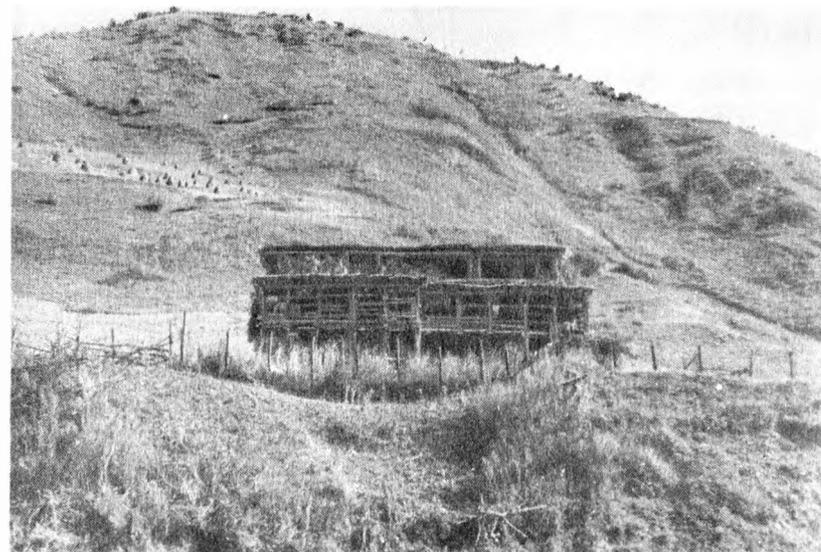
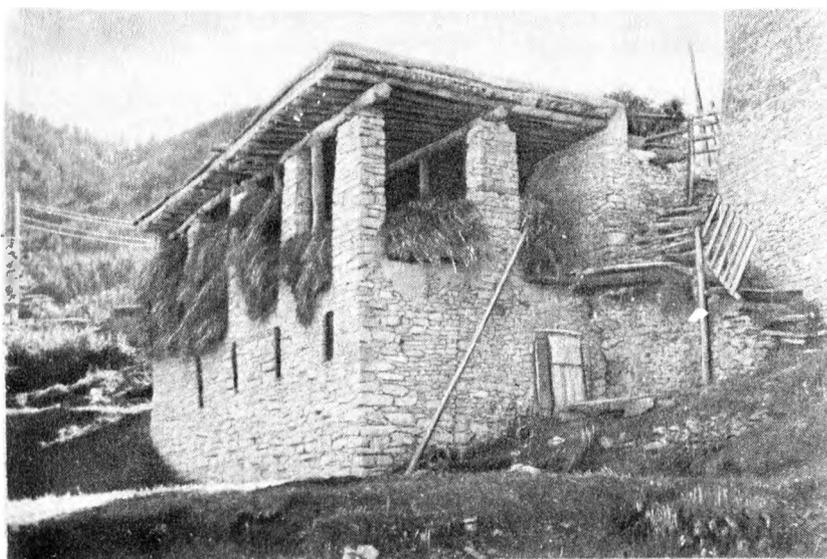

Фото 19. Пастбищный хутор
в горной части

Фото 20. Сенник в высокогорье

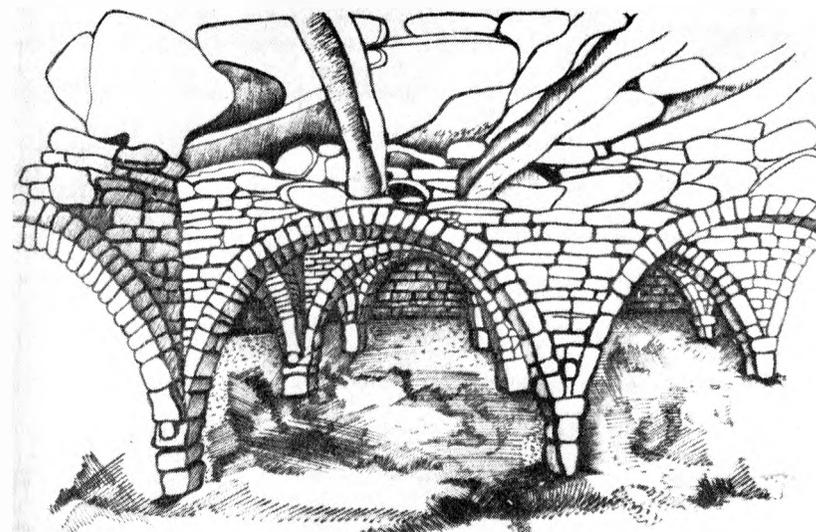
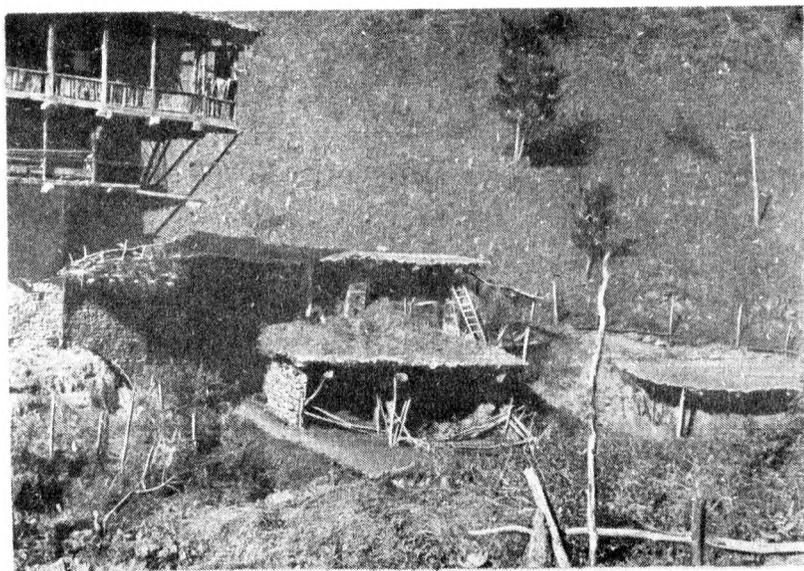

Фото 21. Пастбищный хутор
в высокогорье
(внутренний вид)

Фото 22. Жилой отсек
для чабанов
на высокогорном
пастбищном хуторе

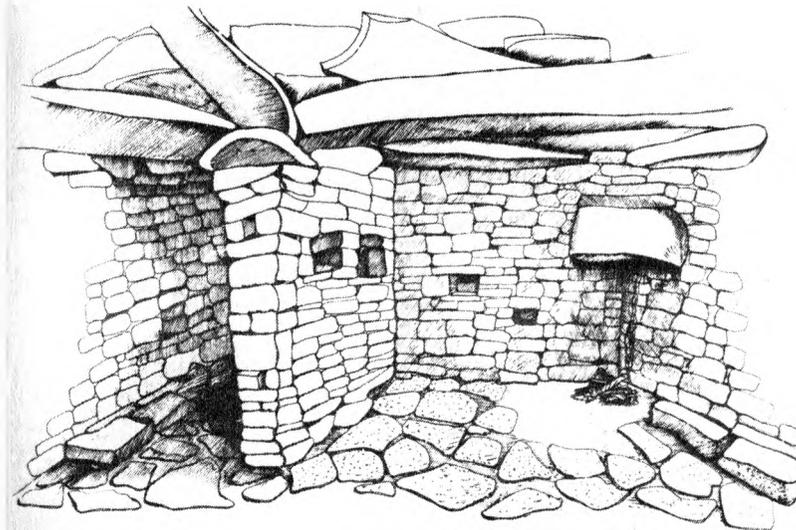

Фото 23. Группа высокогорных хуторов
в горной части

Фото 24, 25. Хлева-сенники
в высокогорье

Фото 26. Сенник в высокогорье

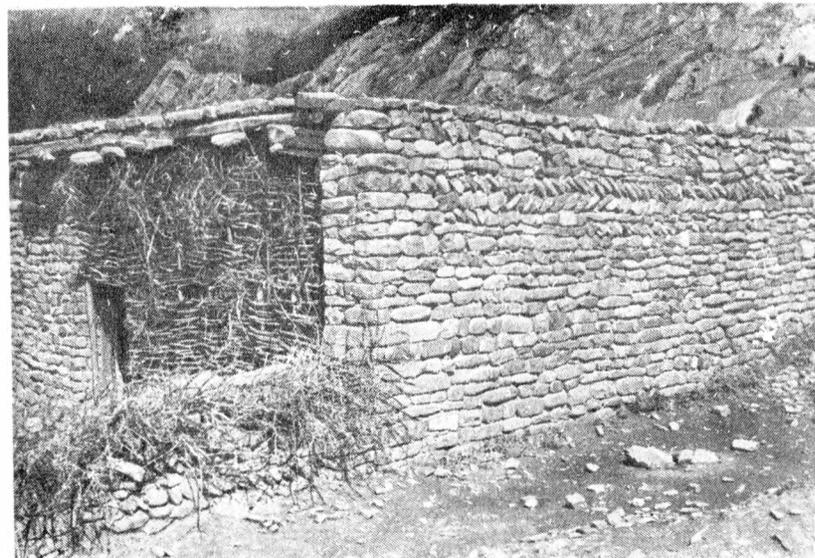
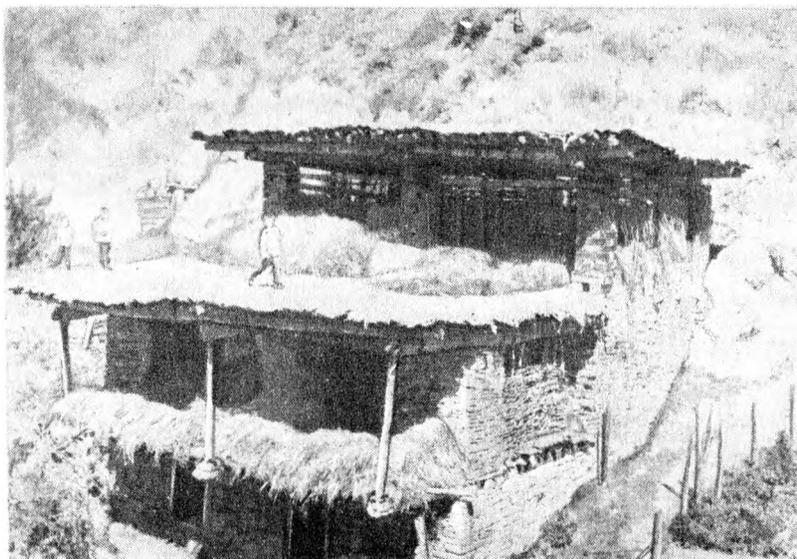

Фото 27. Перевозка снопов
на осле в горах

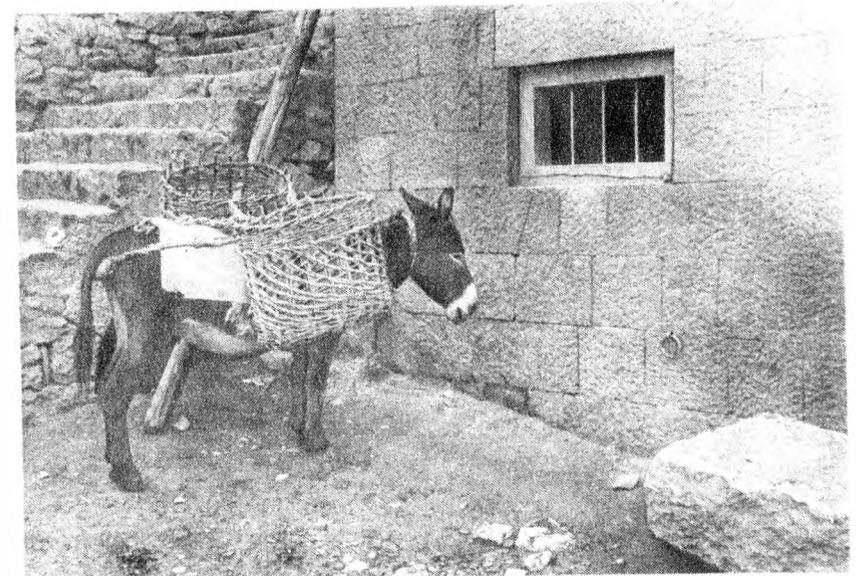

Фото 29. Сапетки для перевозки
мякины на ослах
в высокогорье

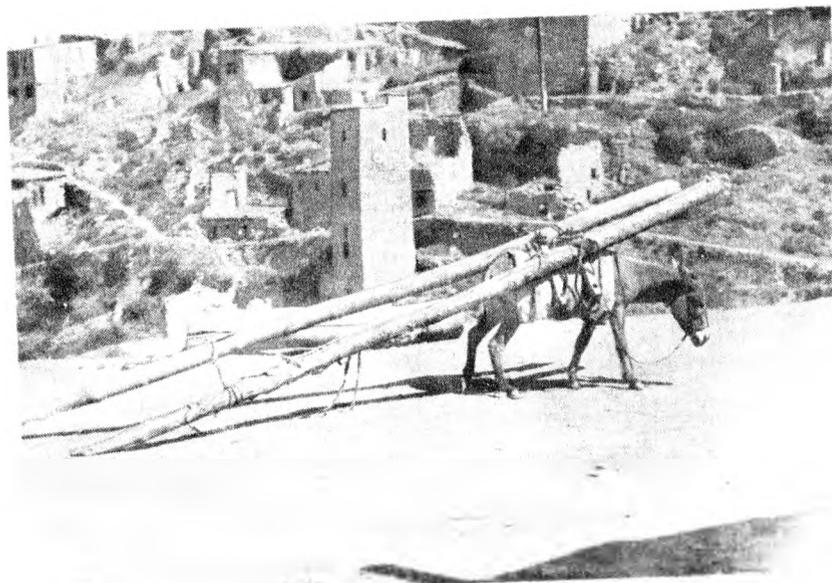

Фото 28. Перевозка бревен
в высокогорье

Фото 30. Сенокос в высокогорье

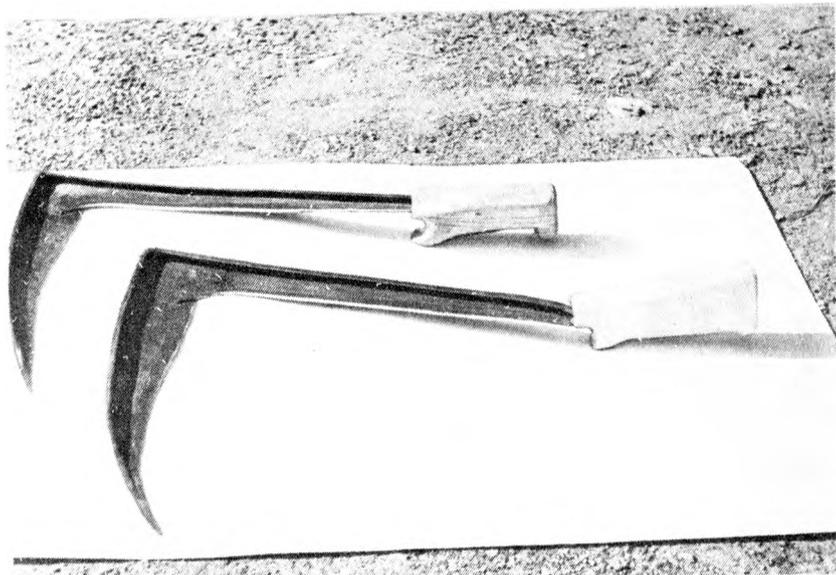

Фото 31, 32. Косовидные серпы

хозяйства, в том числе садовых насаждений (особенно в предгорье и горно-долинной зоне). Эта полифункциональность выгонного хутора обуславливает его определенность недостатков: интересы земледельческого и скотоводческого хозяйства хутора в определенные сезоны приходят в противоречие друг с другом, что ограничивает производственные возможности хутора в отдельные периоды года. Сказывались на функционировании выгонного хутора и сезонные запреты на использование угодий, исключавшие их использование для выпаса, земледелия, кормозаготовок /54, с. 18, Ингиши; с. 25, Гигатли; 55, с. 25, Урада; с. 41, Кидеро; с. 60, Никар; 56, с. 191, Султан-Янгиюрт/.

Наиболее полным, последовательным выражением этих запретительных ограничений являлась описанная выше общинная традиция в наиболее бедных угодьями, особенно выгонами и сенокосами, поселениях вводить принудительную систему разделения всех угодий общины (пастбища, сенокосы, пашня, пустоши, залежи и пр. вместе с хуторами) на две половины, каждая из которых поочередно каждый год объявляется сельским выгоном. Последствия этих ограничений не везде были одинаковы и, прогрессируя от равнины к центральному Дагестану, особенно остро ощущались в горных долинах, утрачивая остроту ближе к высокогорью. Даже в хуторах, где имелись садовые участки, значительные межевые травяные откосы, жилье, летом жизнь фактически замирала: по выражению старожил, там оставались только куры да один из членов семьи (чаще кто-либо из детей) приходил сюда приглядеть за участком /54, с. 95, Дарада/. В некоторых горно-долинных селениях нужда даже заставила общину пойти на уступки владельцам скота и разрешить содержание скота на хуторах с садовыми участками и достаточным количеством построек (жилье-хлев); правда, оговаривались два условия: хутор должен был иметь крепкую высокую ограду и скотопрогоны к пастбищам от хутора (хуторов) также должны были быть огорожены с обеих сторон /54, с. 42, Тад-Магитль; с. 67, Ансалта; с. 87, Аракань/.

Уже само расположение выгонного хутора во многом предопределяет его функциональную специализацию: преобладание содержания КРС, а также рабочего скота других видов. Объясняется это несколькими причинами. Хутор — это база кормов, одно из его назначений — облегчить скармливание скоту заготовленного корма путем приближения скота к корму, а поскольку большая часть корма предназначена КРС, то он и должен здесь быть. Далее, здесь расположены пахотные и сенокосные угодья, и рабочий скот окажется рядом во время земледельческих (вывоз навоза, пахота) и сеноуборочных (особенно при подвозе) работ. И еще: площадь выгонов сравнительно невелика, и выпас мелкого рогатого скота мог исчерпать пастбищные возможности выгонов, а этого община допустить не могла, ибо она ставила во главу угла хозяйственных забот общины интересы земледелия и содержания КРС.

Выгонный хутор характеризуется более тесной связью с аулом (хозяйством). На хутор нужно ходить каждый день, чтобы задать скоту корм, сводить его на водопой, если погода позволяет — вывести на выгон, дать попаситься, убирать навоз, заготовить кизяк и т.п. Основная тяжесть работ ложится на плечи женщины. В некоторых селениях на хутор ходили и мужчины, чтобы задать скотине корм /55, с. 29, Гинта; с. 60, Никар; 452, с. 50/. Естественно, что хозяева хуторов пытались как-то облегчить труд его работников. Одним из средств этого было придание хутору жилых функций: вместо каждодневного ухода и прихода вводятся в практику ночевка на хуторе, возведение жилого помещения, а затем и переход на определенное время на хутор всей семьей. Приурочивалось это переселение к периоду каких-либо работ (кроме летних) — от уборки сена до вывоза навоза на поля и весеннего сева, т.е., как правило, к осенне-зимнему периоду /55, с. 38-39, Тлядал; с. 44, Бежта; с. 64, Чох; с. 68, Ругуджа; с. 74, Вачи; 56, с. 201, Эрпели/, после чего выгонные хутора закрывались традиционным решением общины.

Однако в отдельных районах, где сенокосы и пахотные участки огораживались от скота или где существовала настоятельная необходимость эксплуатации хутора и в другие сезоны года, стали складываться круглогодичные хутора, вначале дублировавшие хозяйственно-жилой комплекс в селении, а затем и обретавшие самостоятельность. В таких случаях дом в ауле постепенно забрасывался, хутор приобретал полные жилые функции, а поскольку он, как правило, не был одинок, создавались предпосылки для возникновения нового поселения при наличии, разумеется, определенного резерва угодий. Именно из групп выгонных хуторов выросла часть отселков дагестанских поселений, и этот процесс особенно интенсифицировался в XIX в. /229, т. II, с. 297; 154, с. 83-88; 330, с. 125-128/. Такое преобразование выгонного хутора в поселение вытекало из его функциональной разносторонности, большого удельного веса его хозяйства, объединяющего скотоводческую и земледельческую отрасли.

На превращение со временем в поселения летовок и зимовок, "где имелись комплексы жилых и хозяйственных построек", у армян, грузин, лезгин и других народов указывал Ю.И.Мкртумян /338, с. 64/. Подобные хутора, переросшие затем в отселки, расположенные вдали от селения, у пахотных, сенокосных и выпасных мест, с хлевом и жильем, с запретом использования и проживания летом выявлены у арчинцев Г.А.Сергеевой /418, с. 76/. На отсутствие отгона КРС из горной части и связанное с этим бытование содержания его на хуторах указывает и Х.-М.О.Хашаев /452, с. 50/. На наличие "махи и дарада, или хуторов и хозяйственных сооружений", в "низменных местах, в долинах глубоких, привольях рек и ущелий, вдали от летних мест" указывает и П.Иоселиани /226, с. 41, 86/. Очень характерные данные приводятся по аулу Чох, известному как отгонным овцеводством, так и земледелием и разведением КРС. Назвав

три основных урочища Чоха, автор отмечает, что наиболее теплый из них Ходоб, поэтому там сеют кукурузу и там же находятся хутора, куда "жители уходят со своим скотом на зиму /247, с. 4/. При наличии 350 дворов поселения он констатирует наличие 336 хуторов /247, с. 4-6/ — цифра очень высокая и, по-видимому, преувеличенная. О хуторах дидойцев, которые "поселяются только зимой, когда невозможно держать скот на пастбищах, а приходится загонять его под крышу, где уже заранее собрано сено, рубленая солома и всякое зерно", говорит другой автор /319, с. 452-454, 460/. Еще один источник отмечает, что у хуторов (бин) находятся хлебные поля, людей нет. Они приходят только на время, "когда надо сеять или убирать хлеб, почти все прочее время бины стоят пустыми" /199, с. 642/. Причем хутора отмечены и в равнинно-предгорной части /335, с. 60/, хотя и в меньшей степени. Обратим при этом внимание, что все эти авторы говорят именно о "хуторах".

Подобные хутора отмечены и на Северном Кавказе и в Закавказье. Н.Ф.Грабовский даже считал, что "занятие скотоводством в горах вызвало особое рода хозяйство — хуторное", что хутора расположены вблизи пастбищных и покосных мест и "скот всегда зимует на этих хуторах" /180, с. 10/. Содержание скота "за пределами села" у балкарцев и карачаевцев считает более рациональным Ю.Н.Асанов. Он считает, что подобное хозяйство приближается к "фермерскому хозяйству и является особой формой ведения скотоводческого хозяйства на Северном Кавказе" /89, с. 106/ (правда, это он относит к летнему и зимнему внесельскому содержанию в совокупности одного и того же скота, что отличает это содержание от дагестанского, и в этом случае понятны даже и возражения автора против термина "хуторское" содержание) /89, с. 103/. Другие исследователи, напротив, отличают ближние (выгонные) зимовники от дальних, указывая на присущую им капитальность, наличие отдельных загонов и навесов для разных видов скота, наличие сенников /312, с. 28/ и даже считают возможным с известной долей условности называть подобное содержание хуторским /283, с. 70/. Отмечены подобные "зимние кутаны" и "параллельные базы" у ингушей, которые через распашку новых земель эволюционируют в выселки и селения /456, с. 36; 158, с. 34/.

В Закавказье выгонному хутору соответствует зимняя комплексная хозяйственная база с поочередным обслуживанием членами семьи. В.М.Шамиладзе связывает существование этих баз отчасти с бездорожьем: они дают возможность скармливать корма на месте. В Тушети "сабосло" включают жилые и хозяйственные комплексы, население часто переходит зимой в сабосло, села пустеют, как и в высокогорном Дагестане. В.М.Шамиладзе считает их аналогичными армянскому "дэмераноц", балкарскому "бау" и пр. /470, с. 113-117/. Подобного же мнения о причинах сложения зимних хуторов (баз) придерживается М.Н.Макалатия: невозможность "из-за дальности расстояния и бездорожья перевозить сено и солому в селения". И этот автор отмечает тенденцию пе-

перерастания хозяйственных баз в поселения /310, с. 23-24/, а Ю.И.Мкртумян считает (и не без оснований) это явление общим для всех кавказских народов /341, с. 27/. Зимовники, пустующие летом, отмечены у хевсуров, абхазцев /399, с. 258; 107, с. 12/.

Остановимся на отдельных подвидах дагестанского выгонного хутора. Основным следует считать описанный нами, рассчитанный на содержание КРС и вывоз навоза на пахотные поля, с зимним функционированием, с неполными жилищными функциями /55, с. 29, Гента; с. 64, Чох; с. 75, Вачи; с. 79, Вихли; 53, с. 13-24, Мекеги; 52, с. 41, Мекеги; 56, с. 203-204, Гиблиб; с. 198, Нижн. Казанищи/. У других подвигов функциональная направленность, вытекающая из своеобразия местных условий, базировалась на универсальном характере этого вида хутора. Естественно, полифункциональность, универсальность являлась во многих случаях и вынужденной. Так, например, в горном Дагестане далеко не везде было достаточно склонов-пригревов, которые можно было использовать под зимние пастбища, и поэтому значительное распространение получает выгонный хутор с функциями содержания и овец /54, с. 11-12, Мехельта; с. 21, Хуштада; с. 29, Тинди; с. 35, Местерух; с. 39-40, Токита; с. 46, Ингердах; с. 73, Сиух; с. 80, Ирганай; с. 86, Унцукуль; 55, с. 67, Ругуджа; с. 90, Кули/. При этом, как правило, эти хутора, будучи выгонными, максимально приближены к пастбищным пригревам, причем община нередко и здесь обуславливает содержание овец их выпасом только на пригревах. Идеальными представляются случаи, когда овцы базируются на выгонном хуторе и имеют страховой запас кормов, при условии выпаса на пригревах. Нередко из этих хуторов овцы уводятся весной на долинные пастбища других селений (и даже районов), чтобы не создавать опасной ситуации истощения пастбищных кормов для овец и заготовленных кормов для КРС. Последний в отличие от овец не содержится без запаса кормов, и в данном виде хутора обычно предусмотрено с приближением весны, когда закончатся корма, переводить скот в аул, где также имеются заготовленные корма.

Впрочем, этот вид своеобразного "кочевания" вообще характерен для системы хуторов. В некоторых селениях у сельчан имелось по несколько малых хуторов, разбросанных в силу необходимости (трудность сбора кормов в одном месте), и хозяева переводили скот от дальних хуторов к ближним, оставаясь в каждом до исчерпания кормов /54, с. 51, Мокок; с. 76, Буцра/. Бывали даже варианты, когда при наличии возможностей заготавливали корм на пастбищном хуторе для овец, уводили туда весь скот, а когда корма там кончались, приводили скот к выгонному хутору /55, с. 60, Никар; с. 51, Мокок; 56, с. 203-204, Гиблиб/.

Еще один подвид выгонного хутора, правда редкий, — это преимущественно овцеводческий. Этот подвид чаще встречается в высокогорных селениях, хорошо обеспеченных кормами и имеющих возможность подвезти их к селению (волокуша, лошадь). КРС в подобных селениях содержится в по-

селении, с выпасом вокруг него /54, с. 65, Годобери; 55, с. 56, Гиндух; 56, с. 216, Ихрек; 57, с. 132, Кабир/.

Другой подвид связан с комплексностью хозяйственных функций и особенностями сезонного функционирования. В отдельных обществах, не имеющих недостатка в сенокосных угодьях, на выгонном хуторе держали КРС, и особенно коров, также весной и летом или весной и осенью, причем, если позволяли ресурсы, хозяин брал на содержание и чужих коров (что на выгонных хуторах обычно не разрешалось) исполу продукции /55, с. 29, Гента; с. 44, Бежта; с. 69, Ругуджа; с. 73-75, Вачи; 56, с. 207, Ириб/. Некоторые бедняки, оставшиеся к весне совсем без кормов, отдавали своих коров без доли продукции для себя — только для того, чтобы их покормили до весенней травы /55, с. 75, Вачи/.

Последний подвид хутора — комплексный, непрофилированный хутор, нередко возникающий в результате ухода хозяина на какое-либо урочище, где ему удалось собрать совокупность необходимых для хозяйства угодий. Хотя община очень не любила подобные хутора, но в XIX в., особенно к концу его, таких самостоятельных, с тенденцией на перерастание в поселения хуторов становилось все больше и больше. Респонденты, говоря о таких хуторах, подчеркивают, что хутор — такой же дом, как в самом поселении. Естественно, что этот хутор характеризовался и наиболее выраженной тенденцией к круглогодичному функционированию /54, с. 16, Чирката; с. 94, Дарада; 55, с. 38, Тлядал; с. 44, Бежта; 56, с. 199, Нижн. Дженгутай; с. 201, Эрпели; 52, с. 40, Акуша/.

ПАСТБИЩНЫЙ ХУТОР

Второй основной вид хутора — пастбищный. Располагается он обычно на пастбищных угодьях или на стыке выгонных и пастбищ, у "подножий солнечных пригревов" /68, с. 56/. Расположение хуторов и пользование общественными пастбищами регулировались общиной.

Одним из главных условий возникновения и последующего функционирования хутора было обязательство хозяина не переходить границы пастбищ, не приводить овец к выгонам, к выгонным хуторам. Главное функциональное назначение пастбищного хутора — зимнее содержание овец* с максимальным осуществлением выпаса. Особенность этого вида хутора заключается еще в том, что здесь не заготавливаются корма, а используются солнечные склоны, сюда приводится строго определенное количество скота, которое при максимальном выпасе можно прокормить до весны (при наличии весеннего отгона) или начала лета. Собственно говоря, каждый хутор бывает привязан к определенному участку и имеет соответствующую ему вместимость.

* По выражению наблюдателя, овец "отправляют иногда на плоскость, или, чаще, они и зимой пасутся на тех же местах, где паслись и летом" /58, с. 25/.

Несмотря на ряд ограничений по отношению к пастбищному хутору, вернее, к содержащимся там овцам, в случае длительного ненастья, большого снега, мороза община разрешает вывести овец к выгонным хуторам или аулу, где имеются корма, и даже мобилизует для помощи чабанам сельчан /54, с. 73, Сиух/.

Пастбищный хутор — преимущественно зимний (с захватом ранней весны), в отличие от выгонного его не назывешь комплексом, и функция его довольно однозначна, без всяких производственных связей с земледельческим хозяйством /54, с. 22, Тисси; с. 50, Карата; с. 63, Муни; с. 76, Батлаич; 55, с. 71, Куяда; 56, с. 218, Шиназ; с. 227, Ялак; 57, с. 122, Хурцатиль; 51, с. 60-62, Уллауя/.

Кошары хутора — одни из самых колоритных, наиболее древних и важных для содержания скота построек. Являясь одним из элементов стационарных форм содержания скота, зимние кошары были поэтому и одними из наиболее распространенных и разработанных в своих конструктивных особенностях и способах эксплуатации. Наиболее древней и оригинальной из всех форм кошар была зауглубленная в землю постройка, опирающаяся на пересекающиеся ряды аркад, образующих соединяющиеся купола с пирамидальными перекрытиями (2-4 слоя) из каменных блоков и плит. На них настлались бурьян, солома, глина /54, с. 31, Тинди; с. 37, Местерух; с. 51, Карата; с. 71, Батлаич; 55, с. 71, Куяда; с. 78, Вихли; с. 91, Кули; с. 95, Унчукатль; 56, с. 203-204, Гиблиб; с. 218, Шиназ; с. 223, Хнов; с. 228, Ялак/.

Встречались и несколько иные виды кошар, связанные с местным микроклиматом, наличием строительных материалов, этнотрадициями и пр. Так, например, в горных долинах, где вопрос о климате и сырости стоял не так остро, как на нагорье, бытовали кошары с бревенчатыми прогонами на каменных стенах, но и здесь по возможности строились арки, на худой конец старались сделать арочным хотя бы проход в кошару /54, с. 92, Кикиуни; с. 97, Маали/. В других районах, например в Южном Дагестане, по образцу равнинных кошар делали и в горах скатную кровлю, но на арочных опорах или каменных стенах.

Кошары возводились на солнечной стороне, в укромном, тихом, защищенном от ветра месте, в непосредственной близости от естественной террасы, так чтобы крыша кошары служила как бы продолжением террасы; такие кошары очень плотно, компактно вписываются в местность, что служит дополнительным защитным средством от холода и ненастья.

Целям компактности был подчинен и способ расположения и планировки помещения для чабанов. Часто оно вписывается в общий абрис кошары, представляет собой как бы ее отсек и обязательно соединяется с остальной частью кошары люком-лазом, через который в чабанское помещение поступает тепло и который служит в качестве слухового и наблюдательного окна. Иногда, правда, чабанский отсек устраивается на крыше кошары, с люком-лазом, ведущим

вниз, в кошару /54, с. 25, Гигатли; с. 50, Карата; с. 92, Кикиуни; 56, с. 218, Шиназ; с. 228, Ялак/.

Перед кошарами устраивался загон, где производился утренний и вечерний осмотр овец; сюда же их выводили и в дни, когда нельзя было пасти на пастбище.

Подкормка заготовленными кормами хотя в принципе не исключалась, но проводилась очень редко, да и заготавливалось кормов немного. Небольшое количество их заготавливалось на случай продолжительной непогоды с большим снегом, что бывало довольно редко. В этой связи необходимо напомнить, что содержание скота зимой в горах на подножном корму (пригревах) было возможно благодаря особенностям природно-климатических условий горного Дагестана — обилию солнечных дней и небольшому количеству осадков (снега)*, практически исключающим возможность длительного стояния снежного покрова на пригревах.

Поскольку пастбищные угодья были общинными, хутора строились с разрешения общины (очень редко земля сдавалась в аренду для хутора), причем по традиции, чтобы подчеркнуть эфемерность прав хозяина на общинной земле, во многих обществах общинник не имел прав исключительной собственности на построенный им хутор. Пустующий хутор разрешалось занять любому члену общины без всякого вознаграждения хозяина. Однако в соответствии с горским этикетом хозяина уведомляли в вежливой форме (нет ли возражений?) и, если он нуждался в навозе, оставляли его в качестве своеобразного вознаграждения /54, с. 58, Анди; с. 81, Гимры; с. 90-91, Кикиуни; 55, с. 78, Вихли; 56, с. 203-204, Гиблиб/. Были хутора-овчарни, построенные хозяевами и на своих угодьях, на стыке пастбищ и выгонов, с правом выпаса на общинных землях. Интересно, что хозяин такого хутора все равно не имел права выпасать только своих овец (земля — общинная) и обязан был принимать для выпаса овец других общинников (за вознаграждение — например, одна овца с 20-30 — или помощь) /54, с. 57, Анди; 55, с. 75, Унчукатль; с. 78, Вихли; с. 90, Кули; 57, с. 141, Гельхен; с. 144, Усуг; с. 151, Кураг/. Строился хутор-овчарня на 200-400 овец, это норма одной зимней отары в зависимости от условий выпаса. Например, в сел. Ялак респонденты общими усилиями насчитали 44 зимних хутора (вначале сказано было, что их до 40) при количестве хозяйств

* Число ясных дней в году в горах в полтора-два раза превышает число пасмурных дней, при этом минимум облачности падает именно на середину зимы — январь. Далее, максимум относительной влажности в горном Дагестане в отличие от низменных районов приходится на июль, а вот минимум — опять же к зиме — на декабрь. В высокогорном и горном Дагестане, где, собственно, и зимует скот, максимум осадков (до 85%) выпадает с апреля по октябрь, минимум же — в декабре или январе (1-2%). Отмечается и непродолжительность залегания, и незначительность толщины снежного покрова в горах, связанная, конечно, с указанным выше обилием солнечных дней и небольшим количеством осадков /188, с. 86, 93, 100-103/.

в ауле до 200 /56, с. 228, Ялак; 57, с. 134, Хпюг; с. 141, Гельхен; с. 147, Гоа; с. 149, Рича; 69, с. 56/.

Если хутор собственными овцами не заполнялся, хозяин и сам принимал меры к привлечению чужих овец, ибо в не заполненной до нормы овчарне овцы будут мерзнуть /57, с. 151, Кураг/. Ранней весной весь скот могли привести к хуторам, особенно к низовым, ибо здесь начинала прорастать трава /54, с. 70, Батлаиц/. Разработанность организации выпаса зависела от прочности традиций и масштабов зимнехуторского содержания. Так, в сел. Шиназ, и в наше время сохранившем безотгонную зимнехуторскую форму содержания скота, овцы делились по половозрастным видам на три группы и соответственно группам распределялись по пригревам (вуссур). Лучшие места отводились маткам, затем производителям с баранчиками, затем яркам. Соответственно были и отдельные кошары для каждой отары. В большинстве же селений, особенно с развитым отгонным овцеводством, все виды овец содержались вместе и производителей отделяли только перед выходом на летние пастбища, а ягнят, если была возможность, отправляли с отгоняемыми овцами /57, с. 137, Шимижур; с. 141, Гельхен/.

Характерно, что пригревы, даже принадлежавшие частным владельцам, в период окота община объявляла открытыми для всех своих членов. Отсюда парадоксы весеннего выпаса: владельцы пригревов и больших отар уходили весной, к началу окота, на земли селений нижних долин, где арендовали весенние пастбища на период окота, а их пригревы и кошары использовались более бедными общинниками, которым было трудно платить арендную плату /56, с. 219/.

Иногда участки были не частные, а групповые, по родственному или квартальному признаку. Например, в сел. Кутлаб хутора группировались в 8 урочищах, принадлежавших 8 отдельным родственным группам /55, с. 53/ — тлибиям (тлибиль — "корень", ав.). Однако чаще зимние пригревы как часть пастбищного фонда поселения принадлежали общине, и группирование происходило по единственному признаку — хозяйственной целесообразности: близко или далеко от поселения /57, с. 144, Усуг/.

Выгонный и пастбищный хутора, так сказать, в их классических формах (первый — для содержания КРС и второй — для содержания МРС) со своими вполне определенными и специфическими функциями были основными видами хуторов в досоветское время. В определенной мере можно сказать, что они были наиболее обобщенными, типичными видами хуторского хозяйства, а сочетание их обоих — наиболее точным образцом скотоводческого хуторского хозяйства, особенно в горном Дагестане. Этим можно объяснить довольно широкое их распространение именно в сочетании /54, с. 61, Гагатль; с. 76, Кикун; 55, с. 24, Урада; с. 60-62, Никар; с. 78-79, Вихли; 56, с. 203, Гибли, и др./.

Однако было бы ошибкой ограничивать виды скотоводческих хуторов этими двумя. Бесконечное разнообразие условий в разных микрорайонах способствовало сложению в рамках этой классической схемы множества видов хуторов, от-

личающихся иногда довольно существенными чертами. Укажем, например, на то, что в целом ряде селений и районов хутора совсем не сложились; это касается, например, части равнины (Терекеме), предгорного лесного Кайтага и Табасарана, некоторых высокогорных селений, практикующих полный отгон скота, и селений со слабо развитым скотоводством /55, с. 10, Хунгия; с. 13, Хадага; с. 42, Кидеро; с. 81, Цийша; 56, с. 214, Цахур; с. 220, Смугул; с. 226, Микрах; 57, с. 12, Карадаглы; с. 75, Оруджоба/. С другой стороны, встречаются селения, которые вообще не держали скота в ауле, а круглый год содержали его на хуторах. С.Х.Асиятилов зафиксировал пять видов хуторов /90, с. 48-57; 91, с. 345/, которые можно сгруппировать вокруг двух основных: 1) зимний и весенний скотоводческий хутор у подножий пригревов (это то, что мы называем пастбищным хутором); 2) выгонный, на стыке пашен и субальп, весенне-летний и зимний; 3) однодворное поселение-хутор (эволюционировавший выгонный хутор); 4) засельские скотоводческие кварталы (разновидность выгонного хутора, но приближенного к поселению); 5) субальпийский сезонный для молочного скота (яйлажный, молочный хутор).

ЯЙЛАЖНЫЙ ХУТОР

Раньше мы полагали, что Дагестану летний хутор несвойствен /369, с. 35/, но это оказалось верным только в отношении некоторых районов. Если понимать под хутором обособленное от основного поселения хозяйство с определенными локально-самостоятельными функциями и постройками, то базы, сложившиеся на яйлагах, можно считать хуторами, ибо здесь есть вполне самостоятельная функция — заготовка молочных продуктов (масло, сыр), обособленность от основного хозяйства (на яйлагах), постройки для хранения продуктов и проживания работающих здесь женщин и детей. Закономерности в распространенности этого вида как будто бы нет, но все-таки он более свойствен горному и особенно высокогорному Дагестану, селениям с достатком альпийских и субальпийских пастбищ /54, с. 25, Гигатли; с. 30, Тинди; с. 43, Тад-Магитль; с. 54, Кудиябросо; с. 59, Анди; с. 82, Гимры; 55, с. 42, Кидеро; с. 44, Бежта; с. 53, Кутлаб; с. 68, Ругуджа; с. 79, Вихли; с. 87, Хосрех; с. 95, Унчукатль; 56, с. 210, Лучек; с. 219, Шиназ; с. 226, Микрах; с. 228, Ялак/. Имеются даже примеры, когда в одном из расположенных рядом селений одного района и одного общества есть такой хутор (в этом селении много пастбищ, и оно ближе к яйлагам), в другом — нет (это селение ниже и беднее пастбищами). Это, например, Маали и Куяда, Тад-Магитль и Лоло-Гонитль, Нижний Батлук и Ассаб и т.д. /54, с. 43, 96; 55, с. 35/. Несколько отличает этот вид от остальных хуторов его сравнительная отдаленность, но и это имеет место далеко не всегда, и поэтому есть определенные основания считать его хутором.

Значительное распространение подобных хуторов с перегоном в горы основной массы коров, так что в ауле оста-

ется лишь минимум молочного скота — одна корова на двор, отмечено у агулов /68, с. 58; 454, с. 90/.

Постройка (мархьи — ав., накья — дарг., казма, суван кьвал — лезг., ч'ва — лак., суватхол — рутул., сува хулар — агул) с двумя помещениями для обслуживающих скот людей (женщин и детей) и для хранения продуктов (заднее, с небольшой дверцей) была обязательна для яйлажного хутора повсюду /53, с. 31, Чирах; 54, с. 25, Гигатли; с. 54-55, Кудиябросо; 55, с. 68, Ругуджа; 56, с. 226, Микрах; с. 228, Ялак; 57, с. 137, Шимихюр; с. 140, Гельхен; с. 143, Усуг; с. 147, Гоа; с. 150, Рича/.

Главные функционеры хутора — немолодые женщины, им помогают дети, подростки; иногда в качестве пастуха из селения отправляют старика. В некоторых обществах бедняки уходили на хутор всей семьей, взяв 25-40 чужих коров для приготовления масла за определенную плату /54, с. 54-55, Кудиябросо; 55, с. 53-54, Кутлаб; 57, с. 122, Хурцатиль/. В сел. Шиназ мужчинам, находившимся с овцами поблизости от хутора, разрешалось посещать свои семьи /56, с. 219/. Наиболее интересное положение сложилось в Табасаране: здесь для приготовления масла на хутор уходили и женщины и мужчины, иногда даже одни мужчины (в сел. Хучни, Джули, Кутник и др.) /57, с. 47, Хучни; с. 122, Хурцатиль/. Объяснение здесь возможно одно: это поселения с азербайджанским населением, и они сохранили свои старые традиции.

Продолжительность пребывания на хуторе зависела от состояния земледелия, степени его симбиозности со скотоводством, зональных ландшафтно-климатических особенностей и пастбищных ресурсов. В сел. Кутлаб женщины возвращались в аул с началом сенокоса и больше не уходили, а коровы вливались в сельское стадо. В сел. Батлаич уходили на хутор на весенний период, причем к местам зимних хуторов, а в сел. Вихли уходили на хутор с конца весеннего сева и не возвращались до снега, как и в сел. Кули /54, с. 71; 55, с. 53-54, 79, 91/, а вот в сел. Хпюг, Шимихюр, Гельхен, Усуг и др., как и в Кутлабе, хутор не покидали до жатвы и сенокоса (середина августа) /57, с. 135, 137, 140, 143/.

Относительно удельного веса уводимого на хутор скота соблюдался единый принцип: в ауле в общесельском стаде обязательно остается одна дойная корова. В остальном все зависело от благоприятности условий, от степени занятости женщин в земледельческом хозяйстве, в заготовке кормов и т.п. Например, в сел. Хнов уводилась треть коров аула, в сел. Рича, Ялак и Гоа — две трети, в сел. Хпюг уводили коров до 10 хозяйств из 80, в сел. Хпюг — половина, в сел. Шимихюр — три пятых, в сел. Гельхен — четверть пятых и т.д. /56, с. 224, 228; 57, с. 108, 135, 137, 140, 147, 150/. Обычно каждое хозяйство уходило на закрепившийся за ним хутор, уводя только своих коров /55, с. 42, Бежта; с. 53-54, Кутлаб; 56, с. 208, Ириб; с. 219, Шиназ; 57, с. 47, Хучни/. К этой группе условно можно присоединить и аулы, в которых уводили преимущественно свой скот, но не отка-

зывались при случае присоединить к своим и коров родичей или соседей. Нерегулярность подобных случаев подтверждается тем, что здесь не было установленной платы за оказываемую услугу; полагалось лишь отблагодарить ответной услугой /54, с. 62, Гигатли; 55, с. 79, Вихли; 56, с. 224, Хнов; 57, с. 119, Кандик; с. 150, Рича/.

Интересной, но не очень распространенной была хуторская кооперация. Более характерна она для поселений со значительным удельным весом земледелия. Например, в Тиндальском обществе кооперация была построена по такому принципу: большая группа хозяев (квартала) объединялась в один скоп, каждая из них получала продукцию в зависимости от количества ее коров и в соответствии с этим же количеством выходила на работы (на выпас и приготовление сыра). Поэтому разделение продукции было простым: в дни, когда хозяйка работала на хуторе, продукция — сыр — принадлежала ей /54, с. 30, Тинди/. Несколько иной была кооперация на Хунзахском плато (общество Хедолал): хозяйки, имевшие 3-6 дойных коров, объединялись и сменяли друг друга на хуторе каждые 10 дней. В течение этих 10 дней вся молочная продукция шла в пользу хозяйки, находящейся на хуторе. Еще одна форма: объединившиеся хозяйства уводили коров на хутор, соблюдая годовую очередность /54, с. 71, Батлаич; 55, с. 91, Кули/. Основной продукт — масло, побочный — творог, сыр, в некоторых обществах основным был сыр из неснятого молока (или брынза) /54, с. 30, Тинди; 55, с. 42, Бежта/ или же комбинация сыр — масло /55, с. 53-54, Кутлаб/.

Наиболее распространенной была, конечно, система с оплатой услуг частью полученной продукции, а также с другими видами оплаты. Например, в обществе Цунта-Ахвах, имевшем развитые традиции ухода на молочный хутор, наряду с собственными коровами брали и чужих за часть продукции (масло — хозяину, сыр — себе) или за зерно (одна или две меры с коровы за лето) /54, с. 43, Тад-Магитль; 56, с. 228, Ялак/. В другом селении этого общества бедняцкая семья брала на хутор чужих коров, за что с каждой коровы получала по одному саху зерна и соли /54, с. 54-55, Кудиябросо/, а в сел. Гигатли (общество Чамалал) за эти же услуги получали только еду /54, с. 25/. Однако преобладала оплата частью продукции — это представляло известные удобства и для хозяев, и для хуторян: последние были заинтересованы в увеличении количества и улучшении качества продукции, а первым соответственно это тоже было выгодно; в то же время не надо было изыскивать никаких других средств оплаты. В части обществ уходящий на хутор уводил коров других хозяев исполу продукции /54, с. 17, Чирката; с. 82, Гимры; с. 95, Дарада; 53, с. 105, Нахки/. Перечень подобных селений показывает, что это было в большей степени характерно для долинных селений, т.е. таких, которые испытывали определенные трудности в пастбищном обеспечении и для которых, следовательно, выпас и получение продукции были затруднены.

Наиболее широко распространенной была традиция опре-

делять количество продукции для хозяина по величине удоя коровы перед отправкой: например, если корова дает один муд (чуть больше литра) молока, хозяину за лето полагается один ратал (5-6 ф.) масла /55, с. 71, Куяда/, если же корова дает один сах молока, то за лето хозяину — 4 ратала масла /55, с. 68, Ругуджа/; но были и такие селения, где хозяину причиталось только два ратала или столько масла, сколько молока дает корова в один день /55, с. 35, Н.Батлук; 57, с. 154, Амух/, в других при контрольной дойке в 5 ф. хозяйке следовало привезти один ратал масла /57, с. 135, Хпюг/ и т.д. Бросается в глаза, что в некоторых высокогорных обществах с обильным травостоем на альпах и субальпах повышается хозяйская доля в продукции. Так, в сел. Гельхен, Гоа с одной коровы хозяйке полагалось 3 ратала масла и бурдюк (30 кг) творога, в сел. Усуг — 4 ратала и один бурдюк, а в сел. Шимихюр — даже 6 раталов, но без творога, в сел. Ингиши — 3 саха масла и одна мера (12 кг) творога /54, с. 19; 57, с. 137, 140, 143, 147/. И наконец, еще одна форма оплаты: находящаяся на хуторе доила для себя чужую корову каждый 4-й или 5-й день /56, с. 226, Микрах/.

Практика молочного хутора настолько прочно вошла в быт горного Дагестана, что наблюдались межсельские и даже межрайонные услуги подобного рода. Так, из сел. Ингиши сдавали коров на хутора сел. Мехельта, из сел. Тад-Магитль — на хутора сел. Лоло-Гонитль, из сел. Дарада — в сел. Куяда и Маали, из сел. Н.Батлук — в сел. Ассаб, из сел. Кандик — в сел. Хоредж и Лака и даже из равнинных терекеменских селений — в селения Верхнего Табасарана; а в агульском селении Хутхул принимали коров на свои хутора из нескольких близлежащих селений (Гоа и др.) /54, с. 19, 43, 98; 55, с. 35; 57, с. 119, 122, 147/.

Рассказывая о подобных хуторах в горной Армении, А.Калантар замечает, что на них обыкновенно "отправляется женщина, ибо она лучше управляется с молоком" /237, с. 75-76; 347, т. II, с. 470/ (скорее с коровами, ибо с овечьим молоком имеют дело мужчины). Жилище для обслуживающих хутор и помещения для молочных продуктов в форме хижин (кохи, босели) и специальный институт женщины, руководящей молочным хозяйством (мемтевроба), отмечены и в горной Грузии /310, с. 28/. Н.А.Кисляков также считает главным участником летовки у таджиков женщину, так как речь идет только о молочном скоте /256, с. 40-42/. У таджиков Каратегина и Дарваза в начале июня отправлялись на летовки почти все женщины и подростки для заготовки масла и молочных продуктов. Некоторые брали чужих коров на условиях, очень близких к дагестанским: масло в объеме дневного удоя молока и сыр в двойном объеме /431, с. 165-166/.

Таким образом, все разнообразие хуторов, связанных с содержанием скота, сводится к двум основным видам: выгонному зимнему хутору (с преобладанием КРС) и пастбищному зимнему и летнему (с преобладанием овец) с подраз-

делением первого на подвид для КРС, для обоих видов скота и для овец и второго на подвид для овец и для коров.

Все эти хутора объединяет присущая всем им особенность: это стационарные, сезонно ярко выраженные базы содержания скота, период функционирования которых приходится на периоды года с ограниченными возможностями выпаса, т.е. главным образом на зиму (с захватом поздней осени и ранней весны), исключая "коровьи" хутора. Эта особенность хуторского содержания, а также постоянный характер хуторов, их тесная связь с селением и роднят его со стойловым содержанием, дают основание считать его стационарной формой.

Заключая разговор о стационарных ФС — выгонной, стойловой и хуторской, отметим, что это были наиболее развитые и распространенные ФС, характеризующиеся привязанностью к поселению, тесной взаимосвязанностью и взаимодополняемостью, органической связью с земледельческим хозяйством и заготовкой кормов. При этом в стойловой форме связи больше выражены продукцией (корм — навоз), в выгонной и хуторской — в самом функционировании и реализации этих форм во взаимодействии с земледельческим хозяйством. В организации этого взаимодействия, гармонизации обеих отраслей хозяйства и форм их проявления и функционирования в интересах единого земледельческо-скотоводческого (и скотоводческо-земледельческого) хозяйственного организма большую роль играла сельская община.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Подвижные ФС, связанные с отгоном скота на отдаленные от поселений пастбища, находящиеся в пределах другой зоны (микрзоны), на период одного или нескольких сезонов также широко бытовали в Дагестане. Нам уже приходилось указывать выше на отчетливо выраженный историзм отгонных ФС. Их бытование — один из точных указателей на наличие географического разделения труда — зональной хозяйственной специализации; в то же время эта специализация получает в них наиболее отчетливое отражение, ибо они являются составной и основополагающей особенностью этой специализации. Отгонная форма является также фоном и в известной мере результатом взаимодействия разных ХКТ, в частности равнинного — земледельцев-скотоводов и горного — скотоводов и скотоводов-земледельцев.

В Дагестане, как уже говорилось, генетически исходными формами скотоводства были стационарные, отгонные же явились выражением интенсификации скотоводства. А интенсификация являлась воплощением прогресса производительных сил, реакцией крестьянского хозяйства на зональную специализацию (и одновременно продуцированием этой специализации в новых политических и хозяйственных условиях). Она была отражением стремления приспособить свое хозяйство к изменившимся условиям продуктообмена, обеспечить семью равнинным хлебом путем увеличения товарной продукции скотоводства. Естественно, что законы развития экономики, социальных отношений, товарного обращения постепенно приводили к тому, что интенсификация для простого воспроизводства постепенно стала перерастать в промышленную специализацию. Как указывалось, в русских источниках уже начала XVIII в. констатируется значительное развитие отгонного скотоводства, речь идет о десятках и сотнях тысяч овец, приводимых с гор на равнину, в довольно ограниченный район (например, равнинный Кайтаг) /228, с. 77, 83, 101, 129, 139, 152, 216, 277/. С этого времени отгон продолжал нарастать, особенно в XIX в., когда отгонная форма стала распространяться на новые районы и селения, до этого ее не знавшие /55, с. 98, Куба/. Вспомним свидетельство генерала Граббе о том, что в сел. Чиркёй в 1839 г. было 150 тыс. овец /452, с. 52/, а это без отгона было невозможно. Развитию отгонного скотоводства способствовали как углубление зональной специализации, так и (после присоединения к России) сопутствующее ему проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство Дагестана.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что генезис отгонных форм обусловлен наличием политических, экономических и этнокультурных связей между населением разных регионов. Без этого были бы невозможны контакты на уровне отгонного скотоводства, специфика которых предполагает постоянное общение на чужих землях. В то же время, раз сложившись, отгонное скотоводство являлось одним из мощных факторов сближения между народами, установления прочных экономических и политических связей, укрепления процессов этнической консолидации, формирования ХКТ. Не случайно грузинские ученые указывают на то, что "скотоводство в свое время сыграло определенную роль в процессе политического объединения исторической Грузии" /310, с. 7; 470, с. 301-312/. Разумеется, в основе отгона лежали чисто практические хозяйственные цели, ибо он "давал возможность наилучшего использования кормовых ресурсов и климатических условий трех природных зон — степной, предгорной и горной" /164, с. 88; 165, с. 95/.

Объективная необходимость отгонного скотоводства обусловлена несоответствием кормовых ресурсов на месте в летний и зимний периоды: наличием больших площадей летних пастбищ при недостатке зимних горных, "а также пахотных и покосных земель" /60, с. 2; 25 за 1899 г., с. 71; 251, с. 23-24; 472, с. 310/. Ограниченность срока использования горных пастбищ, недостаток сенокосов в горах, наличие на равнине значительного количества пастбищ и сенокосов, пригодных для зимнего содержания скота и заготовки сена, — таковы основные факторы, обусловившие, по мнению специалистов, преимущественно отгонный характер ведения овец /109, с. 6-7; 454, с. 89/. Как писал Г.Радде, "преуспеванию скотоводства... препятствует то обстоятельство, что на кавказских альпах невозможно прокормление больших стад в продолжение зимнего периода". Этим Г.Радде объясняет слабость скотоводства в Хевсурии /399, с. 223/. Таким образом, в горных странах для ведения более или менее интенсивного скотоводства надо практиковать отгон скота на равнинные (или долинные) зимние пастбища. И дело здесь не только в том, что "задача хозяйства, применяющего отгон, сводится к обеспечению скота наиболее дешевыми кормами в течение года" /324, с. 92/. Это довольно таки существенное сужение целей и сути отгонного скотоводства. Вопрос стоит не об удешевлении (это побочная задача), а об обеспечении необходимого количества корма в зимний период.

Большинство исследователей считают безоговорочной оценкой отгонного скотоводства как экстенсивного. Ситуация сходна с оценкой горного террасного земледелия, которое также часто причисляется к экстенсивным формам земледелия. М.Ш.Абуев, многие годы руководивший сельским хозяйством республики, считает неправильным мнение, что "отгонное овцеводство в Дагестане — это экстенсивная форма его ведения... Отгонное овцеводство вырабатывалось многолетней практикой овцеводов с целью максимального использования естественных богатств республики, как низ-

менности, так и особенно высокогорных пастбищ, которые могут быть использованы в летний период большим количеством овец и коз. Максимальное использование пастбищ создает условия для получения дешевой продукции овцеводства, в чем огромное преимущество отгонной системы содержания овец в Дагестане". Далее автор приводит впечатляющие сравнительные цифры по скотоводству республики: себестоимость центнера шерсти в горных районах — 254,1 руб., в предгорных — 303,2, в равнинных — 297,2 руб., баранины — соответственно 50,8; 60,6; 59,4 руб.

Особенно поражает производство скотоводческой продукции на затраченный рубль. В горных районах оно вшестеро больше, чем в предгорье, и чистый доход на одного работника составляет 711 руб. в горах, 110 руб. в предгорье, 579 руб. на равнине /60, с.3/. В этих цифрах заложено объяснение одной из исторических особенностей отгонного скотоводства: основная роль в воспроизводстве стада и производстве продукции принадлежала летним горным пастбищам, равнинные же зимние лишь позволяли сохранить, и то в известной мере, поголовье до следующего цикла использования горных пастбищ.

Отгонное скотоводство сочетается с оседлостью, с земледелием, традициями заготовки кормов, строгой спланированностью всех этапов годового цикла содержания животных, производства продукции, а также элементов, связанных с сельскохозяйственным производством. Запланированность и продуманность в сочетании с высоким выходом продукции и связанностью с земледелием исключают экстенсивный характер производства. Показательно, что один из лучших знатоков крестьянского хозяйства и быта Кавказа, А.М.Аргутинский, о высокогорных аварцах, отгонявших зимой скот в Грузию, пишет: "Они живут здесь только зимой, а летом поднимаются в родные деревни, где имеют оседлость и отчасти занимаются хлебопашеством" /87, с. 59/. В связи с этим представляют интерес и соображения О.Вильчевского, который считает, что в горных районах Закавказья "сами географические условия способствовали продолжению связи скотоводства с земледелием... что даже при значительном развитии скотоводства автохтонные племена горцев не превращались полностью в кочевников, а сохраняли и развивали свою сельскохозяйственную базу" /135, с. 27-28/.

Ф.И.Гусейнов насчитывает в Азербайджане XIX в. оседлую, отгонную и полукочевую формы овцеводства /186, с. 6-7/. Правда, мы против противопоставления оседлой и отгонной форм и вообще против употребления термина "оседлый" при определениях ФС, ибо оседлыми могут быть скотоводы, занимающиеся совершенно разными ФС (хуторская, отгонная, стойловая, выгонная и др.). Более подробно описаны и разработаны отгонные ФС Грузии /347, т. II, с. 383; 225, с. 209; 331, с. 454-455; 333, с. 50; 344, с. 183; 107, с. 7-8/. Так, еще М.Мачабели, отметив сочетание земледелия с отгоном скота в горной Грузии, категорически заключает, что тионетский пастух не может быть назван кочевником /331, с. 455/.

Отгонное скотоводство в Абхазии отметил и Н.Дубровин, но, как часто у него бывает при попытках объяснения местных хозяйственных феноменов, он ошибается в его интерпретации, считая, что перегоны скота вызваны лишь бегством от стужи (с гор) и зноя /203, т. I, кн. 2, с. 7/. Ошибку другого рода делает В.Мочалов. Признав, что у горцев-грузин (тушин, пшавов и хевсуров) скотоводство, "как правило, стояло на втором месте после земледелия", он тем не менее относит их к полукочевникам на том основании, что они вынуждены пользоваться эйлагами и кышлагами, причем отправляя туда скот только с пастухами и не занятыми в земледелии членами семьи /344, с. 183/. Ошибка здесь — в выборе определяющего критерия: пользование отдаленными пастбищами не исключает оседлости, в данном случае надо было учесть, что (кто) подвижно и в каких пределах, масштабах, и стало бы ясно, что речь идет об оседлом населении, применявшем отгон скота под присмотром пастухов. Подобную же ошибку в отношении перегонного скотоводства Кабарды, называя его кочевым и сравнивая с хозяйством курдов и татар Эриванской губернии, делает и В.Пожидаев /389, с. 21-24/. Преобладание отгонного скотоводства при земледелии, являющемся "основой хозяйства", отмечено у адыгских народов — кабардинцев, черкесов, абадзехов и др. /95, с. 14; 347, т. I, с. 142, 204, 234/. Исконным и ведущим и для хозяйства соседей черкесов — карачаевцев считают отгонное скотоводство авторы XIX в. и советские исследователи /204, с. 56-57; 468, с. 67; 250, с. 59/. То же и в отношении осетин, причем Б.С.Кулов характеризует отгонное скотоводство осетин по аналогии с дагестанским /401, с. 166; 281, с. 301/.

Наиболее характерная и существенная черта отгонного скотоводства — необходимость дальних перегонов, а следовательно, и наличие трасс для них. Перегон скота — один из важнейших эпизодов отгонного скотоводства, и следует признать, что здесь наблюдались удивительные для своего времени организованность, порядок, согласованность. Один из парадоксов отгонного скотоводства состоит в том, что на дальних трассах, где соприкасались группы населения, не знающие друг друга, с резко противоположными интересами, столкновений было меньше, чем на местах, между соседними селениями. Думается, в этом сыграли роль и единые суровые адатные нормы, выработанные специально для трасс, взаимная сопричастность к отгону многих аулов, традиции гостеприимства и куначества.

Время перегона складывалось по-разному для разных регионов и поясов. Например, начало перегона на зимние пастбища зависело от высотности летних пастбищ. С высокогорья перегон начинали уже в августе — сентябре, со среднегорья — в конце сентября — начале октября, с предгорий — в октябре. На летние пастбища перегон начинался в середине мая. Скотопогонные трассы от равнины до высокогорий были согласованы на всех уровнях — от индивидуальных владельцев угодий, имеющих отношение к перегону, до сельских общин, их союзов, феодальных владений.

Помимо этого, некоторые владельцы, тухумы, аулы в благотворительных, богоугодных целях на период перегона для пастьбы проходящего скота выделяли свои угодья, расположенные рядом с трассой. Вызывает удивление и то, что скотопрогонные трассы, проходящие через угодья множества селений, были "бесплатными", поскольку местные сельские общины не облагали проходящий скот никакими поборами.

Платы за прогон не было — таков лейтмотив всех сообщений респондентов. Так, в Кайтаге вышерасположенные селения имели право прогона скота на равнину через угодья нижерасположенных селений, в том числе и сенокосы. Севернее, из горной части через предгорье скот можно было прогонять через угодья селений, исключая активно используемые (пашня, сенокос) /55, с. 13, Хадага; 53, с. 143, Верхн. Мулебки/. В южном предгорье во время отгона с гор не только разрешалось использовать угодья, но больше того: при внезапном наступлении холодов жители ближайших к трассе селений размещали отгоняемый скот в своих хлевах и давали ему свой корм. Разумеется, эта традиция имела силу и при движении скота от этих селений в горы /57, с. 121, Хурцатиль/. Кроме того, конфликтность ситуации смягчалась большим количеством невозделанных земель в предгорье и на равнине, и поэтому вопрос о потраве возникал редко /53, с. 18, Мекеги/. Да и сами жители при таком резерве земель старались не возделывать угодья вблизи трассы.

Несколько сложнее обстояло дело со стоянками скота во время перегона, но и тут существовало несколько выходов. Один из них заключался в том, что община или отдельный владелец выделяли какое-либо урочище, расположенное вблизи скотопрогонной трассы, для использования его в качестве стоянки и пастбища /53, с. 53, Уркарах/. Такие места для стоянок существовали во всех районах Дагестана. Так, например, в сел. Кандик в Табасаране были отведены стоянки с выпасом (Жилигяр, Ханаг, Чуругул, Гюмик и др.) для скота лезгинских селений Корчаг, Чилихар, Куг, Дардаркент и др., отгоняемого на летние пастбища. В свою очередь, для скота жителей сел. Кандик и других табасаранских селений, отгоняемого через сел. Хив, Куг, Дардаркент, Нитюг, Сюгут и др., имелись специально отведенные для выпаса и ночевки скота участки /57, с. 118-119/. В сел. Хурцатиль был разрешен безвозмездный выпас на местных пастбищах проходящим отарам в течение суток. Здесь же в случае внезапных холодов скот отгонников помещали в свои хлева /57, с. 121/. Разрешены были ночевки с выпасом и на землях сел. Гельхен и Усуг в высокогорье. Разумеется, были и такие места, где за выпас было необходимо платить. Таково было положение, например, в сел. Ашагамака, являвшемся первой стоянкой для отгоняемого на равнину скота агульских селений /57, с. 135, Хпюг/.

Можно было бы ожидать, что в горной части из-за земельной тесноты проблема прогонов и стоянок стояла острее, однако это не так. Напротив, на равнине и в пред-

горье, в пределах феодальных владений, с трассами было сложнее и иногда взималась даже плата за прогон. По-видимому, именно этот случай имел в виду Н.Дубровин, когда указывал, что при перегоне "стад через дороги, прилегающие к чужим покосам или пастбищам, платят владельцам их за прогон и ночлег некоторую дань баранами, ягнятами, маслом или сыром" /203, т. I, кн. 1, с. 512/. Однако и в этой выдержке характерно определение "некоторую", т.е. установленной платы не было, и речь идет скорее всего о выражении благодарности в форме приношений, об услуге за услугу. Это положение отличается, конечно, от положения в странах с более развитыми феодальными отношениями. Например, в соседней Грузии за прогон стада помещики взимали "дорожный" налог, который иногда был так велик, что крестьяне вынуждены были оставлять испытанные скотопрогонные трассы и искать новые, а то и вовсе отказываться от отгона скота /107, с. 6; 106, с. 13, 17; 470, с. 166-167/.

В горной части Дагестана почти повсюду были открытые трассы свободного пользования. На отсутствие платы за прогон указывают почти во всех союзах обществ Дагестана, например в обществах Келеб, Капуча, Бохнада, Андалал, Кули, Рича, Агулдере, Мекеги, Буркун-Дарга, Акуша и др. /55, с. 32, Ругельда; с. 39, Тлядал; с. 61, Никар; с. 65, Чох; с. 78, Вихли; 57, с. 118, Кандик; с. 141, Гельхен; с. 145, Усуг; с. 148, Гоа; 53, с. 17, Мекеги; с. 26, Чирах; с. 62, Гапшима; 51, с. 86-87, Муги/. Однако, если требовалось сено, его надо было компенсировать или установленной платой, или приношениями /55, с. 61, Никар; 57, с. 145, Усуг/. Различие между упомянутым выше содержанием скота в хлевах местного населения и этой закупкой — в ситуации: планировать нужно так, чтобы в местах, где нет стоянок с выпасом, иметь сено (покупное или свое); если же возникнут непредвиденные осложнения (холодный дождь, снег, заморозки), там, где обычно все было нормально (имелось пастбище, не нужно было укрытие), то тогда все необходимое предоставляется местным населением безвозмездно.

Подобные традиции смягчали конфликтность ситуации в отношениях между местным населением и отгонными скотоводами. Поэтому столкновение интересов обеих сторон при перегонах (нарушения маршрутов, потравы, задержки в пути и выпас в ущерб жителям оседлых поселений), отмеченное исследователями, например, для Закавказья /131, с. 86; 99, с. 98-99/, здесь было менее острым. Потому ошибочно и положение Б.Ф.Добрынина, что перекочевки в Дагестане происходят "в общем стихийно, без правильного урегулирования, нужного для того, чтобы не страдало ни скотоводство, ни земледелие там, где кочевка происходит через земельские районы" /200, с. 101/.

Одной из причин различия положения в Закавказье и Дагестане было и то, что там с местным населением дело имели полукочевники (в описываемых указанных авторами случаях), здесь же — чабаны оседлых скотоводов. Следовательно, в Закавказье не действовал один из существенных сдерживающих факторов — элемент взаимности (отгона). И еще:

определенная свобода поведения полукочевников опирается и на их многочисленность, чего нельзя сказать о чабанах одного коша.

Скотопрогонные трассы делились на а) внутренние, сельские, которые соединяли с аулом сельские сезонные пастбища, в частности яйлаги; б) межсельские, ведущие от групп селений, союзов обществ к совокупности зимних или летних пастбищ, и в) межзональные. Кроме общих, генеральных трасс существовали и их ответвления, являвшиеся результатом сочетания межзонального отгона и отгона отдельных селений и союзов обществ.

На севере и северо-западе часть овец из андийских селений отгонялась в Ичкерия соседней Чечни (через перевал Харамы Андийского хребта). Другие трассы этого района шли через Харибский перевал Салатавского хребта в Салатавию и оттуда на аксаевские земли. По эту сторону Богосского хребта из центральной Аварии фактически проходила одна очень важная трасса: от верховьев р. Тлейсерух через Галиб — Магар — Согратль — Чох — Кегер — Гергебиль — Аркас-Темирханшуру — Экибулак. Часть отар с этой трассы поворачивала у Куппинского перевала и шла далее через даргинские земли, Губден — Карабудахкент к шамхальским землям.

Основные трассы, общие почти для всех северных даргинцев, шли от Хярбучи-дирка у сел. Акуша, являвшегося самым большим сборным пунктом, через Мекегинский перевал на южные равнинные земли по Дегала-када и урочищу Дешлагар; к шамхальским землям — через Шамхаа-дубура и Кумхани-када на Губден и Карабудахкент. У даргинцев, проживающих южнее хребта "Лес", и кайтагцев был другой маршрут, который выводил на терекемейские земли.

Из лакских селений маршруты трасс пролегли также в две стороны. Часть селений, находящихся ближе к даргинцам, использовала маршруты через даргинские земли. Другая трасса шла от лакских земель на юг через Кули — Чирах — Рича — Тпиг — Хив — Урга — Хучни — Джавгат к низовьям Уллучая, или от Хива через Сыртыч к низовьям Рубаса, или от Кули по водораздельному хребту через Дуакар на Кубачи и далее на Маджалис и Дербент.

В Южном Дагестане большая часть отгоняемого скота перегонялась через главный хребет в Закавказье (сборы были в сел. Фий, Маза, Хнов, Цахур и др.). Местные скотопрогонные трассы шли вдоль русл Самура и небольших рек к приморской низменности: 1) от сел. Рича мимо Тпига — Хива к низовьям Уллучая; 2) от верховьев р. Курах через Усуг-Ашар-Курах-Кабир к низовьям Гюльгеричая и Самура, 3) от середины течения Самура вниз через Мискинджи-Гарах-Гильяр-Магарамкент-Мамраш и далее сливалась с предыдущей. Обратные маршруты, естественно, совпадали с ведущими на равнину (см. карту).

Скотопрогонные трассы играли большую роль в развитии экономических, политических и этнических связей. В литературе обращалось внимание на значение отгонного скотоводства для установления связей между населением разных

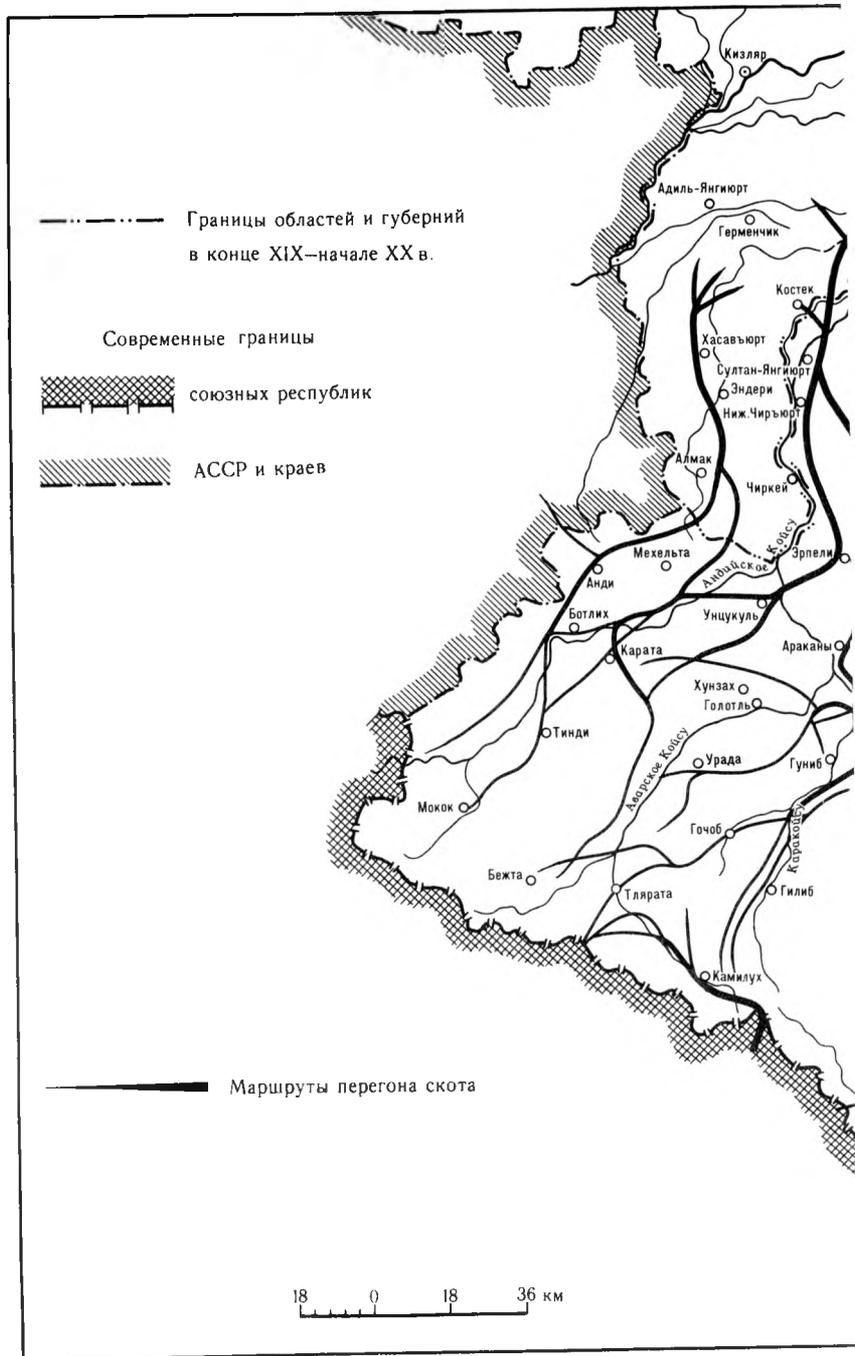
регионов страны /165, с. 197, 213; 136, с. 83/. Выясняется, что основной грузопоток главного для горцев продукта обмена — хлеба, зерна — совпадает с направлениями и местами отгона скота. Особенно четко видно это на примере отгона скота с частичным отходом населения, где отгон скота, отход населения и получение хлеба сливаются в одно организационное мероприятие.

Значительную роль играло отгонное скотоводство в сложении и развитии культурно-бытовых связей /213, с. 8/. Именно отгон скота содействует, как правило, взаимным контактам народов во всех областях и на всех уровнях. Не случайно в Дагестане во всех его частях совпадают ареалы отгонного скотоводства, торговых, культурных и этнических контактов. В этом отношении значительный интерес представляют названия главных стоянок на основной скотопрогонной трассе даргинцев. Остановимся на некоторых из них. Стоянка Шамхаа-дубура (гора-пастбище шамхала). Расположена на главной скотопрогонной трассе отгонного скотоводства, на стыке земель верхнедаргинцев и шамхальства. По преданию, гора была подарена Тарковским шамхалом даргинцам в благодарность за оказанную ему военную помощь. Она действительно была общедаргинской — открытой для выкоса и выпаса скота любого даргинского селения с одновременным запретом постоянного использования под выпас близлежащими селениями.

После потери горной части своих владений шамхал лишился большей части бывшего военного потенциала и поэтому часто прибегал к привлечению военной силы горных обществ, чаще всего Акуша-Дарго, которые, в свою очередь, нуждались в использовании равнинных земель в качестве зимних пастбищ для своего скота*.

Равнина в качестве достаточно удовлетворяющего потребности горцев пастбища могла быть использована только в послемонгольское время, с XV-XVI вв. С другой стороны, вряд ли шамхалу в то время, когда Акуша-Дарго входило в состав шамхальства, пришлось бы преподносить верхнедаргинцам, фактически своим подданным, столь щедрый дар за военную услугу. Следовательно, дарение горы могло состояться после XVI в. В свете этого указанный топоним приобретает большое значение для истории хозяйства Дагестана;

* Первыми обратили внимание на эти взаимные услуги русские офицеры. В начале XVIII в. И.Г.Гербер, а затем Д.И.Тихонов отмечали, что главная нужда акушинцев и тавлинцев (горцев) в шамхале состояла в том, что они "в зимнее время свои стада со скотом продержат никак не могут по причине малости подножного корму, а больше еще и стужи, а потому необходимо принуждены нанимать на зимнее время за всегда в шамхаловом владении лежащие на плоскости кутаны и по той самой причине его уважают", а шамхал "ежели случится, что нужно будет ему вооруженное войско, то просит их по доброй воле, а иногда и с заплатою, а принудить их не может" /439, с. 131; 174, с. 83-84; 173, № 8, с. 107; 116, ч. II, с. 306; 222, с. 247-248, 252/.

Маршруты перегона

скота (конец XIX в.)

он как бы документирует, что отгонное скотоводство даргинцев (как и всех горцев Дагестана) сложилось как существенная отрасль хозяйства только после выхода из состава шамхальства (гора шамхала предназначалась ведь для использования в качестве стоянки на скотопрогонной трассе отгона скота всеми даргинцами), т.е. после XVI в.

Стоянка Кумхани-када — долина совместного (долевого) пользования. Название это связано с использованием угодий сел. Губден. Земли названной долины, по зафиксированному русскими наблюдателями соглашению, после использования губденцами (владельцами ее) в летнюю пору в течение остального времени (часть осени, зиму и начало весны, т.е. именно в периоды отгона скота) переходила в пользование населения горных обществ даргинцев. Однако они были "не вправе делать нигде на губденских горах и землях запашек и заводить какие-либо постройки для хуторов или отселков" /224, с.21/. Как и в случае с Шамхаа-дубура, разрешение пользоваться губденскими угодьями, расположенными на скотопрогонной трассе, было, судя по всему, формой возмещения шамхалом военных услуг Акуша-Дарго.

Итак, зарождение института пользования и название урочища связаны с зональной хозяйственной специализацией и отгонным скотоводством. Форма возникновения института сопользования показывает, что оно возникло после распада Казикумухского шамхальства, т.е. в период Тарковского шамхальства. Следовательно, статус этой стоянки, как и Шамхаа-дубура, подтверждает возрождение и расширение отгонного скотоводства именно в послемонгольское время. В то же время оба названия свидетельствуют о наличии зависимости горных обществ от феодалов, особенно равнинных, в осуществлении зимнего выпаса — необходимости получения в любой форме (возмещение услуги, арендная плата) равнинных земель для использования в качестве зимних пастбищ.

И здесь мы подходим к еще одной проблеме, связанной с отгонным скотоводством, а именно к вопросу о том, в чьих руках находились сезонные пастбища — главный фактор отгонного скотоводства. Общепринято положение, что в Дагестане в XIX в. было 4 основных вида земельной собственности: феодальная, частновладельческая (мольковая), общинная и мечетская, позднее и государственная ("казенная") /454, с. 146/. Также не вызывает разногласий вопрос о том, какие из этих видов земельной собственности были характерны для пастбищ: это феодальная и общинная. В распределении пастбищ приоритет был за феодальной собственностью, потому что равнинные пастбища почти все находились во владении феодалов /305, с. 243/. Что касается горных пастбищ, то, например, хунзахский (аварский) "хан был собственником лучших пастбищ в его владениях" и скотоводство "составляло главный источник ханского дохода" /307, с. 95/. В Южном Дагестане "ярагский хан владел пастбищными землями в Курахе и был собственником большого количества кутанов" /304, с. 159/, т.е. владел пастбищами

и на равнине, и в высокогорье. Ахмедхан Мехтулинский получил от отца в наследство 22 пастбищные горы и 6 кутанов. Правда, у кумыков шамхальства пастбища феодала, расположенные вблизи селения, находились "в неотъемлемом наследственном пользовании населения, без права отчуждения за определенные обычаями повинности" /471, с.77-78; 452, с. 48-49/. Однако большинством пастбищ феодалы пользовались (или сдавали в аренду) в их продуктивное время (горы — летом, кутаны — зимой), лишь в остальные месяцы выделяя их для общественного пользования /153, с. 124; 452, с. 48-49; 48, с.108, Кулецама/. В целом же положение обстояло таким образом, что "право феодалов распоряжаться пастбищными горами" стало "основой феодальной эксплуатации" /374, с. 669; 193, с. 58/.

Как уже указывалось, многие русские наблюдатели отметили в XVIII-XIX вв. факт пастбищной зависимости многих сельских, преимущественно горных, обществ от крупных феодалов. Эта зависимость выражалась, по словам наблюдателей, в выплате пошлины /173, с.107; 174, с. 83-84; 116, т. II, с. 203; 357, с.131; 205, с. 54-55; 355, с.291/ или в "уважении феодалов", выставлении войска по их требованию /439, с. 131/, в плате "овцою, сыром и маслом" /96, с.225/, "повиновении по договорам" /222, с.247; 192, с. 157/ и т.д., т.е. общества пребывали в "некоторой зависимости" из-за опасения "лишиться скота от недостатка в подножном корме" /104, с. 251; 294, с.390; 222, с. 252; 116, ч. II, с. 306-307/.

Однако, как говорилось, пастбищные угодья имелись и в распоряжении сельских общин, причем у них была распространена как поаульная, так и межаульная собственность (и право пользования) на угодья. В условиях земельной тесноты, постоянного роста отселков, экономического развития отдельных селений, борьбы за пастбища такие совместные владения были неизбежны. Особенно целесообразны были совместные владения пастбищами для селений, расположенных в разных географических поясах. Так, например, совместно владели пастбищами сел. Нижн. Инхо и Мехельта, Риквани и Ботлих, Ансалта и Муни, Тадмагитль и Гаквари, Сантлада и Асахо /307, с.33/. Почти все пастбища Гидатля "являлись общими поровну" между всеми селениями этого союза обществ /451, с. 7/. Равнинное селение Губден и горное Цудахар совместно (попеременно по сезонам) использовали пастбища в урочище Дегва /304, с. 151/; большинство пастбищных гор находилось в совместном владении и в союзе обществ Таш. В Цудахарском союзе было всего 9 поаульных участков (на 13 селений), в то время как в общем пользовании союза, или межсельском, было 22 участка; кроме того, в совместном пользовании с союзами Акуша, Муги, Усиша и Мекеги находилась гряда пастбищных гор Уркухладурти, отвоеванная у соседнего союза обществ и уцмий /22, с. 26-37; 85, с.428/. В союзе Шиитль (Иланхеви) сел. Хутитль, Цихок, Инух, Хитух владели одной горой, в союзе Асахо аулы Асахо и Акды также совместно владели горой. Совместные пастбища имелись в союзе обществ Ахвах, а крупные горы Арак-меэр и Инчеро-меэр в центральной Аварии

находились во владении 12 селений /54, с. 76, Буцра/. Таких примеров очень много.

Что касается методов использования пастбищ, то в основном пастбища распределялись сельским сходом или межсельским советом. Так, в союзе Гидатль этим ведал межсельский совет старейшин (рухьель), в который входило по одному представителю от каждого из 7 селений и который собирался в месте, расположенном в центре союза /49, с. 23-29, Тидиб/. Если пастбищ было много, действовало право первозахвата, но это касалось только определенных традиционно используемых под пастбища участков, и это право, как справедливо замечает Г.Е.Марков (об алтайцах), "действовало только один сезон, и на следующий год этим пастбищем мог пользоваться уже другой скотовод" /316, с. 294/.

Наиболее распространенный метод использования пастбищ — распределение по участкам между членами своего общества и сдача в аренду отдельных участков другим обществам. Но существовали и другие формы сдачи пастбищ, преследующие определенные хозяйственные и политические цели. Так, союз Гидатль сдавал свои пастбища союзам обществ Телетля, Батлуха, Ратлуба с целью использования их членов для выпаса своего скота или в качестве военных союзников /451, с. 7, 9, 11, 33/. Нередко использование пастбищ было взаимным, разнопоясным, "на основе издавна установившейся производственной связи между населением" высокогорья и равнинной полосы /246, с. 49/. Таковы были пастбищные обмены сел. Губден и Мекеги, Ругельда и Маали, Ругуджа и Гилив, Гуми и Берекей, Тлядала с грузинами, Лучека с азербайджанцами и т.д. /51, с. 56; 54, с. 97; 55, с. 36, 69; 56, с. 210; 57, с. 49/.

Однако прямой обмен сезонными пастбищами был сравнительно редким, чаще происходила их аренда. Например, в 1860-е годы севернее Дербента было 36 кутанов, из них 8 принадлежали общине сел. Башлы, 18 — бекам, 10 — казне, и все они сдавались в аренду акушинским и сюргинским овцеводам за плату от 25 до 150 руб. общинами и до 250 руб. беками /384/. Много кутанов сдавали в аренду равнинные селения Башлыкент, Утамьш, Губден, Эндери, Аксай, Тарки и др. Только в равнинной части Темирханшуринского округа в 1860-е годы было 110 кутанов, подавляющее большинство которых арендовали горцы /373, с. 114/. В сел. Утамьш респонденты даже сбились со счета, считая кутаны, сдаваемые в прошлом в аренду /51, с. 39/. В целом, как видно и из наших примеров, равнинные пастбища по большей части принадлежали феодалам.

В горной части нет такого подавляющего превосходства феодальных пастбищ, хотя обоим ханам нагорья, особенно Казикумухскому, принадлежали многие пастбищные горы. В обмене горными пастбищами партнерами часто являются общины. Так, например, единственный из даргинских союзов — Сюргинский, имевший в достатке летние пастбища, сдавал их в аренду остальным даргинским союзам. У сюргинцев было 45 пастбищных гор и 27 участков, из них в аренду сда-

вались 14 гор и 1 участок /22, с. 66-81/. В другом даргинском союзе, в селении Амух, в случае использования сельских пастбищ "своими" крупными владельцами с них бралась плата — одна овца с каждых 40 овец, а затем полученные за аренду пастбищ овцы распределялись между бедными семьями /57, с. 153/. Иногда плата выражалась иначе: в том же Сюргинском союзе центральное селение Урари брало со скотоводов сел. Дуакар, использовавших их пастбище, по фунту масла с каждого хозяйства /54, с. 195/. А сел. Салта за военную помощь, оказанную общиной Цудахара, отдало целую гору нуждающимся в пастбищах жителям Цудахара без всякой арендной платы /53, с. 54/.

Жители равнины также практиковали аренду сезонных пастбищ, хотя и нуждались в этом меньше, чем горы. Так, овцеводы сел. Карадаглы (Терекеме) арендовали летние пастбища у общины Уркараха, а сел. Утамьш — у сел. Урахи, Нижн. Мулебки /57, с. 12, 19/. Засулакские кумыки отгоняли овец в нагорную Аварию /338, с. 98/. В предгорной части отгон был более развит, причем в обе стороны. Так, в Кайтаге нижнепредгорное селение Хунгия арендовало летние пастбища у верхнего — Адага; Нижн. Казанище и Нижн. Дженгутай арендовали пастбища в Аварии и в Засулакской Кумыкии /55, с. 9; 56, с. 197, 199, Нижн. Дженгутай/. Но для предгорных селений аренда зимних пастбищ была более характерна, поскольку летние у них были свои, хотя и не везде. Например, Табасаранское селение Гуми нуждалось в зимних пастбищах, а летние сдавало в аренду или обменивало на зимние. Также арендовали зимние пастбища сел. Аркит, Кандик, Шияги, Чумлы, Кадар и др. /57, с. 48, 49, 117; 53, с. 41, 86; 47, с. 148/. Многие другие предгорные аулы сдавали в аренду летние пастбища: Адага, Зубутли, Гуми, Хурцатиль, Кирки, Туреги, Бяжлук, Тама /56, с. 194, Хубар; 57, с. 49, Гуми; с. 121, Хурцатиль; 53, с. 81, Кирки; 55, с. 9, Хунгия; 53, с. 42-43, Шияги/.

В особом положении были селения горных долин. Они меньше нуждались в зимних пастбищах, были у них и горные пастбища в своей округе, но тем не менее в долинах было много аулов, арендующих земли и на равнине, и в высокогорье. Это относится и ко многим селениям внутреннего горного Дагестана. Со своей стороны, многие высокогорные аулы уводили на зиму или на весну свой скот в долинные селения. Так, например, сел. Анчих арендовало летние пастбища у дидойцев и грузин, а на три зимних месяца арендовало земли в долинном селении Муни (здесь же арендовали пастбища и багулалы). У дидойцев же арендовали пастбища овцеводы сел. Кванада, Кикиуни, Ботлих, Цумада и др., у анцухцев и капучинцев — сел. Чох, Согратль, Хунзах, Бухты; у многочисленных селений Антльратля — многие аулы внутреннего Дагестана, особенно с развитым овцеводством, — Чох, Согратль и др. /54, с. 33, Анчих; с. 64, Муни; с. 26, Кванада; с. 89, Кикиуни; 55, с. 48, Мокок; с. 53, Кутлаб; с. 36, Тлядал/. Сел. Токита, имевшее многочисленные уголья, давало возможность пастись летом бесплатно отарам сел. Уздалросо, Геничутль, Батлаич (за

"кровь"), а ахвахцы сдавали свои излишки овцеводам сел. Хунзах, Гоцо, Чиркей. В свою очередь, хунзахцы сдавали пастбища (долинные) жителям сел. Гимры, а долинное селение Смугул в Южном Дагестане арендовало летние пастбища в высокогорных селениях Ашар, Гельхен, Шимихюр /54, с. 82, Гимры; 56, с. 220, Смугул/. Летние пастбища арендовали также горные селения Борч (у Хнова), Гогаз (у Ялака), Кабир, Хпюг, Дебгаша (у буркиханских беков), Усуг (из фонда казенных земель), Мекеги (у сел. Кая, Уркарах), Уркарах (у сел. Курах, Рутул), Муги (у сел. Уркарах, Усиша), Согратль, Чох, Урма, Кулецма (у сел. Тидиб) /56, с. 223, 227; 57, с. 132, 134, 143; 53, с. 17-18, 51, 53, 93; 55, с. 20/.

Но больше всего арендовались равнинные зимние пастбища Прикаспия, Азербайджана, Грузии. Например, барановоды сел. Унчукатль, Гапшима арендовали кутаны в сел. Губден, сел. Мекеги — у жителей Муреги и Утамышы, Дебгаша — у уцмий, Муги — у Каякента, Гапшима — тоже у села Губден /55, с. 94; 53, с. 17-18, 91, 93; 47, с. 33/ и т.д. Высокогорные селения помимо равнинных арендовали и долинные земли, куда выводили скот зимой или весной. Так, вихлинцы арендовали на зиму земли сел. Унчукатль, Уллучара, расположенных ниже; из селений союза Тлейсерух (Гилюб и др.) арендовали зимние пастбища и хутора в сел. Ругуджа, Дарада-Мурада, Бацада, Гергебиль, Аймаки. Жители сел. Шиназ арендовали земли Касумкента, жители Шиназа, Микраха, Ихнига, Луткуна — земли сел. Джебел /55, с. 79; 56, с. 204, 218; 57, с. 68, Джебел/. В долинных селениях нередко практиковалось и кунзачское принятие скота жителей высокогорных обществ (Карах, Келеб, Тлейсерух и др.) на зимние хутора без арендного соглашения (сел. Маали, Ругуджа и др.) /54, с. 97; 55, с. 69/.

К середине XIX в. прямой безарендный пастбищеобмен, куначеский обмен и т.п. наблюдается все реже и реже. Главными участниками арендных соглашений становятся руководители кошей, старшие чабаны, крупные владельцы скота. Механика соглашений была несложна. Исходя из собственных потребностей и состояния травостоя, а также нужды в арендных поступлениях, община выделяла участки пастбищ (горы), которые можно было сдать в аренду на этот год. Клиентов находили путем объявления торгов, чаще из традиционно связанных пастбищеобменом селений. После этого желающий получить пастбище в аренду обращался к представителям схода, происходили совместный осмотр участка, взаимные визиты и угощения и заключался договор. Один и тот же кош мог арендовать один участок десятки лет, но соглашение возобновлялось каждый год. Интересно отметить, что выделенные пастбища сдавались в аренду и собственным (из аула) барановодам на общих основаниях /54, с. 86, Унцукуль; с. 87, Араканы/. Если участок (гора) имел установленную плату, выраженную в овцах, то эта плата сохранялась веками и никаких торгов не требовалось: пользовавшийся ранее брал сдаваемый участок, а если он отказывался, участок получал тот, кто раньше

обратился. А обычно плата выражалась по типу закавказского сабалахо — по количеству пригнанных на пастбище овец. На дидойских высокогорных пастбищах принятая плата была — одна овца со 100 овец /54, с. 26, Кванада; с. 33, Анчих/.

Помимо платы в некоторых обществах бывали дополнительные раздачи. В обществе Келеб, например, владельцы овец обязаны были по возвращении с летних пастбищ раздать в ауле сыр, изготовленный с трех доек всех овец /55, с. 31, Ругельда/. Условия аренды у феодалов обычно были тяжелее. Например, в Терекеменских общинах брали за выпас одного ягненка со 100 овец, а в тех же местах уцмий брал одного барана за 50 овец /53, с. 25, Чирах; 51, с. 80, Кана-Сираги/. В сел. Губден барановоды помимо обычной арендной платы должны были отдать беку или хану годовалых козла и барана /51, с. 64-65/.

Пастбища казенного фонда обходились значительно дешевле — в пределах 10 коп. с одного барана на зимних и 5 коп. на летних /379, с. 10/. Позднее, когда администрация отказалась от несколько запутанной системы сабалахо, 1 дес. зимних пастбищ стоила 10 коп. (по емкости — 3-5 баранов, следовательно — недорого); на таких условиях получали пастбища — 20059 дес. — в Ширакской степи 14 аулов Лучекского участка Самурского округа /25 за 1913 г., с. 19/. Цифры Ю.П.Проценко о взимании за аренду 3-5 баранов со 100 следует считать, таким образом, завышенными или узкоместными. При этом им не учитывается разница между летними и зимними пастбищами /394, с. 52/, что совсем неправомерно. Также преувеличены эти цифры (4-5 баранов со 100) у А.Берже и др. Впрочем, думается, что эти цифры военные наблюдатели (например, Хрисанф) приводят по периоду Кавказской войны, когда аренда на "кумыцких степях" в силу военного времени обходилась действительно дорого — 5 баранов со 100 /104, с. 253, 260; 455, с. 265/. К концу века, когда овцеводство стало промышленным, цены за аренду еще более возросли и достигли, например, в Дагестанской области 5-12 руб. со 100 баранов, а в Терской области — до 20-50 и даже 80 руб. со 100 баранов (при рыночной цене барана 3-5 руб. /348, с. 68; 350, с. 40/.

Разумеется, цены зависели не только от качества пастбищ, но и от спроса и предложения. П.С.Варавин приводит сравнительные цифры: в Муганской степи — 5 коп. за 1 дес., в Караязской степи — 35 коп., а в Эриванской губернии — 1 руб. /126, с. 131/. Поскольку летних пастбищ в Дагестане было много, они были здесь одними из самых дешевых на Кавказе. По свидетельству А.М.Аргутинского, грузинские барановоды арендовали летние пастбища в Дагестане у казны за 7 руб. со 100 голов (в казне были лучшие пастбища), а у сельских обществ — за 10 руб. с 1000 голов /86, с. 293/. Из 26 уездов Кавказа, в которых цены за 1 дес. летних пастбищ колебались в пределах от 14 коп. до 1 руб., в Дагестанской области они составляли 16 коп. (ниже были только в Кубинском и Шушинском уездах — 14 коп.) /126, с. 134-147/.

Естественно, что "перегон скота в известной мере влиял на общность экономических интересов дагестанцев, их культурно-исторические связи" /153, с. 71/. Взаимное "пользование подножным кормом" жителей альпийской полосы, лесогорной и предгорных равнин /313, с. 8/ создавало экономические предпосылки политических связей обществ горного и равнинного Дагестана. В.М.Шамиладзе прямо указывает, что развитие, расцвет Картлийского государства "были основаны на единстве горных и равнинных комплексов, особую роль в которых играло перегонное скотоводство /470, с. 302-303/. Правда, вслед за М.В.Мачабели, который объяснял отсутствие отгона у хевсуров враждой с пшавами и чеченцами, а у тушин — враждой с чеченцами и дагестанцами и невозможностью оставить селения без защиты /331, с. 417/, В.М.Шамиладзе указывает на "существенный характер" этого обстоятельства /470, с. 267/. Однако следовало бы иметь в виду, что в перегонном скотоводстве участвуют только пастухи и селение не может из-за их ухода остаться без защиты.

Гораздо более существенным было лишение сельских обществ их общинных угодий. Царская администрация часто прибегала к этому по различным поводам и без всяких поводов. Священник Н.Котляревский рассказывает об упадке союза обществ Ункратль после их "замирения": "И со времени событий — там одни развалины. Великолепные же горные пастбища отошли кахетинским князьям, выпасавшим прежде за плату там своя стада баранов" /270, с. 154/. Об андийцах то же самое говорит К.Роскиков: "Лучшие горные пастбища отошли в пользование смежной Чечни на самых невыгодных условиях для андийцев" /406, с. 231/. То же засвидетельствовано у дидойцев, у которых "отняли в казну почти все горы, покрытые лесом и травой", и "овцеводство здесь пало до минимума". Пастбища эти сдавались казной в аренду за 6 тыс. руб. на лето /420, с. 283/. Многие земли раздавались чиновной и военной бюрократии. Во второй половине XIX в. у графа Воронцова-Дашкова было в Дагестане 2314 дес. отборных угодий, у генерала Лазарева — 1765, у помещика Кожевникова — 5472, у Пыльцова — 2175, у действ. стат. советника Кривенко — 973 дес. и т.д. /348, с. 70/. К концу века было изъято у горцев и передано в казну свыше 374 тыс. дес. удобных земель. У 35 небольших селений Андийского округа было отобрано 16 тыс. дес. /25 за 1912 г., с. 23/. При известном малоземелье Дагестана в казну была отобрана почти четвертая часть удобных земель. В этом мало удивительного, если, по свидетельству самих же царских властей, на Кавказе из 5 млн. дес. "нагорных пространств" в казну было отобрано свыше 3 млн. /145, с. 26/.

Существенное значение в распределении и утилизации пастбищ имели и социальные процессы, нарастание социального неравенства. Если, с одной стороны, скотоводству мешали казенные изъятия, с другой — "неравномерное распределение пастбищ" из-за того, что феодалы захватили львиную долю лучших пастбищ /197, с. 47/, то третьим "злом" было глубокое социальное расселение в самих общинах. В

них коллективизм собственности на землю становился нередко фикцией, ибо общинные угодья "находились в преимущественном пользовании" крупных владельцев скота, создавая характерный для многих скотоводческих народов "дуализм общинной собственности на землю и частной — на скот" /63, с. 36/. Этот процесс протекал в двух направлениях: 1) сохранение общинной собственности позволяло житочным скотовладельцам использовать для своего скота практически всю общинную землю /74, с. 423/, т.е. присвоение происходило не монопольно, не путем феодализации, и отношения здесь "имели облик экономического соглашения, а не феодальной внеэкономической зависимости" /316, с. 299, 294-300/; 2) более сильные группы, тухумы, селения захватывали большую часть общих пастбищ, и "на этой почве возникали отношения феодально-земельной зависимости" /303, с. 155; 245, с. 42; 157, с. 243/.

Из двух этих направлений в Дагестане безусловное преобладание получило первое. Сельская община Дагестана имела большой опыт борьбы с феодалами, это научило ее зоркости и во взаимоотношениях с феодализирующейся сельской верхушкой, которой редко удавалось захватить командные позиции в общине. Поэтому социальное разложение дагестанской сельской общины шло не по пути ее прямой феодализации, и особенно роста внеэкономического принуждения, а по пути "экономических соглашений", прикрытой эксплуатацией, поляризации экономической, не сопровождающейся поляризацией сословной.

2. ЯЙЛАЖНАЯ ФОРМА

Яйлажная форма является простейшей формой отгона, особенно для горного Дагестана. Суть ее — отгон скота на летние горные пастбища для максимального использования кормовой емкости яйлагов. Как простейшая сезонная форма яйлажный отгон мог сочетаться с любой другой формой — как одновременной, односезонной с ним, так и разносезонной. С некоторыми из них он практически даже стыкуется, перерастая в них или проистекая из них. Например, выделение специального пастбища для рабочего скота в выгонной форме является практически однородным с отгоном на яйлаги — последний фактически вырастает из первого и сочетается с ним. Точно так же на стыке хуторской и яйлажной форм находится и описанный нами яйлажный ("коровий", "молочный") хутор. Если функционально — по хозяйственным и жилым функциям — это хутор, то по месту расположения и длительности пребывания в нем — это яйлажный отгон. Отгон скота на яйлаги для горного Дагестана был как бы первоначальным видом отгона, он постепенно вырастал из выгонного содержания, из простого выпаса на присельских пастбищах. Поэтому в период возникновения яйлажный отгон даже трудно выделить из присельского выпаса. Отличительный признак, по которому он окончательно выделяется из присельского выпаса, — пребывание

скота определенные периоды на яйлагах без возврата в селение.

Тесная связь яйлажного отгона с придомным (как известно, первичным) содержанием привела даже отдельных крупных исследователей зарождения производящего хозяйства, в частности К.Флэннери, к "выводу о возможности возникновения яйлажного скотоводства чуть ли не в процессе этого перехода" (к производящему хозяйству) /482, с. 261-262/. Но теснота этой связи не означает слитности. Напротив, яйлажный отгон оторван от придомного содержания скота. По меткому замечанию В.Христиановича, это понятие не географическое, а хозяйственное, и один из обязательных признаков яйлажного отгона — оторванность от домашнего хозяйства, от двора, пребывание в течение всего сезона вне дома /456, с. 106-107/. Достаточное количество летних пастбищ — одно из необходимых условий бытования яйлажной ФС.

Являясь первоначально приложением к выгонно-стойловому содержанию, яйлажный отгон, вырастая в масштабах, выходит за пределы своих сельских яйлагов: это влечет необходимость расширения зимнего выпаса, что могло быть достигнуто за счет отгона на пастбища равнины. В результате складывается и расширяется перегонное скотоводство (в обе стороны), т.е. трансюманс. Разумеется, удельный вес этих превращений и бытования отдельных форм скотоводства бывает самым различным в отдельных поселениях и районах, начиная с преобразования формы содержания скота лишь у нескольких крупных барановодов селений, как, например, в сел. Батлаич, Уркарах, Куба и др. /54, с. 70, Батлаич; 53, с. 48-49, Уркарах; 55, с. 98, Куба/, и кончая полным переходом на трансюманс, как, например, в сел. Чох, Смугул, Камелюх, Мекеги и др. /55, 54, 63; 56, с. 220; 47, с. 47; 53, с. 17/.

Яйлажный отгон в равнинных и нижнепредгорных селениях имел некоторые особенности. Связи его с присельским выпасом, точнее, вырастания из него здесь не могло быть из-за отсутствия яйлагов и, как следствие, почти круглогодичного выпаса скота на равнинных пастбищах. Но специализация и рост промысловости, приведя к росту количества скота, сузили базу летнего выпаса, тем более что интенсивный рост земледелия также способствовал сокращению возможностей летнего выпаса. Кроме того, опыт специализировавшихся на овцеводстве горных селений, прибегающих к использованию равнинных зимних пастбищ, показывал, что промысловое овцеводство выгоднее культивировать при сочетании круглогодичного выпаса с использованием богатых летних горных пастбищ. В равнинных селениях яйлажный отгон не перерастает в трансюманс, ибо у них фактически нет зимнего отгона, а комбинируется здесь с выгонно-стойловым содержанием, базирующимся на лучших возможностях заготовки кормов и частичном зимнем выпасе.

Интересное свидетельство отгона скота жителями равнины на яйлаги имеется в письме Султана Ахмед-хана Аварского (начало XIX в.) аварскому обществу Хедодал: "Мой

близкий Муса, аксайский владетель, послал в этом году свое стадо овец в наши горы, веря в нашу дружбу и дружбу войск" /307, с. 98; 56, с. 139, Костек/.

Стародавность яйлажного отгона в горном Дагестане подкрепляют и фольклорные данные, в частности касающиеся основания поселений. Так, по местной легенде, самое высокогорное селение Дагестана Куруш возникло на месте стоянки жителей, приходивших сюда летом с равнины со скотом /379, с. 9/. Вывод скота летом в Дагестане на "роскошные горные пастбища" отмечает и А.Калантар /237, с. 173/. Связь с земледелием придает яйлажной ФС определенные свойства и закономерности. Так, развитие яйлажного отгона связано не только со стремлением расширить сферу выпаса, но и "с желанием избежать потравы посевов" /480, с. 237/, увеличивающихся в пределах прилегающей к поселению округи. Особенностью дагестанского яйлажного отгона (летовок) было также то, что сюда уводили скот не только те, у кого было много скота (это верно в отношении яйлажного хутора), но и прочие хозяйства аула. Яйлажный выпас был самым эффективным, калорийноёмким, позволяющим довести скот до такой кондиции, что он мог протянуть в суровых условиях до следующей весны. Поэтому на яйлаги шел скот и самых бедных хозяев. Естественно, что особенно возрастало значение яйлажного отгона в жарких, засушливых районах. Отдельные исследователи даже считают засушливое лето главной причиной яйлажного отгона /521, с. 365/.

Один из крупных исследователей альпийского хозяйства, С.Штеблер, подчеркивал несамостоятельность яйлажного (альпийского) содержания: "Альпийское хозяйство по своей природе несамостоятельная отрасль производства и может быть восполнено только связью с равнинным хозяйством. Альпы дают летнее пастбище, равнина — зимний корм" /530, с. 4-5/. Развивая эти положения, Фродин также указывал, что выпас должен быть в ином поясе, чем жилье, хозяйственно раздельным с основным поселением, но органически взаимосвязанным с ним (земледелие основного селения и альпийский выпас) /509, с. XV-XIX/.

В.М.Шамиладзе также подчеркивает, что грузино-кавказский тип яйлажного скотоводства подразумевает симбиоз скотоводства с земледелием, при котором основная часть населения ведет оседлое земледельческое хозяйство, а меньшая часть осуществляет весь цикл ухода за скотом и его перегон /470/. Один из исследователей крестьянства Закавказья, С.П.Зеленский, называет такое население крестьянами, которые, "кроме земледелия, пользуются выгодами кочевой формы скотоводства", и предлагает их "причислить ко второй категории оседлых жителей". Он совершенно справедливо называет их земледельцами-скотоводами (к ним он относит и горцев-грузин: тушин, пшавов, хевсуров) /214, с. 31/. Отсюда ясно, что яйлажный отгон не может быть элементом, придающим хозяйству экстенсивный характер. Поэтому оценки наподобие принадлежащей В.А.Авдиеву ("очень примитивный кочевой (яйлажный) характер") следу-

ет считать совершенно некорректными. Что речь идет именно о яйлажном отгоне, ясно из расшифровки автора: "Скот на лето угоняли на горные пастбища, а на зиму снова возвращали в долины и низменности" /61, с. 465/. Речь идет даже, как видно, только об отводе скота, а не об откочевке населения.

Вообще в отношении бытования отдельных ФС имеется известная фрагментарность. Яйлажный отгон сочетался и с выгонным, и с хуторским, и с кышлажным отгоном, причем в последнем случае, образуя такой тип скотоводческого хозяйства, как трансюманс, особенностью которого является возможность единичного и малого бытования и в тех районах, для которых он совершенно нехарактерен /536, с. 212, 213, 215, 216/.

Как упоминалось выше, совершенно не практиковался яйлажный отгон КРС с равнины и нижнего предгорья, что объяснялось большей привязанностью КРС, особенно рабочего, к земледельческому хозяйству и транспорту равнины, отдаленностью яйлагов от равнины, непригодностью КРС к дальним перегонам, а также, как отметил еще А.Калантар, трудностью акклиматизации равнинного КРС на высокогорных пастбищах /235, с. 109-110/. Аналогичное положение отмечено в Адыгее, где традиционно "отгон КРС на горные пастбища не практиковался" /213, с. 127/, в Абхазии, в которой не было отгона КРС с равнин в горы и "выпасали свой КРС только крестьяне горных обществ" /106, с. 67; 445, с. 110/, Верхней Раче /196, с. 110/. МРС с равнины отгонялся на яйлаги, но в меньших масштабах, чем в горной части. Например, из земледельческой Кахетии овец на лето "направляют преимущественно на дагестанские горы, на которых снимаются пастбища" /87, с. 71, 118/*.

Отгонное яйлажное скотоводство отмечено и в Азербайджане /215, с. 9/, на Северном Кавказе. При этом исследователи отвергают возможность связи подвижности карачаевцев и черкесов со скотоводством (смена мест жительства связана не со скотоводством, а с политической ситуацией и переложным земледелием) /76, с. 230-231; см. также: 468, с. 72-73/. О большом значении яйлажного отгона у кабардинцев, балкарцев, осетин, ингушей свидетельствуют исследования В.Пожидаева и др. /389, с. 20-21; 312, с. 31; 157, с. 242/. Таким образом, яйлажное скотоводство следует считать одной из основных и характерных ФС народов Кавказа, поэтому конкретные примеры яйлажного отгона в Дагестане привести достаточно трудно — он практиковался везде, но на равнине значительно реже /47, с. 47, Мекеги; с. 63, Хаджалмахи; 50, с. 186-187, Ашты; с. 195, Урари; 52, с. 21, Губден; 53, с. 5, Урахи; с. 48-50, Уркарах; с. 102-104, Нахки; 54, с. 12, Мехельта; с. 22, Тисси; с. 33, Анчих; с. 70, Батлаич; 55, с. 31, Ругельда; с. 53, Кутлаб; с. 63, Чох; с. 77, Вих-

* Летовки тушин в дагестанских горах наблюдал и Г.Радде /399, с. 303/. А П.С.Варавин приводит даже очень подробный маршрут, по которому проходят из Ширакской степи "в лезгинские горы" отары грузинских овцеводов /126, с. 121-122/.

ли; с. 86, Хосрех; 56, с. 194, Хубар; с. 210, Лучек; с. 218, Шиназ; с. 225, Микрах; с. 227, Ялак; 57, с. 75, Оруджоба; с. 94, Касумкент; с. 139, Гельхен; с. 149, Рича; с. 153, Амух, и др./.

Остановимся на видах яйлажной ФС. Наиболее типичным из них является отгон овец. Он никак не может быть назван присельским, ибо овцы отгоняются или на самые отдаленные сельские пастбища, или на арендованные. Нам уже приходилось указывать на то, что обеспечение овец пастбищами часто рассматривалось общиной как необязательное. Такой подход сложился исторически: в генетически земледельческо-скотоводческом хозяйстве разведение КРС было всеобщим (продукты, рабочий скот для земледелия), но развитие его промыслового содержания сдерживалось недостатком сенокосов, большей пригодностью пастбищ для овец, неприспособленностью КРС к дальним перегонам, невозможностью заготовки для него кормов и в местах отгона), тогда как МРС был более приспособлен ко всему комплексу наличных условий, и особенно к отгонному скотоводству. Это создавало ситуацию, при которой КРС служил основой натурального хозяйства, имел общее, но потребительское в основном распространение и значение, а специализированность, промысловость скотоводческого хозяйства создавались главным образом за счет развития овцеводства. Подобный характер отгона овец на яйлаги служил основой его безусловного сохранения и даже роста при любых колебаниях в направлении скотоводческого хозяйства с частым превращением по мере роста промыслового овцеводства в составную часть трансюманса.

Наибольшее значение сельская община придавала яйлажному отгону рабочего скота (волов). Хотя отгон этот не всегда можно квалифицировать как яйлажный в полном смысле этого слова, ибо рабочий скот часто располагается недалеко от селения (т.е. это выгонная форма), но тем не менее два существенных признака яйлажного отгона (увод из аула на яйлаги, причем на определенный период) в нем заключены. Наилучшие, наиболее подходящие и удобные для выпаса пастбища отводились для волов. В некоторых селениях даже в зимнюю пору, когда для волов не было работы (в горах), этот принцип (наилучшие корма — рабочему скоту) был постоянным (весь год), ибо считали, что рабочий скот всегда должен быть хорошо упитан, чтобы сохранить свою силу и работоспособность /55, с. 39, Тлядал/.

Одна из особенностей яйлажного выпаса рабочего скота — его всеобщая распространенность /54, с. 67, Ансалта; с. 96, Маали; 55, с. 41, Кидеро; с. 53, Кутлаб; с. 77, Вихли; с. 81, Цийша; с. 95, Унчукатль; 56, с. 202, Эрпели; с. 204, Гибли; с. 206, Ириб/. В равнинных и предгорных селениях, где не было яйлагов, для подобного выпаса отводились пойменные луга, острова, лесолуга.

Практиковался также отгон остальных категорий КРС. Дойный скот уводился, как уже говорилось, на летние хутора, а остальные (нетели, бычки) содержались или с быками, или с коровами, но нередко выводились и самостоятельно, особенно в высокогорных аулах, где летних паст-

бищ было достаточно. Именно в этом районе сложился своеобразный яйлажный отгон КРС, который можно охарактеризовать как специализированный, нагульный. Специфика этого отгона — стремление извлечь максимальную пользу из имеющегося достатка летних пастбищ при относительном недостатке покосов и зимних пастбищ. Генетически это один из древнейших видов яйлажной ФС; он сопутствует стойлово-выгонному содержанию и фактически является формой его сезонной интенсификации. Летом и все теплое время КРС интенсивно выпасается на лучших пастбищах, причем делается все для того, чтобы нагул был максимальным; вечерами скот подкармливают свежескошенной травой, место выпаса меняют, производят ночной выпас.

Поздней осенью, когда кончаются возможности выпаса, скот приводится в селение, и здесь производится классификация и выбраковка, определяется, какие телки и бычки должны быть оставлены для выращивания и какие должны пойти на убой и обмен. Естественно, что при этом учитываются и кормовые резервы хозяина, так как именно они лимитируют количество оставляемого на зиму скота, определяют в конечном счете (в совокупности с фактором достатка летних пастбищ) особенности и специфику данного вида яйлажной формы скотоводства.

В XIX в. с ростом промыслового скотоводства летненагульный вид, явившийся результатом стихийного приспособления крестянок к имеющимся условиям содержания и выпаса скота, стал запланированным специализированным выпасом, рассчитанным уже главным образом на рынок, обмен.

Характерно, что при летненагульном виде яйлажного отгона слабо развит кышлажный отгон и для овец. Достаток пастбищ позволяет отвести часть пригрезов для зимнего выпаса, не трогая их летом, а отгон на равнину из этих районов затруднен из-за их оторванности и отдаленности от равнины как в сторону Прикаспия, так и в сторону Закавказья. Примером таких субрегионов могут служить земли обществ Сирха, Батлук, части Мукарского, Гумбетовского, Буркун-Дарга, Тлейсерух, части агулов, дидойцев и др. /48, с. 73, Дуакар; 50, с. 188, Ашты; с. 195, Урари; 53, с. 105, Нахки; 54, с. 14, Аргвани; 55, с. 52, Мокок; 56, с. 204, Гириб; 57, с. 152, Кураг/. Эта особенность содержания скота была подмечена многими исследователями, и в первую очередь А.Калантаром. Указав, что в нагорном Дагестане зимний стойловый период продолжителен, он замечает, что здесь запасы зимнего корма "серьезно влияют на количество скота, которое может держать хозяйство" /235, с. 118-119/. Отмечая отсутствие специального откорма, он признает, что "на Кавказе практикуется нагул, носящий характер летней пастбы скота на горных пастбищах" /237, с. 26/.

По подсчетам А.М.Малигонова и В.П.Христиановича, летние пастбища могут обеспечить содержание скота в 5-6 раз больше, чем сенокосы и зимнее стойловое содержание. Следовательно, часть скота должна быть изъята из хозяйства, и обычно это несоответствие пытаются устранить про-

дажей избытков скота осенью, откуда и большие осенние ярмарки альпийских районов в Европе. В.П.Христианович приводит пример Хуламского ущелья в Балкарии, где в год плохого сена ликвидируется треть поголовья скота /456, с. 126-127/. Поэтому, пишет автор, у горцев скота в 5-6 раз меньше количества, "которое могли бы выдержать летние пастбища" /456, с. 91/. В горном Дагестане в обществе Сирха, например, также выбраковывали на убой и обмен до трети, а в очень тяжелые годы даже половину скота /53, с. 108, Нахки/. Наличие жестких рамок для роста удельного веса скотоводства из-за ограниченности зимнего запаса кормов, с вытекающими из этого обычаями ярмарок "лишнего" скота после лета, отмечает для горной и предгорной частей Грузии и В.М.Шамиладзе /470, с. 225-226/.

Так выглядит в Дагестане яйлажная форма отгона скота. Для горной и высокогорной частей она может считаться основной по удельному весу содержащегося скота, кормоемкости, влиянию на интенсивность и рентабельность скотоводства.

3. КЫШЛАЖНАЯ ФОРМА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Вторая важнейшая отгонная форма — кышлажная. Если яйлажный отгон характеризуется массовостью, охватом всех видов и категорий скота, наибольшим удельным весом среди ФС, то кышлажный отличается большей степенью профилированности и промысловости. Другое различие между ними: яйлажный отгон более распространен, в предгорье и горной части он обязателен, в то время как кышлажный отгон осуществлялся далеко не везде, его заменяли стойлово-выгонное содержание, хуторская форма.

Основа, предпосылка кышлажного отгона — отсутствие (недостаток) местной кормовой базы. Русские наблюдатели и исследователи XIX в., как и XVIII, указывают на наличие этого отгона. Так, например, С.М.Броневский указывает, что в Прикаспии "зимой равнины и все окрестности морские покрыты многочисленными стадами овец и коз; большая часть оных принадлежит горским дагестанцам и лезгинцам" /116, ч. II, с. 241/. А.Соколов говорит о приморском Дагестане, что сюда "сгоняется скот для пастбищ и преимущественно бараны", которые пасутся осенью и зимой /426/. А.Берже о предгорных салатавцах пишет, что "многочисленные стада их паслись на плоскости шамхальской" /103, с. 306/.

В кышлажном отгоне также больше нуждались общества, у которых был дефицит и летних пастбищ. Достаток последних давал возможность консервации южных экспозиций для зимнего выпаса, увеличения выкоса травы. Поэтому в кышлажном отгоне в наибольшей степени нуждались общества Даргинского округа, у которых было мало и летних паст-

бищ. Существенным был кышлажный отгон из обществ Аварского, Андийского, Гунибского, Самурского округов /472, с. 310-311/. Рассматривая видовой состав скота в этих обществах, нетрудно проследить закономерность: где больше овец, там и более развит отгон на кышлаги. Дидойцы Андийского округа и высокогорные аварцы Гунибского отгоняли скот в Грузию — в Телавский и Сигнахский уезды, частично в Закатальский округ, население северной половины Андийского и Гунибского округов — на Кумыкскую и Приморскую низменности, все население Самурского округа, живущее выше сел. Рутул, — в Азербайджан (Закатальский округ, Нухинский, Геокчайский, Агдашский и Кубинский уезды) и т.д. /200, с. 101-102; 351, с. 115; 348, с. 23; 90, с. 62; 64, с. 35/.

Кышлажный отгон бытовал и у других народов Кавказа. А.Л.Зиссерман указывает, что у пшавов "на зиму все стада угоняются на Ширакскую степь для пастьбы", летом возвращаются в свои горы /217, ч. I, с. 233/. То же говорит о пшавах и тушинах Н.Дубровин /203, т. I, кн. 2, с. 284-286/. А в Трусовском ущелье Осетии угоняли овец на низменность только крупные скотоводы. У грузин верховьев Белой Аргавы отгон был более массовым; оставляли овец только те, у кого их очень мало /169, с. 285; 147, с. 276/. О горной Чечне сообщается то же самое: "Овцы три летних месяца на альпийских лугах — остальное время года они пасутся на равнине за Терекон" /162, с. 216/.

Выше мы разделили кышлажную форму на три вида — осенне-зимний отгон, весенний и осенне-зимний с частичным отходом населения. Наиболее распространенным являлся первый — осенне-зимний отгон /54, с. 60, Гагатль; 55, с. 9, Хунгия; с. 63, Чох; 55, с. 74, Вачи; с. 77-78, Вихли; с. 88, Кули; с. 98, Куба; с. 101, Чукна; 56, с. 194, Хубар; 57, с. 95, Касумкент; с. 134, Хпюг; с. 141, Гельхен; с. 145, Усуг; 53, с. 17-18, Мекеги; с. 25, Чирах; с. 62, Гапшима/. Скот отгонялся сразу по возвращении с яйлагов; в пределах сельской округи его оставляли всего на несколько дней, необходимых для подготовки к зимовке, а также для стрижки (не всегда). Наряду с третьим видом (с отходом населения) этот вид имел в XIX в. наиболее промысловый характер, вплоть до того, что в отдельных обществах при больших массах отгоняемого скота на поверку оказывалось, что с отгоном связано лишь небольшое число крупных хозяйств /54, с. 47, Ингердах; с. 49, Карата; с. 65, Годобери; 55, с. 88-89, Кули/. Отличает его и то, что наиболее последовательно он осуществляется лишь в применении к овцам. Причины этого заключаются в большой приспособленности овец к отгону по их биологическим свойствам /407, с. 4, 10; 362, с. 296-297; 370, с. 30/, а также в отсутствии каждодневных или хотя бы периодических потребностей сельчан в овцах. Обязательным условием для осеннего отгона является наличие определенных финансовых резервов в хозяйстве — для аренды пастбищ, для наемного чабана. Средний или бедный скотовладелец не всегда может уйти сам: или смысла нет — слишком мало скота, или возможности нет — хозяйство тре-

бует его присутствия в ауле. Эти особенности осеннего отгона создают объективные предпосылки для концентрации в руках отдельных хозяев больших количеств скота и роста зажиточного хозяйства, базирующегося на кормовых угодьях как своего селения, так и на арендованных в других зонах. При этом зажиточным хозяевам удается, хотя и не везде, эксплуатировать сельские угодья на общих основаниях с другими сельчанами, т.е. бесплатно.

Осенний отгон вырастал, как правило, на базе развитых традиций содержания скота, основывающихся на других формах, в том числе и стационарных. Как уже говорилось, отгон означает именно интенсификацию, приобретение промысловости, он является формой расширения кормовой базы. Но, являясь первоначально отражением попыток этого расширения, этот отгон, сформировавшись, в значительной мере изменяет методы и способы содержания скота, вызывает к жизни новые организационные формы, институты, установления и традиции, видоизменяя таким образом бытовавшие ФС, их сочетания, соотношения.

Одной из таких организационных форм было товарищество по содержанию овец (кош, сюри, серюг, кьарашох, кьан, рива, ривар, бак'и, парак, перек, паран, атар, ятах, уртахъ и др.). Кош существовал, разумеется, и в яйлажном отгоне, но разница между ними существенная. Первичный, яйлажный кош складывается при посредстве общины, с ее помощью, из групп владельцев овец, родственников или жителей квартала; община участвует в определении количества кошей на яйлагах, выборе старших чабанов, комплектовании стада, препровождении его на пастбища и т.д. Кышлажный же кош XIX в. — это товарищество, не связанное с общиной. Группа владельцев или владелец организуют кош исключительно по своему разумению, исходя из своих потребностей и возможностей, на свой страх и риск. Приведем характерный пример. У рутульцев старший чабан или организатор не имел права без санкции общины взять в кош на яйлаги ни одной овцы, особенно из других селений. Тот же старший чабан с тем же кошем (правда, сократившимся) идет на равнину и берет в кош столько угодно овец, хоть с другого конца Дагестана /56, с. 219, Ихрек/, ибо он самостоятельный организатор и равнинные кышлаги не получает от общины, как яйлаги, а арендует сам.

В самой основе организации коша лежит, по-видимому, именно летний (яйлажный) выпас, когда требуется раздельный, но организационно единый выпас овцематок и ягнят, с учетом интересов доения и приготовления сыра, воспроизводства стада, облегчения (коллективизации) тяжелого физического труда по дойке овец, приготовлению сыра, стрижке и пр.

Обычно для организации кышлажного отгона группа хозяев объединяла свой скот, избирала старшего чабана-распорядителя, договаривалась об условиях выпаса и принципах участия в нем каждого из хозяев, условиях распределения молока и сыра (брынзы). Возможна была группа, полностью составленная из владельцев овец, как правило бедных (ино-

гда число владельцев достигало ста), но руководящую роль в ней играл наиболее крупный владелец или чабан-профессионал. Другой вариант: наем группой владельцев чабанов или старшего чабана, который сам комплекзует обслуживающий персонал. Третий вариант: группу комплекзует крупный владелец с присоединением овец других хозяев до "наполнения" коша. Четвертый вариант: кош полностью комплектуется крупным барановодом; все овцы его и все чабаны наняты им (такой вариант особенно характерен для второй половины XIX в.) /54, с. 13, Аргвани; с. 18, Ингиши; с. 20, Хуштада; с. 26, Квананда; с. 30, Тинди; 56, с. 211, Лучек; с. 228, Ялак; 57, с. 19, Утамыш; с. 49, Гуми; с. 120, Зильдик; с. 134, Хпюг; с. 153, Амух; с. 132, Кабир; с. 137, Шимихюр; с. 141, Гельхен/.

Если в яйлажном коше преобладали кровнородственные традиции, а особенно демократические устои сельской общины с их суровой последовательностью и непримиримостью, то в кышлажном господствуют отношения чисто экономического и даже капиталистического характера.

В литературе иногда смешивались функции старшего чабана и самого крупного владельца скота коша. Очевидно, что при зарождении кош был более демократичен и организационные функции в нем выполнял просто наиболее опытный в чабанском деле член коша. Но наиболее опытными оказывались нередко и наиболее крупные владельцы овец (хубчав, хочо — ав., дарг., лак). В XIX в. в части обществ хубчав исполнял и обязанности старшего чабана — это еще продолжается развитие демократического принципа организации. Но со временем хубчав оставляет за собой только общие — организационные и экономические — вопросы (наем, аренда), а все остальное, повседневное практическое руководство передает старшему чабану (удаман — ав., дарг., кум., хула букIун — дарг., серкер — лезг., таб., агул., рутул., бакIистави — цахур. и др.). Например, в сел. Губден с развитыми овцеводческими традициями крупный овцевод-организатор назывался "цIала хулаI" (старший огня, очага) = "хубчав", а старший чабан — "хула, букIун", "удаман". Организатор поставлял для коша ослов, котел, бочку для воды, дрова, и за все это ему полагалась внеочередная дойка овец на сыр /51, с. 64; 53, с. 117, 121-122/, а в большинстве обществ — и бесплатный выпас ста его овец /56, с. 221, Смугул/.

Неудивительно, что постепенно, с ослаблением роли кровнородственных и сельскообщинных отношений и традиций, кош как товарищество родичей или общинников квартала стал лишь формой для образования промыслового объединения с наёмом группы чабанов для отдельных крупных владельцев. Вот эту-то группу и возглавлял удаман (серкер), он был вроде технического распорядителя, хотя, разумеется, это положение давало ему определенные преимущества и экономические выгоды. Но его нельзя смешивать с владельцем-хубчавом. Например, у цахуров серкером назывался не старший чабан, а один из чабанов, в функции которого входило запоминание и определение принадлежности

ягнят маткам /56, с. 213, Цахур/. Ясно, что институт серкерства, удаманства — результат выделения зажиточной верхушки; это явление позднее, следующее за институтом "организаторства" (хубчавства).

Что касается самой структуры коша, то многое зависело от сезона, условий выпаса, степени развития овцеводческих традиций. Количество входящих в кош овец было самым разнообразным — от 500 до 4,5 тыс. Главными, определяющими в этом были размеры урочища и ландшафтно-климатические условия выпаса. Так, например, в сел. Микрах небольшую величину коша объясняют частыми густыми туманами, которые не позволяли пасти большие отары /56, с. 225/, а так как кош — это единый комплекс нескольких отар (трех или четырех — матки, валухи, ягнята, баранчики и ярки, по одной для каждой категории), то соответственно уменьшается и величина коша. Наибольшая величина — 4,5 тыс. голов — названа только в одном случае, причем с оговоркой, что это — максимум. Сосредоточивать в одном коше больше овец, если даже позволяют величина и кормовая емкость урочища, не представляется возможным, так как невозможно держать в одном месте и обслуживать большее количество маток /55, с. 63, Чох/, а они составляли до 60-70% стада.

Вот какое распределение было, например, в высокогорном сел. Ириб в коше на 3 тыс. овец: 1700 маток, 500 баранчиков, 500 ярков, 300 валухов и производителей /56, с. 208/. В сел. Хосрех в коше насчитывалось 2 тыс. овец /55, с. 86/, в сел. Кули — 1-3 тыс., в сел. Кандик — от 800 до 1500, в сел. Рича — 1000-1500 /55, с. 88; 57, с. 117, с. 150/. В сел. Лучек из 2 тыс. овец коша матки составляли 1200, ягнята этого года — 400-500, ярки и баранчики (однолетки) — 200-300, бараны — 60-150. В сел. Ихрек в коше из 2 тыс. овец было не менее 1500 маток и не более 4 производителей на 100 маток (это осенью, перед отгоном). В сел. Смугул в коше из 4 тыс. с лишним овец было 2 тыс. маток, 500 ярков, 40 производителей, около 1500 ягнят, 80 баранчиков. В сел. Хнов в коше на 1 тыс. с лишним овец было 400 маток, 200 ярков, 400 ягнят, 16-20 производителей /56, с. 211, 216, 221, 224/. В сел. Гуми также было 1,5 тыс. маток на 2 тыс. овец коша и соблюдался принцип — маток не трогать (на убой, обмен) ни при каких обстоятельствах /57, с. 50, Гуми/. Подобные примеры можно продолжить /55, с. 51, Мокок; 56, с. 205, Гилиц; 57, с. 123, Хурцатиль; с. 136, Хпюг; с. 138, Шимихюр; с. 146, Усуг/.

В отдельных обществах организовывались более профилированные коши — бараны и матки отдельно, ярки и баранчики отдельно. Но указанные выше интересы комплексности овцеводческого хозяйства, и в частности передвижение из одной категории в другую, приводили к тому, что коши собирались или в одном месте, или в соседствующих урочищах /57, с. 134, Хпюг; с. 147, Гоа/.

В зависимости от обстоятельств оговаривались и некоторые особые условия организации и функционирования кошей. Так, например, у дидойцев при отгоне коша в Грузию

овцы остающихся владельцев уводились за половину приплода /55, с. 46, Бежта/. В центральном Дагестане в одном из крупнейших центров овцеводства, сел. Чох, каждый участник коша, имевший 300 овец, обязан был выставить одного чабана (или дать плату на одного чабана) и сопровождающего на период перегона /55, с. 63/. В обществе Ахтыпара в групповом коше владельцы, имевшие менее 100 голов, становились чабанами, а тот, кто имел больше всех овец, автоматически становился серкером-организатором /56, с. 221, Смугул/. В сел. Хнов невозможность собственного участия в выпасе можно было компенсировать баранами, которыми оплачивался наем чабана /56, с. 223/. У предгорных лезгин чабан был, собственно, только один; он формировал одну отару-кош, остальные же владельцы ходили ему помогать, пропорционально количеству своих овец. И этот один чабан также назывался серкер /57, с. 107, Хпюк/, что свидетельствует в пользу суждения о позднем становлении серкерства в социальном смысле.

В агульском селении Хпюг чабан просил владельцев пригласить ему в помощь их сыновей на период окота, и тот, кто посылал сына на это время, платил ему уже в половинном размере /57, с. 136/.

В литературе кош — достаточно разработанная проблема, описание и исследование его, той или иной степени полноты, имеется на примере многих народов и регионов. К сожалению, его часто связывают с кочевыми или полукочевыми ФС, быта, хотя на самом деле это в первую очередь товарищество оседлых скотоводов, призванное разрешать трудности, связанные с недостатком кормовой базы в своей округе, без ущерба для земледельческого хозяйства и оседлого быта. Кош нельзя рассматривать как пережиток родоплеменного хозяйства и быта или общей собственности на скот.

Одним из первых в кавказоведческой литературе описал кош (курд. оба) С.А.Егназаров. Он назвал его небольшой временной общиной скотовладельцев, которая составляет перед летней перекочевкой, но при некоторых условиях может сохраниться и на зимний период /226, с. 18-19/. Этот принцип объединения владельцев скота в "оба", независимо от родственных отношений, подтвердила и советский исследователь Т.Ф.Аристова. Она находит два вида "оба": первый составляет на основе равенства членов (джолов), второй образуется принятием крупным владельцем овец членов "оба" в свое стадо /92, с. 56/.

Ю.И.Мкртумян на примере армянской деревни предложил несколько иную классификацию форм сообществ скотовладельцев: 1) из ближайших родственников; 2) из общинников, не обязательно родственников; 3) присоединение ряда маломощных хозяйств со своим скотом к стаду богача в обмен на иные услуги. Автор подчеркивает немалую роль принципа объединения родственников. Он считает, что на сезонных пастбищах родственные отношения "играли еще видную роль" и что "в этом одна из причин живучести традиций азговых (родственных) отношений в районах, где население

практиковало отгонную систему скотоводства" /341, с. 17-18/.

Менее удачной представляется нам классификация Э.М.Карпетян, которая делит сообщества на родственные (азговые), соседские и имущественные /249, с. 126, 130-132, 134-135/. В основе объединения двух последних лежит имущественный принцип, только в первом случае преобладают кооперативные начала объединенных равных имуществ (количеств овец), во втором — майоратные начала неравных имуществ. Общепринятая классификация (по признаку образования) представляется нам предпочтительной.

В.М.Шамиладзе считает коши — тушинский "монареоба", мегрельский "окатури", абхазский "агу", карачаево-балкарский "кош" — в начале XIX в. территориально-соседскими, но генетически родственными объединениями /470, с. 246-247/. В институте монареоба нашла воплощение, по мнению автора, экономическая и организационная сторона управления трудным делом отгонного скотоводства. Участники в нем могут быть и с равным количеством овец, бывали коши и одного крупного владельца, как полностью укомплектованные его овцами и наемными чабанами, так и дополняемые мелкими владельцами (до 100 голов), "которые считались пастухами и со своими овцами присоединялись к самостоятельным овцеводам" /470, с. 147, 179/. Был в сообществах и принцип избрания более опытного руководителем монареоба, его называли "сарклоба" (от "саркар"?).

Таким образом, грузинский материал, как и абхазский /106, с. 77, 79-80, 89; 225, с. 210-211/, ближе к дагестанскому. Считаю необходимым сделать одно небольшое пояснение. Кош, монареоба, генетически мог быть родственным сообществом, но организация отгонного кошевого скотоводства в XIX в. происходила на определенном уровне хозяйственно-общественного и политического развития при оседлом комплексном хозяйстве, сельской общине и известной зрелости политического устройства. Поэтому, признавая большую возможность того, что в генезисе коша преобладали родственные начала, мы должны учитывать, что речь идет о родственных началах вторичного характера, складывающихся уже в рамках сельской общины.

Из северокавказских народов наибольшее внимание уделялось кошу карачаевцев (кстати, тюркское наименование сообщества "кош", как и "саркар", проникло во многие языки Кавказа). Правильно определив их как "артельные формы хозяйствования" (И.Зефирова), "системы организации, формы и методы ведения хозяйства", указав на заложенные в них возможности хищнической эксплуатации бедноты (И.Тамбиев, И.Шаманов), исследователи, однако, преувеличили роль семейных, родственных начал в их генезисе и в видовой классификации отразили в основном только родственную и отчасти социальную проблематику, включая и оборонительный фактор /216, с. 127; 433; с. 33, 36; 468, с. 85-87; 250, с. 62/.

В связи с последним хотелось бы сделать одно пояснение. Кош состоял из 4-7 владельцев (или чабанов); такое количество при любой степени вооруженности не представ-

ляло реальной военной силы на чужих землях, в чужом окружении. Во всяком случае, отгонное скотоводство Дагестана со всей очевидностью показывает, что защитой отгонным скотоводам служили не 5-6 их кинжалов и ружей, а взаимность отгона, суровые нормы адата. Поэтому вряд ли будет правильным приписывать оборонительные функции кошу, особенно летнему, когда он преимущественно находился на своих сельских землях. Можно говорить, скажем, о его защитных функциях против, например, волков или отдельных бандитов, или шаек, стоящих вне закона.

В черкесском коше И.Х.Калмыков выделяет родственный и соседский типы, причем более демократичным он считает родственный, а в соседском, по его мнению, "принципы демократизма нарушались чаще всего" /240, с. 76-78/. Под соседским подразумевается, по-видимому, кош, организованный крупным скотовладельцем с присоединением к нему мелких. Если же в кош вошли хозяева с равным количеством скота, то соседский окажется более демократичным, а родственный, с одним крупным владельцем, что бывало очень часто, — одним из самых "хищнических" (ср. /312, с. 30-32/. Примерно то же говорится об осетинах: мелкий владелец скота шел к крупному наемным пастухом и присоединял свой скот к его стаду /281, с. 302/. В Ингушетии также отмечены два основных вида коша: созданный несколькими владельцами и одним крупным владельцем /158, с. 22/.

Сходные товарищества мы находим и в европейских горных странах. Так, очень напоминает дагестанский кош румынская "тырла". Не родственные, но в прошлом являвшиеся таковыми, с главой-тырлашем, напоминающим дагестанского хубчава, и его заместителем-скутарем, постоянно находящимся в коше /138, с. 13; 137, с. 88-89/, — это дагестанский удаман, серкер. Венгерский исследователь Л.Фольдеш считает "эрстену", товарищество карпатских чеклеров, подобной румынской "тырле" /504, с. 285/. Болгарский исследователь В.Маринов также пишет о "пастушеских фамильных товариществах" (овчарска задруга) у каракачанов Болгарии. Его глава "челник" также очень напоминает по своему положению и функциям дагестанского хубчава /519, с. 147/.

Таким образом, сообщество скотовладельцев в XIX в., хотя и носит следы былого родственного характера, является чисто хозяйственным, экономическим институтом, в котором чем позже, тем в большей степени растет роль крупных скотовладельцев и соответственно наемных чабанов.

Остановимся коротко на условиях найма и оплаты чабанов. В Дагестане было распространено поверье, что чабаны из-за тяжелой жизни в этом мире после смерти попадут в рай. Тем не менее профессия чабана была престижной — не в пример пастуху сельского стада. Объяснялось это и наличием профессионализма, и уважением к тяжелому труду, и тем обстоятельством, что чабан в отличие от пастуха часто пас своих овец и самостоятельно, и как участник коша, и как наемный профессионал. Нанимались чабаны обычно на год или на сезон (один отгон). Бывали, разумеется, и такие, и немало, которые много лет оставались

в одном коше или у одного хозяина, но и в этом случае условия действовали только год или сезон (последнее чаще в тех случаях, когда отгон совершался только на яйлаги). Так, например, раздельный наем и на лето, и на зиму или только на лето зафиксирован нами в обществах Тинди, Багулал, Карата, Хунз, Цунта-Ахвах, Глейсерух, Батлух, Шуратль, Каттаган, Рича и др. /54, с. 22, Тисси; с. 26, Кванада; с. 33, Анчих; с. 39, Токита; с. 45, Тад-Магитль; с. 50, Карата; с. 55, Кудиябросо; 55, с. 10, Хунгия; с. 34, Нижн. Батлух; с. 41, Кидеро; 56, с. 207, Ириб; 57, с. 140-141, Гельхен; с. 149, Рича/.

Оплата чабана делилась на основную и дополнительную. Последняя была обусловлена спецификой труда чабана, по долгу отрывавшего его от хозяйства, семьи, что лишало его возможности удовлетворения личных насущных потребностей. Поэтому везде чабану полагались также питание и рабочая одежда, обувь. Подобная система оплаты была характерна для большинства народов начиная с древнейших времен, например "наемная плата", "пропитание" и "выдача шерсти" в древней Месопотамии /265, с. 96/. Основная плата, "полный харч" и одежда зафиксированы у кабардинцев, ингушей, армян и других народов Кавказа /389, с. 26, 456, с. 173; 215, с. 99-100/. В среднем чабан коша получал 10 овец в год, причем падеж скота высчитывался с него; говоря словами древних, "если он будет небрежен, он теряет свою наемную плату" /265, с. 96/. Оплата производилась в зависимости от величины отары, мастерства чабана, занимаемого им положения (старший чабан, чабан, младший чабан) и т.п. Кроме того, в ней наблюдаются зональные, районные особенности. В местах с относительно слабо развитым овцеводством нагорной части оплата была меньше — 5-6, максимум 10 овец в год; в то же время в богатых предгорных аулах, характеризующихся многоотраслевым хозяйством без преобладания овцеводства, оплата была больше — 8-13 овец; наибольшей была оплата в нагорной части, отличающейся сильно развитым овцеводством, — от 12 (Сюргинский участок) до 25 (Самурский округ) овец в год.

Приведем некоторые примеры; в нижнепредгорном селе Губден чабану давали за год работы 15-18 овец в зависимости от величины отары и квалификации чабана, в предгорном Кайтаге (общество Каттаган) — 12 овцематок с приплодом /52, с. 22; 53, с. 45, Шиляги; 55, с. 10, Хунгия/. По горной части можно привести такие примеры; сел. Батлаич — 6 маток и бярок в год; сел. Ирганай — 12 овец или коз (в зависимости от состава стада); сел. Чох — 10-15 маток, из них половина вперед; сел. Мекеги — 8-10 маток с приплодом и т.д. /54, с. 70, 80; 55, с. 65; 53, с. 19-21/. В высокогорье: сел. Вачи, Хпюг — 12 баранов или маток без приплода; сел. Вихли — 8 овец; сел. Ириб — 4 барана за лето, 6 — за зиму; сел. Гельхен — 6 баранов за лето; сел. Амух — 15 овец за год; сел. Дебгаш — 9-10 ярок (хорошему чабану на выбор) в год и т.д. /55, с. 75, 78; 57, с. 136, 140-141, 153; 56, с. 206; 53, с. 89-90/.

Очень характерно, что в основную плату чабана входило

ло и зерно, причем не в богатых зерном местах, а в центральном горном Дагестане. Например, в сел. Местерух, Ингердах, Карата труд чабана оплачивался только зерном, в сел. Токита наряду со скотом полагалась мерка муки; в сел. Тад-Магитль — 1 овца и 1 мера зерна с 50 овец за лето; в сел. Сиух, Ирганай, Кудиябросо, Нижн. Батлук, Гинта, Нахики и др. — то же с 25 овец /54, с. 35, 40, 45, 55. 74, 80; 55, с. 34; 53, с. 73, 104/.

Во многих обществах оплата была более дифференцированной, предусматривавшей сезон выпаса, его срок, количество овец, опыт чабана и иные факторы. Например, в сел. Чирката оплата труда производилась из расчета 1 мерка за выпас 20 овец в год; в сел. Анчих 1 овцу давали уже за 30 овец, но только за лето; в сел. Токита — так же, а за зиму — матку с приплодом за выпас 60 овец; в сел. Карата чабану давали малую мерку зерна с каждой овцы за лето; в сел. Гагатли давали 10 маток с приплодом с 200 овец за год, причем чабан имел право выбрать маток заранее; в сел. Гимры — 5 баранов со 100 гол. в год; в сел. Нижн. Батлук за лето с 20 овец — 1 баранчика, с 40 — двухлетнего барана, с 60 — матку с приплодом; в сел. Тлядал за 5 дней выпаса — козленка, за 10 дней — ягненка, за месяц — барана или овцематку (на выбор); в сел. Кидеро за лето — 1 ягненка с 40 взрослых овец; в сел. Тляра за отару в 300 гол. — 2 барана в месяц; в сел. Куба — по овце в месяц; в сел. Нижн. Дженгутай и Усиша с 10 овец — козленка, с 20 — ягненка, с 50 — ярочку или баранчика; в сел. Лучек — по барану в месяц, но при перегоне в Азербайджан с января месяца — уже матку с ягненком; в сел. Смугул — 5 овец со 100 гол. за сезон; в сел. Хуриг — 3 малые меры зерна со взрослых овец, кроме дойных: за них не платили, так как чабану оставляли молоко; в сел. Чирах — 1 овцу за 100 овец в год; в сел. Гинта — 3 баранчиков и меру зерна за 10 овец за зиму и т.д. /54, с. 16, 33, 39, 50, 60, 83; 55, с. 34, 36, 41, 83, 99; 56, с. 200, 211, 221; 53, с. 26, 73, 100; 57, с. 51/.

Характерное явление: и объединившиеся владельцы скота, и крупные собственники проявляли известную щедрость в выделении продуктов питания для чабанов. При суровой, бедной жизни горцев тех времен поражают нормы питания, принятые для чабана. Даже известные своей жадностью и скупостью барановоды не осмеливались в этом случае отступить от традиции. И чабаны сами не допускали проявления скупости. В сел. Мекеги, например, если хубчав (владелец) был жадный, при наполнении очередной мерки мукой для чабанов муку приминали, и хубчав вынужден был терпеть это /53, с. 121/. В сел. Карата чабану полагалось в день пригоршня муки, кусок курдюка в 100–200 г. и мясо от случайного, вынужденного убоя (если отара была близко от дома, туша шла хозяину вместе с овчиной, чабану — остальное; если далеко, не в своих горах, все мясо доставалось чабану /54, с. 52/.

Формы и размеры выделения продуктов на питание чабана были самые разнообразные: в сел. Хунгия в Кайтаге на пи-

тание выделялся один баран с каждых 100 гол. скота хозяина; в сел. Тлядал с каждой вынужденно зарезанной овцы чабанам полагались передняя нога и внутренности /55, с. 10/. В сел. Чох помимо основной платы чабанам коша полагалось: зарезать двух баранов в горах и двух — на равнине, кукурузная мука по потребности, мясо на дорогу, 4 пары чарыков каждому в год, бурка, шуба и даже отпуск в 20 дней /55, с. 65/. Происхождение отпуска объясняется особенностями полного отгонного скотоводства (трансманса): при отводе овец и в горы, и на равнину одним кошом чабаны круглый год оказывались оторванными от семьи, не считая коротких остановок в ауле при перегонах и отлучек с яйлагов. Это создавало известные затруднения при найме чабанов на такой срок, и поэтому был найден выход в виде этого своеобразного отпуска.

Чарыки, бурка (или шерсть) были обязательны везде. В сел. Муги, например, чабан стриг для себя одну из 70 овец, в сел. Дебгаша, Куба давали 3 ратала (1 ратал — 5–6 фунтов) шерсти каждому, в сел. Уркарах — даже 9, причем предполагалось, что шерсть предназначается и на бурку, и на одежду /53, с. 49, 94, 89–90; 55, с. 99/. В сел. Мекеги на зимних пастбищах на питание чабанов шел один баран с каждых 40, на летних каждому чабану добавлялась матка с ягненком. Очередной хозяин в день прихода на кош за сыром обязан был привезти 8 больших хлебов и бурдюк бузы. При перегоне овец чабанов останавливали в родном ауле и устраивали для них обильное угощение, длившееся несколько дней (на это время другие люди уводили овец в горы и ждали там прибытия чабанов) /53, с. 19–21/. В сел. Нахики каждый чабан помимо двух мер муки обязательно должен был получать 1 ратал мяса, а в сел. Дебгаша за лето число зарезанных баранов доходило до 12 на кош, чего вполне хватало на питание. Такое количество было результатом того, что каждый владелец овец коша в день, когда согласно очередности овец коша доили в его пользу (и делали сыр), резал для чабанов барана /53, с. 104, с. 89–90/. В сел. Нижн. Мулебки, Урахи, Верхн. Мулебки, Муги был другой принцип: владельцы скота договаривались между собой о минимуме питания, затем старший чабан выводил на убой своего барана (престижно было вывести лучшего). Остальные владельцы старались не отстать от него. Таким образом, на чабанов коша (5–7 человек) получалось по 10–15 баранов. Их в первые дни зимовки резали каждый день и, провялив, оставляли на зиму /52, с. 42/.

В порядке оплаты чабанов и их питания существовали и определенные отклонения. Например, если наемный чабан имел в коше своих овец, количество которых приближалось к нижнему уставному (к 10, 20 и далее), то платили ему

* В.П.Христианович приводит 5 примеров оплаты труда чабана из разных селений Ингушетии, и в каждом имеются помимо основной платы, в овцах или зерне, также шубы, накидки, смены белья, шерсть, а также дополнительно бараны, мука, молоко на пропитание, деньги на продовольствие и пр. /456, с. 173/.

меньше, скажем вместо 10 — 6-7 баранов /54, с. 26, Квананада/. В обществе Вицхи, если у чабана в коше имелось до 150 овец, плата ему снижалась наполовину, ибо нормой для отары в зимних условиях считалось поголовье в 300 овец /55, с. 101, Чукна, Куркли; 56, с. 221, Смугул/. В сел. Лучек чабанам давали право дойки в свою пользу овец в течение 1-2 дней, в сел. Дебгаша — такое же право дойки имевшихся в коше коров, а в сел. Уркарах тем из чабанов, которые не могли доить овец, плата снижалась наполовину /56, с. 211; 53, с. 89-90/.

Таким образом, если условия труда и быта чабанов в XIX в. можно назвать сверхтрудными, то относительно оплаты и особенно питания можно употребить определение "сносные". И дело тут было не в том, что тяжелый труд требовал соответствующей оплаты, а в особенностях профессии чабана, их известной самостоятельности, возможности легко менять место работы (во всех случаях они были оторваны от домашнего очага и семьи), наличии между ними постоянных контактов на всех уровнях (межаульном, межрайонном, межэтническом и пр.) и вытекающей отсюда профессиональной сплоченности.

КЫШЛАЖНАЯ ФОРМА С ЧАСТИЧНЫМ ОТХОДОМ НАСЕЛЕНИЯ

Эта форма бытовала в обществах южного и западного высокогорья (в Самурском, Гунибском и Андийском округах), в которых имела место практика отгона значительных количеств скота, особенно КРС, на зимние пастбища низменностей Азербайджана и Грузии /174, с. 81; 175, с. 123, 127; 116, с. 291; 228, с. 325, 335; 205, с. 218-219; 210, с. 32, 67; 143, т. I, с. 14; 103, с. 308; 104, с. 260; 164, с. 13, 16, 17; 199, с. 4/.

Отметим, что в этих обществах, характеризовавшихся большим удельным весом отгоняемого в Закавказье скота, был незначителен вес содержавшегося в хозяйстве КРС. Так, например, в наиболее выделяющихся отгоном скота в Закавказье селениях Самурского округа в конце XIX в. удельный вес КРС составлял (в переводе всех видов скота на КРС): в сел. Джигджиг — 21%, Ухул — 20, Куруш — 13% (Докузпаринский участок), Маза — 20%, Кочах — 18, Миджах — 16, Гдым — 15, Хал и Смугул — 11, Хнов — 10, Фий — 8, Борч — 4% (Ахтыпаринский участок), Мишлеш — 26, Джиних — 22, Кальял — 21, Муслах — 17, Гельмец — 14, Мичих — 11, Цахур — 9% (Лучекский участок) и т.д. /23, с. 208-211/. В селениях Гунибского и Андийского округов удельный вес КРС был выше (30-40%), но здесь имелась развитая сеть зимних хуторов для содержания КРС /319, с. 452-454, 460/ и поэтому отгон КРС был незначителен.

Поскольку описываемая форма отгонного скотоводства в исследованиях и источниках часто признается за полукочевое и даже кочевое скотоводство, рассмотрим подробнее весь комплекс вопросов, связанных с отгоном скота и отходом населения на кышлаги, чтобы выяснить, кочевое это скотоводство или отгонное. В зависимости от зимней кор-

мовой базы на месте, а именно возможностей заготовления кормов и зимнего выпаса на южных экспозициях и соответственного развития хуторской системы зимнего содержания скота, а также состояния земледелия, практиковались разные виды отгона скота. Во всех них основополагающим являлся отгон в Закавказье овец посредством организации кошей. Наиболее простой вид отгона — отгон кошей овец одними чабанами, без сопровождающих людей, в том числе и владельцев, а также без других видов отгоняемого скота (кроме необходимых для транспортных нужд), т.е. это простая осенне-зимняя форма. Об отгоне зимой именно овец и выпасе их в "Кахетинской долине" анцухцами, капучинцами, гунзибцами и дидойцами (Анцухо-Капучинский и Дидойский участки) говорит И.А. Гильденштедт, бывший здесь во второй половине XVIII в. /175, с. 123, 127/. Об "обширных стадах баранов", выпасаемых "на полуденном скате Кавказа" жителями Антль-Ратля, упоминает А.Берже /104, с. 260/. О том, что "на зиму значительная часть дидойцев "остаётся дома", а "вместе с барантоу" уходит лишь небольшая его часть, свидетельствует Н.И. Воронов /143, т. I, с. 14/, Г.Бехкер применительно к Самурскому округу также говорит о перегоне в Азербайджан именно овечьих стад /210, с. 32/.

Столетний потомственный чабан Али Гусейнов (общество Анцросо), все предки которого тоже были чабанами, утверждает, что в обществах Анцросо, Джурмут, Анцух, Тланада и др. за хребет ввели только овец и сопровождали отары только чабаны. Из сел. Ихрек, Цахур также уводились только овцы, и с ними уходили только чабаны /55, с. 54, Кутлаб; 56, с. 213, с. 215/. Таким образом, во всех этих случаях мы имеем дело с обычным кышлажным отгоном овец на равнинные зимние пастбища.

Обратимся теперь к особенностям, сопутствующим этому отгону скота, которые дали повод для определения этой ФС как кочевой. Выражались они главным образом в разных видах сопутствующего отгону скота отхода населения. Рассмотрим эти виды частичного отхода населения.

Первый вид: после формирования кошей из селения уходит и часть мужского населения, в их числе и мелкие владельцы овец кошей, отгоняемых на зимние пастбища. Но эти люди уходят не со скотом, не в составе кошей, а на заработки, как отходники. Они не участвуют в содержании скота на зимних пастбищах — для этого имеется функционирующий кош. Поэтому по прибытии на место они разбредаются в поисках заработков и работают поденными (а если повезет — сезонными) работниками, каменщиками, плотниками, подсобниками, возят дрова из лесу и т.п. Часть из них собирается к кошам своих или соседних селений в страдную для чабанов пору (стрижка, окот). О.Евещкий пишет, что у анцухцев, капучинцев и дидойцев в начале XIX в. "бедные для снискания себе пропитания ходят на заработки в Кахетию и Чаро-Белокаанскую область" /205, с. 218-219/. Н.И. Воронов также говорит о бедняках-дидойцах, отправляющихся в Тушети "для выделывания деревянной утвари"

/143, т. I, с. 14/. К.Ф.Ган свидетельствует о жителях сел. Ихир, отправляющихся в Нухинский и Арешский уезды, "где слесарными работами и шитьем тулупов и шуб зарабатывают себе деньги на пропитание своих семейств" /161, с. 16/.

В обществе Ухнада, например, большая часть овец содержалась зимой на южных экспозициях, но подавляющая часть мужского населения отправлялась на заработки в Азербайджан. С той незначительной частью овец, отгоняемой туда же, всем этим отходникам буквально было бы нечего делать. Такое же положение было в части селений обществ Капуча, Таш, Кос, Томс, Анцросо, Тлебель, Тлейсерух. Особенно убедителен пример части селений последнего (например, Ириб, Гириб), в которых коши овец уводились на Прикаспийскую низменность Дагестана, а население уходило на заработки в Азербайджан /56, с. 206, Ириб/. Другая сторона этой проблемы: из большей части селений ряда обществ (Шуратль, Бохнада, Ухнада, Таш, Рутул, Ахтыпара, Ихрек) вообще не отгоняли скот в Закавказье, а отход населения туда был очень развит /55, с. 54, Кутлаб; с. 42, Кидеро; с. 51, Мокок, с. 55, Гиндух, с. 84, Цумелух; 56, с. 206, Ириб, с. 216, Ихрек, с. 228, Ялак; 228, с. 325-326/.

Таким образом, отход части населения вместе или вслед за скотом в большинстве случаев только создает иллюзию, что население покидает свое постоянное место жительства для ухода за скотом на зимних пастбищах, что в отдельных случаях не исключалось.

Второй вид: вслед за кошами овец уходит в Закавказье не только мужское население, но и целые семьи с частью остального скота (или со всем остальным скотом). Это, собственно, и есть кышлажная форма с частичным отходом населения. Цель отхода — заработок и потребление продуктов на месте из-за трудности их доставки в аул. Этот вид характерен для всех обществ Западного и Южного Дагестана, экономически тесно связанных с Закавказьем. В отдельных обществах удельный вес таких отходников составляет четверть всех хозяйств (например, общества Тлейсерух, Ухнада, Рутул и др.). Трудность доставки зерна, особенно для беднейшей части населения, при невыгодности закупки в родных местах на заработанные в Закавказье деньги послужила одной из главных причин большого удельного веса отхода населения целыми семьями.

В большинстве источников конца XIX — начала XX в. преувеличивают удельный вес второго вида отхода — отхода семьями, сопутствующего отгону скота; точнее, многие не отличают его от видов нескотоводческого отхода. Так, в очерке "Дагестанская область в 1891 г." указывается, что из нагорных селений Самурского округа "отправляется со стадами на зимние пастбища Закавказья 6 тыс. семейств (до 40 тыс. душ), а из Анцухо-Капучинского и Бохнадальского участков — 13 тыс. населения" /190, с. 154/. В 1902 г. К.В.Ган тоже говорит о 6 тыс. семейств помимо 12 600 "отдельных лиц", идущих на заработки /161, с. 13/, т.е. эти последние идут не со стадами и не с семьями. "Отдельные лица" — это все поголовно мужчины, ибо женщины так не

уходили. Иными словами, в Самурском округе удельный вес хозяйств, из которых уходят "отдельные лица", а не население "со стадами", во всяком случае, не уступает удельному весу хозяйств, уходящих целыми семьями и "со стадами". Более того, как указывалось в "Обзоре Дагестанской области" за 1913 г., в Самурском округе селений, в которых "барановоды на зиму в полном составе сельских обществ перекочевывают", было 14 в Луческом участке (из 41), 4 в Ахтыпаринском (из 23, это — сел. Смугул, Фий, Борч, Хнов), одно в Докузпаринском (из 16, это — Куруш) /25 за 1913 г., с. 18-19/. Удельный вес хозяйств этих селений составлял: в Луческом участке — около 40%, в Ахтыпаринском — 25, Докузпаринском — 10%, в целом по Самурскому округу — 28% всех хозяйств /23, с. 208-211/.

Если же для уяснения вопроса привлечь дополнительно полевой материал, то тезис о том, что уход (отход) населения без стад имел большое распространение и значительный удельный вес и соответственно уход "со стадами" целыми семьями не был господствующим, получает новые подтверждения. Информаторы, в большинстве своем бывшие участники или свидетели ухода населения в Закавказье, также не подтверждают поголовного ухода населения семьями со стадами. И здесь нет никакого престижного момента, который мог бы помешать искренности информаторов: уйти с собственным скотом не менее престижно (если не более), чем пойти в поденные работники или подсобники. Так, например, из сел. Хнов, входящего в число селений с наиболее развитым отгоном скота и отходом населения ("в полном составе сельских обществ"), полными семьями со стадами уходила, как утверждают старожилы, треть хозяйств аула, остальные же были отправившимися на заработки отходниками разнообразных профилей. В сел. Ихрек, Лучек, Цахур главная цель ухода, в том числе целыми семьями и со скотом (после ухода кошей), — тоже заработки. В сел. Микрах на вопрос об уходе целыми семьями отвечали: "А зачем?" Действительно, во всех селениях, где было развито ковроткачество (Микрах, Ахты, Маза, Хрюк, Каладжух, Кара-Кюре, Мака и др.), ухода целыми семьями не наблюдалось /56, с. 212, 214, 215, 223-225/.

В связи с этим интересно привлечь данные источников об отхожем промысле в Дагестане. В "Обзоре Дагестанской области" за 1892 г., в разделе "Отхожий промысел", в графе "Отправлявшиеся на заработки по округам", указаны по Самурскому округу 6395 семейств с общим числом в 30455 человек. И это несмотря на то, что выше об этом населении, названном даже "кочевниками", говорится, что оно почти поголовно перекочевывает со своим скотом в смежные губернии Закавказья на зимние пастбища /25 за 1892 г., с. 43/. В "Обзоре" за 1913 г. после приведения данных об отходниках говорится: "Кроме этих лиц, отправлявшихся на заработки в одиночку", есть перекочевывающие "целыми семьями и со своим скотом", и по Самурскому округу таких семей указано 5000 (16 000 душ) /25 за 1913 г., с. 20/. Характерна эта цифра — 16 тыс. душ. Во-первых, она намного мень-

ше цифры отходников-"одинок", и, во-вторых, средняя численность семьи в округе в то время была 5-6 человек /23, с. 18-19, 210-211/. Следовательно, в число 5 тыс. семей или включены "одинокы" (чабаны, отходники), или же эти семьи уходили вовсе не в полном составе, а частично, т.е. для заработков.

Однако информаторы, как и многие источники, подтверждают бытование традиции массового ухода со скотом целыми семьями в целом ряде селений, в особенности в упомянутых 19 селениях Самурского округа, группе селений анцухо-капучинцев и дидойцев /56, с. 220-221, Смугул; 55, с. 36, Тлядал/. В связи с этим обратим внимание на то, как формулирует источник цель ухода населения "со своими стадами крупного и мелкого скота в соседние губернии": "для пропитания себя и для корма скота" /190, с. 154/. Это подтверждает и современник, побывавший в 1863 г. в сел. Борч, который пишет, что "стада этого населения пасутся зимой на землях Нухинского уезда. В это время сторожившие их пастухи со своими семьями доставляют этому краю сильных и самых дешевых работников" /140/. Уход населения "для пропитания себя" отчетливо прослеживается и в Анцухо-Капучинском, Бохнадальском и Дидойском участках. Так, в обществе Бохнадал уходило свыше половины населения с доящимся скотом — но на заработки; то же делают капучинцы и дидойцы /55, с. 59, Никар/. Об этом же свидетельствует и автор сельскохозяйственного обзора Кавказа С.Заваров, который, указывая на уходящих в Закавказский округ дагестанцев "с барантой и вообще со всем живым домашним скотом", говорит не о пастбищах и выпасах, а о том, что местные жители дают "своим соплеменникам" — пришельцам "работу и приют" /208, с. 222/.

Особенно четко отражен отход населения "для пропитания себя" в прошениях дидойцев царским властям: "Мы и доверители наши спускаемся с гор не для единой пастьбы овец и скота, а преимущественно для прокормления своих семейств, так как урожаи, которые дают наши горские земли, могут прокормить лишь 4-5 месяцев, да и то при хорошем урожае, остальные 5 месяцев мы питаемся в Кахетии, куда спускаемся со своими семействами на заработки" /42, л. 13/. Примерно такое же положение было у рутульцев и особенно у цахуров. Так, в "Обозрении Российских владений за Кавказом" указывается, что "Рутул более зависит от провинции Шекинской", как и Шиназ от владения Елисейского /294, с. 147/ (обратим внимание: из Шиназа совершенно не было при этом отгона скота в Азербайджан) /56, с. 218, Шиназ/.

Рассматриваемые формы отхода скота и людей способствовали сложению своеобразного сдвоенного симбиозного хозяйства: горная часть обеспечивает животноводческой продукцией и рабочей (и военной) силой жителей равнины, а те, в свою очередь, обеспечивают жителей гор зерном и плодами. Эти отношения симбиозного хозяйствования могли сложиться у группы людей разной степени близости: а) членов одной семьи с неразделенным имуществом; б) членов

семьи или ближайших родственников с разделенным имуществом, живущих в разных местах (одни в горах, другие на равнине), но с взаимными хозяйственно-продуктовыми обязательствами; в) кунаков с подобными же обязательствами /65, с. 207/.

Наиболее ярко подобная модель хозяйства представлена у цахуров, в меньшей степени у рутульцев, капучинцев, дидойцев, лезгин Ахтыпаринского участка, бежтинцев. Однако эта модель тоже не может быть признана формой, связанной исключительно с содержанием и обслуживанием скота. По своему характеру она представляет собой как бы хутор, носящий при своем возникновении скотоводческий характер с развитыми отходническо-промысловыми функциями, перерастающий в комплексный земледельческо-животноводческий дочерний отселок, а затем параллельное селение. Но ни в одном из этих этапов сложения и развития этой формы хозяйства невозможно обнаружить признаков кочевничества.

Из сделанного обзора видно, что и в том случае, когда налицо имеется отход населения со всем или большей частью скота, само население, исключая чабанов кошей, занято больше отхожим промыслом, а не уходом за скотом. Удельный вес отхода целыми семьями имеет большой диапазон в зависимости от условий — от нескольких семей (например, сел. Микрах /56, с. 225/) до подавляющего их количества (сел. Куруш, Гельмец, Цахур) /161, с. 17, 67/. Многие авторы преувеличивали удельный вес отхода дагестанских семей в Закавказье еще и потому, что не принимали во внимание уход населения на зимние хутора; например, Н.Я.Динник говорит о почти поголовном уходе населения капучинского селения Тлядал в Тифлисскую губернию /199, с. 14/, между тем немалая его часть переходила зимой вместе со скотом на хутора /55, с. 38, Тлядал/.

Таким образом, отгон скота в Закавказье из высокогорий Южного и Западного Дагестана принял форму кышлажного кошевого отгона, сопровождающегося отходом части мужского населения и определенной части семейств аула вместе с остальными видами скота (частично или полностью) на заработки. Из-за отсутствия точного разграничивающего учета населения, уходящего со скотом, и населения отходническо-промыслового получалось так, что отгон скота как бы сопровождался совместным (скотоводческим) уходом значительного (а из некоторых селений и подавляющего) контингента населения, т.е. все уходящее из аула в осенне-зимний период население (в том числе и особенно мигрирующие отходники, идущие на заработки) почиталось за персонал, обслуживающий отгон скота, хотя таковыми могут считаться только чабаны кошей овец. В силу этого обстоятельства скотоводство этого района было охарактеризовано в литературе как полукошевое или кочевое, а быт, образ жизни населения — соответственно как полукошевой и даже кочевой /192, с. 67; 103, с. 308; 143, т. I, с. 14; 322, с. 581; 25, разделы "Скотоводство"; 161, с. 13; 251, с. 23-24; 472, с. 310; 200, с. 101; 149, с. 5/.

Между тем другие виды скота при отгоне несут или вспомогательную функцию (доящаяся корова, вьючный скот) при чабанах, или ту же сопроводительную, дополнительную функцию при отходниках; наконец, преследуются цели обеспечения кормом этого скота при отходе населения целыми семьями на заработки. В последнем случае (не очень распространенном) увод других (кроме овец) видов скота в каждом конкретном случае связан с возможностями обеспечения скота кормовой базой в самом ауле (наличие заготовленного корма, пригравов) и составом семьи (возможность ее разделения), а также с традициями передачи скота на содержание.

Отметим, что приписываемое этому населению кочевничество предполагает "экстенсивное пастбищное скотоводство в условиях сезонных перекочевков, при котором разведение животных представляет главный вид занятий", единственную форму хозяйства, т.е. способ хозяйства, и "доставляет основную часть средств существования" населению, которое "составляет самостоятельный демосоциальный организм" /316, с. 9-10; 315, с. 272-273; 318, с. 84-85; 317, с. 85; 416, с. 52, 56-57/. Характерно, что Е.Мюллер, резко отделяя от трансюманса "горное кочевничество", считает признаком последнего уход со скотом всего "племени" /521, с. 365/.

Попробуем спроецировать особенности охарактеризованного нами отгона скота и отхода населения на определенное кочевой ФС. При этом мы будем руководствоваться положением ряда советских исследователей об отсутствии принципиальных различий между кочевой и полукочевой ФС, представляющими собой подтипы "одного хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов" /318, с. 84-85; 469, с. 74/.

Относительно таких признаков кочевых скотоводства, как "экстенсивное" и "пастбищное", в применении к рассматриваемой ФС можно сказать, что оно не было ни экстенсивным, ни пастбищным, так как характеризовалось заготовкой кормов по месту основного поселения, сочеталось с земледелием и было с ним в относительном симбиозе, предполагало стойловое содержание части скота, особенно рабочего КРС. Так, в отношении сел. Ахты, которое может считаться типичным для рассматриваемой ФС, указывается, что домашние животные зимой находятся в теплых хлевах и кормятся сеном и саманом /97, с. 147/. То же в отношении лезгин отмечает и этнограф С.С.Агаширинова: "Перегоняли на зимовку в основном овец и лошадей, а КРС (быки, коровы, телята) оставался на зиму в селении в основном на стойловом содержании" /64, с. 35/. О перегоне внутри области и за ее пределы лишь большей части овец и "небольшой части других видов скота" говорит и экономист И.Р.Нахшунов /348, с. 23/.

Относительно скотоводства как "главного вида занятий" и даже "единственной формы хозяйства" следует заметить, что в высокогорье Западного и Южного Дагестана были, конечно, селения и даже целые союзы сельских общин, в которых скотоводство было главным занятием насе-

ления, но не было ни одного селения, в котором оно было бы единственной формой хозяйства. Выше мы приводили прошение дидойцев, в котором они говорят о собственном зерновом обеспечении на 4-5 месяцев, у рутульцев земледелие было еще более развито /65, с. 208/, в союзе Ахтыпара оно сочеталось еще с садоводством /230, с. 118-120/ и лишь у цахуров имело незначительный удельный вес /291, с. 128; 65, с. 205/. К этому надо добавить развитые кустарные промыслы, свойственные оседлому быту, а также развитой отхожий промысел (вспомним: в 1913 г. из Самурского округа ушло 23 189 отходников, из Гунибского — 15 967 /25 за 1913 г., с. 20/). Если учесть, что взрослый отходник зарабатывал в год до 130 руб. и что это равнялось цене 2 лошадей, или 6 быков, или 30 баранов /47, с. 10, Киша; 454, с. 91/, да приплюсовать к этому доход от земледелия и домашних промыслов, окажется, что скотоводство не могло давать основную часть средств существования для большинства жителей этого района. И еще отметим немаловажный факт: у всех дагестанцев основной являлась пища растительного происхождения (в отличие от кочевников) и основным блюдом — мучной хинкал /154, с. 19-20; 330, с. 274/. И последнее (но не по значению): отгон скота специализирован, его основная масса, т.е. овцы, обслуживается только чабанами, которые и осуществляют перегон и содержание скота на пастбищах.

Если бы имело место откочевание населения вместе со скотом (сопровождая его), то оно происходило бы и при отгоне скота из высокогорья на Прикаспийскую низменность. Однако этого не было, и объяснялось это тем, что Прикаспийская низменность с ее невозделанными обширными степями не могла служить объектом приложения рабочих рук и заработка для отходников из высокогорного Дагестана в отличие от интенсивно возделываемых земледельческих районов Грузии и Азербайджана. Чем иным можно было бы объяснить такой парадоксальный факт: селения, входившие в состав общества Тлейсерух, часть своего скота перегоняли в Азербайджан, часть — в прикаспийский Дагестан, но жители этих селений (кроме чабанов, разумеется) уходили только в Азербайджан /25 за 1913 г., с. 18-19; 56, с. 206, Ириб/. По логике сторонников кочевания населения со скотом, часть тлейсерухцев должна была со своим скотом (или вслед за ним) перекочевать в Прикаспийский Дагестан. Но они и не думали кочевать вместе со своим скотом, а шли только в Азербайджан, где рассчитывали найти заработок.

Теперь относительно социальной характеристики населения Дагестана, принимаемого за полукочевническое. Если даже союзы обществ Западного Дагестана и отставали в своем социально-экономическом и общественно-политическом развитии, то не настало бы, чтобы остаться на уровне демосоциальных организмов. А такие политические объединения, как Цахур или Ахтыпара, известны еще со времен средневековья /454, с. 183-186/. Союзы обществ Дагестана в XVIII-XIX вв. хотя и сохранили "некоторые внешние признаки прежнего племенного деления" /307, с. 117/, однако были

"образованы по территориальному признаку". Границы "вольного" общества и границы распространения племенного языка не совпадают. Население, говорящее на аварском языке, образует десятки таких обществ; в одно такое общество входит население, говорящее на нескольких языках и диалектах /454, с. 239/. Так, например, в Ахтыпара входили кроме лезгинских селений рутульские, в Рутул — лезгинские, в Ихрек кроме рутульских — лакские и т.д. К Дагестану XIV-XIX вв. уже полностью применимы слова Ф.Энгельса о принципах организации государственных социальных организмов: "Решающее значение имела уже не принадлежность к родовым союзам, а исключительно место постоянного жительства; не народ подвергался делению, а территория; население в политическом отношении превращалось в простой придаток территории" /10, с. 26, 117/.

Остановимся на вопросе оседлости населения района, и в целом Дагестана. Археологический материал, эпиграфические памятники, нарративные источники свидетельствуют о глубокой древности земледельческого хозяйства и оседлости коренного населения Дагестана. Уже один тот факт, что дагестанские горцы издревле занимались земледелием, свидетельствует об их прочной оседлости. Об этом же говорят и памятники материальной культуры, и весь образ жизни дагестанских горцев. Дагестанские аулы с их монументальными домами, башнями и крепостями, известные из устной и письменной традиции в течение многих веков*, с устоявшимся квартальным делением, оседлой общиной с общественной инфраструктурой, регламентированной, строго организованной хозяйственной и общественной жизнью никак не согласуются с понятием кочевничества. Очень хорошо сказал об этом С.Е.Тольбеков: "Кочевники потому и называются кочевниками, что у них еще нет оседлых поселений с жителями, занимающимися животноводством и земледелием" /441, с. 77-78/. И еще одно суждение авторитетного специалиста, знатока крестьянского хозяйства национальных окраин России П.В.Погорельского: население в Дагестане не кочевало вслед за скотом. "Оседлость населения исключала возможность отгона всего стада" (например, дойного рабочего скота). Таким образом, дагестанское скотоводство "не кочевое, а хозяйство с отгонно-пастбищной системой содержания скота" /388, с. 79/, и его не должно смешивать с кочевым или полукочевым скотоводством, какие бы формы отгонная ФС ни принимала.

В то же время следует отметить, что в XIX в. в ряде обществ Западного и Южного высокогорного Дагестана бытовала форма отгона скота, при которой отгон овец сопровождался также отгоном КРС и отходом населения. Разумеется, эта форма требует выделения из остальных форм

* Большинство селений Южного Дагестана с развитым отгоном скота в Закавказье известны по этнографическим памятникам еще с начала II тысячелетия н.э., например Ихрек (XI в.), Рутул, Гельмец (XII в.), Цахур, Куруш, Ахты (XI-XII вв.), Лучек, Михрек (не позднее XIII в.) и т.д. /292, с. 57, 67-68, 89, 91, 94/.

отгона и соответствующей номинации. Раньше мы называли эту ФС "альпийским отгоном с частичным отходом населения" /361, с. 16/. Однако, как показало наше дальнейшее изучение, название это оказалось неудачным, ибо в основу определения отгона скота было положено место проживания населения (скотовладельцев), а не место отгона скота для сезонного содержания, как это делается при определении других ФС. Поэтому этот вид отгона следует определять не как альпийский, а как кышлажный.

Если оседание и занятие земледелием части населения видоизменяет кочевую ФС, уменьшая кочевнический элемент хозяйства, что выражается и в трансформации названия — "полукочевое", но не изменяет сущности кочевнического хозяйства и образа жизни населения /407, с. 3; 125, с. 71-73; 286, с. 247-249; 285, с. 168-170; 422, с. 21-22; 478, с. 69-71; 318, с. 85/, то применительно к стационарным ФС определенное увеличение подвижности населения (вместе с хозяйством) в известной степени уменьшает степень постоянной оседлости, что также должно отразиться в наименовании соответствующей ФС. Поэтому при определении "кышлажная" следует, как нам кажется, добавить: "с частичным отходом населения, полуседлая", отгонная ФС. При этом следует иметь в виду, что главным, преобладающим в содержании этой формы является кошевый отгон овец.

КЫШЛАЖНАЯ ВЕСЕННЯЯ ОТГОННАЯ ФОРМА

Отгонно-весенняя форма в еще большей степени, чем яйлажная, ближе к стационарным формам скотоводства и, по существу, является дополнением к ним, обусловленным недостатком кормовой базы и суровостью зимнего времени в горной части Дагестана, заставлявшими на исходе зимы искать выход из создавшегося критического положения, а именно отгонять скот в более низменные районы, где весна начинается раньше.

Суть отгонно-весенней формы заключалась в том, что в начале весны (конец марта) скот, для которого к этому времени кончились корма, отводился на равнинные пастбища (на один или полтора месяца), где весна уже началась и появилась зеленая трава. Такой отгон практиковался во многих горных селениях Дагестана /54, с. 12, Мехельта; с. 18, Ингиши; с. 20, Хуштада; с. 26, Кванада; с. 54, Кудиябросо; с. 57, Анди; с. 76, Буцра; с. 87, Араканы; с. 89, Кикунь; 55, с. 32, Ругельда; с. 70-71, Куяда; с. 79, Вихли; с. 86, Хосрех; с. 94, Унчукатль; 56, с. 204, Гилиб; с. 218, Шиназ; с. 227, Ялак; 52, с. 40, Акуша; 53, с. 25, Чирах; с. 100, Усиша; с. 102, Накки; 57, с. 137, Шимихюр, с. 144, Усуг; с. 147, Гоа; с. 149, Рича; с. 151, Кураг; с. 153, Амух/. Весенний отгон известен и у ряда народов Северного Кавказа. У карачаевцев, например, весенний отгон так и назывался — "выход стад на весеннюю зелень" /468, с. 72/. На особую важность весенних пастбищ, которые "составляют необходимое условие существования скотоводства", указывает и П.С.Варавин /126, с. 115/.

О наличии весеннего отгона у адыгских народов, хотя и не массовом, говорит и В.К.Гарданов /165, с. 96/.

Весенний отгон непродолжителен, он не охватывает полностью даже одного сезона, неустойчив в бытовании, откуда и немалые колебания в его распространенности. Вместе с тем весенний отгон скота теснее связан с климатическими особенностями каждого конкретного года (трудная, многоснежная зима — большой удельный вес весеннего отгона, теплая зима — скотоводы порой обходятся без него). Как и летненагульный специализированный выпас КРС, весенний отгон связан с недостатком зимних кормовых ресурсов, особенно сена, при обеспеченности горными летними пастбищами и зимними пригревами. Поэтому весенний отгон обычно комбинируется с зимним пастбищным хутором и яйлажным отгоном. При соответствующих природно-географических условиях эта трехвидовая комбинация форм наилучшим образом удовлетворяет потребности содержания скота. Время весеннего отгона было неодинаковым в разных районах, занимая период от марта до мая, но обязательно перед окотом и отелом, с возвратом скота до значительно потепления на равнине, что было неременным требованием хозяев равнинных пастбищ, а также диктовалось интересами самих владельцев скота — в частности, это делалось во избежание болезней, связанных с резкими климатическими колебаниями, а также "травяной" болезнью.

Следует отметить, что весенних пастбищ на равнине много, поэтому аренда их обходится сравнительно дешево, тем более что арендуются они на незначительный срок. Весенний отгон — один из самых целенаправленных видов отгона: овец отгоняют для окота, а из КРС отгоняются дойный и рабочий скот и тельные коровы. Правда, удельный вес отгоняемого КРС невелик, но все-таки больше, чем при осенне-зимнем отгоне, особенно в селениях, расположенных ближе к равнине.

Таким образом, основные особенности весеннего отгона скота заключаются в следующем: меньшая распространенность по сравнению с другими ФС; меньший удельный вес отгоняемого скота; кратковременность отгона, неполный охват сезона; нерегулярный характер некоторых видов отгона; более тесная связь с конкретными погодными условиями и со стационарным скотоводством.

Этим своеобразным и эпизодическим характером весеннего отгона объясняется то, что исследователи скотоводства редко останавливаются на нем, а если и упоминают, то уделяют ему недостаточно внимания. В то же время базирование на тех же зимних равнинных пастбищах, использование тех же маршрутов перегона, подключение отгоняемого весной скота в некоторых случаях к скоту, находящемуся на равнине еще с осени, и пр. нередко приводят к тому, что весенний отгон не выделяют среди других сезонных форм отгона скота. Между тем основной отличительной особенностью весеннего отгона скота, выделяющей его — при всей его кратковременности и малом удельном весе — среди всех прочих ФС, является очень определенная и четко фик-

сируемая его целевая направленность на обеспечение воспроизводства стада и кормления скота в определенное время года.

По способам осуществления отгона, преобладающему виду скота, удельному весу отгоняемого скота и комбинированию (взаимосвязанности) с другими ФС весенний отгон подразделяется на два вида. Первый вид, основной, преобладающий, как по степени распространенности, так и по удельному весу отгоняемого скота, — это отгон овец ранней весной (март — апрель) на равнинные пастбища. Основная цель отгона — подготовить овец к окоту и провести его в благоприятных в это время года условиях равнины (тепло, весенняя сочная трава). Этот вид характерен главным образом для высокогорных обществ, значительно отдаленных от Прикаспийской низменности и в то же время не имеющих близких и естественных выходов к южным склонам и долинам по ту сторону — за Главным Кавказским хребтом /90, с. 62/.

Селения и общества, осуществляющие подобный отгон, можно подразделить на 3 группы:

1. Общества, имеющие значительные пастбищные угодья с достаточным удельным весом пастбищ южных склонов, позволяющим оставлять эти склоны для зимнего выпаса скота, с организацией на них в наиболее теплых и укрытых местах зимних хуторов — зимовников (наиболее характерно для агульских селений, части верхнедаргинских, лакских).

2. Общества, имеющие определенные возможности для заготовки минимального количества кормов для подкормки овец на зимних овечьих хуторах или же при внутрисельском стойловом содержании.

3. Бедные общества или мелкие владельцы небольших отар, которые не в состоянии арендовать пастбища на весь период содержания на равнине (конец осени — зима — начало весны) и используют поэтому время, когда равнинные пастбища становятся для них более доступны (весной они гораздо дешевле, а порою и бесплатны).

Описанный первый вид весеннего отгона сочетается с максимальным использованием яйлажного отгона, особенно селениями, располагающими собственными яйлагами и зимними хуторами на южных склонах. Реже этот вид сочетается с внутрисельским содержанием, притом более всего в третьей группе (бедные общества, мелкие владельцы).

Второй вид весеннего отгона можно, по-видимому, называть "дополнительным отгоном". Заключается он в следующем: владельцы скота части селений, овцы которых находятся на равнинных пастбищах с осени, отгоняют весной туда же оставленный на зиму для стойлового содержания скот. Это касается в основном тельного и по возможности рабочего КРС. Отгоняемый скот пригоняется к зимующим отарам и стадам из тех же селений, причем вновь прибывшие сельчане выполняют роль и помощников на период начинающейся трудной поры. Поскольку арендная плата за весенний выпас резко снижается, а то и просто не взимается, особенно за выпас дополнительно приведенного скота,

подобный отгон часто пытаются использовать бедные владельцы, особенно безземельные, которых не ждет весенняя земледельческая страда.

При этом виде отгона скота тоже существовали различные формы коопераций и товариществ (например, один хозяин уводит весь скот — свой и другого владельца — на привольные весенние пастбища, а другой остается в ауле для весенних земледельческих работ с волами — своими и своего напарника).

Особенно часто практиковался подобный отгон жителями предгорных, горно-долинных и даже довольно отдаленных горных селений. Например, у большей части даргинцев Акушинского союза союзов обществ это был один из наиболее распространенных и массовых способов содержания скота /52, с. 40, Акуша; 53, с. 17, Мекеги; с. 58, Верхн. Мудебки; с. 72, Гинта; с. 96, Муги/, что отметил и А.Калантар, указавший, что даргинский скот "спускается ранней весной на низменность" /237, с. 173/.

В весеннем отгоне главное — приурочение и подчинение задаче воспроизводства стада, т.е. времени окота (и отела), иными словами, стремление обеспечить максимально благоприятные условия содержания и кормления (тепло, корм) на этот важнейший и экстремальный период в содержании скота*.

Если говорить о различиях между двумя указанными видами, то они прослеживаются в нескольких аспектах. Во-первых, по удельному весу в целом в отгоне преобладают овцы, особенно в первом его виде (как доминирует и сам этот вид), удельный вес КРС выше во втором. Во-вторых, по комбинированию с другими формами скотоводства: для первого вида, где преобладает МРС, характерно сочетание с хуторским содержанием на подножном корму зимой и яйлажным — летом; для второго вида, с преобладанием КРС, характерно сочетание со стойловым содержанием — внутри-сельским и хуторским.

Следует отметить, что горцы придают весеннему отгону очень большое значение не только в чисто хозяйственном, экономическом отношении, но и в плане улучшения физико-биологических и рабочих качеств потомства. Считается, что скот, отведавший, помимо горной, равнинной весенней травы и воды, побывавший некоторое время в условиях равнины, приобретает устойчивость, особый иммунитет к перепадам температур, инфекционным болезням, травяному отравлению, истощению и пр.

То, что скот не отгоняли еще с осени, горцы объясняют тем, что КРС не может обойтись подножным кормом в зимних условиях, а заготовка кормов на равнине не производилась. В этих условиях малейшая непогода грозила для КРС голодом, а следовательно, и падежом. В отношении же

овец далеких горных аулов причина приводится одна: до-роговизна зимних пастбищ при относительном достатке собственных пригравей; весенние же пастбища, как отмечалось, обходились значительно дешевле и потому были для горцев, особенно бедных, доступнее.

4. ДРУГИЕ ФОРМЫ ПОДВИЖНОГО СКОТОВОДСТВА

ДОЛИННО-ОТГОННАЯ ФОРМА

По масштабам, распространенности эта форма напоминает весенне-отгонную форму, но уступает даже ей по удельному весу. Если бытование весеннего отгона соотносится с развитием зимнехуторского содержания, то долинный, преимущественно зимний, отгон распространен обратно пропорционально развитию зимнего хуторского хозяйства. Более того, долинный отгон является одним из способов выравнивания зимнего содержания скота в горном Дагестане за счет перемещения части скота для зимнего, в том числе хуторского, содержания из высокогорий в среднегорье и горные долины. Поэтому и районы его бытования тяготеют к долинам горных рек Дагестана — Самура, четырех Койсу, Уллучая, Чирахчая, Курахчая и др.

Долинный отгон заключался в том, что владельцы скота селений, расположенных по верховьям рек, спускались со своим скотом в низовые селения, расположенные в речных долинах, где и проводили зимний выпас скота до появления трав на своих субальпах. Нередко движение скота сверху вниз сочеталось с отгоном низовыми селениями своего скота на зимние равнинные пастбища, что в сочетании с отгоном равнинного скота в летнее время в горы (хотя и не такого массового) создавало симбиоз ФС нескольких зон, т.е. хозяйственно-экономическое взаимодействие и определенную интеграцию.

Особенно было распространено такое сочетание отгона скота из горных и равнинных селений в период наибольшей самостоятельности и дееспособности сельских общин, когда обмен разносезонными пастбищами осуществлялся без оформления арендных отношений, в форме взаимовыгодного (пусть даже и не всегда эквивалентного) пользования пастбищами. Такие постоянные отношения по взаимному пользованию пастбищами сложились, например, между союзами обществ Карата и Багулал, с одной стороны, и долинным обществом Технуцал — с другой; между селениями горного союза Кули и низинными аулами союзов Кумух и Акуша, а также высокогорными селениями союзов Карах, Тлейсерух, Джурмут и аулами союзов обществ Кумух, Койсубу и Андалал (сел. Ругуджа, Дарада-Мурада, Гергебиль, Аймаки, Кикун, Унчукатль и др.) /54, с. 64, Муни; с. 97, Маали; 55, с. 79, Вибли: 56, с. 204, Гибли/. Подобные отношения существовали и в Южном Дагестане: между селениями союзов Ахтыпара, Ал-

* В союзе обществ Сирха, например, прямо указывают, что весенний отгон производился для проведения окота в благоприятных условиях /53, с. 102, Нахки/.

тыпара, Лучек (сел. Шиназ, Микрах, Ихниг, Луткун и др.) и Каргас и Чиле (сел. Джебел, Касумкент и др.) /56, с. 218, Шиназ; 57, с. 68, Джебел/.

Разновидностью зимнего долинного отгона был своеобразный отгон скота, который мы условно называем "куначеским". Он также характерен для высокогорных аулов, хотя бывали и исключения. Обычно владельцы скота верхнегорных селений, имевшие хороших кунаков в долинных селениях или в селениях, обладавших хорошими зимними хуторами на южных склонах, отправляли туда для прокорма свой скот в самые тяжелые месяцы (зима — начало весны), когда все запасы кормов для скота истощались.

Пригнанный скот обычно пасся вместе со скотом хозяина хутора — кунака. Несмотря на то что во многих селениях хуторской скот выпасался и на общинных землях (на них даже чаще), плата за выпас скота не взималась, а требовалось лишь разрешение сельского должностного лица (но не схода). Последнее ограничение вводилось для предотвращения перегрузки сельских зимне-весенних пастбищ в случае массового притока скота из других селений. Так, например, из союза обществ Келеб жители водили скот на хуторские пригревы обществ Хунзах и Андалал (Гоцатль, Хунзах, Маали); из союза Багулал — в долины селений союзов Технуцал (Ботлих, Муни и др.) и Гумбет (Чирката) /55, с. 31, Ругельда; 54, с. 26, Кванада/. В андалалском селении Ругуджа, например, житель аула имел право предоставить свой хутор кунакам из союзов высокогорных обществ Тлейсерух, Джурмут и др., а в табасаранское селение Хурцатиль кунаки-агулы приводили с гор на зиму молодых телят — половина из них доставалась хозяевам, выкормившим их за зиму /55, с. 69, Ругуджа; 57, с. 122, Хурцатиль/. Такой отгон предполагал возможность (хотя и необязательную) ответного, взаимного использования низовыми кунаками горных летних пастбищ верхнегорных кунаков. При этом присутствии на горных летних пастбищах кунака из нижних селений для присмотра за своим скотом считалось необязательным, тогда как горные кунаки обычно присматривали за своим скотом на зимних пастбищах, что вытекало из сравнительной легкости летнего выпаса и трудности зимне-весеннего, не говоря уже о том, что весной происходит и отел (окот) животных.

Таким образом, долинный отгон по своему назначению и осуществлению во многом напоминает весенний отгон. Оба эти вида являются выражением тенденции горного стационарного скотоводческого хозяйства максимально сохранить стационарный характер, уменьшить масштабы и отдаленность отгона.

ШАЛАШНАЯ ОТГОННАЯ ФОРМА

Эта форма характеризуется еще большей степенью близости и взаимообусловленности со стационарными формами скотоводческого хозяйства по сравнению с формами, только

что рассмотренными выше. Суть шалашной формы заключается в том, что часть скота равнинного хозяйства, являющаяся как бы "лишней" на данный момент, уводится на относительно отдаленные от присельской округи пастбища, которые могут быть расположены в предгорьях, балках и оврагах, бурунах, на берегах рек и озер, т.е. в местах, где в условиях равнинного ландшафта летом могли быть урочища с хорошей травой.

В советской литературе положение о шалашной форме впервые сформулировал и интерпретировал на грузинском (и кавказском) материале В.М.Шамиладзе, опирающийся на формулировки венгерских исследователей /490, с. 465-466/. В.М.Шамиладзе пишет, что "в условиях равнинного хозяйства подвижным экстенсивным характером выделялись различные формы шалашного хозяйства — карави, сакаре и санарехо, использовавшиеся в основном для отгона крупного и мелкого рогатого скота" /470, с. 64/. Особенно близок дагестанской шалашной форме восточногрузинский карави, объединявший молодняк и недоенный скот, а в нестрадную пору — и рабочий скот.

Отличие дагестанской шалашной формы от грузинской заключалось разве только в том, что во многих обществах Дагестана скот раз в неделю или реже приводился к селению, чтобы можно было произвести реорганизацию стада, какой-то скот оставить в ауле, какой-то добавить. Особенно старались включить в "шалашное" стадо, хотя бы на небольшой срок, рабочий скот.

Существовало два способа комплектации стад и организации выпаса в шалашном отгоне. Первый (основной и более древний) заключался в том, что стадо формировалось из расчета его периодического возвращения в селение и обслуживалось в порядке очередности его выпаса хозяевами скота. Так, например, в сел. Нижн.Дженгутай формировали два стада: в одно включали быков и бычков, в другое — телок. Первое стадо находилось в урочище Гирьяркутан, второе — Дардуркутан. Каждую пятницу стадо возвращалось в аул, подвергалось необходимой реорганизации и на другой день снова отправлялось, но уже с другим пастухом — очередником из числа хозяев скота /56, с. 199/. В ауле Муреге в одном "шалашном" стаде выпасались бычки и телки, также с возвращением по пятницам (аул с большим земледельческим хозяйством, Муреге не мог позволить себе отпускать рабочий скот далеко от аула, и поэтому стадо волов возвращалось, как и коровье, каждый вечер в аул) /53, с. 11/. Так же по очереди хозяевами по понедельно выпасались "шалашные" стада в сел. Утамыш, Башлыкент и др. /57, с. 18, Утамыш/.

Второй способ выпаса — с длительным пребыванием стада на отдаленных пастбищах с обслуживанием его наемными пастухами. Пастбища, как правило, были более отдаленные, что во многом объясняет невозможность выпаса его хозяевами скота и еженедельного привода стада в аул. Так было, например, в сел. Хубар, Эрпели /56, с. 194, 202/.

Особую разновидность шалашного выпаса мы встречаем на территориях, включающих дельтовые земли крупных рек, особенно Самура и Сулака. В этих местах выпасали обычно буйволов, не занятых в данное время работами, а также неотелившихся буйволиц, оставляя их здесь на все теплое время (буйволиц — до отела) /56, с. 122, Хамаматъ-күрт; с. 157, Эндери; с. 158, Чонтаул; 57, с. 172, Джебел/.

* * *

Итак, мы видим, что подвижные формы занимали значительное место в скотоводческом хозяйстве народов Дагестана, особенно в высокогорье. Наиболее простой и доступной из них была яйлажная форма, она же была поэтому и наиболее массовой и распространенной в горной части. На равнине отгонные ФС были намного менее развиты, здесь в незначительной степени бытовал яйлажный отгон и в несколько большей — шалашный. Наибольшее разнообразие отгонных форм дает высокогорье, где наряду с яйлажной бытуют кышлажная с частичным отходом населения, весенняя и долинная зимняя. Каждый из видов отгона строго различается по двум основным признакам — месту и времени отгона. Совпадение в одном из этих признаков обязательно сопровождается расхождением в другом признаке.

Важнейшими вопросами отгона скота были его организация и изыскание пастбищ. Большую роль играло в этом общество владельцев скота — кош, а также традиционные межрайонные торгово-экономические и общественные связи на уровне союзов обществ, отдельных селений и даже семей (куначество).

Однако, как мы видели, ФС по своему характеру не могут представлять в целом скотоводческое хозяйство отдельного района или селения из-за своего односезонного характера. Поэтому, как отмечалось во вступительной части, для выяснения облика скотоводческого хозяйства в целом надо изучить все ФС района, которые образуют в совокупности тип скотоводческого хозяйства. Это не тема нашей работы, но выявить основные типы, их сочетания, для того чтобы составить общее представление о скотоводческом хозяйстве отдельных районов, представляется необходимым.

1. ТИПЫ СКОТОВОДСТВА

Мы уже отмечали при выяснении принципов классификации скотоводства, что для полной характеристики его необходимо сгруппировать в одно все ФС изучаемого общества на протяжении календарного или хозяйственного года. В результате мы получим картину состояния и места в хозяйстве скотоводческой отрасли в целом, а следовательно, и ее соотношения с другими отраслями, особенно с земледелием. Такая характеристика позволит выяснить и обрисовать и степень соотнесенности форм и типов скотоводства с ХКТ. Для подобной операции требуется ограничение объекта изучения хозяйства точными рамками, поэтому в качестве точки отсчета возьмем социальные суборганизмы на уровне сельских общин /415, с. 94-95/ по зонам.

Переходя к типам скотоводства, отметим, что классификация ФС, произведенная нами, была фактически типологической, согласно сформулированному Б.В.Крюковым разделению понятий систематики на классы ("совокупность реальных предметов") и типы ("идеальный объект, сконструированный с учетом совокупности признаков") /279, с. 9/. Она основывалась на принципе "органического единства набора существенных признаков, образующих сущность вещи" и удовлетворяющих требованию "сохранения единого принципа деления", в то время как классификация может основываться и на несущественных и даже на комплексе сущностно не связанных признаков /233, с. 9; 444, с. 26/. При этом мы исходили из положения, что этнографы "определяют "тип" не как группу объектов, а именно как сочетание признаков" /279, с. 9/, "комплекс признаков" /438, с. 10/, "комплекс черт" /462, с. 189/. Если типологизацию ФС мы пытались осуществить выделением сущностных свойств на основе изолирующей абстракции, то выделение типов скотоводства, хотя и более сложных по структуре, чем ФС, осуществляется "конкретно-историческим обобщением", "отождествляющей или обобщающей абстракцией" /462, с. 190/, поскольку изолирующая абстракция была проделана при определении и группировке ФС. Разумеется, "чистых" типов не существует в природе, и в любом районе при любом сочетании ФС можно обнаружить неучтенные, незамеченные вследствие редкости бытования или незначительного удельного веса варианты форм.

Начнем исследование типов скотоводства с равнины. Здесь мы видели стойловую, выгонную, шалашную, яйлажную, хуторскую формы. Из-за преобладания КРС и подчиненности его содержания интересам земледелия главными из них были выгонная и стойловая. Именно в таком порядке и следует их объединить в типы скотоводческого хозяйства. Так образуются типы: выгонно-стойловый, выгонно-стойлово-шалашный и выгонно-стойлово-хуторской, причем последовательность расположения ФС, сгруппированных в тип, отражает убывание степени их бытования и удельного веса. В смысле взаимоотношения с земледелием эти типы можно назвать подсобными, в соответствии с классификацией Фольдеша — Балоба — Шамиладзе /506, с. VI-VII; 504, с. 285-286; 507, с. 9; 490, с. 465; 470, с. 48-49, 64, 217/. А два других типа — выгонно-стойлово-яйлажный и хуторско-яйлажно-выгонный, — связанных с содержанием овец, можно охарактеризовать как параллельные с земледелием. Впрочем, удельный вес их был невелик, особенно в срединной и южной части равнины, и поэтому равнинный скотоводческий тип можно охарактеризовать в целом как выгонно-стойловый. Например, в равнинных селениях юга (в Кайтаге) КРС круглый год был на выгонах, со стойловым содержанием в холодную пору, рабочий скот из аула не отлучался, овец было так мало, что сводных отар не было и каждый содержал их по своим возможностям. В некоторых селениях (например, в сел. Хадага) жители присоединяли своих немногочисленных овец к идущим на яйлаги отарам нижнепредгорных сел /50, с. 87, Джибахни; с. 147, Карацан; 53, с. 85, Джибахни; 55, с. 13, Хадага/. На севере, в засулакской равнине, весь КРС выпасался в одном стаде, по возможности круглый год, однако с ноября по март было гарантированное стойловое содержание. Для овец сводных отар не создавалось, и они или содержались хозяевами, или присоединялись к стаду КРС; зимовали они на хуторах /56, с. 120, Хамаматъюрт; с. 138, Костек; с. 156-157, Эндери; с. 158, Чонтаул; с. 191-192, Султан-Янгиюрт/. В низовьях Самура КРС (кроме буйволов) также выпасали круглый год, но с обеспеченным стойлом, что выражалось, в частности, в том, что стадо формировалось только летом, зимой же скот в хорошую погоду выпасали хозяева, а в иных селениях рабочий скот в стадо не сводили из-за частой нужды в нем и тоже выпасали сами хозяева /57, с. 68, Джебел; с. 75, Оруджоба/. Эти и многие другие примеры подтверждают преобладание здесь выгонно-стойлового типа. Так, например, во всех 18 владениях и союзах обществ равнины преобладал выгонно-стойловый тип, из них в 10 — чисто выгонно-стойловый (шамхальство, Терекеме, Харалиар, Кырах, Этек, Даре, Чиле, Стал, Картас, Гюджа — все южные), в трех — выгонно-стойлово-шалашный (Эндери, Джогдильдере, Гамри), в четырех — выгонно-стойлово-хуторской (Костек, Аксай, Улусский магал, Верхн. Терекеме), в одном — выгонно-стойлово-яйлажный (райятские селения Табасаранского кадия) (см. карты).

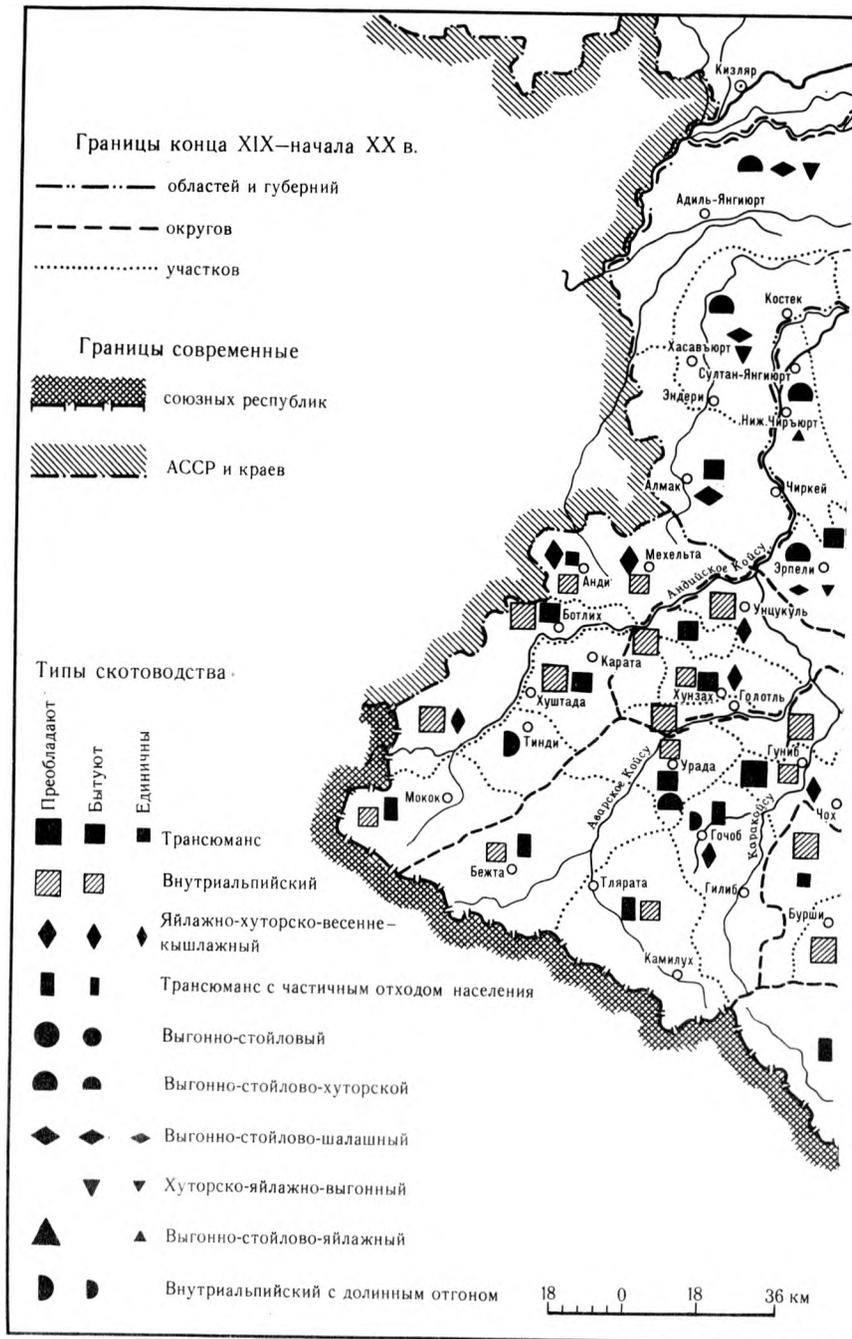
Такая же картина и по участкам: выгонно-стойловый тип преобладает во всех 9 участках, из них в четырех — чисто выгонно-стойловый (Таркинский участок, Карабудахкентский, Северотабасаранский, Гюнейский), в четырех — выгонно-стойлово-хуторской (Хасавюртовский, Аксаевский, Чирьюртовский, Улусский магал), в одном — выгонно-стойлово-шалашный (Нижекайтагский). Из 20 типов — 15 с преобладанием выгонно-стойлового содержания (см. табл. 5).

Из 37 скотоводческих типов, выявленных на равнине, в 29 преобладают выгон и стойло. Помимо них здесь существовал только один тип, характерный для овец, с небольшим удельным весом в скотоводстве — хуторско-яйлажно-выгонный — в 8 владениях (шамхальство, юг; Костек, Харалиар, Верхн. Терекеме, Эндери, Гамри, Терекеме, Улусский магал) (см. карты). Участки — Хасавюртовский, Аксаевский, Таркинский, Карабудахкентский, Нижекайтагский (см. табл. 5).

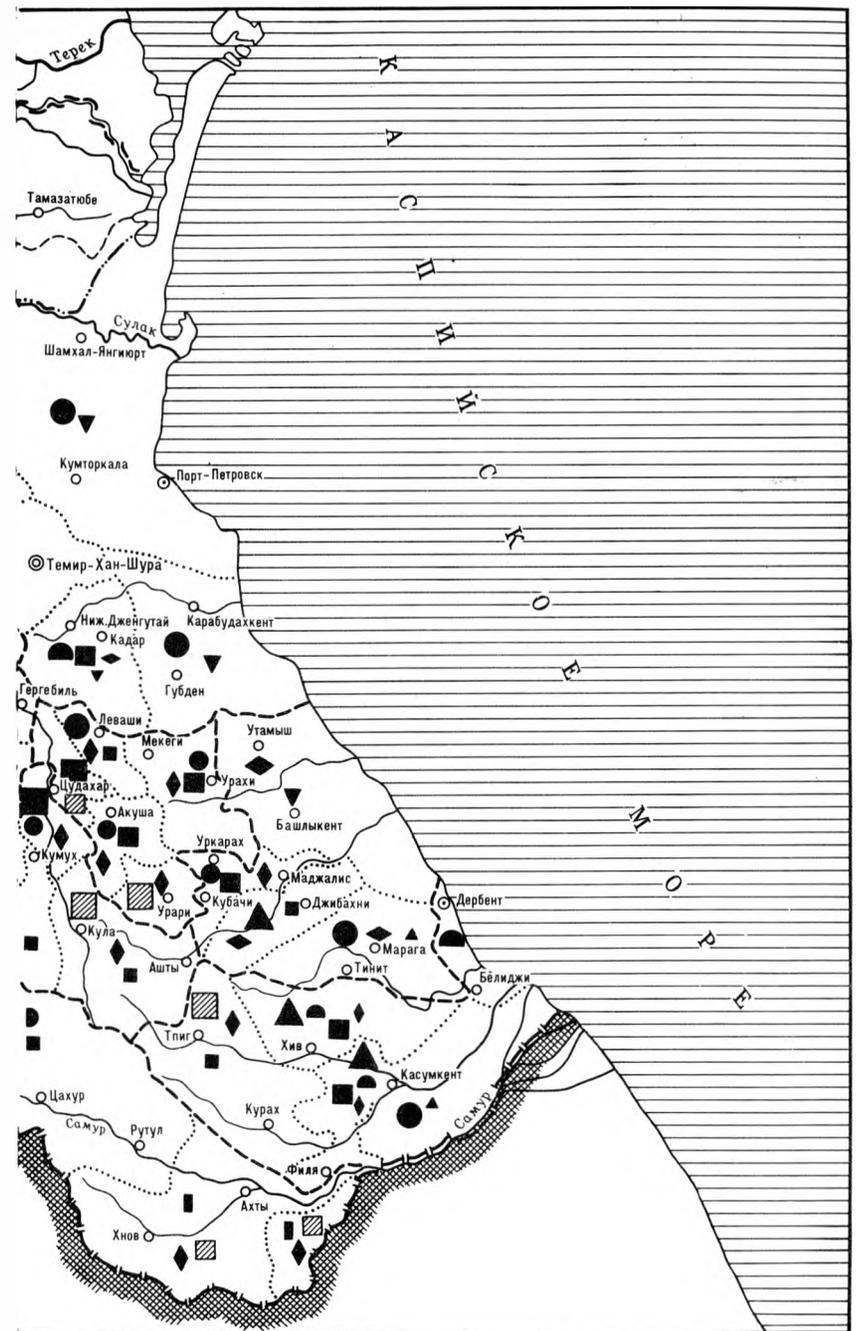
Эта картина отражает две основные особенности равнинного скотоводства: его подсобную роль в симбиозе с земледелием и диктуемую этим необходимость достаточного количества КРС и его содержания в присельских, придомных условиях, рядом с земледельческим хозяйством, со стойлом. Это отражено и в количественных соотношениях обоих видов скота: 146 849 гол. КРС против 51837 гол. овец, или 4,5 и 1,5 гол. соответственно на одно хозяйство (в переводе на КРС) (см. табл. 2).

Следует оговорить, что не всегда стойловое скотоводство является подсобным для земледельческого хозяйства; оно может сопутствовать и скотоводческому хозяйству, особенно в горной зоне. Например, стойловое содержание КРС большую часть года в Хевсурети было составной частью альпийского скотоводческого хозяйства /470, с. 91/. В еще большей степени свойственна преобладающая роль скотоводства по сравнению с земледелием для подвижных ФС, что констатировано для альпийской Европы, горной Грузии, высокогорного Дагестана, и вообще для большей части Северного Кавказа /509, с. 12; 470, с. 95, 258-266; 452, с. 50; 454, с. 93; 347, т. I, с. 106, 244, 349, 530, 538, 547/. Следовательно, лучше будет, по-видимому, применять определение "скотоводство оседлых земледельцев", которое будет тогда действительно определением отрасли, являющейся дополнением к основному виду хозяйственной деятельности — земледелию. Для подвижного скотоводства возможно преобладание и земледелия и скотоводства.

Хотя в предгорье бытовали те же ФС и картина предгорного скотоводческого хозяйства близка к равнинной, сочетание и взаимоотношение ФС здесь несколько иное, что привело к сложению иных типов скотоводческого хозяйства. Здесь менее развиты хуторская и шалашная формы, но более — яйлажная, появляется кышлажная осенняя и весенняя. Таким образом, основными типами здесь были трансманс, выгонно-стойлово-яйлажный, выгонно-стойлово-хуторской (стойловый период длиннее, чем на равнине). Трансманс, как говорилось, представлял собой сочетание

Типы скотоводческого хозяйства

XIX — начала XX в.

(комбинацию) яйлажной и кышлажной форм, которые охватывают весь календарный год. Хотя скот и находится в постоянном движении, но в отличие от кочевничества "хозяйственно-экономическое и организационное управление" связано с независимой от скотоводства основной базой с оседлым населением, занимающимся земледелием и другими отраслями хозяйства /470, с. 143-144/. О том, что при трансюмансе в противовес кочевничеству "владельцы скота имеют свои постоянные поселения", говорит и Л.Фольдеш. Он же подчеркивает, что в трансюмансе (у мокан Валахии) преобладают овцы, составлявшие 98-99% общего числа перегоняемого скота, причем считает это явление общим для всего Средиземноморья /505, с. 346, 351-352; 137, с. 86/. Однако в отличие от Средиземноморья, где трансюманс характерен и для жаркой зоны, и для холодных областей /496, с. 799-800/, в Дагестане трансюманса равнинных областей не существовало. Во-первых, на равнине было мало овец и яйлажный отгон был мало распространен и имел очень небольшой удельный вес. Во-вторых, равнинные скотоводы не нуждались в зимнем отгоне, обширные равнинные пастбища были под рукой и скот уводили только на хутора. Следовательно, яйлажный отгон сочетался не с кышлажным отгоном, а с выгонно-стойловым и хуторским содержанием.

Другое уточнение касается самого существа трансюманса, его организационной структуры. Обычно трансюманс представляется как равномерный (и равновеликий) маятниковый отгон в оба конца — в горы и на равнину. Между тем на практике это было не так. Нам уже приходилось говорить об особенностях яйлажного отгона, его многих признаках присельского характера, ставящих его в положение, промежуточное между присельским и подвижным скотоводством. Открытость, доступность, дешевизна яйлаги, его "домашность" способствовали и тому, что на яйлаги в отличие от кышлагов отгонялась большая часть скота и по количеству, и по видам и категориям. Поэтому яйлажные коши (исключая сообщества крупных владельцев, имевших собственные коши), состоящие из нескольких средних владельцев, подвергались значительным изменениям и для кышлажного отгона фактически создавались заново. Поэтому маятникообразного движения в обе стороны не получалось, это два организационно самостоятельных отгона, объединенных рамками одного хозяйства и одного контингента владельцев, а также необходимостью круглогодичного содержания скота на подножном корму. Кышлажный отгон значительно меньше по масштабам, чем яйлажный, в нем мало КРС, нет всех видов рабочего скота (кроме необходимого в работе), почти всего дойного скота.

Вернемся к скотоводческим типам предгорной зоны. Еще одна особенность ее — бытование здесь и весеннего отгона, который по своей непродолжительности не может быть составной частью трансюманса. В центральном предгорье на кышлаги отгоняли КРС в дополнение к трансюмансу МРС /52, с. 39, Нижн. Мулебки; 53, с. 124, Нижн. Мулебки; 52, с. 39-40, Урахи; 53, с. 5-6, Урахи; 47, с. 148-149, Кадар/. Таким

образом, трансюманс для овец соединяется здесь с выгонно-стойлово-хуторским типом для КРС, включающим для некоторых его категорий (рабочий скот, молодняк) и яйлажный отгон /56, с. 194-195, Хубар; с. 201-202, Эрпели/.

В южном предгорье картина была более сложной. Здесь были более развиты яйлажный отгон и трансюманс (сел. Ашага-Араг, Юхари-Араг, Саидкент, Кахчуг, Цмур, Хпюг, Ичин, Куркент, Рухун, Махкерг, Цицег, Хпитар, Хутарг, Елцугар и др.). С другой стороны, отгона КРС на кышлаги не требовалось и здесь, но весенний отгон, в частности в отдельных местах Кайтага и Табасарана, практиковался (сел. Атриг, Хюредж, Мака, Арчюг, Урга, Вертль, Яраг, Фурдаг, Джули, Сикуг, Шилия, Худжник и др.). В целом для КРС преобладали выгонная и стойловая формы, и вследствие его большего удельного веса выгонно-стойлово-яйлажный тип может считаться преобладающим /55, с. 14. Кирки; 57, с. 49, Гуми; с. 51, Хуриг; с. 94, Касумкент; с. 107-108, Хпюк; с. 117-118, Кандик; с. 121-122, Хурцатиль/. Так, например, в 19 из 20 владений и союзов обществ предгорья преобладающим являлось сочетание выгон — стойло (одно или с добавлением) (по участкам — во всех 6 участках) и лишь в одном — трансюманс (Муйре). Однако, с другой стороны, трансюманс, хотя и на вторых ролях, зафиксирован 20 раз (из 50 типов), т.е. во всех 20 союзах обществ предгорья (и во всех участках), в то время как тип чисто выгонно-стойловый — только 7 раз (Ирчамул, Шуркент, Каттаган, Нитриг, Урахи, Кабир, Сувак). Правда, всего типов с преобладанием выгонно-стойлового содержания было 25. Это типы: выгонно-стойлово-хуторской — 6 (Бамматулу, Муйре, Кабир, Эрпели, Мехтулинское ханство, Котур-Кюра; участки: Темирханшуринский, Дженгутаевский, Южнотабасаранский, Котур-Кюринский); выгонно-стойлово-яйлажный — 6 (Хараг, Кухрук, Чуркуль, Котур-Кюра, Ахмар, Дырча; участки: Каракайтагский, Южнотабасаранский, Котур-Кюринский); выгонно-стойлово-шалашный — 6 (Эрпели, Салатау, Бамматулу, Маджалискадта, Каракайтаг, Мехтулинское ханство; участки: Салатавский, Темирханшуринский, Дженгутаевский, Каракайтагский). Это соседние союзы обществ, и вообще большинство групп оказываются состоящими из соседних владений или союзов. Остальные типы: хуторско-яйлажно-выгонный — 3 (Эрпели, Мехтулинское ханство, Бамматулу), яйлажно-хуторско-весеннекышлажный — 2 (Урахи, Сувак); всего 50 (см. табл. 5 и карты). В целом это преобладание типов с сочетанием выгон — стойло отражает преобладание КРС в предгорье по удельному весу (96 912 гол. против 54 141 гол. (в переводе на КРС) или 3,5 и 1,9 гол. соответственно на одно хозяйство (см. табл. 2)).

Теперь обратимся к горной зоне. Здесь скотоводческое хозяйство не только более развито, но и многообразно. Особенностью горной зоны была сравнительная трудность отгона скота на зимние равнинные пастбища, что при наличии определенного резерва местных угодий, которые можно было использовать для зимнего выпаса, привело к широкому бытованию содержания скота на месте, в том числе и на

хуторах. Горная зона намного превосходит все другие зоны по удельному весу хуторского содержания скота. Достаточно сказать, что во всех 24 союзах обществ и владениях горной части были зимние хутора, из них в 14 — выгонные, в 18 — пастбищные. Яйлажный хутор горной зоне менее свойствен, ибо он требует достатка высокогорных пастбищ — яйлагов, но в трех союзах обществ, примыкающих к высокогорью, он бытовал (Цунта-Ахвах, Тинди, Андалал).

Хуторское содержание скота представлено в 28 типах скотоводческого хозяйства нагорья из 54, а выгонно-стойловое — лишь в 8 (один тип совместно с хуторским). Остальные 18 — это трансюманс. Неудивительно поэтому, что внутриальпийский тип, предполагающий единство поселения и угодий, "при котором годичный цикл ухода за скотом протекает непосредственно в поселении и близлежащих к нему хозяйственных угодьях" /470, с. 91/, т.е. безотгонное содержание скота (с сочетанием выгонной, стойловой, хуторской, яйлажной формы), представлен в 16 союзах обществ и владениях из 24 (в 12 участках из 17) (см. табл. 5 и карты).

Кроме того, еще 11 типов фактически являются внутриальпийскими: это яйлажно-хуторско-весеннекышпашный тип (Хунзахское ханство, Хиндалал, Андалал, Усиша, Муги, Мекеги, Мукар, Вицхи, Ганк, Гапш, Ицари, участки: Хунзахский, Койсубулинский, Андалалский, Кутишинский, Акушинский, Мекегинский, Вицхинский, Уркарахский), при котором преобладающая часть скота содержится без отгона и на равнинные пастбища отгоняется весной лишь часть овец. Правда, в тех союзах, где количество МРС было значительным, преобладающим типом их содержания был трансюманс (19 союзов — Технуцал, Карата, Цунта-Ахвах, Хунзах, Хедолал, Наха-Хиндалал, Хиндалал, Гидатль, Ратлу-Ахвах, Андалал, Акуша, Муги, Цудахар, Мекеги, Кумух, Ицари, Ганк, Вицхи, Гапш, участки: Технуцальский, Каратинский, Хунзахский, Цатанихский, Андалалский, Цудахарский, Акушинский, Мекегинский, Вицхинский, Кумухский, Уркарахский), хотя в содержании всего наличного скота (всех видов) он преобладал (по удельному весу) лишь в трех союзах (Андалал, Вицхи, Гапш). В пяти союзах преобладал выгонно-стойловый тип (Акуша, Муги, Мекеги, Ганк, Ицари), в одном — яйлажно-хуторско-весеннекышпашный (Усиша).

Отметим еще союзы обществ (15), в которых преобладал (в одном союзе он на втором месте) внутриальпийский тип скотоводства (Технуцал, Карата, Цунта-Ахвах, Тинди, Хунзах, Хедолал, Наха-Хиндалал, Батлук, Хиндалал, Гидатль, Ратлу-Ахвах, Куяда, Цудахар, Мукар, Кумух) и участки (9): Технуцальский, Тиндальский, Каратинский, Хунзахский, Батлукский, Койсубулинский, Цатанихский, Куядинский, Кумухский (см. табл. 5 и карты).

В преобладании внутриальпийского типа скотоводства в нагорье большую роль сыграли местные природно-климатические особенности, наличие множества солнечных экспозиций и на этой основе возможностей зимнего выгонного и хутор-

ского содержания. Немалую роль сыграли устойчивые традиции земледельческого хозяйства и высокий для нагорья удельный вес КРС в общем стаде — 129 282 гол. КРС против 109 005 гол. мелкого (в переводе на КРС), или 3 гол. против 2,5 гол. соответственно на одно хозяйство. Правда, эта разница намного меньше, чем в предгорье и особенно на равнине, а по союзам обществ удельный вес КРС выше только в 15 из них, но из оставшихся 9 только в трех преобладание овец внушительное (Андалал, Вицхи, Гапш), в остальных (Карата, Акуша, Усиша, Муги, Цудахар, Мекеги) оно настолько незначительно, что не оказало решающего влияния на ФС и не привело к преобладающему бытованию трансюманса. Таким образом, и здесь видовой состав скота определяет наряду с другими факторами преобладание стационарных типов, особенно внутриальпийского. Это безотгонное содержание отмечалось и в источниках, и в литературе. Один из авторов отмечал, что в долинах Андийского округа "очень жарко и никогда не бывает зимы. В них зимой пасутся стада рогатого скота, овец и лошадей" /420, с. 277/. З.А.Никольская также отмечает, что в ряде обществ Аварии (Гидатль, Цунта-Ахвах, Ратлу-Ахвах, Тинди и др.) "зимой и летом выпасали скот в окрестностях своих аулов" /351, с. 116/. Об этом же говорится и в томе "Народы Кавказа" серии "Народы мира", однако здесь допущено преувеличение — выпас скота на южных склонах летом (?) и зимой и отсутствие отгона на равнинные пастбища приписывается всем аварским селениям /347, т. I, с. 441/, в то время как и в горной части, и особенно в высокогорной, у аварцев был высокий удельный вес трансюманса.

Высокогорная зона, как и равнинная, являясь крайней, полярной, дает меньшее разнообразие типов. Эта зона отличается от всех остальных очевидным преобладанием скотоводства, слабостью земледелия, и это накладывает своеобразный отпечаток и на формирование скотоводческих типов. Пользуясь своеобразной терминологией И.Стики по классификации зон горно-пастбищной (валашской) культуры в Карпатах /531, с. 358/, высокогорье Дагестана можно назвать областью с наивысшей интенсивностью проявления горно-пастбищной культуры. Как и в ряде высокогорных областей Северного Кавказа, хозяйство здесь являлось "типично альпийским, со специализированным скотоводством" /402, с. 92/. Если учесть, что пашни здесь было 0,7 дес. на 1 хозяйство, а голов скота в переводе на КРС — 10,4 (см. табл. 2), нетрудно понять, что главной отраслью здесь было скотоводство. Однако удельный вес КРС здесь выше, чем в предгорье и горной части, что обусловило распространение внутриальпийского типа.

С другой стороны, обширные альпийские пастбища создавали предпосылки для развития овцеводства и отгонных форм. Во взаимодействии и диалектическом единстве стационарных и отгонных форм и формировались типы скотоводческого хозяйства высокогорья. При этом проявлялась закономерность: чем больше овец в союзе обществ, тем больший удельный вес имел трансюманс. Базой подобного развития

овцеводства в высокогорье было сочетание отгонного и хуторского содержания.

По преобладающему типу скотоводства можно выделить примерно 5 очагов нагорного овцеводства: северный, центральный, западный, южный, самурский. Для северного (Гумбетовский, Ункрать-Чамалалский и другие участки) был характерен яйлажно-хуторско-весеннекышляжный тип. В центральном, в основном горном (Каратинский, Хунзахский, Цатанихский, Андалалский, Тилитль-Гидатлинский участки), преобладал трансюманс. Западный (Дидойский, Тлейсерухский, Бохнадальский, Анцухо-Капучинский участки) — район преобладания трансюманса с частичным отходом населения. Южный (Ашты-Кулинский, Курахский участки) отличался сочетанием, в зависимости от местных условий, яйлажного отгона с весенним или зимним отгоном, т.е. это типы яйлажно-хуторско-весеннекышляжный и трансюманс. И наконец, для самурского очага (для всего Самурского округа) было характерно преобладание трансюманса с частичным отходом.

По союзам обществ это выглядело так: в 29 союзах из 40 (в 9 участках из 14) преобладал (стоял на первом месте по удельному весу) подвижный тип скотоводства, причем в 25 из них (в 7 участках) — трансюманс с частичным отходом населения (Шуратль, Асахо, Шиитль, Тлейсерух, Мукратль, Карах, Джурмут, Тланада, Тлебель, Бохнада, Ухнада, Анцросо, Тох, Анцух, Кос, Томс, Таш, Гунзал, Капуча, Алтыпара, Докузпара, Ахтыпара, Рутул, Ихрек, Цахур, участки: Дидойский, Тлейсерухский, Бохнадальский, Анцухо-Капучинский, Докузпаринский, Ахтыпаринский, Лучекский) и в 4 — яйлажно-хуторско-весеннекышляжный (Гумбет, Анди, Буркун-Дарга, Кушандере). В остальных 11 союзах (в 5 участках) на первом месте стоит внутриапальпийский тип (Багулал, Чамалал, Ункрать, Хварши, Келеб, Сирха, Кули, Дусрех, Агулдере, Рича, Курах, участки: Ункрать-Чамалалский, Сюрджинский, Мукарский, Аштыкулинский, Курахский). Трансюманс с отходом населения на вторых ролях встречается еще в 12 союзах (Анди, Багулал, Чамалал, Ункрать, Хварши, Кули, Дусрех, Агулдере, Рича, Курах, Кушандере, Рутул, участки: Андийский, Мукарский, Аштыкулинский, Курахский, Лучекский). Кроме того, тип, связанный с более массовым, чем в горной части, весенним отгоном — яйлажно-хуторско-весеннекышляжный — бытовал помимо названных четырех еще в 14 союзах (Багулал, Чамалал, Ункрать, Хварши, Тлейсерух, Мукратль, Карах, Сирха, Кули, Агулдере, Рича, Курах, Докузпара, Ахтыпара). Таким образом, из 95 типов зоны 55 приходится на подвижные, из них 37 — на трансюманс (по участкам: из 35 типов 21 — подвижный, из них 12 — трансюманс) (см. табл. 5 и карты).

Сочетание внутриапальпийского типа (для крупного рогатого скота) и яйлажно-хуторско-кышляжного (для овец) в дагестанском высокогорье описано Г.А.Сергеевой на примере арчинцев /418, с. 44-45/. З.А.Никольская в числе пастущих "зимой и летом в окрестностях своих аулов" упоми-

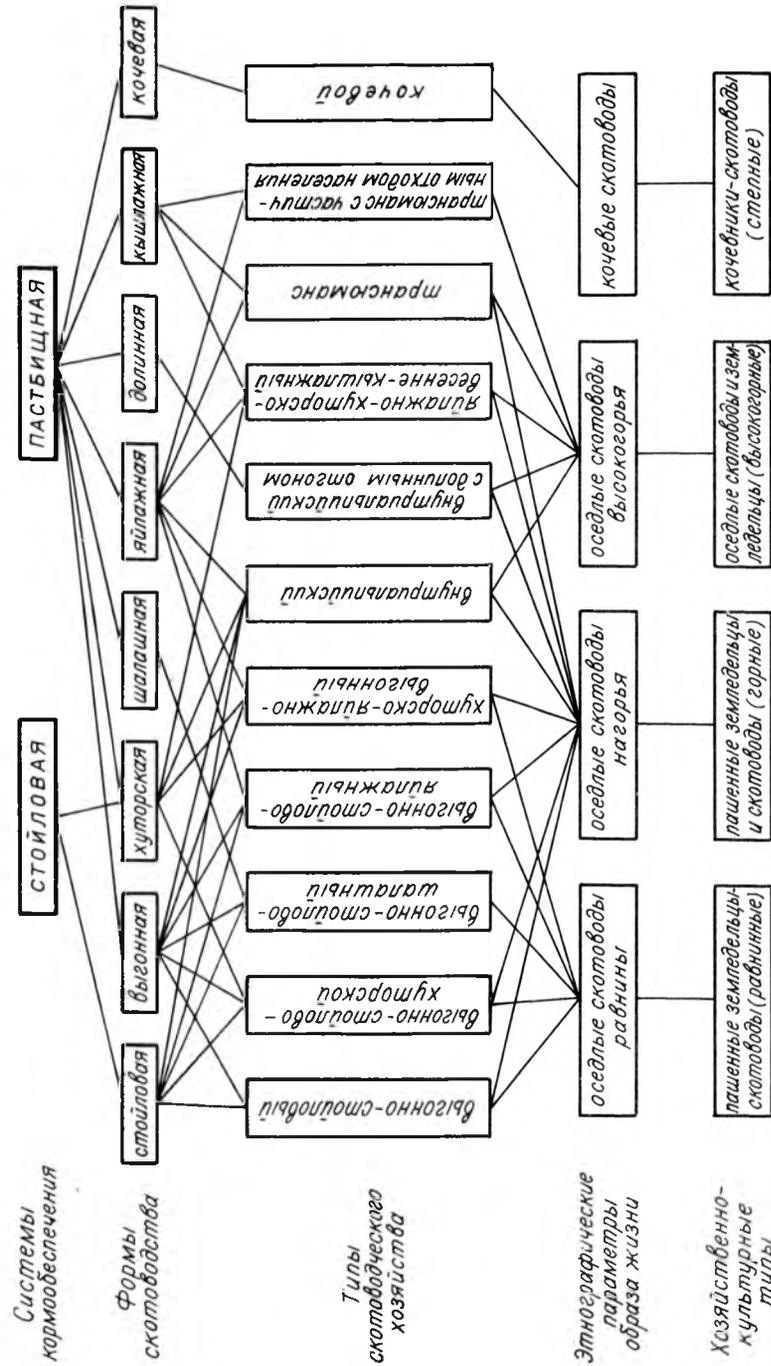
нает союзы обществ Багулал, Чамалал, большинство же аварских высокогорных обществ (Томс, Кос, Таш, Джурмут, Тланада, Бохнада, Тлебель, Ухнада, Анцросо, Капуча) она относит к тем, которые "зимой пользовались пастбищами Азербайджана и Грузии, куда опускались вместе со стадами не только чабаны, но и сами скотовладельцы" /351, с. 116/, т.е. это трансюманс с частичным отходом населения. Однако отметим, что внутриапальпийский тип скотоводства — единственный, бытующий во всех 40 союзах обществ и во всех 14 участках (в 11 союзах и 5 участках, как указывалось, на первом месте по удельному весу и в 29 союзах и 9 участках — на втором).

Мы попытались изобразить нашу классификацию форм и типов скотоводства графически (см. схему). В схеме отражено движение от форм к типам, а также увеличение подвижности скотоводства от стойловой до кочевой.

Итак, мы видим, что от равнины к высокогорью в типах скотоводства наблюдается увеличение подвижности и рост удельного веса скотоводства в хозяйстве. Главные факторы, влияющие на эти изменения, — это природно-географические условия и состояние земледельческого хозяйства, его соотносительность со скотоводством. Советские исследователи всегда подчеркивали, что те или иные особенности хозяйства (например, кочевание) нельзя объяснить расовыми или национальными особенностями населения, а следует учитывать природно-климатические условия /75, с. 138/.

Ю.П.Проценко делил Дагестан по зонально-хозяйственным особенностям на три полосы: 1) пастбищная, где хлебопашество незначительно и "жители поневоле живут здесь главным образом овцеводством"; 2) лесная и хлебопахотная; 3) низменная с "прекрасным хлебопашеством" и скотоводством в местах неорошенных /394, с. 46-47/ (1-я — это высокогорье, 2-я — горы и предгорье, 3-я — равнина). Другие авторы, отмечая, что "строй хозяйственной жизни", "общий характер хозяйства" определяются природными особенностями населенных частей страны, проводят более общее деление: равнина — земледелие, горы — скотоводство /302, с. 249; 303, с. 66/.

В Дагестане в 20-е годы по результатам обследования Рабрина было констатировано, что 40% хозяйств республики были земледельческими, 42% — скотоводческо-земледельческими, 10% — скотоводческими и 8% — кустарно-промысловыми. Правда, авторы исследования признают, что "чистых" хозяйств, имея в виду сочетание со скотоводством и особенно промыслами, в Дагестане не было /425, с. 38/. По нашим приблизительным подсчетам, в Дагестане во второй половине XIX в. земледельческо-скотоводческими на равнине были все хозяйства, в предгорье — 80%, в горной части — 40 и в высокогорье — 15%. Скотоводческо-земледельческих хозяйств в предгорье было 20%, в горной части — 55, в высокогорье — 75%. Промыслово-отходническо-скотоводческо-земледельческих хозяйств в горной зоне было 5%, в высокогорной — 10% (удельный вес кустарей и от-

ходников был, конечно, намного выше, но "чисто" промыслово-отходнических хозяйств было не очень много).

Если перевести эти цифры в проценты от общего числа хозяйств области, получится такая картина: сельскохозяйственно-скотоводческих — 54%, скотоводческо-земледельческих — 42 и преобладающе промыслово-отходнических — 4% (см. табл. 2). Оговоримся, что наши данные ближе к отражению соотношения занятий населения, чем хозяйственно-экономического положения.

В современной литературе по Дагестану чаще выделяют три зоны — равнину, предгорье, горы, но специалисты по скотоводству склонны выделять и высокогорье, поскольку животноводство здесь имеет свою специфику /185, с. 7/. Отметим также, что для горного Дагестана нехарактерна считающаяся "общей для Кавказа и других горных районов мира" /470, с. 28/ закономерность слабого заселения горной части, что связано с особенностями хозяйственно-географических условий. Напротив, в горной и высокогорной частях была сосредоточена большая часть населения Дагестана (около 60%) /25/ (см. табл. 2). Зональные природно-географические условия влияют на традиции скотоводства, видую направленность, формы и типы многопланово: сами по себе, через посредство других отраслей хозяйства, их взаимоотношений, традициями и устойчивостью других отраслей, особенно земледелия. Отсюда неизбежно вытекает, что поскольку основными частями формулы выступают, с одной стороны, отрасли хозяйства, с другой — экология, то это отношение укладывается в рамки ХКТ, представляющих собой комплекс особенностей (признаков) хозяйства и культуры, сложившихся в определенных экологических условиях на соответствующем уровне социально-экономического развития /293, с. 4/. Перейдем к рассмотрению этого отношения.

2. ФОРМЫ СКОТОВОДСТВА И ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ. ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РАЙОНЫ

ХКТ можно рассматривать как композицию типов земледелия и скотоводства на базе соответствующей экологии, в рамках которой реализуются закономерности хозяйственно-отраслевого развития. В этнографической литературе уже указывалось на органическую связь ФС с ХКТ, их взаимобусловленность и взаимозависимость. В частности, Г.Е.Марков отмечает, что ФС входят в два ХКТ: 1) кочевой с двумя подтипами — кочевым и полукочевым; 2) плужного земледелия, с подтипами — подвижное и оседлое скотоводство /318, с. 86/. К последнему необходима, по-видимому, небольшая поправка: подвижное скотоводство может относиться и к ХКТ скотоводов и земледельцев (например, к полуседлым скотоводам-земледельцам аридной зоны, подтипы равнинный и горный /27 а, б; 86, карта/). Б.В.Андреанов также считает, что формы скотоводства и ХКТ находятся в тесной взаимосвязи /82, с. 76, 79-80/. Изменяясь, ХКТ не может

не изменить ФС или тип скотоводства, не может оставить неизменными как их содержание и функциональные особенности, так и их масштаб, ареал и степень бытования. Рассматривая вопрос о традициях в соотношениях видов и категорий скота и их взаимосвязи с сельскохозяйственными традициями или местными экологическими условиями, мы имели возможность убедиться, что в эволюции ФС они являются важнейшими факторами. В свою очередь, и ФС, став составным элементом ХКТ, уже сами влияют на всю хозяйственную жизнь местного населения.

В зависимости от целого ряда факторов, в первую очередь природных, социальных, экономических, этнотрадиционных, складываются и видовые районы содержания скота, которые смыкаются с районами более широкого порядка, заключающими в себе элементы не только (и не столько) скотоводства, но и земледелия, всей материальной и духовной культуры, этнопсихологии. Основные слагаемые подобных районов весьма разнообразны — это степень обеспеченности населения угодьями всех категорий для всех видов хозяйствования; традиции содержания разных видов скота, этнопсихологическая приверженность (или наоборот) населения к отдельным видам скота, традиционные ФС, прочно вошедшие в хозяйственную жизнь и быт населения; развитость сельскохозяйственного хозяйства, степень его симбиозности со скотоводством; состояние торгово-экономических связей между селениями и районами края; политическая ситуация, политические взаимоотношения, особенно между образованиями, входящими в разные природные зоны; этнокультурные связи и взаимоотношения на уровне поселений, районов, этносов. Иными словами, мы имеем дело с исторически сложившимися хозяйственно-культурными комплексами народов, "характеризующимися близким уровнем развития производительных сил" /117, с. 24/, которые экономисты называли "экономическим ландшафтом" (организационно-хозяйственная формула, включающая естественно-исторические предпосылки, плотность населения, соотношение угодий и тому подобные признаки, повторяющиеся "в любых широтах и любой этнической группировке") /456, с. 17-18/. Нетрудно заметить, что подобные комплексы или экономические ландшафты самым непосредственным образом соотносятся с ХКТ, в которых также главными компонентами являются экология, отрасли хозяйства и их соотношение, культура, в первую очередь в ее элементах, связанных с хозяйством, уровень социально-экономического развития носителей комплекса.

Наиболее четко выделяющимся районом скотоводства, в то же время наиболее последовательно соотносящимся с комплексом ХКТ, была равнина. Наивысший по Дагестану удельный вес КРС при подворном преобладании рабочего приближает его скотоводство к роли "подспорья земледелию", как в Кахетии /87, с. 116/. Его значение определялось "не удельным весом и масштабами, а характером его сочетания с ведущими отраслями" /470, с. 254, 313/, "общим уровнем развития культуры земледелия", по выражению С.Толы-

бекова /441, с. 83/. Однако вряд ли можно считать корректным положение В.М.Шамиладзе, что подобную "связь с земледельческим циклом следует считать одним из основных характерных признаков равнинного скотоводства Грузии, исторически обусловивших в отличие от других частей Кавказа высокоразвитые формы хозяйственной культуры" /470, с. 313-314/. Четкость выделения равнинного ареала (района) ХКТ была обеспечена характером экономических отношений после XV-XVI вв., когда стали возможны новые, более выгодные и приемлемые для разных зон Дагестана обменные связи, сложившиеся на основе "порайонного разделения труда, обусловленного различной спецификой хозяйственной деятельности территориальных групп населения" /263, с. 51/. Иными словами, и равнинный и другие ХКТ (районы) "исторически развиваются на основе территориально-зонального разделения труда" /463, с. 24/. Главным результатом этого разделения явилась возможность для населения горного Дагестана обменивать продукты скотоводства и ремесел на равнинный хлеб. Равнина, имевшая наилучшие условия для развития в наиболее благоприятном хозяйственном направлении (крупные массивы земель, пригодные для обработки и выпаса скота), стала базой развития земледелия и скотоводства, сопряженного (симбиозного) с ним. В известной степени к ней примыкает в этом отношении и предгорье. Так, здесь складывается ХКТ, который можно назвать ХКТ равнинных земледельцев-скотоводов умеренного подпояса, подтип степей и лесостепей, приближающийся по классификации Б.В.Андреянова и Н.Н.Чебоксарова, к ХКТ "оседлых пашенных земледельцев" умеренного подпояса, подтип степей и лесостепей, и к ХКТ оседлых пашенных земледельцев и скотоводов теплого пояса /83, карта/.

В хозяйственной характеристике равнины Дагестана авторы XIX в. всегда отмечают, что население ее "в избытке довольствуется пшеницей, ячменем, кукурузой и разными овощами" /426/. Прогрессирующее земледельческое хозяйство, требовавшее роста удельного веса рабочего скота, способствовало преимущественному и прогрессирующему бытованию стационарных ФС, главным образом выгонно-стойлового типа. Одновременно происходит рост симбиозности скотоводства и земледелия, возрастание взаимосвязи обеих отраслей: рост запашки требовал роста рабочего скота и удобрений; развитие скотоводства, особенно разведения крупного скота, обуславливало рост производства кормов (мякина, фураж) и т.д. Отметим, что все 9 участков (или 18 феодальных владений и союзов обществ) равнины характеризовались в XIX в. высоким уровнем пашенного земледелия. Высокий удельный вес КРС, особенно рабочего, значительно превышающий среднедагестанский, был характерен для 7 участков (15 союзов) равнины.

Ведущая роль ХКТ земледельцев-скотоводов сказывалась и на видовых соотношениях скота. Тяжелый деревянный, а затем железный плуг требовал рослого, сильного скота, а на поливных землях — даже буйволов. Необходимость содержания даже в среднем хозяйстве хотя бы двух голов рабо-

чего скота уже ограничивала возможности обеспечения кормом и уходом других видов и категорий скота. Поэтому нередко бывало, как, например, у одного нашего респондента, когда рядовое хозяйство держало лишь двух волов, не имея возможности содержать дополнительно даже одну корову /56, с. 157, Эндери/.

Тесная взаимосвязь обеих отраслей хозяйства (земледелия и скотоводства) в равнинном ХКТ отражена и в других компонентах отраслей, орудиях труда. Так, например, крупные, перевороченные плугом пласты земли надо было для сева подравнивать, дробить, а для этого требовалась тяжелая борона, которую могут тянуть только сильные, крупные вола, а при влажной земле — только буйволы.

Содержание рабочего скота требует больших запасов корма; даже при наличии хороших выпасных мест его приходится кормить в стойле, так как загроможденность рабочего скота не оставляет времени для его выпаса. А рабочий скот не должен был слабеть, тошнить: в отличие от других категорий скота недокорм имел для него самые негативные последствия. Поскольку сенокосных угодий на равнине было много, сена заготавливалось по возможности больше, и основным орудием для срезания травы здесь в отличие от горной части была коса. В связи с этим можно указать на еще одну особенность равнинного ХКТ: здесь в хозяйственных работах удельный вес женского труда был небольшим. В XIX в. наблюдалась закономерность: чем выше в горы и чем меньше удельный вес земледельческой отрасли, тем больший масштаб получает в хозяйстве женский труд.

Существенным компонентом ХКТ равнины являлся колесный транспорт. Функционирование хозяйства равнины, особенно его земледельческой отрасли, было невозможно без арбы в бычьей упряжи, и это была еще одна линия сопряженности обеих отраслей. Более того, арбынный транспорт равнины обусловил планировку селений, а именно наличие здесь улиц, ибо соблюдался принцип доступности каждого двора для въезда арбы. Отсюда еще одна особенность равнинного хозяйства: если в горной части скотоводческий хутор часто являлся вынужденной мерой утилизации запасов корма из-за трудности его доставки в селение (вместе этого скот доставлялся к корму), то на равнине наличие дорог и транспорта обеспечивало возможности подвоза, и поэтому здесь были на усадьбе профилированные постройки для содержания скота, для хранения запасов зерна и фуража и т.п., т.е. имела место развитость усадебного хозяйственного комплекса.

Еще одна особенность ХКТ земледельцев-скотоводов равнины — преобладание растительной пищи, что вытекало из подсобной (для земледелия) роли скота. И поскольку для воспроизводства рабочего скота требовалось и определенное количество маточного поголовья, это давало возможность развитию продуктивного молочного хозяйства, мясное же назначение скота отступало на задний план. Потребности в мясе и другой животноводческой продукции (жир,

курдюк, овечий сыр и т.д.) удовлетворялись главным образом за счет обмена с населением горной части. А в самой растительной пище преобладает мучная, в частности печеный хлеб (и пресный и кислый), в то время как в горной части хлеб (особенно кислый) не являлся регулярной пищей.

Характерной особенностью равнинного типа хозяйства было слабое развитие промыслов и отходничества (зонального, не социального), вытекающее из занятости населения в основных отраслях хозяйства. Тем более не было здесь отхода населения, связанного с отгоном скота, ибо преобладал выгонно-стойловый тип скотоводства, который базировался на местных зональных угодьях.

Таким образом, в равнинном ХКТ XIX в. мы видим максимальную сочлененность скотоводства с земледелием, что дает право называть его ХКТ пашенных земледельцев-скотоводов.

Следующий хозяйственный район, имеющий свой облик, — горный. Предгорная зона как переходная при рассмотрении общего хозяйственно-культурного облика Дагестана, как оказалось, не имела самостоятельного значения. Верхняя часть предгорья по хозяйственно-культурным особенностям сливается с горной зоной, а нижнее предгорье — с равниной.

Естественно, что в условиях гор вопрос о составных отраслях ХКТ и их соотношении приобретает совершенно иные значения. Ясно, что природные условия гор ставят немало препятствий перед земледелием. В первую очередь среди этих препятствий надо назвать недостаток пригодных для распашки угодий. Поэтому, как правило, горные районы приобретают скотоводческий хозяйственный уклон, поскольку горные угодья более благоприятны для выпаса скота. Приведенные выше материалы свидетельствуют о большом масштабе и значении скотоводства в горном Дагестане. И это особенность горных районов вообще, и в частности горных зон Кавказа. Поэтому вполне обоснован вывод В.М.Шамиладзе о ярко выраженном "приоритете скотоводства в хозяйственном профиле высокогорной Грузии и Кавказа". Резонными выглядят и его аргументы, что ни высокий хозяйственно-культурный уровень, ни интенсивный характер земледелия в горах не могут означать его приоритета здесь /470, с. 258-259/. И все-таки для горного (не высокогорного) Дагестана XIX в. решение этой проблемы не столь однозначно, и неспроста поэтому исследователь хозяйства Дагестана Х.-М.О.Хашаев пересмотрел вопрос о господстве в горном Дагестане скотоводческого хозяйства /454, с. 81-82, 93-95/.

Правильную постановку вопроса в подобной ситуации подсказывает В.К.Гарданов, призывая не стремиться к "универсальной характеристике основных хозяйственных занятий адыгов без дифференциации по отдельным племенам и районам" /163, с. 67/. Он указывает, что племена не делятся на группы земледельцев, обязательно живших на равнине, и скотоводов — обязательно горцев и, наконец, что здесь

нет никакого престижного момента, ибо пример адыгов показывает ошибочность истолкования преобладания скотоводства "как свидетельствования примитивности и отсталости их экономики" /165, с. 58, 99/.

Сходным было положение в Дагестане. Горная часть исторически явилась колыбелью земледелия, и на протяжении многих эпох роль земледелия в горах Дагестана усиливалась при каждом отрыве от равнинной части. Оно оказывалось как бы гарантом для жизни горцев даже при преобладающем скотоводстве. Вместе с тем крестьяне из опыта знали, что при катастрофических бедствиях именно земледелие помогает быстрее восстановить скотоводческое хозяйство /479, с. 43/. Поэтому даже население с преобладающим скотоводством "не обходилось без своего земледельческого хозяйства, ведение которого было необходимым условием нормального существования населения" /165, с. 62; 137, с. 91/.

Немалую роль играли при этом земледельческие традиции горского населения, приобретенные за много веков характер и силу этнопсихологического стереотипа. Выше мы приводили примеры этих традиций, в частности такие, как непреходящее стремление горца иметь в хозяйстве хотя бы клочок пашни, разная оценка горцами благосостояния, базирующегося на земледелии и на скотоводстве, и т.п. Совершенно прав В.М.Суринов, утверждающий, что традиции ведения хозяйства, определяемые его интенсивностью, носят "наследуемый характер" (430, с. 54/.

Земледельческие традиции нагорного Дагестана сохраняли свою силу и в XIX в. И не случайно это отразилось и в классификации ХКТ Б.В.Андрианова и Н.Н.Чебоксарова, выделивших горную область Кавказа (а в числе населяющих ее — аварцев) как область пашенных земледельцев со значительным удельным весом скотоводства /83, с.15/. Авторы статьи назвали земледельцев-аварцев в одном ряду с такими традиционными землепашцами, как таджики, кашмирцы. ХКТ земледельцев горного Дагестана характеризуется как тип оседлых пашенных земледельцев умеренного пояса (подтип горный), по Б.В.Андрианову /83, карта/. Интересно привести заключение специалиста и другого профиля — ботаника Т.К.Енина, который пишет, что "земледелие является одним из основных занятий народов Дагестана", в отдельных районах "уступает первое место овцеводству, овошеводству, плодоводству и виноградарству, но нет районов в Дагестане, где бы хлебные злаки или зерновые бобовые культуры не возделывались" /414, с. 73/. Однако в отличие, например, от периода господства кочевников на равнине Дагестана земледелие нагорного Дагестана в XIX в. представляло собой в большей степени традицию, чем экономическую весомую реальность, — сказывалось вековое развитие зональной хозяйственной специализации, сложившейся после XV в.

Соотношение земледелия и скотоводства в XIX в. можно оценивать для ряда районов примерно как равное, причем если в занятиях населения горного Дагестана земледелие

играет важную роль, то в смысле доходности, обеспечения населения средствами проживания оно отстает на второй план по сравнению со скотоводством. Все наблюдатели, побывавшие в нагорном Дагестане в XIX в., отмечают здесь сочетание скотоводства и земледелия. Так, например, Н.Трипольский указывал, что "большая часть деревень" Аварского округа "пользуется хлебом из собственных посевов, а некоторые даже продают избыток жителям соседних обществ" /442, с.95/. Другой автор указывает, что в Ботлихе (союз обществ Технуцал) скотоводством занимается треть населения, остальные — садоводством и посевами кукурузы, пшеницы и проса. Однако тут же автор показывает слабость местного земледелия, поскольку в обмен на продукцию садоводства население получает в Чечне "кукурузу, главный источник пропитания горца" /406, с. 246-247/. Д.Н.Анучин также свидетельствует, что в Уркарахе "главный доход получают от разведения баранов, а затем от земледелия", в Акуше "занимаются земледелием, сеют пшеницу и ячмень, разводят баранов" /85, с.390, 428/. А.Е.Марков о Гидатле пишет, что своего хлеба им хватает на весь год /319, с. 491/.

В отличие от равнинного горное земледелие в XIX в. не развивалось, что соответственным образом сказалось и на видовом составе скота. Поскольку приносящей доход отраслью все более становилось скотоводство, связанное с земледелием содержание рабочего скота шло на убыль, с одновременным увеличением разведения доходных, промысловых видов скота. Этим объясняется, что небольшие районы, характеризующиеся относительно развитым земледельческим хозяйством, становятся в XIX в. центрами наиболее товарной отрасли скотоводства — овцеводства, реже — молочного хозяйства. Так, например, один из древнейших и развитых земледельческих очагов горного Дагестана, Андалал, становится и крупным центром овцеводства, а Гидатль — центром молочного хозяйства, точно так же овцеводство получает развитие в союзах Акуша, Хедолал, Мекеги, Гапш, Вицхи, а молочное скотоводство — в союзах Батлук, Куяда, Хиндалал, Цунта-Ахвах, Ратлу-Ахвах, Мукар, Ицари. Но поскольку во многих обществах не хватало кормовой базы для расширяющегося овцеводства, оно стало приобретать здесь все более подвижный характер, и поэтому в горной части при оседлом населении получает все большее распространение трансюманс.

Незначительность пахотных угодий, слабое развитие колесного транспорта не требовали больших количеств рабочего скота, поэтому в ряде горных районов содержалось по одной голове рабочего скота на хозяйство (или он вообще отсутствовал). В этих условиях развивалось супржничество скота или оказание взаимных услуг при пользовании рабочим скотом. Это создавало дополнительные резервы для увеличения молочного скота и расширения овцеводства, что, в свою очередь влияло на ФС: при значительном удельном весе выгонно-стойлового и хуторского содержания (особенно для КРС) здесь немалые масштабы

приобрел отгон молочного скота на яйлаги и овец на равнинные кышлаги.

Меньшая потребность в рабочем скоте в горном ХКТ сказывалась и на видовых соотношениях скота. Земледелие здесь не только маломасштабно, но и требует другого пахотного орудия. Горное рало не идет ни в какое сравнение с многоупряжным равнинным плугом, поэтому рабочего скота требуется для пахоты меньше, остается больше возможностей для содержания других видов скота. В этом же плане следует рассматривать и отсутствие за ненадобностью тяжелых борон. Далее. Хотя проблема кормов в горной части была более острой, чем на равнине, но масштабы (и возможности) кормозаготовок были намного меньше, и заготовка корма как бы переместилась из сферы основного производства в подсобную, домашнюю сферу, стала главным образом обязанностью женщины с серпом.

Значительное своеобразие горному ХКТ придавал транспорт. Поскольку арба не могла быть здесь основным его видом, использовался главным образом осел, ибо лошадь была не под силу среднему хозяйству в качестве выючного животного из-за недостатка кормовой базы. Поэтому осел стал главной транспортной силой горной части: не случайно здесь находились аулы с наибольшим показателем их поголовья на одно хозяйство. Отсутствие, как правило, арбы и использование для перевозок ослов сказалось отчасти и на одной из особенностей планировки "улиц" горных аулов — узких, любой крутизны, без расчета на повозку, но доступных для осла с поклажей.

Однако в видах пищи горный ХКТ примыкает к равнинному, что отражает его глубокие древние сельскохозяйственные традиции. Преобладание в хозяйстве скотоводства не привело к преобладанию животноводческой пищи, она осталась мучной, а продукция скотоводства во всех видах (поголовье, мясо, сыр, шкуры, овчины, шерсть, масло, курдюк, жир) шла в значительной мере в обмен на зерно. В этом как бы проявлялось соответствие традиционной пищи горцев традиционному занятию. Правда, в самом виде мучной пищи различие с равниной существовало — преобладал не печеный хлеб, а вареные галушки — хинкал, повседневная основная еда. Причинами этого, по-видимому, являлись недостаток зерна, топлива, бедность, плохая пригодность кизячного топлива для хлебопечения (а дров в горах мало) и др.

Прямую связь с состоянием хозяйства имела еще одна особенность горного ХКТ — сильное развитие промыслов и охотничества вследствие неполной занятости населения в основных отраслях хозяйства.

Таким образом, горный ХКТ, являясь культурно-типологически типом земледельцев и скотоводов, не выделялся ни развитием земледелием, ни сочлененностью и подсобным характером скотоводства в соотношении с земледелием.

Другое его отличие от равнинного ХКТ — неравномерность распространения основных хозяйственных и культурных компонентов, колебания по районам как в преоблада-

нии отраслей хозяйства, так и в распространении видов скота (например, для Тинди, Гидатля, Ратлу-Ахваха, Мекеги характерен существенный удельный вес земледелия; для Технуцала, Хиндалала, Цудахара — садоводства; Карата, Цунта-Ахвах, Андалал, Акуша, Вицхи, Гапш — с преобладанием скотоводства и т.д.).

К горному ХКТ примыкает высокогорный, во многом близкий к горному в своих основных компонентах. И все-таки главное его отличие, заключающееся в резком и повсеместном преобладании скотоводства, диктует выделение самостоятельного высокогорного ХКТ. Его можно определить как ХКТ оседлых скотоводов-земледельцев аридной зоны умеренного пояса, подтип высокогорный /83, карта; 370, с. 22-27; 369, с. 39-41/.

Высокогорье имело наиболее низкий показатель по земледелию, здесь почти не было террасного земледелия, одного из показателей традиционности и интенсивности земледелия в горах. Показатель КРС здесь уступал только равнинному, а МРС втрое превышал равнинный и в два с лишним раза — горный (общедагестанский — вдвое). 30 союзов обществ из 40 имели здесь преобладание овец (из них 12 — наивысшие по этому показателю в Дагестане — от 42 гол. на двор до 116), 21 — КРС и лишь 2 — пахотных угодий. Для сравнения укажем, что равнина имела такие показатели преобладания: по овцам — ни одного из 18, КРС — 11, пахотным угодьям — все 18.

Однако было здесь и земледелие, иногда значительное. Поэтому наблюдатели, отмечая в высокогорье Дагестана "изобильное скотоводство" и "большое количество" овечьих стад, одновременно подчеркивали, особенно для отдельных селений высокогорья, что горцы здесь "имеют хлебопашество", и даже "богатое" /96, с. 225-226/. Отметим, что определение "богатое" употреблено по отношению к союзу Курах, одному из развитых сельскохозяйственных районов горного Дагестана вообще, — даже в предгорье было только 4 союза (два участка) с показателем пахотных угодий, превышающим Курахский, — 3,4 дес. на двор (см. табл. 2).

Для высокогорного ХКТ характерен большой разрыв между земледелием и скотоводством, большая степень дискретности отдельных сельскохозяйственных очагов, второстепенное значение земледелия в целом. Поэтому степень симбиозности здесь в XIX в. была невелика. Сравнительно высокий удельный вес КРС в отдельных районах был связан не с земледелием, а обуславливался мясо-молочным направлением. Это обстоятельство наряду с сильно ограниченными возможностями для колесного транспорта, отсутствием тяжелых плугов, борон снижало степень привязанности КРС к поселению, увеличивало предпосылки для отгонного, особенно яйлажного, его содержания. Хотя заготовка кормов в высокогорье была более значительна, чем в горной части (больше сенокосов, скота, длиннее стойловый период), однако она и здесь остается отраслью как бы "домашней", лежащей большей частью на плечах женщины (в том числе и доставка кормов к дому). Кстати, и транспорт высокогорья

отличается от горного: еще меньше колесного, однако меньше и вьючных ослов, больше перевозок груза лошадьми и переноски их женщинами. Лошадь, ее роль и масштабы разведения – тоже особенность высокогорного ХКТ: по поголовью лошадей на двор эта зона имеет равный показатель с равниной – 0,5 гол., причем наивысший по Дагестану показатель имели только два союза (владения) – равнинный Аксай и высокогорный Алтыпара (1,1 гол. на двор). Объясняется это как условиями высокогорья (трудность переходов пешком, дальность перевозок), так и особенностями подвижного скотоводства с его дальними перегонами и обширными выпасными высокогорными угодьями. В то же время по поголовью ослов высокогорье значительно уступает горной части (0,5 и 0,3 гол. на двор).

В видах пищи высокогорье еще более отдалается от земледельческого ХКТ. Во-первых, здесь намного выше удельный вес мясной и особенно молочной пищи. Во-вторых, мучные изделия приобретают здесь как бы еще более "походный" характер: это хинкал, толокно, лепешки в золе и на железном листе (санджаке), почти полное отсутствие кислого хлеба. Именно здесь получили наибольшее распространение удобные при переходах поджаренные зерновые смеси и толокно – "хлебная" еда быстрого приготовления. И все-таки и здесь трудно говорить об исключительном преобладании животноводческой пищи, как, например, у ногайцев. Хотя главная отрасль хозяйства – скотоводство, но большая часть его продукции идет в обмен на приобретение зерна, хлеба. Лишь голод, полное отсутствие возможности добыть зерно могли оставить здесь семью без мучной (зерновой) пищи хотя бы на один день.

Слабая связь с земледелием, развитость отгонного скотоводства, наличие свободных рабочих рук послужили предпосылкой и для большого удельного веса отходничества.

Таким образом, высокогорный ХКТ являлся скотоводческо-земледельческим типом, в котором скотоводство было главным и ведущим, с преобладанием овец и отгонных ФС с частичным отходом населения. В отличие от горного он составляет единый хозяйственно-культурный район, территориальную реализацию одного ХКТ.

Естественным является вопрос о возможных соотношениях и корреляциях между хозяйственно-культурными типами и этническими районами. Признано, что ХКТ определяется направлением хозяйства и географической средой /293, с. 4/, что ХКТ "структурно определяется ведущей отраслью хозяйства" /83, с. 8/, что в ХКТ речь идет о "конвергентно возникающем сходстве у народов, живущих в близких естественно-географических условиях" /293, с. 4-5/. Однако, с другой стороны, на базе хозяйственно-культурных и этнических факторов образуется система, которая, будучи локализованной, "образует конкретный этнокультурный ареал" /461, с. 122/, и "различие этносов или проявление этнического субстрата способствует обособлению хозяйственно-культурных типов" /460, с. 80/. Исходя из этого, Я.В.Чеснов, В.Ф.Геннинг допускают, как нам кажется, известное

преувеличение этнической стороны в развитии ХКТ /461, с. 13, 109-112; 172, с. 92-95/, хотя сама постановка вопроса об "этнической специфике ХКТ" представляется нам правомочной. Думается, что более справедлива точка зрения основоположников положения о ХКТ С.П.Толстова, М.Г.Левина и Н.Н.Чебоксарова, что "один и тот же ХКТ" бытует у разных народов и в разных областях при "одинаковом уровне производительных сил, в сходной географической среде", а "особенности культуры, характерные для каждого типа, определяются в первую очередь направлением хозяйства в данных географических условиях" /290, с. 6; об этом же: 261, с. 74; 403, с. 29; 352, с. 13/. При этом, конечно, следует учитывать, что хозяйственная система в результате длительной стабильности (социальной и экологической) "превращается в устойчивую традицию" /114, с. 250/, что способствует этнизации ХКТ.

Разумеется, ХКТ является составной частью культуры этноса (как и культура этноса является частью историко-культурной области) и как таковой может быть и традиционно-бытовым, и этнически окрашенным. При этом надо иметь в виду, что хотя всякая этническая традиция есть культурная, но не всякая культурная традиция является этнической. Народная традиция – не обязательно порождение этнической группы, она может сложиться в среде группы, объединенной по другим признакам, например хозяйственным /474, с. 104-105/. Содержание культурной провинции, даже представляющей этническое единство, определяется географическими и в еще гораздо большей степени обуславливается хозяйственными и общественными факторами /513, с. 318/. И поэтому любые локальные традиции – это лишь отражение "специфического жизненного опыта... отражающего индивидуальную конфигурацию их исторических судеб и особых условий существования" /314, с. 85-86/.

В этнографической литературе по Дагестану, начиная с Е.М.Шиллинга, общепризнана значительно меньшая, чем языковая, этнографическая дробность. По-видимому, в еще большей степени это можно сказать о хозяйственных типах. Общая особенность дагестанских ХКТ – их "аэтничность", объединение в рамках отдельных типов разных этнических групп. В этом отношении при постановке вопроса о сходстве и различии в хозяйстве и культуре речь может идти о населении разных ХКТ, об отдельных группах одного этноса разных ХКТ, об относящихся к одному ХКТ группах разных этносов. В отдельных случаях границы хозяйственно-культурных компонентов и этнических признаков совпадают, и тогда их ареалы накладываются друг на друга, отграничивают этнокультурный район. Примером последнего могут служить в Дагестане кумыки.

Этот этнос довольно четко характеризуется в хозяйственно-культурном отношении как тип равнинно-предгорных земледельцев-скотоводов. Действительно, кумыкский этнос не знает другого хозяйственного типа благодаря тому, что он издавна расположен на обширных просторах равнинно-предгорной зоны и соответственно выработал в течение

многих веков зональной хозяйственной специализации общий для всей народности ХКТ. На этом примеры совпадения хозяйственно-культурного и этнического образования в Дагестане кончаются. Например, в пределах земледельческо-скотоводческого равнинно-предгорного района кроме кумыков была расселена часть даргинцев, аварцев, лезгин, табасаранцев, азербайджанцев. И различия между хозяйственно-культурными чертами каждого из этих народов лежали больше в области традиционно-этнографического, веками сложившегося этнического своеобразия, скажем в области одежды, некоторых несущественных признаков орудий, построек для скота и т.п., и многие из этих черт и признаков генетически тоже имели природно-географическую или экономическую основу.

Точно так же обстояло положение в горном земледельческо-скотоводческом районе, где были расселены аварцы, лакцы, даргинцы, лезгины, и в высокогорном районе к ним прибавляются андийцы, дидойцы, цахуры, агулы и рутульцы. У каждой из этих групп народов, проживающих в горах или высокогорье, несмотря на некоторые этнические особенности, был единый ХКТ, характерный для данного района.

Вопрос о ХКТ целесообразно рассматривать на общем фоне историко-этнографической области Дагестана, которую следует считать соответствующей подобластью Кавказа. В самом ее определении кроется и ее содержание — исторически сложившаяся общность хозяйственной и культурной жизни, возникшая в результате взаимодействия отдельных частей этой области. Таким образом, вопросы типологии хозяйства и культуры имеют несколько аспектов и ступеней. В определенных отношениях с объективно существующими хозяйственно-культурными районами и историко-этнографической областью находятся и ФС, и системы земледелия, и этнокультурные районы. Нас в данном случае эти вопросы интересуют постольку, поскольку они дают возможность выяснить степень хозяйственного и — через посредство его — этнического общения и соответственно последствий этого общения для ФС, как и обратных воздействий ФС на общение этносов. Уже говорилось, что ХКТ и хозяйственно-культурный район — в основном однозначные понятия: ХКТ дает характеристику (ХКТ земледельческо-скотоводов), а хозяйственно-культурный район представляет собой реализацию ХКТ на определенной территории, саует территорию, охарактеризованную с точки зрения особенностей хозяйства и культуры.

Переходя к вопросам хозяйственных контактов, укажем на большую роль ХКТ как в генезисе самих контактов, так и в их интенсификации. Отметим также особую важность подобных контактов в условиях этнической пестроты населения Дагестана, более эффективных и результативных, нежели этнические отношения и объединительные усилия политического характера.

В литературе уже указывалось, что в хозяйственных и культурных контактах большую роль играет взаимообмен в

пользовании различными местными земельными угодьями. Так, в этнообъединяющей роли гор, используемых "под пастбища или для других хозяйственных целей", говорит В.И.Козлов /262, с. 94/. О еще большем значении для горцев равнины, дававшей им "зимние пастбища и рынки" (и хлеб, добавим мы), о том, что "горцам нужна была степь гораздо больше, чем степнякам горы", по причине чего они часто попадали в зависимость от владельцев равнины, говорит Л.И.Лавров /290, с. 34/. В результате равнина, являвшаяся разносторонним аграрным районом, становилась "контактным ареалом" /499, с. 36-37/, в котором встречались и взаимодействовали (и видоизменялись, складывались) разные хозяйственные, культурные, этнические типы. Л.И.Лавров справедливо отметил, что при стационарном внутриворонном скотоводстве возможности политических и языковых контактов в отличие от отгонного скотоводства практически сводятся к нулю, как это было в Западном Дагестане /290, с. 29-30/. О разнообразных, в том числе этнокультурных, связях горцев, занятых отгонным скотоводством с соседними областями Кавказа (Северный Азербайджан, Восточная Грузия, равнинный Дагестан), говорит и Г.А.Сергеева /419, с. 92-95/. На то, что отгонное скотоводство "во многом определило культурную общность населения" Карпат, указывает Ю.В.Бромлей /114, с. 237-238; см. также: 137, с. 90/.

Необходимо подчеркнуть особую силу контактов, основу которых составляют хозяйственные связи, ибо они лежат в сфере производства (и материального обмена). Это придает общению фундаментальный и постоянный характер и создает предпосылки и для культурных и языковых взаимодействий (а также политических контактов), способствующих ослаблению как территориальной, так и особенно этнической замкнутости, что, в свою очередь, генерирует новые возможности хозяйственных контактов.

Рассмотрим коротко хозяйственные связи населения Дагестана, главным образом в сфере скотоводства. Производственные связи, например, равнинно-предгорного ХКТ земледельцев-скотоводов, перерастающие в этнические, с обратным их воздействием, имели вид: а) сдачи земель в аренду для пригоняемого скота, сопровождаемой целой системой переговоров, контактов, и в частности институтом взаимного куначества; б) пребывания чабанов (и периодически других членов семьи, общины) с овцами на угодьях равнины; в) такого же пребывания скотоводов низменных областей на горных летних пастбищах, но в меньших масштабах по сравнению с пребыванием горцев на равнине; г) частичного производственного отхода горцев вместе со скотом на равнину. Все это создавало основу для постоянного хозяйственного и торгового обмена, для культурного и политического общения, для выработки общих, более рациональных производственных навыков, для унификации и улучшения инвентаря, хозяйственных построек и т.д. Весьма положительный фактор в этом общении — не только общение пришедших с местной хозяйственной и этнокультурной средой, но и установление постоянных контактов и

связей между людьми разной этнической принадлежности, пришедших на сезонные пастбища из разных концов Дагестана (аварцы и лакцы, рутульцы и лезгины, лакцы и даргинцы, кумыки и лакцы и т.д.). Представители разных этносов, оказавшиеся в одном месте, с одной хозяйственной целью, получают импульсы для особого тесного общения, у них возникает много возможностей для производственного и бытового взаимодействия. Отметим в связи с этим, что территориальное размещение ХКТ Дагестана сложилось таким образом, что складывались этнические связи двух типов: межэтнические и внутриэтнические. По своему значению и последствиям для этнической истории Дагестана оба типа связей одинаково важны: первые способствовали межнациональному сближению, сложению элементов общедагестанской культуры, внедрению представления о Дагестане как историко-географическом и политическом целом, вторые же создавали предпосылки для внутриэтнической консолидации и образования народностей.

Важная форма контактов — приход на равнину горцев в страдную пору земледельческих работ. Обратных уходов населения с равнин в горы, из земледельческого района в скотоводческий не было (причины: перенаселенность гор, меньшая по сравнению с земледелием трудоемкость скотоводства). То же имеет место и в обмене продуктами: жители гор, обладатели продуктов скотоводства (и изделий из него), как правило, идут на равнину к обладателям хлеба. Отход населения гор на заработки, отгон скота горцев на зимние, а отчасти весенние пастбища, не говоря уже о покупке хлеба, ставили горцев в экономическую зависимость от жителей равнины. Кумык или табасаранец не пойдет в производственный отход к аварцу или агулу, поэтому последние, как и даргинец, систематически идущий в отход или обменивающий свои фрукты у равнинных кумыков, должны стараться, чтобы кумыки их понимали, т.е. учиться их языку. Отсюда и распространенность кумыкского языка в Северном Дагестане (в Южном Дагестане — азербайджанского, ибо лезгины и другие народности Южного Дагестана отгоняли свой скот в Азербайджан и туда же шли на заработки).

Связи населения нагорного земледельческо-скотоводческого типа не так обширны. Менее масштабны контакты, связанные с отгонным скотоводством. Наименее коммуникабельны селения с развитым террасным зерновым земледелием и хуторским содержанием скота при значительном проценте КРС. В долинные садоводческие селения наблюдается приток из горных районов в период уборки урожая. Долинные садоводы отличаются наибольшей коммуникабельностью при сбыте своей продукции, причем сами доставляют ее и в горные скотоводческие, и в равнинно-предгорные земледельческие селения. Линии этнических контактов нагорной части: у даргинцев — с даргинцами, кумыками, лакцами; у аварцев — с аварцами, кумыками; у лезгин — с лезгинами, агулами, рутульцами, дербентскими азербайджанцами. В целом этнические связи населения нагорного ХКТ более мо-

ноэтничны, преобладают внутриэтнические контакты, особенно у разных групп аварцев.

Контакты населения высокогорного ХКТ скотоводов и земледельцев более многосторонни: с садоводами долин (участие в производстве и обмен), с земледельцами-скотоводами горной зоны (обмен, предоставление своих яйлагов и использование их зимних хуторов), с земледельцами равнины (взаимный отгон скота, обмен). Этнические контакты здесь, помимо однотипных с контактами горной части: связи даргинцев с рутульцами, аварцев — с дидойцами, андийцами, чеченцами. Контакты высокогорного хозяйственного типа отличаются также и большой активностью и глубиной.

Наиболее активными, хотя и отдаленными, были здесь связи населения альпийской зоны, имевшие для него большое экономическое значение. Центральная и северная части высокогорного Дагестана (союзы обществ Капуча, Анцух, Гунзал, Тлейсерух и др.) были ориентированы на равнины и долины Грузии и Чечни, уход населения здесь бывает массовым, развито оседание на новых местах (особенно в Грузии), хозяйственная жизнь связана с экономикой Грузии тысячами нитей. Как следствие этого — почти поголовное знание грузинского языка, способствующее, в свою очередь, углублению всех видов общения. Южное высокогорье Дагестана (союзы Джурмут, Тланаба, Бохнада, Ухнада, Томс, Алтыпара, Докузпара, Ахтыпара, Рутул, Ихрек, Цахур и др.) в еще большей степени было экономически и культурно связано с Азербайджаном, оседание здесь было даже массовым (особенно цахуров), также массовым было внедрение языка и культуры азербайджанцев. Подобное постоянство в хозяйственных связях было характерно и для других регионов, и оно имело далеко идущие последствия в хозяйственной интеграции, зональной специализации, культурных взаимовлияниях.

В русских источниках еще с XVIII в. неоднократно упоминается целый ряд обществ горного Дагестана (Андалал, Хунз, Салатау, Ахты, Докузпара, Рутул, Цахур, Акуша, Цудахар и другие "многие таулинцы"), которые зимой из-за "малости корма" и стужи овец "на корм перегоняют" на равнину /228, с. 81, 84, 131, 265/. Наши материалы позволяют проследить установившиеся постоянные связи хозяйственного характера между союзами обществ и феодальными владениями всех зон и хозяйственно-культурных районов.

При всем разнообразии этих связей, участия в них разных обществ из самых разных районов для всех них была характерна одна особенность — преобладающей контактной средой был равнинный земледельческо-скотоводческий район ("контактный ареал"). И не случайным является общеизвестный факт большего единообразия как элементов культуры, так и, в частности, терминов, связанных с отгонным скотоводством (кош, кутан, удаман, хубчав, серкер, казма и др.), — сказываются и единство принимающей среды, и частота общения представителей разных этнорайонов.

В связи с этим выявляется большое значение хозяйст-

венно-интеграционных связей населения разных ХКТ (наряду с другими факторами, разумеется) в ускорении процессов национальной консолидации, в частности (и в особенности) у аварской группы народностей. Контакты населения многих хозяйственных районов в значительной своей части оказались внутризотническими, что наряду с унификацией хозяйственной жизни и культуры способствовало и объединительным процессам, сложению единого этнопсихологического стереотипа, чувства общего национального самосознания. Так, например, имели общие экономические интересы (обмен зерном, продукцией скотоводства и особенно угольями) и устойчивые хозяйственные контакты, главным образом посредством взаимного отгонного скотоводства (отгон на яйлаги, долинный отгон, в том числе на хутора) аварские союзы обществ и владения: Багулал (отгон в долины союза Технуцал и яйлаги союзов Шиитль и Шуратль); Карата (Технуцал и Шуратль, Чамалал); Хедолал (Чиркей, Чирьюрт, Чамалал, Хунзах); Хиндалал (яйлаги Цунта-Ахваха, Шуратля, Анцуха, Капучи); Хунзах и Чиркей (Цунта-Ахвах); Цунта-Ахвах (Чирьюрт, Чиркей); Технуцал, Чамалал (Шуратль); мехтулинские аварские селения (Хиндалал); Андалал (Гидатль, Асахо, Капуча, Анцух, Чамалал, Анцросо); Келеб (Андалал, Хунзах); Батлук (Гидатль); Карах, Тлейсерух, Джурмут (Андалал) /54, с. 12, Мехельта; с. 64, Муни; с. 89, Кикиуни; с. 97, Маали; с. 82, Гимры; 55, с. 31, Ругельда; с. 36, Тлядал; с. 48, Мокок; с. 53, Кутлаб; с. 61, Никар; с. 69, Ругуджа; с. 65, Чох, с. 79, Вихли; 56, с. 204, Гилиб/ и т.д.

Таким образом, в ФС и типах скотоводческого хозяйства в их соотношении с земледелием прослеживается прямая корреляция с ХКТ с хозяйственно-культурными и этнокультурными районами. Корреляция здесь двусторонняя: как компонент ХКТ форма скотоводства влияет на его профиль, облик, и в то же время ХКТ как система хозяйственных элементов, включая и ФС, определяет характер ФС, направленность видового содержания скота. Первое преобладало в период генезиса ХКТ, второе — в сложившихся традиционных ХКТ. Пример развития ХКТ Дагестана со времени последней зональной хозяйственной специализации (XV—XIX вв.) показывает увеличивающуюся в процессе исторического развития роль ХКТ как системы в определении пропорций и соотношений отдельных его компонентов — отраслей хозяйства, типов земледелия и скотоводства. Одновременно наблюдается рост степени культуризации и этнизации ХКТ, являющийся практически закреплением и консервацией свойств и признаков хозяйственно-экологического происхождения и развития.

Итоги нашей работы имеют два взаимосвязанных аспекта. Первый — это результаты исследования ФС в соотношении и взаимосвязи с развитием хозяйства в целом, особенно земледелия. Второй — вспомогательный, выработка системы понятий и признаков — критериев классификации ФС, что представлялось необходимым из-за отсутствия в литературе их однозначной интерпретации. Главным недочетом типологических построений ФС явилось стремление охватить в понятии ФС весь годичный цикл скотоводческого хозяйства. При этом за основу классификации брались или зональный принцип, или способ содержания скота, или образ жизни населения. Однако ни один из этих критериев не обеспечивал разграничения всех ФС, характеризующих годичное скотоводческое хозяйство, и поэтому нарушалась однозначность классификации, являющаяся необходимым условием процедуры типологического обобщения.

Наша классификация предусматривает четкое различие системы кормообеспечения, форм и типов скотоводства, увязанных с образом жизни и ХКТ. Системы кормообеспечения (пастбищную и стойловую) мы различаем по принципу потребления животными кормов — путем выпаса или скармливания заготовленных кормов.

В пределах систем выделяется на основе главного принципа скотоводства — обеспечения кормления и воспроизводства — ФС. Поскольку этот главный аспект четко различается по временам (сезонам) года, в основу классификации ФС кладется сезонный критерий кормления и воспроизводства с учетом сезонно-зональных изменений угодий.

Помимо основных имеются дополнительные критерии: состав сельского стада, соотношение видов и категорий скота, их использование и др. На основе этих критериев нами предложена следующая классификация ФС Дагестана в XIX в. I. Стационарные ФС: 1) выгонная, 2) стойловая, 3) хуторская с подвидами: а) выгонный хутор, б) пастбищный, в) яйлажный. II. Подвижные ФС: 1) яйлажная с подвидами: а) отгон рабочего скота, б) отгон КРС (быки, бычки, телки), в) отгон МРС; 2) кышлажная с подвидами: а) осенне-зимний отгон, б) осенне-зимний с частичным отходом населения, в) весенний; 3) долинная форма; 4) шалашная форма. III. Кочевые ФС.

Скотоводческое хозяйство в целом (годовой цикл) характеризует тип скотоводства, воссоздаваемый на основе сочетаний ФС в поселении (социальном организме, районе, зоне) и обеспечивающий полноту характеристики скотоводства — весь год, полный цикл воспроизводства и экономики, охват всей сферы содержания скота (по зонам).

Лишь после этого можно увязывать формы и типы скотоводства с понятиями более высокого таксономического уровня — образом жизни и ХКТ, с учетом трех критериев: 1) соотношение скотоводства с земледелием; 2) место содержания скота по отношению к поселению и его кормовым угодьям; 3) организация труда и быта животноводов и особенно степень участия населения в сезонном внесельском содержании скота. С их помощью в Дагестане классифицируются скотоводы и ХКТ высокогорных оседлых скотоводов и земледельцев с развитым скотоводством, горных пашенных земледельцев и скотоводов, равнинных пашенных земледельцев-скотоводов. При этом, поскольку стойловое скотоводство не обязательно свойственно только хозяйству земледельцев, мы предложили для их скотоводческого хозяйства определение "скотоводство оседлых земледельцев" (а не "стойловое скотоводство"). Относительно же соотношения между подвижностью и преобладанием одной из отраслей отмечается такая закономерность: у земледельцев-скотоводов преобладает земледелие, у подвижных скотоводов в зависимости от конкретных условий — или скотоводство, или земледелие, у кочевых — только скотоводство.

Менее отчетливо намечаются соотношения форм и типов скотоводства с уровнем социально-экономического развития. Здесь пока не найдено четких критериев, однако материалы подсказывают связь форм и типов скотоводства Дагестана в первую очередь с развитием сельской общины, ее дееспособностью, а также с уровнем феодализации общества и его быта. Следует подчеркнуть также, что изучение условий, влиявших на бытование, соотношение и развитие ФС, показало, что реализация любых природных, хозяйственных и иных предпосылок определялась социально-экономическим состоянием общества, уровнем развития производительных сил, политическим развитием.

В первом ряду этих реализуемых условий стоят природно-географические особенности, которые обуславливают хозяйственно-культурные факторы. Пестрая мозаика чересполосных, близко соседствующих хозяйственных (и скотоводческих) типов Дагестана была вызвана именно различием ландшафтов. Дагестанцы научились использовать поочередно сезонно-зональные пастбища от равнин и долин до высокогорья, что выразилось и в разнообразии ФС.

В каждом отдельном случае ФС обуславливалась комплексом факторов: природные условия, виды угодий, тип хозяйства, особенно соотношение земледелия и скотоводства, исторические традиции хозяйствования, соотношения видов и категорий скота. Обуславливающая, регулирующая сила каждого из факторов в отношении ФС и обратное воздействие ФС (например, отгонные формы стимулируют развитие овцеводства) определялись конкретно-исторической обстановкой.

Стойловая форма характеризовалась повсеместной распространенностью, но небольшим удельным весом среди ФС, обусловленным недостатком заготовленных кормов. Стойло-

вое содержание скота в XIX в. существовало во всех 46 участках (или соответственно в 102 владениях и союзах общин Дагестана), однако ни в одном не было преобладающим.

Выгонная ФС также была повсеместной. В выгонной форме наиболее отчетливо проявляется строгое сочетание и соблюдение общиной путем рационального распределения всех угодий интересов обеих основных отраслей комплексного земледельческо-скотоводческого (или скотоводческо-земледельческого) хозяйства поселения.

Причины сложения хуторской формы — стремление уменьшить непроизводительные перевозки, приблизить скот к местам выпаса, заготовки кормов и к месту работ. Хутор был выгонный (в пределах засеваемой округи и сенокосов), пастбищный (у зимних пастбищ), яйлажный (на нижних ярусах яйлагов). Регион наибольшего бытования хуторов — внутренний горный Дагестан (наследие периода оторванности от равнин).

Отгонные (подвижные) формы — отражение (и порождение) зональной хозяйственной специализации, интенсификации скотоводства, результат укрепления экономических и политических связей разных частей Дагестана и Кавказа. Основные формы — яйлажная и кышлажная, существенная черта — подвижность скота с пастухами, но, как правило, не населения.

Яйлажная форма — наиболее древняя и простая из отгонных форм — постепенно образовалась из выгонной, присельской, но отличается от нее пребыванием скота на яйлагах весь сезон или часть сезона (без возврата в селение). Летненагульная яйлажная форма с убоем скота осенью стала одной из форм, используемых скотоводами, имеющими затруднения с зимними кормами. Она практиковалась в нагорье и высокогорье наравне с выгонной формой и являлась наиболее доступной для беднейших владельцев скота.

Кышлажная форма отличается от яйлажной большей степенью промысловости, но меньшей распространенностью и удельным весом. Ее предпосылка — недостаток зимней кормовой базы, поэтому удельный вес этой формы возрастает от предгорья к высокогорью. Делилась она на осенне-зимний, весенний и осенне-зимний отгон скота с частичным отходом населения. В характеристике кышлажного отгона с частичным отходом населения высокогорья (практиковался в высокогорье в 7 участках из 14 или в 25 союзах из 40) в литературе допущена ошибка — приравнивание промыслового отхода к скотоводческому привело к интерпретации формы как полукочевой и даже кочевой.

В кышлажной форме преобладали овцы (большая приспособленность к отгону, отсутствие необходимости постоянного пребывания при хозяйстве). В этой форме чаще практиковалось сотоварищество по содержанию овец — кош, из-за ее большей промысловости и отдаленности кышлагов (необходимость организованности). Яйлажный кош (как и яйлажная ФС) в большой степени регулируется и контролируется общиной, в кышлажном же велика роль руководителя-организатора (хубчав, серкер, удаман). В XIX в. появи-

лись "личные" коши крупных владельцев, в том числе и с ассоциированными мелкими (чтобы "наполнить" кош; в то же время это удобная форма эксплуатации). Родственных кошей в XIX в. практически не было, как не было у них и защитно-оборонительных функций.

Большое значение имели скотогонные трассы, их маршруты были согласованы на всех уровнях — от индивидуальных владельцев близких к трассе угодий до союзов общин и феодальных владетелей.

Отгон скота в обе стороны (горы — равнина и наоборот) играл большую роль в зональной хозяйственной специализации, налаживании экономических и культурных контактов. Ареалы наиболее интенсивного отгонного скотоводства обнаруживают и наибольшую активность культурных и этнических связей и взаимовлияний. При отгонах практиковались и взаимное пользование разносезонными пастбищами, и аренда.

Большое место занимала пастбищная рента. Внутри общин конфликт происходил в виде скрытой эксплуатации рядовых общинников в форме так называемых экономических соглашений.

Для весеннего отгона был характерен неполный срок пребывания на пастбище (не весь сезон), отсюда и меньшее значение этой ФС, ее вспомогательное по отношению к стационарным формам значение. Для нее характерна нацеленность на решение задачи воспроизводства скота, в частности окота овец. Бытовала она в горной части и высокогорье — в 8 участках из 17 (12 союзах общин из 24) в горной части и в 9 участках из 14 (18 союзах общин из 40) в высокогорной.

Долинно-отгонная форма представляет собой как бы перенесение хутора в долины. Она свойственна высокогорью, откуда часть скота спускается в долины горных рек, и поэтому часто осуществлялась в виде взаимных выпасов скота жителями долины и гор, а нередко и в форме куначеских услуг. Являясь дополнением к стационарному содержанию, обе последние формы отражают тенденцию сохранить стационарность хозяйства, уменьшить масштабы и отдаленность отгона.

Последняя отгонная форма скотоводства — шалашная, промежуточная между выгонной и яйлажной, бытовала на равнине и в предгорье, где заменяла яйлажный отгон. Заключается она в отводе скота на отдаленные, богатые травой места (балки, овраги, лиманы и т.п.).

Тип скотоводства, воссоздаваемый на основе сочетаний ФС, обеспечивает полноту характеристики скотоводства годичного цикла, всей сферы содержания скота. Классификация по типам позволила отчетливее выделить зональные особенности скотоводства, закономерности его развития и соотношения с земледелием. Четко выделяется, например, в качестве очага выгонно-стойлового типа скотоводства (преобладавшего во всех 18 владениях и союзах), подчиненного земледельческому хозяйству, равнинная часть области.

Другой распространенный тип — трансюманс, соединение яйлажной и кышлажной форм. Дагестанский трансюманс имел некоторые особенности: почти полное отсутствие на равнине, отгон только овец, определенная диспропорция в удельном весе между летним, яйлажным циклом (больше) и зимним, кышлажным и соответственно их некоторая организационная разорванность (реорганизация и уменьшение зимних кошей, особенно включавших в яйлажном цикле мелких владельцев).

Особенности типов горной части определялись не только соотношением видов скота, отраслей хозяйства, трудностями отгона скота на равнину, специфическими местными условиями, но также историческими и в определенной мере этнопсихологическими земледельческими традициями. Характерная черта типов горной части — преобладание хуторского содержания (в 28 типах из 54) и на этой основе преобладание безотгонного внутриальпийского типа (представлен в 12 участках из 17, в 9 преобладает; в 16 союзах обществ из 24, в 15 преобладает). Трансюманс представлен в 13 участках, но только в трех преобладает, в 19 союзах обществ и тоже преобладает в трех. Еще в 11 союзах (8 участках) яйлажно-хуторское содержание дополняется весенним отгоном. Таким образом, здесь наблюдалось определенное равновесие между подвижными и стационарными типами скотоводства.

Высокогорье, как и равнина, было более специфично. Здесь очевидное преобладание скотоводства и слабость земледелия при меньших возможностях зимнего выпаса на месте определили преобладание подвижных типов скотоводства. Относительный недостаток сенокосов обусловил и массовое содержание КРС мясо-молочного направления и соответственно стационарных типов — внутриальпийского с преобладанием летнеагульного содержания. Поэтому внутриальпийский тип представлен во всех 14 участках (40 союзах обществ) высокогорья, и в 5 участках (11 союзах) он первенствует. (Однако из 95 типов высокогорья 55 включали подвижные ФС, 37 из типов — трансюманс; по участкам — из 35 типов 21 подвижные, из них 12 — трансюманс.) Таким образом, от равнины к высокогорью увеличивается степень подвижности скотоводства и уменьшается сочлененность с земледелием.

Поскольку основные компоненты скотоводческих типов регулируются экологией и соотношением отраслей, постольку становятся возможными взаимоотношения между типами скотоводства и ХКТ, вхождение первых во вторые. В этом немалую роль играли закономерности сложения районов (ареалов) промыслового содержания видов и категорий скота. Их анализ с учетом статистики преобладания видов показал совпадение закономерностей образования этих ареалов с распространением отраслей хозяйства в их соотношении с наличием летней и зимней кормовой базы, технической оснащенностью земледелия (тяжелый плуг, например), с наличием колесного транспорта, возможностью реализации определенных форм содержания для отдельных видов и

категорий скота и т.п. (например, из 100 селений Дагестана, имевших наивысший подворный показатель по овцам, на высокогорье пришлось 81 сел., на равнину — только 4 сел.).

Формы и типы скотоводства, входя в качестве составного элемента в ХКТ, находятся с ними в состоянии обоюдной зависимости и взаимовлияния. ФС нередко определяет характер ХКТ, его облик, видоизменяясь, способствует и эволюции ХКТ. Последний, являясь более объемным комплексом, определяет избирательность ФС, их бытование, масштаб, удельный вес, соотношение с другими ФС и отраслями хозяйства. При генезисе преобладают компоненты ХКТ (в том числе ФС), в сложившихся формах — сам ХКТ. В процессе этого диалектического взаимодействия складывались хозяйственные районы, отличавшиеся и культурным своеобразием, т.е. происходила пространственная реализация ХКТ в хозяйственно-культурный район. При оценке соотношений экологическо-хозяйственно-культурного и этнокультурного параметров выявляется необходимость учета особенностей генезиса и последующего развития феноменов культуры, позволяющего "вычислить" степень экологически-хозяйственного и традиционно-культурного компонентов, а через посредство их — этнизированного. Материалы показывают "аэтничность" дагестанских ХКТ, хотя отдельные совпадения их с этносом были (например, у кумыков). В рамках дагестанской историко-культурной области, представлявшей исторически сложившуюся общность хозяйственной, политической, культурной жизни на основе взаимодействия отдельных ее частей, происходили взаимодействия форм и типов земледелия и скотоводства, ХКТ и этнокультурных районов.

Таковы в общем итоги нашей работы. Естественно, что большее место в ней занял комплекс проблем, связанных с ФС. Вопросы хозяйственных типов, в том числе хозяйственно-культурных, и взаимоотношений с ними ФС требуют специальных разработок и исследований. Поэтому мы в данной работе затронули их лишь попутно.

1. Маркс К. Вынужденная эмиграция. — Кошут и Мадвиши. Вопрос об эмигрантах. Избирательные подкупы в Англии. Г-н Кобден. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 8, с. 565-571.
2. Маркс К. Введение. Из экономических рукописей 1857-1858 гг. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12, с. 709-738.
3. Маркс К. Капитал. Т. 1. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23, с. 5-784.
4. Маркс К. Капитал. Т. 3. Кн. 3. Ч. 2. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2, с. 3-458.
5. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1, с. 461-508.
6. Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19, с. 1-8.
7. Энгельс Ф. Марка. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19, с. 327-345.
8. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20, с. 5-342.
9. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. с. 486-499.
10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21, с. 23-178.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Сочинения. 2-е изд. Т. 3, с. 7-544.
12. Маркс К. Конспект книги Г. Моргана "Древнее общество". — Архив Маркса и Энгельса. Т. 9, с. 1-192.
13. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. — Полное собрание сочинений. Т. 3, с. 1-609.
14. Горбачев М.С. Актуальные вопросы аграрной политики в свете решений XXVI съезда КПСС. — XXVI съезд КПСС: единство теории и практики. М., 1982, вып. 1, с. 152-180.
15. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.
16. Стебницкий И.И. Статистическая таблица Кавказского края с обозначением пространства, числа жителей и плотности населения. По данным Главного штаба Кавказской армии на 1860 г. — Записки КОИРГО. 1862, № 5, с. 139-151.
17. Стебницкий И.И. Статистическая таблица Дагестанской области на 1860 г. — Записки КОИРГО. 1864, № 6, с. 231-232.
18. Статистические сведения о горцах Кавказа и Закавказья (по официальным данным 1867 г.). — СССК. Тифлис, 1869, вып. 1, отд. 2, с. 27-40.

19. *Комаров А.В.* — Списки населенных мест Дагестанской области. — СССР. 1869, вып. 1, отд. 2, с. 1-123.
20. Пространство, население и заселенность Кавказского края в 1870 г. — ССК. Тифлис, 1872, вып. 2, с. 349-353.
21. Статистические сведения о населенных местах Западного Дагестана, о числе жителей и дворов и экономическом быте населения. — ССКГ. Тифлис, 1876, вып. 2, с. 3-29.
22. Даргинский округ Дагестанской области. — Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887, с. 81.
23. Дагестанская область. — Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890. XVII, с. 254.
24. Статистические таблицы населенных мест Терской области. Т. 2. Вып. 6. Хасавюртовский округ. Владикавказ, 1890, с. 6-67.
25. Обзоры Дагестанской области за 1892-1915 гг. (за 1892-1898 гг. — Обзоры о состоянии Дагестанской области). Таблицы (и ведомости) угодий и численности скота. Приложения к всеподданнейшему отчету военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1893-1916 гг.
26. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — LXII. Дагестанская область. СПб., 1905.
27. *Зайкин М.* Населенные места Дагестана. Список населенных пунктов Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1917.
28. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. Терская область. Поселенные итоги. Владикавказ, 1919.
29. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г. Дагестанская область. — Труды Дагестанского статистического управления. Махачкала, 1924, № 1-6.
30. Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Юбилейный статистический сборник. Махачкала, 1972.
31. Дагестанская АССР. Административно-территориальное деление. Махачкала, 1980.
32. Посемейные списки населения Кавказа. 1886 год. Дагестанская область. — ЦГА ДАССР. Ф. 21, оп. 5, д. 1-126 (по округам).
33. Аварский. Ф. 21, оп. 5, д. 118-123.
34. Андийский. Ф. 21, оп. 5, д. 107-117.
35. Гунибский. Ф. 21, оп. 5, д. 62-75, 126.
36. Даргинский. Ф. 21, оп. 5, д. 97-106.
37. Казикумухский. Ф. 21, оп. 5, д. 16, 83-96, 125.
38. Кайтаго-Табасаранский. Ф. 21, оп. 5, д. 11-13; 39-51.
39. Кюринский. Ф. 21, оп. 5, д. 76-88, 124.
40. Самурский. Ф. 21, оп. 5, д. 1-4, 6-7, 9-10, 15, 19, 52-61.
41. Темир-Хан-Шуринский. Ф. 21, оп. 5, д. 14, 27-38.
42. ЦГИА ГрузССР. Ф. 31, д. 260, л. 1-13.
43. Война на Кавказе и Дагестан. Сочинение Мочульского, бывшего офицера генерального штаба. — ЦГВИА. Ф. ВУА, д. 6528, ч. 1, л. 1-137; ч. 2, л. 1-136.
44. Краткий географический и статистический взгляд на общество Дарго. — ЦГВИА. Ф. 205. Клюки фон Клюгенау, д. 139, л. 1-18.
45. Отчет Кюринского податного инспектора за 1907 год. — ЦГА ДАССР. Ф. 79, оп. 1, д. 3, л. 72-73.
46. Полевой этнографический материал Османова М.О., собранный во всех районах Дагестана. Тематика: Хозяйство даргинцев (1961-1962 гг., 1974-1975 гг.); Хозяйство Дагестана (1962-1966 гг., 1973 г.); Скотоводство Дагестана (1976-1979 гг.). — РФ ИИЯЛ.
47. Полевой материал 1961-1962 гг. Хозяйство даргинцев. Ф. 3, оп. 3, д. 138.
48. Полевой материал 1962-1963 гг. Хозяйство Дагестана. Ф. 5, оп. 1, д. 214 в.
49. Полевой материал 1964-1965 гг. Хозяйство Дагестана. Ф. 5, оп. 1, д. 97.
50. Полевой материал 1966 г. Хозяйство Дагестана. Ф. 5, оп. 1, д. 214 б.
51. Полевой материал 1973 г. Хозяйство Дагестана. Ф. 5, оп. 1, д. 155.
52. Полевой материал 1974 г. Хозяйство даргинцев. Ф. 5, оп. 1, д. 157.
53. Полевой материал 1975 г. Хозяйство даргинцев. Ф. 5, оп. 1, д. 214 а.
54. Полевой материал 1976 г. Скотоводство Дагестана. Ф. 5, оп. 1, д. 165.
55. Полевой материал 1977 г. Скотоводство Дагестана. Ф. 5, оп. 1, д. 182.
56. Полевой материал 1978 г. Скотоводство Дагестана. Ф. 5, оп. 1, д. 191.
57. Полевой материал 1979 г. Скотоводство Дагестана. Ф. 5, оп. 1, д. 203.
58. *Абелъдыев Н.* Сельское хозяйство у дагестанских горцев. — Журнал Министерства государственных имуществ. 1857, ч. 64, № 8, с. 25-30.
59. *Аболин Р.И.* Краткая характеристика основных типов естественных угодий горного Дагестана. Махачкала, 1932.
60. *Абуев М.Ш.* Система отгонного овцеводства горного Дагестана. Доклад на научно-экономической конференции Северного Кавказа. Махачкала, 1966.
61. *Авдиев В.И.* История древнего Востока. М., 1953.
62. *Аверкиева Ю.П.* Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества. — От Аляски до Огненной Земли. История и этнография стран Америки. М., 1967, с. 72-84.
63. *Аверкиева Ю.П.* Индейское кочевое общество в XVIII-XIX вв. М., 1970.
64. *Агашринова С.С.* Материальная культура лезгин XIX — нач. XX в. М., 1978.
65. *Агларов М.А.* Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана. — ДЭС. 1974, с. 204-228.
66. *Агларов М.А.* Земледельческая округа "мегъ" в Аварии в XVIII-XIX вв. (Структура, планировка и общинный режим эксплуатации). — Быт сельского населения Дагестана (XIX — нач. XX в.). Махачкала, 1981, с. 5-16.
67. Агроклиматический справочник по Дагестанской АССР. Л., 1963.
68. Агулы (Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре). Махачкала, 1975.
69. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа: Судостройство и судопроизводство в частях Кавказского края военно-наrodní управления. Под ред. И.Я.Сандрыгайло. Тифлис, 1899.

70. Адаты даргинских обществ. — ССКГ. 1873, вып. 7, с. 1-128.
71. *Аедоницкий В.А.* Из поездки в Дагестан летом 1914 года. — Естественное знание и география. 1916, № 5-7, с. 103-123; № 8-9-10, с. 1-23.
72. *Айтберов Т.* Сведения по экономической истории Дагестана XV в. в "Перечне повинностей, которые получает шамхал и крым-шамхал". — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная сессия ЛО ИВАН СССР (доклады и сообщения). М., 1979, с. 3-9.
73. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. I-XII. Тифлис, 1866-1904.
74. *Алаев Л.Б.* Община. — СИЭ. 1967, т. 10, с. 418-424.
75. *Алекперов А.К.* Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку, 1960.
76. *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971.
77. *Алиев В.Г.* Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1972.
78. *Ал-Мукаддасий.* Лучшее из делений для познания климатов. — *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX-X вв. по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. — СМОМПК. 1908, вып. 38, с. 1-28.
79. *Амиров Г.М.* Среди горцев Северного Дагестана. — ССКГ. 1873, вып. 7, с. 1-80.
80. *Амирханов Х.А.* Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе (по раскопкам в Чохе). — Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума, посвященного 60-летию СССР. Ер., 1982, с. 145-147.
81. *Амирханов Х.А.* Чохское поселение — памятник становления производящего хозяйства в Дагестане. — Природа. 1982, № 5, с. 20.
82. *Андрянов Б.В.* Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства. — СЭ. 1982, № 4, с. 76-80.
83. *Андрянов Б.В., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. — СЭ. 1972, № 2, с. 3-16.
84. *Андрушиков И.З.* Скотоводство в Закавказском крае. — СМИБГКЗК, 1888, вып. 5, с. 157-357.
85. *Анучин Д.Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. — Известия ИРГО. 1884, т. 20, вып. 4, с. 357-449.
86. *Аргутинский А.М.* Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда Тифлисской губернии. — СМИБГКЗК. 1886, вып. 4, с. 179-385.
87. *Аргутинский А.М.* Экономический быт государственных крестьян Телавского уезда Тифлисской губернии. — СМИБГКЗК. 1887, вып. 5, с. 1-167.
88. *Аристов Т.Ф.* Курды Закавказья (Историко-этнографический очерк). М., 1966.
89. *Асанов Ю.Н.* Поселение, жилище и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик, 1976.
90. *Асиятилов С.Х.* Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX — первая половина XX в.). Махачкала, 1967.
91. *Асиятилов С.Х.* Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев в XIX — начале XX в. — УЗ ИИЯЛ. 1966, т. 16 (серия общественных наук), с. 345-368.
92. *Атаев Д.М., Кушнарева К.Х.* Два поселения в урочище Чинна (горный Дагестан). — КСИА. 1966, вып. 108, с. 68-73.
93. *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963.
94. *Атманский.* Скотоводство в Карачае Кубанской области в связи с молочным хозяйством. СПб., 1910.
95. *Аутлев М.Г., Лавров Л.И.* Прошлое и настоящее Шовгеновского аула. — Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.-Л., 1964, с. 9-58.
96. *Ахвердов А.И.* Описание Дагестана. — ИГЭД. 1958, с. 213-229.
97. *Бабаев Д.* Селение Ахты. — СМОМПК. 1893, вып. 17, с. 138-148.
98. *Баладзори.* Книга завоевания стран. Баку, 1927.
99. *Бахтадзе И.Л.* Кочевники Закавказского края. — СМИБГКЗК. 1888, вып. 3, с. 65-135.
100. Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно в Испахан, в Пекин, в Дербент, Константинополь. СПб., 1776, ч. 3.
101. *Берг Л.С.* Географические зоны Советского Союза. М., 1947, т. 1; 1952, т. 2.
102. *Березин И.* Путешествие по Дагестану и Закавказью, с картами, планами, видами замечательных мест. Казань, 1849.
103. *Берг А.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. — КК на 1858 г. 1857, с. 267-312.
104. *Берг А.* Материалы для описания нагорного Дагестана. — КК на 1859 г. 1858, с. 249-288.
105. *Беш Г.* География мирового хозяйства. М., 1966.
106. *Важания Ц.Н.* Из истории хозяйства абхазов: Этнографические очерки. Сухуми, 1962.
107. *Важания Ц.Н.* Скотоводческое хозяйство в Абжуа. Автореф. дис. канд. ист. наук. Сухуми, 1954.
108. *Вибиков С.Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (Опыт изучения первобытной экономики). — СА. 1965, № 1, с. 48-62.
109. *Близниченко В., Потанина А.* Дагестанская горная порода овец. Махачкала, 1967.
110. *Воголюбский С.Н.* Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959.
111. *Борисенко Е.Я.* Разведение сельскохозяйственных животных. М., 1967.
112. *Брамлей Ю.В., Шкаратан О.* Национальные традиции в социалистической экономике. — Вопросы экономики. 1983, № 4, с. 38-47.
113. *Брамлей Ю.В.* О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности. — СЭ. 1983, № 6, с. 10-23.
114. *Брамлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (Очерки теории и истории). М., 1981.
115. *Брамлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973.
116. *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные С.Броневским. М., 1823, ч. 1; ч. 2.
117. *Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г.* О предмете и задачах этнографии. — СЭ. 1963, № 1, с. 11-25.
118. *Булатова А.Г.* Лакцы (XIX — нач. XX в.). Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971.
119. *Бунятов Т.А.* Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957.
120. *Бутаев Д.Б.* О происхождении землепользования, известного в

- Кази-Кумухском округе под названием Барт-Урту, Дукра, Ква. — Дагестанские ведомости. 1910, № 1.
121. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869, ч. 1-3.
  122. *Вавилов Н.И.* Горное земледелие Северного Кавказа и перспективы его развития. — Известия АН СССР (серия биологическая). 1957, № 5, с. 590-600.
  123. *Вавилов Н.И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. — Природа. 1936, № 2, с. 74-83.
  124. *Вавилов Н.И.* Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. — ОНТИ АН СССР. 1932.
  125. *Вайнштейн С.И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочечевого хозяйства. М., 1972.
  126. *Варавин П.С.* Летние и зимние пастбища Закавказского края. — СМЗБГКЗК. 1888, вып. 5, с. 69-156.
  127. *Вейденбаум Е.* Очерк этнографии Кавказского края. — Весь Кавказ. Тифлис, 1903, № 1, с. 93-109.
  128. *Верещагин Н.К.* Млекопитающие Кавказа. М., 1959.
  129. *Вермишев Х.А.* Джейранчельские зимние пастбища Елисаветпольского и Казахского уездов Елисаветпольской губернии. — МУКЛЗПИСК. 1890, вып. 2, с. 113-205.
  130. *Вермишев Х.А.* Овцеводство в имении кн. И.К.Багратион-Мухранского. — Труды КОСХ. 1885, № 2-3, с. 253-262.
  131. *Вермишев Х.А.* О скотоводстве на Кавказе в связи с пастбищным вопросом. — МУКЛЗПИСК. 1887, вып. 1, с. 85-106.
  132. *Викторов А.Ф., Гиммельрейх В.А.* и др. Дагестанская АССР. Физико-географический и экономико-географический очерк. Махачкала, 1958.
  133. *Вилвер де Лиль, Адам В.* Две недели в Даргинском округе (Путевые заметки). — ССКГ. 1875, вып. 8, с. 1-25.
  134. *Вилькенс М.* Горное хозяйство Швейцарии, Альгау и Западной Австрии. М., 1876.
  135. *Вильчевский О.* Курды. — ТИЭ. 1961, вып. 67.
  136. *Влэдуциу И.* Об изучении пастушеской жизни в Румынии. — Ethnographia Polska. V. Warszawa, 1961, с. 71-84.
  137. *Влэдуциу И.* О горно-скотоводческом хозяйстве румынских мокан (По материалам Цара-Бырсей). — СЭ. 1962, № 6, с. 85-91.
  138. *Влэдуциу И.* Отгонное скотоводство в Цара-Бырсей в XIX — нач. XX в. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1960.
  139. *Войков А.И.* Воздействие человека на природу. М., 1963.
  140. Военно-Ахтынская дорога и Самурский округ. — Кавказ. 1864, № 2.
  141. Военно-конская перепись 1896 г. СПб., 1898.
  142. Возникновение и развитие земледелия. Под ред. В.Д.Блаватского, А.В.Никитина. М., 1967.
  143. *Воронов Н.И.* Из путешествия по Дагестану. — ССКГ. 1868, вып. 1, с. 1-36; 1870, вып. 3, с. 1-40.
  144. Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказской армией по Военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870.
  145. Всеподданнейший отчет за 5 лет управления Кавказом генадъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1910.
  146. *Габиев С.* Лаки. Их прошлое и быт. — СМОМПК. 1906, вып. 36, с. 1-110.
  147. *Гаглоева Э.Д.* Скотоводство в прошлом у осетин. Содержание и уход за скотом. — Материалы по этнографии Грузии. XII-XIII. Тб., 1963, с. 271-279.
  148. *Гаджиев М.-Г.А.* Скотоводство агулов во второй половине XIX — начале XX в. — Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала, 1977, с. 5-20.
  149. *Гаджиев М.-Г.А.* Скотоводство народов Южного Дагестана в прошлом и настоящем. Историко-этнографический очерк. Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1979.
  150. *Гаджиев М.Г.* Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане. — Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 7-14.
  151. *Гаджиев М.Г.* Древнее земледелие и скотоводство горного Дагестана. — Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя: Тезисы докладов. М., 1974, с. 55-58.
  152. *Гаджиев М.Г.* Древнейшие поселения горного Дагестана. — Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 5-27.
  153. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961.
  154. *Гаджиева С.Ш., Османов М.-З.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
  155. *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960.
  156. *Гакстагаузен.* Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб., 1857, ч. 1; ч. 2.
  157. *Гамкрелидзе Б.В.* Из истории скотоводства в Ингушетии. — КЭС. Вып. 2. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тб., 1968, с. 237-247.
  158. *Гамкрелидзе Б.В.* Скотоводство в горной Ингушетии. Автореф. дис. канд. ист. наук. Тб., 1969.
  159. *Гамкрелидзе Б.В.* Социально-культурные проблемы скотоводства горцев Центрального Кавказа. Автореф. дис. докт. ист. наук. Тб., 1983.
  160. *Ган К.Ф.* Путешествие в Кахетию и Дагестан. — СМОМПК. 1902, вып. 31, с. 49-96.
  161. *Ган К.Ф.* Путешествие по высочайшим местам Дагестанской области летом 1902 г. — Известия КОИРГО. 1903, т. 26, № 4, с. 1-27.
  162. *Ган К.Ф.* Экскурсия в нагорную Чечню и Западный Дагестан. — Известия КОИРГО. 1902, т. 15, № 4, с. 211-242.
  163. *Гарданов В.К.* Земледелие у адыгов в XVIII — первой половине XIX в. — СЭ. 1965, № 4, с. 66-83.
  164. *Гарданов В.К.* К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII в. — Уз КБНИИ. 1965, т. 23, с. 78-111.
  165. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. М., 1967.
  166. *Гарданов В.К., Долгих Б.О., Жданко Т.А.* Основные направления этнических процессов у народов СССР. — СЭ. 1961, № 4, с. 9-29.
  167. *Геоздецкий Н.А.* Кавказ: Очерки природы. М., 1963.
  168. *Геоздецкий Н.А.* Физическая география Кавказа. Вып. 1. Общая часть. Большой Кавказ. М., 1954; вып. 2: Предкавказье. Закавказье, 1958.
  169. *Геевский В.Н.* О состоянии скотоводства в верховьях Терека и Белой Арагвы. — МУКЛЗПИСК. I, вып. 1, 1887, с. 243-300.

170. *Гене Ф.И.* Сведения о горном Дагестане. — ИГЭД, с. 337-352.
171. *Генко А.Н.* Арабский язык и кавказоведение. — Труды второй сессии ассоциации арабистов. М.-Л., 1941, с. 81-110.
172. *Генинг В.Ф.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.
173. *Гербер И.У.* Известие о находящихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. — Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760, с. 3-48, 99-140.
174. *Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. — ИГЭД, с. 60-120.
175. *Герман К.Ф.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия акад. И.А.Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770-1773 гг. СПб., 1809.
176. *Глебов Е.Я.* Аборигенные лошади Дагестана и основные пути их улучшения. — Труды второй научной сессии Дагестанской базы Академии наук СССР. Махачкала, 1949, с. 206-215.
177. *Глиноецкий Н.* Поездка в Дагестан. Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 г. — Военный сборник 1862 г. № 1, с. 119-164; № 2, с. 387-422; № 3, с. 61-90.
178. *Гостин С.Д.* Некоторые вопросы экономики горцев Кавказа: Доклад в Кавказском экономическом обществе. Тифлис, 1912.
179. *Грабовский Н.Ф.* Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушевского округа. — ССКГ. 1870, вып. 3, с. 1-27.
180. *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа. — ССКГ. 1870, вып. 3, с. 1-28.
181. *Гумилев Л.Н.* Этнос и категория времени. — Доклады отделений и комиссий ГО СССР. Л., 1970, вып. 15. Этнография, с. 143-157.
182. *Гумилев Л.Н.* Этнос и ландшафт. — Известия ГО СССР. Л., 1968, вып. 3, с. 193-202.
183. *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
184. *Гурлев И.А.* Природные зоны Дагестана. Махачкала, 1972.
185. *Гусейнов С.И.* Горский скот Дагестана и пути его преобразования. Махачкала, 1961.
186. *Гусейнов Ф.И.* Овцеводческое хозяйство Азербайджана в конце XIX — нач. XX в. По материалам Кедабского, Дашкесанского, Кельбашарского районов. Автореф. дис. канд. ист. наук. Баку, 1972.
187. *Галь К.К., Кисин И.М., Тертеров А.А.* Природа Дагестана: Очерки. Махачкала, 1959.
188. *Галь К.К., Власова С.С., Кисин И.М., Тертеров А.А.* Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959.
189. *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.
190. Дагестанская область (в 1891 г.). Естественные и производительные силы области и экономическая деятельность ее населения. — КК на 1893 г. 1892, с. 143-183.
191. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1980, с. 569.
192. *Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1857.
193. *Даниялов Г.Д.* Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX — начале XX в. Махачкала, 1970.
- 193а. XXVII съезд КПСС и задачи советских этнографов. — СЭ. 1986, № 4, с. 3-13.
194. XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы советской этнографической науки. — СЭ. 1971, № 4, с. 3-7.
195. *Дранашвили М.* Абхазия и абхазцы. — Записки КОИРГО. 1894, т. 16, с. 1-64.
196. *Дранаридзе Н.* Очерк о формах альпийского хозяйства Верхней Рачи. — Экономист Грузии. 1929, № 5-6, с. 110-123.
197. *Дзидзария Г.А.* Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сухуми, 1958.
198. *Динник Н.Я.* По Чечне и Дагестану. — Записки КОИРГО. 1905, т. 25, вып. 4, с. 1-78.
199. *Динник Н.Я.* Путешествие по Закатальскому округу и Дагестану. — Известия КОИРГО. 1911, т. 21, № 2, с. 1-60.
200. *Добринин В.Ф.* География Дагестанской АССР. Махачкала, 1926.
201. *Добринин В.Ф.* Ландшафтные и естественные районы и растительность Дагестана. — Мемуары Географ. отд. ОЛЕАЭ. М., 1925, вып. 1.
202. *Дробинцев Д.В.* Геологическое строение Дагестанской АССР и ее полезные ископаемые. — Природные ресурсы Дагестанской АССР. М.-Л., 1935, т. 1, с. 13-31.
203. *Дубровин Н.* История войн и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. 1, кн. 1-3.
204. *Дьячков-Тарасов А.* Заметки о Карачае и карачаевцах. — СМОМПК. 1898, вып. 25, с. 49-91.
205. *Евецкий О.* Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835.
206. *Егиазаров С.А.* Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии. — Записки КОИРГО. 1891, т. 13, вып. 2, с. 1-60.
207. *Егиазаров С.А.* Формы общины и крестьянского землевладения в Тифлисской губернии. — СМИБГКЗК. 1887, вып. 2, с. 383-426.
208. *Заваров С.* Кавказ в сельскохозяйственном отношении в 1899 г. Тифлис, 1900.
209. *Заваров С.* Опыт исследования сельского хозяйства хлеботородного района Эриванской губернии и Карской области. Тифлис, 1899.
210. *Загурский Л.З.* Поездка г. Беккера по Южному Дагестану. — ССКГ. 1876, вып. 9, с. 30-51.
211. *Зальцман Л.М.* Системы ведения животноводства и их особенности в разных зонах Союза ССР. — Советская зоотехния. 1952, № 12, с. 17-30.
212. *Зафесов А.Х.* Животноводческое хозяйство в Адыгее. Автореф. дис. канд. ист. наук. Майкоп, 1967.
213. *Зафесов А.Х.* К вопросу о разведении крупного рогатого скота в Адыгее в XIX в. — УЗ Адыг. НИИЯЛИ. 1965, т. 4, с. 124-129.
214. *Зелинский С.П.* Племенной состав, религия и происхождение государственных крестьян. — СМИБГКЗК. 1887, вып. 2, с. 1-223.
215. *Зелинский С.П.* Экономический быт государственных крестьян в Зангезурском уезде Елисаветпольской губернии. — МИБГКЗК. 1886, т. 4, с. 1-220.
216. *Зефирова И.* Большой Карачай и его хозяйство. — На аграрном фронте. М., 1925, № 9, с. 121-128.
217. *Зиссерман А.Л.* 25 лет на Кавказе (1842-1867). СПб., 1879, ч. 1, 2.

218. *Золотов К.Н.* Osteологические особенности сельскохозяйственных животных по материалам археологических раскопок. — Труды ДСХИ. 1968, т. 18, с. 154-181.
219. *Золотов К.Н.* Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности (по osteологическим данным). — МАД. 1961, вып. 2, с. 287-292.
220. *Зонн С.В.* Опыт естественно-исторического районирования Дагестана. — Сельское хозяйство Дагестана. М., 1946, с. 49-71.
221. *Зонн С.В.* Почвы Дагестана. — Сельское хозяйство горного Дагестана. М.-Л., 1940, с. 97-156.
222. *Зубов П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных ему земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1835, ч. 3.
223. *Иванов Д.* Перспективы развития обрабатывающей промышленности в Ахтынском и Кураخском районах. — Плановое хозяйство Дагестана. Махачкала, 1929, № 11-12, с. 48-56.
224. Из горской криминалистики. — ССКГ. 1870, вып. 3, с. 1-28.
225. *Инал-Ита Ш.Д.* Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965.
226. *Иоселиани П.* Путевые заметки по Дагестану в 1861 г. Тифлис, 1862.
227. *Исаченко А.Г.* Понятие тип местности в физической географии (в связи с вопросами ландшафтной систематики и картографирования). — Вестник ЛГУ. Л., 1960, № 12, вып. 2 (серия геологии и географии), с. 100-109.
228. История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв.: Архивные материалы. Под ред. М.О.Косвена и Х.-М.Хашаева. М., 1958.
229. История Дагестана в 4-х т. М., 1967, т. 1; 1968, т. 2.
230. *Ижилов М.М.* Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахуров, агулов. Махачкала, 1967.
231. Июньский пленум ЦК КПСС и задачи советских этнографов. — СЭ. 1983, № 6, с. 3-10.
232. *Кабо Р.М.* Природа и человек в их взаимоотношениях как предмет социально-культурной географии. — Вопросы географии. М., 1947. Сб. 5: География населения, с. 5-32.
233. *Каган М.С.* Классификация и систематизация. — Типы в культуре: Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Л., 1979, с. 6-11.
234. *Казбек Г.Н.* Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888, ч. 1.
235. *Калантар А.А.* Задачи и способы исследования скотоводства. — МУКЛЗПИСК. 1887, вып. 1, с. 107-134.
236. *Калантар А.А.* Скотоводство в связи с окружающими его условиями. СПб., 1890.
237. *Калантар А.А.* Состояние скотоводства на Кавказе. — МУКЛЗПИСК. 1890, вып. 2, с. 1-199.
238. *Калантар А.А.* Характеристика кавказских пород овец. Тифлис, 1913.
239. *Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Скотоводы Азии и Африки. Проблемы истории, типологии и периодизации. — Вестник МГУ. 1983, № 4 (серия 8. История), с. 59-72.
240. *Калмыков И.Х.* Черкесы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974.
241. *Калоев Б.А.* Агулы (Историко-этнографический очерк). — КЭС. М.-Л., 1962, вып. 3, с. 69-109.
242. *Калоев Б.А.* Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1971.
243. *Калоев Б.А.* Программа сбора материалов по земледелию и скотоводству для Кавказского историко-этнографического атласа. М., 1968.
244. *Каменский В.Ф.* Кейты — яньские эйлаги Новобаязетского уезда Эриванской губернии. — МУКЛЗПИСК. 1887, вып. 1, с. 301-407.
245. *Каракашли Н.Т.* Из истории общественного строя Малого Кавказа. — Азербайджанский этнографический сборник. Баку, 1966, вып. 2, с. 30-68.
246. *Каракашли Д.Т.* Материальная культура азербайджанцев северо-восточной и центральной зон малого Кавказа: Историко-этнографическое исследование, Баку, 1964.
247. *Карачаилов О.* (и А.Барсов). Аул. Чох. — СМОМПК. 1884, вып. 4, с. 1-24.
248. *Карапетян Э.Т.* Пережитки патронимических отношений у армян (вторая половина XIX — нач. XX в.). — VII МКАЭН. М., 1964.
249. *Карапетян Э.Т.* Родственная группа "Азг" у армян (вторая половина XIX — нач. XX в.). Ер., 1966.
250. *Карацаевцы*: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.
251. *Карганов и Даитбеков.* Экономическая записка по проекту Дагестанского подъездного пути Темир-Хан-Шура — Порт Петровск. СПб., 1902.
252. *Кармашева В.Х.* /Рец. на: Шамиладзе В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. — СЭ. 1982, № 3, с. 166-170.
253. *Кармашева В.Х.* Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — начало XX века). — СЭ. 1969, № 3, с. 44-50.
254. *Кармашева В.Х.* Узбеки локайцы Южного Таджикистана. — Труды ИИАЭ АН ТаджССР. Душ., 1954, т. 28.
255. *Квициани И.Б.* Скотоводство в Сванети. — Автореф. дис. канд. ист. наук. Тб., 1975.
256. *Кисляков Н.А.* Древние формы скотоводства и молочного хозяйства горных таджиков бассейна реки Хингоу. — Известия Таджикского ФАН СССР. 1949, № 15 (История и этнография), с. 37-46.
257. *Кисляков Н.А.* Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — нач. XX в. — ТИЭ. 1962, т. 74.
258. *Кларк Г.* Доисторическая Европа: Экономический очерк. М., 1953.
259. *Клинген И.Н.* Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока. М., 1960.
260. *Ковалевский В.Г.* Культурно-историческая и биологическая роль горных районов. — Природа. 1931, № 2, с. 149-172.
261. *Козлов В.И.* Этнос и культура: К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры. — СЭ. 1979, № 3, с. 71-86.

262. *Козлов В.И.* Этнос и территория. — СЭ. 1971, № 6, с. 89–100.
263. *Козлов В.И.* Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности. — СЭ. 1970, № 6, с. 47–60.
264. *Козубский Е.И.* Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902; вып. 2, 1904.
265. *Козырева Н.К.* Нормы потребления в старовавилонской Месопотамии. — ВДИ. 1972, № 2, с. 94–99.
266. *Колесник Н.Н.* Буйволы Дагестана. — Сельское хозяйство горного Дагестана. М.-Л., 1940, с. 253–260.
267. *Колесник Н.Н.* Крупный рогатый скот Дагестана. — Сельское хозяйство горного Дагестана. М.-Л., 1940, с. 237–252.
268. *Комаров А.В.* Адапы и судопроизводство по ним (Материалы для статистики Дагестанской области). Постановления Кайтагского уцмня Рустем-хана. — ССКГ. 1868, вып. 1, с. 1–88.
269. *Косвен М.О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.
270. *Котляревский Н.В.* В горах Дагестана с 1842 по 1875 г. СПб., 1884.
271. *Котович В.Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. — УЗ ИИЯЛ. 1961, т. 9, с. 279–297.
272. *Котович В.Г.* О хозяйстве населения горного Дагестана в древности. — СА. 1965, № 3, с. 5–13.
273. *Котович В.Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.
274. *Котович В.М.* Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965.
275. *Краснов Ю.А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. — МИА. 1971, вып. 174.
276. *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
277. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
278. *Крупнов Е.И.* К истории Моздокской степи и западного Прикаспия. — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969, т. 2, с. 54–62.
279. *Крюков М.В.* Об общих принципах типологического исследования явлений культуры (На примере типологии жилища). — Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984, с. 7–18.
280. *Кузнецов Н.И.* В делях Дагестана. — Известия ИРГО. 1913, т. 49, вып. 1–3, с. 1–251.
281. *Кулов Б.С.* Основные занятия населения Северной Осетии в XIX и начале XX в. — Известия СО НИИ. Орджоникидзе, 1966, т. 25 (История), с. 293–315.
282. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (по материалам армянской сельской культуры). Ер., 1983.
283. *Кумиков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965.
284. *Куров И.И., Бадирьян Г.Г.* Некоторые вопросы географии пастбищного хозяйства республик Закавказья. — Вопросы географии. М., 1948. Сб. 10, с. 139–164.
285. *Курьлев В.П.* Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов (2-я половина XIX — начало XX в.). — Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, с. 166–173.
286. *Курьлев В.П.* Основные типы скотоводческого хозяйства у казахов (конец XIX — начало XX в.). — Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977, с. 246–250.
287. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (2-я половина XVI — 30 гг. XVII в.). М., 1963.
288. *Кушкарева К.Х., Чубиншвили Т.Н.* Древние культуры Южного Кавказа. V–III тыс. до н.э. Л., 1970.
289. *Лавров Л.И.* Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. — Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952, вып. 1, с. 179–225.
290. *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
291. *Лавров Л.И.* Рутульцы в прошлом и настоящем. — КЭС. М.-Л., 1962, вып. 3, с. 110–157.
292. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XVII вв. М., 1966, т. 1.
293. *Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. К постановке вопроса. — СЭ. 1955, № 4, с. 3–17.
294. *Легкобитов В.* Обзорение Российских владений за Кавказом. СПб., 1836, т. 4.
295. Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
296. *Леонтович Ф.И.* Адапы кавказских горцев. Материалы по обычному праву горцев Северного и Восточного Кавказа, вып. 2. Одесса, 1883.
297. *Либеров П.Д.* К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа (IX в. до н.э. — V в. н.э.). — МИА. 1960, вып. 53, с. 110–164.
298. *Лилленберг Д.А.* Основные черты рельефа Дагестана. — Бюллетень МОИП, отдел геологический. М., 1959, т. 34, вып. 4, с. 171–172.
299. *Липс Ю.* Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М., 1954.
300. *Лискун Е.* Крупный рогатый скот. М., 1951.
301. *Лус Я.Я.* Овцы нагорного Дагестана. — Сельское хозяйство горного Дагестана. М.-Л., 1940, с. 157–194.
302. *Ляйстер А.Ф., Чурсин Г.Ф.* География Кавказа: Природа и население. Тифлис, 1924.
303. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. М., 1956, т. 1. Докапиталистические формации.
304. *Магомедов Р.М.* Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971.
305. *Магомедов Р.М.* История Дагестана: С древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968.
306. *Магомедов Р.М.* К вопросу о семейной общине в Дагестане. — Труды 2-й научной сессии Дагестанской базы АН СССР. Махачкала, 1949, с. 81–94.
307. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957.
308. *Магомедов Р.М.* Памятник истории и письменности даргинцев XVII в. Махачкала, 1964.
309. *Магомедов А.Х.* Культура и быт осетинского народа: Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе, 1968.
310. *Макалатия М.Н.* Скотоводство в горной части Восточной Грузии. Автореф. дис. канд. истор. наук. Тб., 1975.
311. *Максимов А.Н.* Скотоводство малокультурных народов. — УЗ Института истории РАНИОН. 1927, т. 2, с. 3–24.
312. *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.

313. *Маркграф О.В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.
314. *Маркгарян Э.С.* Узловые проблемы теории культурной традиции. — СЭ. 1981, № 2, с. 78–96.
315. *Марков Г.Е.* История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979.
316. *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
317. *Марков Г.Е.* Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества (ответ оппонентам). — СЭ. 1982, № 4, с. 80–87.
318. *Марков Г.Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество: Дефиниции и терминология. — СЭ. 1981, № 4, с. 83–94.
319. *Марков Е.* Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб. — М., 1887.
320. *Маркович В.И.* Взаимодействие культур Северного Кавказа в эпоху бронзы. — Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума, посвященного 60-летию образования СССР. Ер., 1982, с. 27–29.
321. *Мартirosian Г.К.* Нагорная Ингушия. Владикавказ, 1928.
322. *Масальский В.И.* Сельскохозяйственная производительность Кавказа. — Сельское и лесное хозяйство России. Всемирная Колумбова выставка. СПб., 1893, с. 557–585.
323. *Масленников В.М.* Рабочий скот в крестьянских хозяйствах Дагестана. — Плановое хозяйство Дагестана. Махачкала, 1929, № 2–3, с. 111–124.
324. *Маслов Е.П., Керэфов К.Н.* Очерки экономической географии Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик, 1964.
325. *Массон В.М.* Метод палеоэкономического анализа в археологии КСИА. 1971, т. 127, с. 3–9.
326. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976.
327. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. 1885–1887, т. 1–7.
328. Материалы для истории Дагестана. — ССКГ. 1869, вып. 2, с. 1–44.
329. Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. 1887–1895, т. 1–3.
330. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.
331. *Мачабели М.В.* Экономический быт государственных крестьян Тионетского уезда Тифлисской губернии. — МИЭБГКЗК. 1887, т. 5, с. 315–571.
332. *Мачабели М.В.* Экономический быт государственных крестьян Тифлисского уезда Тифлисской губернии. — МИЭБГКЗК. 1887, т. 5, с. 169–314.
333. *Меленчук А.* Овцеводство Грузии и овцеводческая кооперация к сентябрю 1929 г. — Экономист Грузии. 1929, № 9, с. 49–62.
334. *Меликшвили Г.А.* К вопросу о характере древних закавказских и средневековых северокавказских горских классовых обществ. — История СССР. 1975, № 6, с. 44–53.
335. *Месяц С.* Куринский округ. Казмаляры. — Плановое хозяйство Дагестана. Махачкала, 1929, № 1, с. 59–69.
336. *Миклухо-Маклай Н.Д.* Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. — УЗ ИВАН. 1954, т. 9, с. 175–213.
337. *Миллер А.А.* Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. — ШМК. 1933, № 1–2, с. 47–51.
338. *Мкртымян Ю.И.* Картографирование элементов скотоводческой культуры народов Кавказа. — СЭ. 1972, № 2, с. 61–67.
339. *Мкртымян Ю.И.* К изучению форм скотоводства у народов Закавказья. — Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв. М., 1971, с. 116–135.
340. *Мкртымян Ю.И.* Соотношение земледелия и скотоводства и его роль в формировании современной культуры и быта сельского населения Кавказа. — IX МКАЭН. М., 1973.
341. *Мкртымян Ю.И.* Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX в. — СЭ. 1968, № 4, с. 14–29.
342. *Мовсисянц А.П.* О рациональном использовании сезонных пастбищ. — Советская зоотехния. 1952, № 10, с. 3–12.
343. *Морозов С.Г.* Пастбища Дагестанской АССР и вопросы реорганизации их хозяйства. — Плановое хозяйство Дагестана. Махачкала, 1929, № 2–3, с. 125–135.
344. *Мочалов В.Д.* Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в. М., 1958.
345. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
346. *Надеждин П.П.* Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895.
347. Народы Кавказа. Серия "Народы мира. Этнографические очерки". Т. 1. М., 1960; т. 2, 1962.
348. *Нахунов И.Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период). Махачкала, 1956.
349. *Неверовский А.А.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. — Военный журнал. 1847, № 5, с. 1–64.
350. *Никифоров Н.К.* Экономический быт государственных крестьян Душетского уезда Тифлисской губернии. — МИЭБГКЗК. 1887, т. 5, с. 1–165.
351. *Никольская Э.А.* Исторические предпосылки национальной консолидации аварцев. — СЭ. 1953, № 1, с. 113–124.
352. *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма. М., 1972.
353. Общий обзор Кавказского края. — Военный сборник. 1858, № 8, с. 359–402.
354. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
355. *Ольшевский М.Я.* Записки. Кавказ с 1841 по 1866 гг. Ч. 1. Русская старина. 1893 г., № 6, с. 573–610; № 7, с. 89–124; № 8, с. 287–319.
356. *Омаров А.* Как живут лаки. — ССКГ. 1870, вып. 3, с. 1–46; вып. 4, с. 1–24.
357. О нынешнем состоянии земель кавказских (пер. с франц. А.Ф.). — Вестник Европы. 1826, № 18, с. 116–133.
358. *Османов Г.Г.* Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965.
359. *Османов М.О.* Весенний отгон — своеобразная форма отгонного скотоводства Дагестана. — Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978–1979 гг.: Тезисы докладов. Махачкала, 1980, с. 17–19.
360. *Османов М.О.* Географическая среда и производящие формы хозяй-

- ства (по этнографическим данным). — Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974, с. 68–72.
361. *Османов М.О.* К вопросу о формах скотоводства в Дагестане. — Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973–1975 гг.: Тезисы докладов. Махачкала, 1976, с. 15–17.
362. *Османов М.О.* Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана. — УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1970, т. 20 (серия общественных наук), с. 283–302.
363. *Османов М.-З.О.* О некоторых видах феодальной эксплуатации, связанных с формами скотоводства. — Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Региональная научная конференция. Тезисы докладов. Махачкала, 1980, с. 50–52.
364. *Османов М.О.* О так называемой полукочевой форме скотоводства в Дагестане. — Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980–1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР. Тезисы докладов. Нальчик, 1982, с. 214–215.
365. *Османов М.О.* Типы хуторского хозяйства и формы скотоводства в Дагестане в XIX — нач. XX в. — Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976–1977 гг. Махачкала, 1978, с. 16–18.
366. *Османов М.О.* Трансгуманс — одна из основных форм скотоводства народов Дагестана. — Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1980–1981 гг.: Тезисы докладов. Махачкала, 1982, с. 10–11.
367. *Османов М.О.* О формах и типах скотоводства (По материалам Дагестана XIX в.). — СЭ. 1984, № 6, с. 77–88.
368. *Османов М.О.* Формы скотоводства в системе хозяйственно-культурных типов Дагестана. — Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1982–1983 гг. Махачкала, 1984, с. 11–12.
369. *Османов М.О.* Формы скотоводства даргинцев во второй половине XIX — начале XX в. (в связи с регионами видового содержания скота и хозяйственно-культурными типами). — Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала, 1977, с. 39–55.
370. *Османов М.О.* Формы скотоводства даргинцев во второй половине XIX — начале XX в. (в связи с хозяйственно-культурными типами). — Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала, 1977, с. 21–38.
371. *Османов М.О.* Хозяйственно-культурные типы Дагестана и процессы этнического общения и консолидации. — Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976–1977 гг. Тезисы докладов. Ер., 1978, с. 134–137.
372. *Османов М.О.* Хозяйство Дагестана в XVI–XVII вв. — История Дагестана. М., 1967, т. 1, с. 232–238.
373. Отчет об управлении Дагестанской областью с 1 ноября 1863 г. по 1 октября 1869 года. Темир-Хан-Шура, 1869.
374. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. М., 1953.
375. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М.Хашаева. М., 1965.
376. *Панин А.И.* К вопросу о развитии овцеводства в Дагестане. — Плановое хозяйство Дагестана. 1928, № 10–12, с. 19–25.
377. *Панин А.И.* Обследование животноводства в ДАССР (1925–1927). — Десять лет научных работ в Дагестане. Махачкала, 1928, с. 30–34.
378. *Пантхахов И.* Современные лезгины. — Кавказ. 1901, № 228.
379. *Пастухов А.В.* Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шахдаг. — Записки КОИРГО. 1894, т. 16, с. 195–218.
380. Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. Материалы симпозиума. М., 1974.
381. *Першил А.И.* Актуальные проблемы советской этнографии. — СЭ. 1964, № 4, с. 5–21.
382. *Першил А.И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. — ТИЭ. 1961, т. 69.
383. *Петров К.И.* Роль природного пастбища как средства труда в переходе от присваивающего хозяйства к производящему. — Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974, с. 86–89.
384. *Петухов П.* Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. — Кавказ. 1867, № 16.
385. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
386. *Пиотровский Б.Б.* О характере закономерностей в истории культуры. — Тезисы докладов на заседании, посвященном полевым исследованиям в 1960 г. М., 1961, с. 15–20.
387. *Пиотровский Б.Б.* Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. — СА. XXIII, 1955, с. 5–15.
388. *Погорельский П.В.* Колхозное строительство и реконструкция животноводства в горах Дагестана. — Сельское хозяйство горного Дагестана. М.-Л., 1940, с. 7–96.
389. *Пожидаев В.П.* Хозяйственный быт Кабарды. — Сельское хозяйство и промыслы Кабарды. Воронеж, 1929, с. 5–106.
390. *Потанов П.Д.* Крупный рогатый скот в альпийской зоне Северной Осетии. — Известия Осетинского НИИ краеведения. Владикавказ, 1928, вып. 3, с. 3–93.
391. *Предельский А.Г.* Укрепление Хунзах и Аварский округ Дагестанской области. — Журнал Русского общества охранения народного здравия. СПб., 1903, № 5–6, с. 211–240.
392. Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
393. Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978.
394. *Проценко Ю.П.* Краткая география Кавказа. По сравнительному методу. Тифлис, 1889.
395. *Пуляркин В.А.* О содержании понятия "географическая среда" и о влиянии географической среды на общество. — Природа и общество. М., 1968, с. 69–81.
396. *Равдоникас В.И.* К вопросу о возникновении скотоводства. — ПИДО. 1934, № 3, с. 26–48.
397. *Равдоникас В.И.* Энгельс и проблема происхождения скотоводства в Европе. — Вопросы истории доклассового общества. М.-Л., 1936, с. 536–576.

398. *Радде Г.* Сельское хозяйство и промышленность Кавказа. — Живописная Россия. IX. Кавказ. СПб.-М., 1883, с. 219-232.
399. *Радде Г.* Хевсурия и хевсуры (опыт монографии). Тифлис, 1881.
400. *Ракитников А.Н.* Некоторые особенности исторической географии земледелия и животноводства в Средней Азии. — Вопросы географии. Т. 50: Историческая география. М., 1960, с. 71-90.
401. *Рклицкий М.В.* Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области. — Известия Осетинского НИИ краеведения. Владикавказ, 1926, вып. 2, с. 157-227.
402. *Робакидзе А.Н.* Жилище и поселения горных ингушей. — КЭС. Т. 2: Очерки этнографии Горной Ингушетии. Тб., 1968, с. 41-117.
403. *Робакидзе А.И.* Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем. — КСИЭ. М., 1962, вып. 36, с. 29-35.
404. *Робакидзе А.И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе. — СЭ. 1978, № 2, с. 15-24.
405. *Робакидзе А.И.* Поселение как источник изучения общественного быта. — VII МКАЭН. М., 1964.
406. *Роскизов К.Н.* Поездка в Чечню и Нагорный Дагестан (с орнитологической целью). — Записки КОИРГО. 1884, т. 13, вып. 1, с. 213-277.
407. *Руденко С.И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — Материалы по этнографии ГО СССР. Л., 1961, вып. 1, с. 2-15.
408. *Ружская А.А.* Овцеводство Армянской ССР и пути его качественного улучшения. Ер., 1948.
409. *Рчеулашвили М.Д.* Отгонное овцеводство Грузии и пути его улучшения. Тб., 1957.
410. *Свидерский П.Ф.* В горах Дагестана. — Путевые впечатления, случайности и антропологические заметки. Петровск, 1903.
411. *Свидерский П.Ф.* К антропологии даргинцев. — Весь Кавказ. I, Тифлис, 1903, с. 8-13.
412. Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. 1887-1888, т. 1-5.
413. Сельское хозяйство горного Дагестана, М.-Л., 1940.
414. Сельское хозяйство Дагестана. М., 1946.
415. *Семенов Ю.И.* Категория "социальный организм" и ее значение для исторической науки. — ВИ. 1966, № 8, с. 88-106.
416. *Семенов Ю.И.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества. — СЭ. 1982, № 2, с. 48-59.
417. *Семенов Ю.И.* О стадильной типологии общины. — Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, с. 75-91.
418. *Сергеева Г.А.* Арчинцы. М., 1967.
419. *Сергеева Г.А.* Природно-географическая среда и этнокультурные контакты в Дагестане. — СЭ. 1981, № 3, с. 90-98.
420. *Сергютковский А.К.* Поездка в Нагорный Дагестан. Пг., 1917.
421. *Симаков Г.Н.* О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX — начале XX века. — СЭ. 1982, № 4, с. 67-76.
422. *Симаков Г.Н.* Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов (конец XIX — начало XX в.). — СЭ. 1978, № 6, с. 14-27.
423. Система ведения сельского хозяйства Дагестана. Махачкала, 1967.
424. *Соболь Ф.Я.* Верхняя Сванетия. М.-Л., 1933.
- 424а. Советская этнография в условиях перестройки. — СЭ. 1987, № 4, с. 3-8.
425. Современный Дагестан. Сборник НКРКИ Дагестана. Махачкала, 1925.
426. *Соколов А.* Очерк Западного берега Каспийского моря от Петровского укрепления до р. Самура между гор и морем, со включением морской торговли города Дербента. — Кавказ. 1848, № 11.
427. *Сорокин С.С.* Древние скотоводы Ферганских предгорий. — Материалы по этнографии ГО СССР. Л., 1961, вып. 1, с. 27-36.
428. *Степанов Е.Ф.* Предварительные итоги двухлетних работ сектора ботаники по изучению пастбищ и сенокосов Дагестана. — Труды 2-й научной сессии Дагестанской базы АН СССР. Махачкала, 1949, с. 261-276.
429. *Столянов А.И.* Путешествие по Сванетии. — Записки КОИРГО. 1876, т. 9, вып. 2, с. 236-472.
430. *Суринов В.М.* К определению этнических традиций в земледелии. — СЭ. 1971, № 3, с. 51-58.
431. Таджики Каратегина и Дарваза. Душ., 1966, вып. 1.
432. *Тамашиев А.Э.* Крупный рогатый скот Армении в прошлом и настоящем. Ер., 1947.
433. *Тамбиев И.О.* О социалистической реконструкции животноводческого кошевого хозяйства Карачая (О разрешении "проблемы гор" применительно к условиям Карачая). — Революция и горец. Ростов-на-Дону, 1931, № 6-7, с. 33-40.
434. *Тер-Мосесян И.* Заметки о скотоводстве на Кавказе. — Труды КОСХ. 1885, № 6, с. 391-402.
435. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, т. 1.
436. Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
437. Типы в культуре: Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Л., 1979.
438. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной и Центральной Азии. Введение. Основные принципы типологизации. М., 1979, с. 5-20.
439. *Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. — ИГЭД, с. 125-137.
440. *Толстов С.П.* Основные теоретические проблемы современной советской этнографии. — СЭ. 1960, № 6, с. 10-23.
441. *Толтбеков С.Е.* Общественно-экономический строй казахов в XVII-XIX вв. А.-А., 1959.
442. *Трипольский Н.* Аварский округ. — Медицинский вестник. 1866, № 9-13.
443. *Трипольский Н.М.* Казикумухский округ. — Медицинский вестник. 1864, № 39, 40; 1865, № 36-38, 40.
444. *Тулъчинский Г.Л., Светлов В.А.* Логико-семантические основания классификации. — Типы в культуре. Л., 1979, с. 22-28.
445. *Туркин Е.В.* Скотоводство в Западном Закавказье. — Архив ветеринарных наук. СПб., 1911, № 8, с. 952-991.
446. *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.
447. *Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ранние турки на Северном Кавказе (Историко-этнографические очерки). М., 1978.
448. *Формозов А.А.* К истории древнейшего скотоводства на юге СССР. — Основные проблемы териологии. М., 1972, с. 19-25.

449. *Фрейденберг М.М.* Проблемы отгонного скотоводства в современной балканистике. — Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979, с. 204-216.
450. *Хазанов А.М.* Классообразование: факторы и механизмы. — Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 125-177.
451. *Хашаев Х.-М., Саидов М.С.* Гидатпинские адаты. Махачкала, 1957.
452. *Хашаев Х.-М.* Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959.
453. *Хашаев Х.-М.* К вопросу о тухумах, сельских общинах и вольных обществах в XIX веке. — УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1956, т. 1, с. 42-78.
454. *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.
455. *Хрисанф* Сведения об аварском ханстве. — ИГЭД, с. 265-275.
456. *Христианович В.П.* Горная Ингушия. К материалам по экономике альпийского ландшафта. — Труды Северо-Кавказской ассоциации НИИ, № 36. Институт местной экономики и культуры при Северо-Кавказском государственном университете. Ростов-на-Дону, 1928, вып. 2.
457. *Цагарейшвили П.Ш.* Основные формы скотоводства в Нижней Картли. — Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г.: Тезисы докладов (Секция этнографии, фольклора и антропологии). Тб., 1971, с. 77.
458. *Цалкин В.И.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. — МИА. 1960, с. 7-109.
459. *Цалкин В.И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. — МИА. 1966.
460. *Чеснов Я.В.* Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
461. *Чеснов Я.В.* Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов. — Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 109-124.
462. *Чеснов Я.В.* О принципах типологии традиционно-бытовой культуры. — Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, с. 189-203.
463. *Чеснов Я.В.* О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М.Г.Левина). — СЭ. 1970, № 6, с. 15-26.
464. *Чеснов Я.В.* О теории "культурных областей" в американской этнографии. — Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976, с. 68-95.
465. *Чиликина Л.Н., Унчиев Н.Д.* Материалы к кормовой характеристике основных типов пастбищ и сенокосов Дагестана. — Природная кормовая растительность Дагестана. Махачкала, 1960, с. 89-149.
466. *Чиликина Л.Н.* Очерк растительности Дагестанской АССР и ее природных кормовых угодий. — Природная кормовая растительность Дагестана. Махачкала, 1960, с. 8-88.
467. *Читая Г.С.* Изменение и обогащение культуры в результате перемещения населения гор на равнины в прошлом и настоящем. — Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 г. М., 1966, с. 37-38.
468. *Шаманов И.М.* Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX — начале XX в. — КЭС. М., 1972, вып. 5, с. 67-97.
469. *Шамиладзе В.М.* О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа. — СЭ. 1982, № 3, с. 70-76.
470. *Шамиладзе В.М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тб., 1979.
471. *Шамжалы Тарковские.* Историческая записка, составленная временной комиссией для определения личных и поземельных прав населения Темирхан-Шуринского округа. — ССКГ. 1868, вып. 1, с. 53-80.
472. *Шапсович М.С.* Весь Кавказ. I. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья. Баку, 1914.
473. *Шенников А.А.* Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до XX в. — Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977, с. 3-38.
474. *Шенников А.А.* Распространение животноводческих построек у народов Европейской России (к дискуссии об агроэтнографии). — СЭ. 1968, № 6, с. 99-106.
475. *Шифферс Е.В.* Природная кормовая растительность горного Дагестана. — Сельское хозяйство Дагестана. М.-Л., 1946, с. 178-211.
476. *Шифферс Е.В.* Растительность Северного Кавказа и его природные кормовые угодия. М.-Л., 1953.
477. *Шиссаидов А.Р.* Дагестан в X-XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975.
478. *Шихевич Ф.* Исторические записки о етрапах, лежащих между морями Черным и Каспийским. СПб., 1810.
479. *Шнирельман В.А.* Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства. — СЭ. 1974, № 3, с. 41-52.
480. *Шнирельман В.А.* Происхождение скотоводства (Культурно-историческая проблема). М., 1980.
481. *Шнирельман В.А.* Роль домашних животных в периферийных обществах (на примере традиционных обществ Сибири и Америки). — СЭ. 1977, № 2, с. 29-42.
482. *Шнирельман В.А.* Современные концепции производящего хозяйства (проблема механизма). — СА. 1978, № 3, с. 259-269.
483. *Шербачев А.П.* Описание Мехтулинского ханства, Койсубулинских владений и ханства Аварского. — ИГЭД, с. 293-299.
484. *Эристави Р.Д.* Заметки о Сванетии. Тифлис, 1898.
485. *Юшков С.В.* К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания). — УЗ СГПИ. Свердловск, 1938, вып. 1 (исторический), с. 65-86.
486. *Якобий А.* Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901.
487. *Ahrens R.* Wirtschaftsformen und Landschaft. Gamburg, 1927.
488. *Ashman H.* Comments on the Symposium "Man, Culture and Animals". — MCA RAHEA. 1965, с. 259-270.
489. *Vason E.E.* Types of Pastoral Nomadism in Central and Southwest Asia. — Southwestern J. of Anthropology. 1954, vol. 10, № 1, с. 44-68.
490. *Balogh I.* Formen der Extensiven Viehhaltung auf den Puszten von Debrezen. — VHOES, с. 465-503.
491. *Beuerman A.* Formen der Fernweidewirtschaft (Transhumance — Alpwirtschaft — Nomadismus). — Verhandlung des Deutschen Geographentage. 1960, Bd. 32, с. 277-280.
492. *Bodenstädt F.* Die Volker der Kaukasus. B., 1855.
493. *Boesch H.* Nomadism, Transhumans and Alpwirtschaft. — Die Alpen. XXVII, Bd. 6. 1951, с. 202-207.

494. *Carrier E.* Water and Grass. A Study in the Pastoral Economy of Southern Europe. L., 1932.
495. *Deshler W.* Native Cattle Keeping in Eastern Africa. — MCA RAHEA, c. 153-168.
496. *J. Dias A.* Das Hirtenwesen in Portugal. — VHES, c. 790-814.
497. *Dobrowolski K.* Die Haupttypen der Hirtenwanderungen in den Nordkarpaten vom 14 bis 20 Jh. — VHOES, c. 113-146.
498. *Downs J.F., Ekwall R.B.* Animals and Social Types in the Exploitation of the Tibetan Plateau. — MCA RAHEA, c. 169-184.
499. *Eberhard W.* Nomads and Farmers in Southeastern Turkey. Problems of Settlement. — Orient. 6. Leiden, 1953, v. I, c. 32-49.
500. *Erckert R.* Der Kaukasus und seine Völker. Lpz., 1887.
501. *Ferdinand K.* Aspects of the Relations between Nomads and Settled Population in Afghanistan. — Труды VII МКАЕВ. Bd. 10. М., 1971, c. 125-132.
502. *Evans E.E.* Transhumance in Europe. — Geography. 1940, v. 25, c. 172-180.
503. *Ferdinand K.* Nomadism in Afghanistan. — VHES, c. 127-160.
504. *Foldes L.* Esztena und Esztena-Genossenschaft bei den Szeklern. — VHOES, c. 283-328.
505. *Foldes L.* Quellen zur Transhumance in Sieben-Burgen-Walachei des 19 Jh. — VHOES, c. 345-356.
506. *Foldes L.* Vorwort. — VHOES, c. V-VIII.
507. *Foldes L.* Vorwort. — VHES, c. 9-14.
508. *Forde C.D.* Habitat, Economy and Society. L., 1948.
509. *Frödin J.* Zentraleuropas Alpwirtschaft. Bd. I. Oslo, 1940.
510. *Grigg D.* The Agricultural Regions of the World. Review and Reflections. — Economic Geography. 1969, v. 45, №2, c. 95-132.
511. *Güldenstädt I.A.* Reisen durch Russland und in Caucasischen Gebürge. Bd. 1-2. SPb., 1787-1791.
512. *Gunda B.* Nachwort. — VHES, c. 838-839.
513. *Gunda B.* Probleme der Kulturprovinzen in der Karpaten. — Труды VII МКАЕВ. М., 1971, Bd. 2, c. 318-321.
514. *Hahn E.* Das Alter der Wirtschaftlicher Kultur der Menschheit. Ein Rückblick und ein Ausblick. Heidelberg, 1905.
515. *Hahn E.* Die Entstehung der Pflugkultur. Heidelberg, 1909.
516. *Hahn E.* Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaftlicher Kultur der Menschen. Lpz., 1896.
517. *Hahn E.* Die Wirtschaftsformen der Erde. — Petermans geographische Mitteilungen. Gotha, 1892, Bd. 38, c. 8-12.
518. *Hansen I.* Lehrbuch der Rinderzucht. B., 1927.
519. *Marinov W.* Die Schafzucht der nomadiesieren den Karakatschanen in Bulgarien. — VHOES, c. 147-196.
520. *Matley J.M.* Transhumance in Bosnia and Herzegovina. — Geographical Review. 1968, v. 58, №2, c. 231-261.
521. *Müller E.* Herdenwanderung im Mittelmeergebiet (Transhumance). — Petermans geographische Mitteilungen. Gotha, 1938, Bd. 84, c. 364-370.
522. *Novak V.* Übersicht über Viehhaltungsformen und Alpwesen in Slovenien. — VHOES, c. 647-662.
523. *Ramm E.* Die Arten und Rassen des Rindes. Stuttgart, 1901, Bd. I.
524. *Reinwegs I.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Bd. I. Gotha — SPb., 1796.
525. *Schatzman R.* Anleitung zum Betrieb der Alpwirtschaft. Aarau, 1876.
526. *Schatzman R.* Weide-Milchwirtschaft von Schweden, Danemark, Holstein und Holland. Aarau, 1870.
527. *Sieger R.* Die Alpen. Lpz., 1900.
528. *Sieger R.* Beiträge zur Geographie der Almen in Osterreich. Graz, 1925.
529. *Spann J.* Alpwirtschaft. Freising, 1923.
530. *Stebler F.G.* Alp- und Weidewirtschaft. B., 1903.
531. *Stika I.* Westliche Grenze der Karpatischen Salaschenkultur (Almwirtschaftkultur). — Труды VII МКАЕВ. М., 1971, Bd. 2, c. 356-360.
532. *Struby A.* Die Alp- und Weidewirtschaft in der Schweiz. — Schweizerische Alpstatistik. Solothurn, 1914, c. 16-25.
533. *Vayda A.P.* Anthropologist and Ecological Problems. — MCA RAHEA, c. 1-5.
534. Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographischen Studien (VHES). Hrsg. von L. Foldes. Budapest, 1969.
535. Viehzucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa. Ethnographischen Studien (VHOES). Hrsg. von L. Foldes. Budapest, 1961.
536. *Vladutiu I.* Almenwirtschaftliche Viehhaltung und Transhumance in Brangebiet. — VHOES, c. 197-241.
537. *Werner H.* Rinderzucht. B., 1912.
538. *Wissler C.* Man and Culture. N.Y., 1923.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	- Вестник древней истории. М.
ВИ	- Вопросы истории. М.
ГАИМК	- Государственная Академия истории материальной культуры. М.
ГО СССР	- Географическое общество СССР.
ДСХИ	- Дагестанский сельскохозяйственный институт. Махачкала.
ДЭС	- Дагестанский этнографический сборник. Махачкала.
ИГЭД	- История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М.О.Косвена и Х.-М.Хашаева. М., 1958.
ИИАЭ	- Институт истории, археологии, этнографии.
ИРГО	- Императорское Русское географическое общество.
КБНИИ	- Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. Нальчик.
КК	- Кавказский календарь. Тифлис.
КОИРГО	- Кавказское отделение императорского Русского географического общества. Тифлис.
КОСХ	- Кавказское общество сельского хозяйства. Тифлис.
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии. М.-Л.
КСИЭ	- Краткие сообщения Института этнографии. М.-Л.
КЭС	- Кавказский этнографический сборник. М.-Тб.
ЛОИВ	- Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
МАД	- Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
МИА	- Материалы и исследования Института археологии. М.-Л.
МИЭБГКЭК	- Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис.
МКАЭН	- Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
МОИП	- Московское общество испытателей природы.
МУКЛЗПИСК	- Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Тифлис.
НИИЯЛИ	- Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
ОЛЕАЕ	- Общество любителей естествознания, антропологии, этнографии. М.
ОНТИ АН СССР	- Отдел научно-технической информации АН СССР. М.
ПИДО	- Проблемы истории докапиталистических обществ. М.
ПИМК	- Проблемы истории материальной культуры. М.
РАНИОН	- Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М.

РФ ИИЯЛ	- Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала.
СА	- Советская археология. М.
СИЭ	- Советская историческая энциклопедия. М.
СМИЭБГКЭК	- Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис.
СМОМПК	- Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
ССКГ	- Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
ССК	- Сборник сведений о Кавказе. Тифлис.
СССК	- Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис.
СЭ	- Советская этнография. М.
ТИЭ	- Труды Института этнографии. М.-Л.
УЗ ИВАН	- Ученые записки Института востоковедения АН СССР. М.
УЗ ИИЯЛ	- Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала.
УЗ СГПИ	- Ученые записки Свердловского государственного педагогического института.
ФАН СССР	- Филиал Академии наук СССР.
ЦГА	- Центральный государственный архив Дагестанской АССР. Махачкала.
ЦГВИА	- Центральный государственный Военно-исторический архив. М.
ЦГИА Груз.ССР	- Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР.
МСА РАНЕА	- Man, Culture and Animals. The Role of Animals in Human Ecological Adjustments. Wash.
VNES	- Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien. Budapest.
VNOES	- Viehzucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa. Ethnographische Studien. Budapest.

Таблица 1

Селения, представленные полевым материалом

Название селения (литера в скобке — показатель зоны: Р — равнинная, П — предгорная, Г — горная, В — высокогорная)	Союз обществ, владение	Участок	Округ
Абдашка (П)	Шуркент	Каракайтаг- ский	Кайтаго-Табаса- ранский
Агачаул (Р)	Шамхальство	Таркинский	Темирханшу- ринский
Адага (П)	Ирчамул	Каракайтагский	Кайтаго-Табаса- ранский
Акуша (Г)	Акуша	Акушинский	Даргинский
Аксай (Р)	Аксаевское	Аксаевский	Хасавюртовский
Алкадар (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюринский	Кюринский
Алходжагент (Р)	Гамри	Нижнекайтагский	Кайтаго-Табаса- ранский
Амух (В)	Буркун-Дарга	Аштыкулинский	Казикумухский
Анди (В)	Анди	Андийский	Андийский
Андрей-аул (Р)	Андреевское	Хасавюртовский	Хасавюртовский
Ансалта (Г)	Технуцал	Технуцальский	Андийский
Анчих (Г)	Карата	Каратинский	Андийский
Араканы (Г)	Хиндалал	Койсубулинский	Аварский
Аргвани (В)	Гумбет	Гумбетовский	Андийский
Аркит (Р)	Харалиар	Северотабаса- ранский	Кайтаго-Табаса- ранский
Арчи (В)	Дусрех	Мукарский	Казикумухский
Арчюг (П)	Дырча	Южнотабасаран- ский	Кюринский
Асахо (В)	Асахо	Дидойский	Андийский
Ассаб (Г)	Гидатль	Тилитль-Гидат- линский	Гунибский
Атриг (П)	Сувак	Южнотабасаран- ский	Кюринский
Ахкент (П)	Мехтулинское	Дженгутаевский	Темирханшурин- ский
Ахмедкент (П)	Маджалискадта	Уркарахский	Кайтаго-Табаса- ранский

Название селения (литера в скобке — показатель зоны: Р — равнинная, П — предгорная, Г — горная, В — высокогорная)	Союз обществ, владение	Участок	Округ
Ахты (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
Ашага-Араг (Р)	Чиле	Гюнейский	Кюринский
Ашага-Стал (Р)	Стал	Котур-Кюрин- ский	Кюринский
Ашты (В)	Буркун-Дарга	Ашты-Кулинский	Казикумухский
Балуджа (В)	Докузпара	Докузпаринский	Самурский
Балхар (Г)	Акуша	Акушинский	Даргинский
Баршамай (П)	Каракайтаг	Каракайтагский	Кайтаго-Табаса- ранский
Батланч (Г)	Хедопал	Хунзахский	Аварский
Башлыкент (Р)	Верхн.Терекеме	Нижнекайтаг- ский	Кайтаго-Табаса- ранский
Бежта (В)	Капуча	Анцухо-Капу- чинский	Гунибский
Билиджи (Р)	Улусский магал	Улусский магал	Кюринский
Борч (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
Бурши (Г)	Казикумухское	Кумухский	Казикумухский
Бутри (Г)	Мекеги	Акушинский	Даргинский
Буцра (Г)	Хиндалал	Хунзахский	Аварский
Бяжлук (П)	Ирчамул	Каракайтагский	Кайтаго-Табаса- ранский
Варсит (П)	Ирчамул	Каракайтагский	Кайтаго-Табаса- ранский
Вачи (В)	Кули	Ашты-Кулинский	Казикумухский
Великент (Р)	Теркеме	Нижнекайтаг- ский	Кайтаго-Табаса- ранский
Вертиль (П)	Сувак	Южнотабасаран- ский	Кюринский
Верхн.Мулебки (Г)	Муги	Мекегинский	Даргинский
Вихли (В)	Кули	Ашты-Кулинский	Казикумухский
Гагар (В)	Тланада	Бохнадальский	Гунибский
Гагатль (В)	Анди	Андийский	Андийский
Газия (П)	Каракайтаг	Кара-Кайтаг- ский	Кайтаго-Табаса- ранский
Гапшима (Г)	Муги	Акушинский	Даргинский
Гведьш (В)	Ухнада	Бохнадальский	Гунибский
Гверситль (В)	Томс	Анцухо-Капу- чинский	Гунибский
Гдым (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
Гелли (Р)	Шамхальство	Карабудах- кентский	Темирханшурин- ский
Гельхен (В)	Рича	Куррахский	Кюринский
Гениколо (В)	Джурмут	Бохнадальский	Гунибский

Продолжение табл. 1

Название селения (литера в скобке — показатель зоны: Р — равнинная, П — предгорная, Г — горная, В — высокогорная)	Союз обществ, владение	Участок	Округ
Гента (Г)	Гидатль	Тилитль-Гидат- линский	Гунибский
Гергебиль (Г)	Андалал	Куядинский	Гунибский
Гигатли (В)	Чамалал	Ункратль-Чама- лалский	Андийский
Гилиб (В)	Тлейсерух	Тлейсерухский	Гунибский
Гимры (Г)	Хиндалал	Койсубулинский	Аварский
Гиндух (В)	Ухнада	Бохнадальский	Гунибский
Гинта (Г)	Мекеги	Мекегинский	Даргинский
Гоа (В)	Агулдере	Курахский	Кюринский
Гогаз (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
Годобери (Г)	Технуцал	Технуцальский	Андийский
Годатль (Г)	Аварское	Хунзахский	Аварский
Гочоб (В)	Карах	Тлейсерухский	Гунибский
Губден (Р)	Шамхальство	Карабудахкент- ский	Темирханшурин- ский
Гулебки (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
Гулли (Р)	Верхн.Тереке- ме	Нижекайтаг- ский	Кайтаго-Табаса- ранский
Гуми (П)	Кухрук	Северотабаса- ранский	Кайтаго-Табаса- ранский
Дарада (Г)	Куяда	Куядинский	Гунибский
Даркуш (Р)	Гюджа	Гюнейский	Кюринский
Дахниса (П)	Шуркант	Каракайтагский	Кайтаго-Табаса- ранский
Дебгаша (П)	Муйре	Уркахский	Кайтаго-Табаса- ранский
Дейбук (П)	Урахи	Мекегинский	Даргинский
Джаба (В)	Докузпара	Докузпаринский	Самурский
Джавгат (П)	Каракайтаг	Каракайтагский	Кайтаго-Табаса- ранский
Джебел (Р)	Чиле	Гюнейский	Кюринский
Джибахни (П)	Каракайтаг	Каракайтагский	Кайтаго-Табаса- ранский
Джигджиг (В)	Докузпара	Докузпаринский	Самурский
Джинаби (П)	Каракайтаг	Каракайтагский	Кайтаго-Табаса- ранский
Джирбачи (П)	Шуркант	Каракайтагский	Кайтаго-Табаса- ранский
Джули (П)	Сувак	Южнотабасаран- ский	Кюринский
Доргели (П)	Мехтулинское	Дженгутаевский	Темирханшурин- ский
Дуакар (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский

Название селения (литера в скобке — показатель зоны: Р — равнинная, П — предгорная, Г — горная, В — высокогорная)	Союз обществ, владение	Участок	Округ
Дуреги (П)	Ирчамул	Каракайтагский	Кайтаго-Табаса- ранский
Дылым (П)	Салатау	Салатавский	Хасавьуртовский
Дюбек (Р)	Кырах	Северотабаса- ранский	Кайтаго-Табаса- ранский
Ерси (Р)	Райятские се- ла кадия Та- басарана	Северотабаса- ранский	Кайтаго-Табаса- ранский
Зильдик (П)	Нитриг	Южнотабасаран- ский	Кюринский
Ингердах (Г)	Хедолал	Хунзахский	Аварский
Ингиши (В)	Гумбет	Гумбетовский	Андийский
Инжоквари (В)	Хварши	Тиндальский	Андийский
Ирганай (Г)	Хиндалал	Койсубулинский	Аварский
Ириб (В)	Тлейсерух	Тлейсерухский	Гунибский
Ицари (Г)	Ицари	Уркахский	Кайтаго-Табаса- ранский
Ихир (В)	Докузпара	Докузпаринский	Самурский
Ихрек (В)	Ихрек	Лучекский	Самурский
Ичин (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюринский	Кюринский
Кабир (П)	Кабир	Котур-Кюринский	Кюринский
Кадар (П)	Мехтулинское	Дженгутаевский	Темирханшурин- ский
Кака (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
Какашура (П)	Мехтулинское	Дженгутаевский	Темирханшурин- ский
Кальял (В)	Цахур	Лучекский	Самурский
Камахал (Г)	Мукар	Мукарский	Казикумухский
Камелух (В)	Джурмут	Бохнадальский	Гунибский
Кана-Сираги (П)	Урахи	Мекегинский	Даргинский
Кандик (П)	Дырча	Южнотабасаран- ский	Кюринский
Канзиль (П)	Ахмар	Котур-Кюринский	Кюринский
Кара (Г)	Вицхи	Вицхинский	Казикумухский
Карабудахкент (Р)	Шамхальство	Карабудахкент- ский	Темирханшурин- ский
Карадаглы (Р)	Терекеме	Нижекайтаг- ский	Кайтаго-Табаса- ранский
Каракурейш (Г)	Гапш	Уркахский	Кайтаго-Табаса- ранский
Карата (Г)	Карата	Каратинский	Андийский
Карацан (П)	Каракайтаг	Каракайтагский	Кайтаго-Табаса- ранский
Карбучимахи (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский

Название селения (литера в скобке — показатель зоны: Р — равнинная, П — предгорная, Г — горная, В — высокогорная)	Союз обществ, владение	Участок	Округ
Карталай (П)	Каракайтаг	Каракайтагский	Кайтаго-Табасаранский
Кассагумахи (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
Касумкент (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюринский	Кюринский
Кахул (В)	Рутул	Лучекский	Самурский
Кахцуг (Р)	Картас	Гюнейский	Кюринский
Каякент (Р)	Гамри	Нижекайтагский	Кайтаго-Табасаранский
Кванада (В)	Багулал	Каратинский	Андийский
Кидеро (В)	Шуратль	Дидойский	Андийский
Кикунь (Г)	Андалал	Андалалский	Гунибский
Киркия (Г)	Ирчамул	Каракайтагский	Кайтаго-Табасаранский
Киша (Г)	Ганк	Уркарахский	Кайтаго-Табасаранский
Костек (Р)	Костековское	Хасавьуртовский	Хасавьуртовский
Куба (Г)	Вицхи	Вицхинский	Казикумухский
Кубачи (Г)	Ганк	Уркарахский	Кайтаго-Табасаранский
Кудиябросо (Г)	Цунта-Ахвах	Каратинский	Андийский
Кулецама (П)	Мехтулинское	Дженгутаевский	Темирханшуринский
Кули (В)	Кули	Ашты-Кулинский	Казикумухский
Кумух (Г)	Казикумухское	Кумухский	Казикумухский
Кураг (В)	Кушандере	Курахский	Кюринский
Курих (П)	Чуркуль	Северотабасаранский	Кайтаго-Табасаранский
Куркак (Р)	Джогдильдере	Северотабасаранский	Кайтаго-Табасаранский
Куркент (Р)	Даре	Южнотабасаранский	Кюринский
Куркли (Г)	Вицхи	Вицхинский	Казикумухский
Куруш (В)	Алтыпара	Докузпаринский	Самурский
Кутлаб (В)	Анцросо	Бохнадальский	Гунибский
Куяда (Г)	Куяда	Куядинский	Гунибский
Лиша (П)	Шуркент	Каракайтагский	Кайтаго-Табасаранский
Лучек (В)	Рутул	Лучекский	Самурский
Маали (Г)	Андалал	Андалалский	Гунибский
Магар (В)	Мукратль	Тлейсерухский	Гунибский
Магарамкент (Р)	Чиле	Гюнейский	Кюринский
Маза (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
Махкерт (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюринский	Кюринский
Махмудкент (Р)	Картас	Гюнейский	Кюринский

Название селения (литера в скобке — показатель зоны: Р — равнинная, П — предгорная, Г — горная, В — высокогорная)	Союз обществ, владение	Участок	Округ
Меgeb (Г)	Андалал	Андалалский	Гунибский
Мегитль (В)	Кос	Анцохо-Капучинский	Гунибский
Мекеги (Г)	Мекеги	Мекегинский	Даргинский
Местерух (Г)	Хедолат	Хунзахский	Аварский
Мехельта (В)	Гумбет	Гумбетовский	Андийский
Миджах (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
Мишлеш (В)	Цахур	Лучекский	Самурский
Мокоч (В)	Шуратль	Дидойский	Андийский
Мочох (Г)	Наха-Хиндалал	Цатанихский	Аварский
Муги (Г)	Муги	Акушинский	Даргинский
Муни (Г)	Технуцал	Технуцалский	Андийский
Муреге (Р)	Гамри	Нижекайтагский	Кайтаго-Табасаранский
Нахки (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
Нижн.Батлух (Г)	Батлух	Батлухский	Аварский
Нижн.Дженгута (П)	Мехтулинское	Дженгутаевский	Темирханшуринский
Нижн.Казанище (П)	Бамматулу	Темирханшуринский	Темирханшуринский
Нижн.Мулебки (Г)	Мекеги	Мекегинский	Даргинский
Нижн.Хваршини (В)	Ункратль	Ункратль-Чамалалский	Андийский
Нижар (В)	Бохнада	Бохнадальский	Гунибский
Нов.Чиркей (Р)	Шамхальство	Чирьуртовский	Темирханшуринский
Олоколоб (В)	Ухнада	Бохнадальский	Гунибский
Орта-Стал (Р)	Стал	Гюнейский	Кюринский
Оруджоба (Р)	Чиле	Гюнейский	Кюринский
Параул (П)	Мехтулинское	Дженгутаевский	Темирханшуринский
Рича (В)	Рича	Курахский	Кюринский
Ругельда (В)	Келеб	Тилитль-Гидатлинский	Гунибский
Ругуджа (Г)	Андалал	Андалалский	Гунибский
Рука (П)	Каракайтаг	Каракайтагский	Кайтаго-Табасаранский
Рутул (В)	Рутул	Лучекский	Самурский
Ружун (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюринский	Кюринский
Саидкент (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюринский	Кюринский
Санчи (П)	Маджалискадта	Уркарахский	Кайтаго-Табасаранский
Сикар (В)	Бохнада	Бохнадальский	Гунибский
Сикуг (П)	Кухрук	Северотабасаранский	Кайтаго-Табасаранский

Название селения (литера в скобке — показатель зоны: Р — равнинная, П — предгорная, Г — горная, В — высокогорная)	Союз обществ, владение	Участок	Округ
Сиртыч (Р)	Этек	Южнотабасаран- ский	Кюринский
Сиух (Г)	Хедолал	Хунзахский	Аварский
Смугул (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
Суких (В)	Кули	Ашты-Кулинский	Казикумухский
Сулевкент (Г)	Ганк	Уркарахский	Кайтаго-Табаса- ранский
Султан-Янгиюрт (Р)	Шамхальство	Чирьюртовский	Темирханшурин- ский
Сурхачи (П)	Муйре	Уркарахский	Кайтаго-Табаса- ранский
Тад-Магитль (Г)	Цунта-Ахвах	Каратинский	Андийский
Тама (П)	Ирчамул	Каракайтагский	Кайтаго-Табаса- ранский
Тамаза-Тюбе (Р)	Костек	Хасавьюртовский	Хасавьюртовский
Танты (Г)	Мекеги	Мекегинский	Даргинский
Тарки (Р)	Шамхальство	Таркинский	Темирханшурин- ский
Тебекмахи (Г)	Цудахар	Цудахарский	Даргинский
Тидиб (Г)	Гидатль	Тилитль-Гидат- линский	Гунибский
Тинди (Г)	Тинди	Тиндальский	Андийский
Тинит (Р)	Этек	Южнотабасаран- ский	Кюринский
Тисси (Г)	Тинди	Тиндальский	Андийский
Тлелютль (В)	Анцросо	Бохнадальский	Гунибский
Тлядал (В)	Капуча	Анцухо-Капучин- ский	Гунибский
Тляниб (В)	Томс	Анцухо-Капучин- ский	Гунибский
Тлярата (В)	Анцросо	Бохнадальский	Гунибский
Тлярхеб (В)	Ухнада	Бохнадальский	Гунибский
Токита (Г)	Аварское	Хунзахский	Аварский
Тпиг (В)	Агулдере	Курахский	Кюринский
Трисанчи (П)	Муйре	Уркарахский	Кайтаго-Табаса- ранский
Уллуая (F)	Акуша	Акушинский	Даргинский
Уллубий-аул (Р)	Шамхальство	Карабудахкент- ский	Темирханшурин- ский
Унцукуль (Г)	Хиндалал	Койсубулинский	Аварский
Унчукатль (Г)	Вицхи	Вицхинский	Казикумухский
Урада (Г)	Гидатль	Тилитль-Гидат- линский	Гунибский
Урари (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский

Название селения (литера в скобке — показатель зоны: Р — равнинная, П — предгорная, Г — горная, В — высокогорная)	Союз обществ, владение	Участок	Округ
Урахи (П)	Урахи	Мекегинский	Даргинский
Урга (П)	Сувак	Южнотабасаран- ский	Кюринский
Ургани (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
Уркарах (Г)	Гапш	Уркарахский	Кайтаго-Табаса- ранский
Урцаки (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
Усемикент (Р)	Гамри	Нижнекайтаг- ский	Кайтаго-Табаса- ранский
Усиша (Г)	Усиша	Акушинский	Даргинский
Усуг (В)	Рича	Курахский	Кюринский
Утамьш (Р)	Гамри	Нижнекайтаг- ский	Кайтаго-Табаса- ранский
Ухул (В)	Докузпара	Докузпаринский	Самурский
Фий (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
Филиджан (В)	Докузпара	Докузпаринский	Самурский
Фурдаг (П)	Сувак	Южнотабасаран- ский	Кюринский
Хадага (П)	Каракайтаг	Каракайтагский	Кайтаго-Табаса- ранский
Хаджалмахи (Г)	Цудахар	Цудахарский	Даргинский
Хал (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
Хамаматъюрт (Р)	Аксаевское	Аксаевский	Хасавьюртовский
Харата (В)	Тох	Анцухо-Капу- чинский	Гунибский
Харбук (Г)	Ганк	Уркарахский	Кайтаго-Табаса- ранский
Хашар-Хота (В)	Капуча	Анцухо-Капу- чинский	Гунибский
Хеботль (В)	Шиитль	Дидойский	Андийский
Хелода (В)	Гунзал	Анцухо-Капу- чинский	Гунибский
Хнов (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
Хорода (В)	Таш	Анцухо-Капу- чинский	Гунибский
Хосрех (В)	Кули	Ашты-Кулинский	Казикумухский
Хлитар (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюрин- ский	Кюринский
Хпюг (В)	Рича	Курахский	Кюринский
Хпюк (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюрин- ский	Кюринский
Храх (В)	Докузпара	Докузпаринский	Самурский
Хубар (П)	Салатау	Салатавский	Хасавьюртовский
Хулуц (В)	Буркун-Дарга	Ашты-Кулинский	Казикумухский

Название селения (литера в скобке — показатель зоны: Р — равнинная, П — предгорная, Г — горная, В — высокогорная)	Союз обществ, владение	Участок	Округ
Хужник (П)	Хараг	Северотабасаранский	Кайтаго-Табасаранский
Хунгия (П)	Каттаган	Каракайтагский	Кайтаго-Табасаранский
Хунзах (Г)	Аварское	Хунзахский	Аварский
Хунсеб (В)	Ухнада	Бохнадальский	Гунибский
Хуриг (Р)	Этек	Южнотабасаранский	Кюринский
Хурцатиль (П)	Сувак	Южнотабасаранский	Кюринский
Хуршни (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
Хутарг (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюринский	Кюринский
Хутрах (В)	Шуратль	Дидойский	Андийский
Хучни (Р)	Джогдильдере	Северотабасаранский	Кайтаго-Табасаранский
Хуштада (В)	Багулал	Каратинский	Андийский
Хюредж (П)	Дырча	Южнотабасаранский	Кюринский
Цахур (В)	Цахур	Лучекский	Самурский
Цекоб (Г)	Ратлу-Ахвах	Тилитль-Гидатлинский	Гунибский
Целягун (Р)	Чиле	Гюнейский	Кюринский
Цийша (В)	Кули	Ашты-Кулинский	Казикумухский
Цицег (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюринский	Кюринский
Цмур (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюринский	Кюринский
Цугни (В)	Сирха	Сюргинский	Даргинский
Цудахар (Г)	Цудахар	Цудахарский	Даргинский
Цумаа (В)	Тланада	Бохнадальский	Гунибский
Цумелух (В)	Тлебель	Бохнадальский	Гунибский
Чадаколоб (В)	Анцух	Анцухо-Капучинский	Гунибский
Чаравалю (Г)	Кумухское	Кумухский	Казикумухский
Чирах (В)	Буркун-Дарга	Ашты-Кулинский	Казикумухский
Чирката (В)	Гумбет	Гумбетовский	Андийский
Чонтаул (Р)	Шамхальство	Чиръюртовский	Темирханшуринский
Чох (Г)	Андалал	Андалалский	Гунибский
Чукна (Г)	Вицжи	Вицжинский	Казикумухский
Чумлы (Р)	Верхн.Терекеме	Нижнекайтагский	Кайтаго-Табасаранский
Шаитль (В)	Шиитль	Дидойский	Андийский

Название селения (литера в скобке — показатель зоны: Р — равнинная, П — предгорная, Г — горная, В — высокогорная)	Союз обществ, владение	Участок	Округ
Шали (В)	Дусрех	Мукарский	Казикумухский
Шиля (П)	Хараг	Северотабасаранский	Кайтаго-Табасаранский
Шиляги (П)	Каттаган	Каракайтагский	Кайтаго-Табасаранский
Шимихюр (В)	Курах	Курахский	Кюринский
Шиназ (В)	Рутул	Лучекский	Самурский
Эрпели (П)	Эрпелинское	Темирханшуринский	Темирханшуринский
Юхари-Араг (Р)	Картас	Гюнейский	Кюринский
Ялак (В)	Ахтыпара	Ахтыпаринский	Самурский
Ялцуг (В)	Докузпара	Докузпаринский	Самурский
Ялцугар (П)	Котур-Кюра	Котур-Кюринский	Кюринский
Янгикент (Р)	Верхн.Терекеме	Нижнекайтагский	Кайтаго-Табасаранский
Яраг (П)	Сувак	Южнотабасаранский	Кюринский

Таблица 2

Хозяйственные показатели по участкам (по источникам:

/19, с.1-123; 21, с.3-29; 22, с.26-81; 23, с.128-211; 24, с.6-67; 32, д.1-126; 25 за 1892-1915 гг./)

Участок	Число селений	Число хозяйств	Пахотные угодья (в десятинах)		Сенокосные угодья (в десятинах)		КРС		МРС		МРС в переводе на КРС		Весь скот (включая лошадей и ослов) в переводе на КРС	
			Общее кол-во	в переводе на 1 хозяйство	Общее кол-во	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство
<u>Равнина</u>														
Хасавюртовский	55	4878	30249	6,2	16361	3,3	21902	4,5	48490	10	8082	1,6	33872	6,9
Аксаяевский	52	3654	29690	8,1	23781	6,5	21117	5,8	44228	12	7371	2,0	33697	9,2
Таркинский	8	2444	25061	10,4	749	0,3	11516	4,7	27945	11	4657	1,9	18062	7,4
Чирыюртовский	4	1220	8145	6,7	4121	3,4	5849	4,8	42711	35	7118	5,8	14292	11,7
<u>Горноуделенный</u>														
Нижнекайтатский	5	3763	15266	4	269	0,07	10911	2,9	52986	14	8831	2,3	21150	5,6
Северогабаранский	28	5041	35788	7,1	7090	1,4	24157	4,8	21082	4	3513	0,7	30752	6,1
Южеский	84	3962	13152	3,3	4081	1	15555	4,0	23327	6	3888	1	21396	5,4
Улусский магал	53	3973	16408	4,1	-	-	12509	3,1	17497	4	2916	0,7	16842	4,2
Итого	301	29458	178251	58	56452	1,9	125383	4,2	278956	9	46693	1,5	192499	6,5
<u>Предгорье</u>														
Салаватский	51	4588	7568	1,6	-	-	20566	4,5	58171	12	9695	2,1	32906	7,2
Темирханшуринский	15	3785	6814	1,8	2862	0,7	12325	3,2	73147	19	12191	3,2	26364	7

Продолжение табл. 2

Участок	Число селений	Число хозяйств	Пахотные угодья (в десятинах)		Сенокосные угодья (в десятинах)		КРС		МРС		МРС в переводе на КРС		Весь скот (включая лошадей и ослов) в переводе на КРС	
			Общее кол-во	в переводе на 1 хозяйство	Общее кол-во	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство
Дженгутавский	15	6224	14574	2,3	1669	0,3	18942	3	69950	11	11659	1,9	33180	5,3
Кара-Кайтагский	49	2528	3843	1,5	1649	0,6	8802	3,5	16185	6	2698	1	12790	5
Юногабаранский	59	2983	10203	3,4	-	-	13040	4,4	50233	17	8372	2,8	23305	7,8
Котур-Киринский	53	4093	12688	3,1	-	-	14191	3,4	39787	10	6631	1,6	22131	5,4
Итого	242	24201	55690	2,3	6180	0,2	87866	3,6	307473	12	51246	2,1	150677	6,2
<u>Горная часть</u>														
Технудальский	12	1731	528	0,3	306	0,2	3414	2	13343	8	2223	1,3	7082	4,1
Тиндальский	10	953	946	1	99	0,1	4265	4,5	16455	17	2743	2,9	7481	7,8
Караинский	18	2344	1012	0,4	966	0,4	6348	2,7	41246	17	6874	2,9	14884	6,3
Хуназахский	39	3454	7999	2,3	4222	1,2	17480	5	68569	20	11428	3,3	32811	9,5
Батухский	10	833	1426	1,7	876	1	5377	6,4	9317	11	1553	1,8	7983	9,6
Койсубулинский	15	2797	1368	0,5	2874	1	13515	4,8	42434	15	7072	2,5	23746	8,5
Датанхский	17	1642	1650	1	2848	1,7	7750	4,7	18498	11	3083	1,9	12688	7,7
Тилитль-Гидаглинский	25	3236	11567	3,5	580	0,2	15080	4,6	45872	14	7645	2,3	25344	7,8

Продолжение табл. 2

Участок	Число селения	Число хозяйств	Пахотные угодья (в десятинах)		Сенокосные угодья (в десятинах)		КРС		МРС		МРС в переводе на КРС		Весь скот (включая лошадей и ослов) в переводе на КРС	
			Общее кол-во	в переводе на 1 хозяйство	Общее кол-во	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство
Кудяинский	9	2554	1802	0,7	-	-	1194,3	4,6	24075	9	4013	1,6	17997	7
Андлалский	13	2551	1976	0,8	-	-	10726	4,2	131911	52	21985	8,6	35780	14
Кутяинский	18	2682	1614	0,6	18	0,007	5619	2,1	29795	11	4966	1,8	11192	4,2
Цулахарский	14	3367	1502	0,4	101	0,03	6625	2	51021	15	8504	2,5	18080	5,4
Акушинский	12	4935	1360	0,2	310	0,05	4471	0,9	46672	9	7779	1,6	14034	2,8
Мекетинский	18	5273	4251	0,8	542	0,1	10992	2,1	46702	9	7783	1,5	20211	3,8
Вицинский	28	2797	2164	0,8	1389	0,5	4757	1,7	59168	21	9861	3,5	16675	6
Кумухский	26	2604	1545	0,6	917	0,3	4437	1,7	14187	5	2364	0,9	9165	3,5
Урарахский	32	3988	3079	0,7	1267	0,3	9226	2,3	52763	13	8794	2,2	20915	5,2
Итого	316	47741	45789	0,9	17315	0,3	142025	3	712028	15	118671	2,5	296069	6,2
<u>Высокогорье</u>														
Гумбетовский	18	2595	982	0,4	924	0,3	9039	3,5	183900	71	30650	11,8	44337	17,1
Андынский	7	1545	428	0,3	191	0,1	1776	1,1	5171	33	8528	5,5	12073	7,8
Ункрагль-Чама- лалский	19	1795	1035	0,6	1003	0,5	8543	4,7	53237	29	8873	4,9	18542	10,3
Лидойский	35	993	671	0,7	447	0,4	3275	3,3	31785	32	5297	5,3	9200	9,2
Тлейсерухский	41	2444	1437	0,6	785	0,3	11807	4,8	91008	37	15168	6,2	28734	11,7
Бохнадальский	38	1230	905	0,7	-	-	7113	5,8	58111	47	9685	7,9	17650	14,3
Анцухо-Капу- чинский	65	1544	1046	0,7	-	-	7732	5	50758	33	8459	5,5	17312	11,2

Продолжение табл. 2

Участок	Число селения	Число хозяйств	Пахотные угодья (в десятинах)		Сенокосные угодья (в десятинах)		КРС		МРС		МРС в переводе на КРС		Весь скот (включая лошадей и ослов) в переводе на КРС	
			Общее кол-во	в переводе на 1 хозяйство	Общее кол-во	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство	Общее поголовье	в переводе на 1 хозяйство
Сюргинский	16	2550	1197	0,5	924	0,4	12390	4,8	33213	13	5535	2,2	20100	7,9
Мукарский	29	1709	1250	0,7	921	0,5	6262	3,6	38207	22	6368	3,7	14091	8,2
Амты-Кулин- ский	21	3230	1778	0,5	1316	0,4	8316	2,6	80423	25	13403	4,1	24712	7,6
Курахский	37	2931	8181	2,8	-	-	11474	3,9	75127	25	12521	4,3	26137	8,9
Докузпарин- ский	16	3791	2871	0,7	2648	0,7	13746	3,6	138143	36	23024	6	41168	10,8
Ахтыпарин- ский	23	4029	1596	0,4	1096	0,3	9104	2,2	147831	37	24638	6,1	36035	8,9
Лучекский	41	3572	2959	0,8	356	0,1	14374	4	158569	44	26428	7,4	43354	12,1
Итого	406	33958	26336	0,7	10611	0,3	124951	3,6	1191483	35	198581	5,8	353874	10,4
Всего	1265	135358	306066	2,2	90558	0,6	480225	3,6	2489940	18	414991	3	993059	7,3

Содержание видов скота по участкам

Таблица 3

Участки и союзы обществ с показателями скота и угодий (на 1 хозяйство),
превышающими средние по Дагестану

Зона	Общее число участков (союз)	Показатели по МРС		Показатели по КРС		Показатели по пахотным угодьям	
		Число участков	Совпадают с превышающими средние уровни	Число участков	Совпадают с превышающими средние уровни	Число участков	Совпадают с превышающими средние уровни
Равнинная	9	1	1	6	6	9	6
Предгорная	6	-	-	2	1	3	1
Горная	17	3	2	8	1	1	1
Высокогорная	14	13	5	6	-	1	-
Всего	46	17	8	22	8	14	8
Равнинная	18	-	-	11	11	18	11
Предгорная	20	5	3	5	2	9	2
Горная	24	4	1	10	2	2	2
Высокогорная	40	30	16	21	1	2	1
Всего	102	39	20	47	16	31	16

Участки
Союзы

Зона	Наименование участка	Число селений		Из них с поголовьем		Число селений с преобладанием по обоим видам скота
		общее	с числом хозяйств больше 20	МРС больше 20 на 1 хозяй-во	КРС больше 5 на 1 хозяй-во	
Равнинная	Хасавюртовский (1-й)	55	23	5	11	2
	Аксаевский (2-й)	52	31	6	22	5
	Таркинский	8	8	1	4	1
	Чирюртовский	4	4	2	2	1
	Карабудахкентский	5	5	1	-	-
	Нижекайтагский	28	28	1	11	1
	Северотабасаранский	84	56	2	13	2
	Гюнейский	53	47	1	1	-
	Улусский магал	12	8	-	3	-
	Итого	301	210	19	67	12
	% к зоне	-	-	9	32	6
% к Дагестану	24	20	5	29	10	
Предгорная	Салатавский ("горный")	51	24	3	7	2
	Темирханшуринский	15	14	5	-	-
	Джэнгутаевский	15	15	2	1	1
	Каракайтагский	49	37	2	5	-
	Южнотабасаранский	59	43	9	15	6
	Котур-Кюринский	53	50	4	4	1
	Итого	242	181	25	32	10
% к зоне	-	-	14	17	5	
% к Дагестану	19	18	7	14	9	
Горная	Технуцальский	12	12	1	-	-
	Тиндальский	10	10	6	2	2
	Каратинский	18	18	7	1	-
	Хунзахский	39	39	13	13	7
	Батлукский	10	9	1	6	1
	Койсубулинский	15	14	5	4	3
	Цатанихский	17	16	6	7	3
	Тилитль-Гидатлинский	25	25	9	9	6
	Куядинский	9	9	1	1	-
	Андалалский	13	13	8	5	4
	Кутишинский	18	18	3	-	-
	Цудахарский	14	14	4	1	1
	Акушинский	12	12	3	-	-
Мекегинский	18	18	3	1	-	
Вицкинский	28	25	5	-	-	
Кумухский	26	25	2	1	-	
Уркарахский	32	32	5	-	-	
Итого	316	309	82	54	27	

Зона	Наименование участка	Число селений		Из них с поголовьем		Число селений с преобладающим по объемам видам скота
		общее	с числом хозяйств больше 20	МРС больше 20 на 1 хоз-во	КРС больше 5 на 1 хоз-во	
	% к зоне	-	-	26	16	8
	% к Дагестану	25	30	25	22	24
Высотогорная	Гумбетовский	18	18	13	5	5
	Андийский	7	7	4	-	-
	Ункратль-Чамалалский	19	18	14	4	4
	Дидойский	35	18	10	3	2
	Тлейсерухский	41	37	23	14	10
	Бохнадальский	38	26	15	16	13
	Анцухо-Капучинский	65	21	13	6	6
	Сюргинский	16	16	3	6	2
	Мукарский	29	25	9	3	3
	Ашты-Кулинский	21	20	12	1	1
	Курахский	37	36	25	8	7
	Докузпаринский	16	16	8	1	-
	Ахтыпаринский	23	23	14	1	1
	Лучекский	41	35	35	9	9
Итого	406	316	198	77	63	
	% к зоне	-	-	62	24	20
	% к Дагестану	32	31	61	34	56
	Всего по Дагестану	1265	1016	324	227	112
	в %:	100	80	32	22	11

Таблица 5

Формы и типы скотоводческого хозяйства (по участкам)

Зона	Участок	Формы содержания (ФС)	Типы скотоводческого хозяйства (в скобках дан преобладающий для данного типа вид скота)
Равнинная	Хасавюртовский	выгон, стойло, хутор комплексный и пастбищный, шалаш, яйлаг	выгонно-стойлово-хуторской, выгонно-стойлово-шалашный (КРС), хуторско-яйлажно-выгонный (МРС)
	Аксаевский	то же	то же
	Таркинский	выгон, стойло, хутор пастбищный, яйлаг	выгонно-стойловый (КРС), хуторско-яйлажно-выгонный (МРС)

Зона	Участок	Формы содержания (ФС)	Типы скотоводческого хозяйства (в скобках дан преобладающий для данного типа вид скота)
Равнинная	Чирьюртовский	выгон, стойло, хутор	выгонно-стойлово-хуторской (КРС), выгонно-стойлово-яйлажный (МРС)
	Карабудахкентский	выгон, стойло, хутор пастбищный, яйлаг	выгонно-стойловый (КРС), хуторско-яйлажно-выгонный (МРС)
	Нижнекайтагский	выгон, стойло, хутор комплексный, шалаш, хутор пастбищный, яйлаг	выгонно-стойлово-шалашный (КРС), хуторско-яйлажно-выгонный (МРС)
	Северотабарский	выгон, стойло, шалаш, яйлаг	выгонно-стойловый, выгонно-стойлово-шалашный (КРС), стойлово-яйлажный (МРС)
	Гюнейский	выгон, стойло, яйлаг	выгонно-стойловый (КРС), выгонно-стойлово-яйлажный (МРС)
	Улусский магал	выгон, стойло, хутор пастбищный	выгонно-стойлово-хуторской (КРС)
	В общем по зоне	выгон, стойло, хутор комплексный и пастбищный, шалаш, яйлаг	преобладающий тип — выгонно-стойловый
	Салатавский	выгон, стойло, шалаш, яйлаг, кышлаг зимний	выгонно-стойлово-шалашный (КРС), трансманс (МРС)
	Темирханшуринский	выгон, стойло, хутор комплексный, шалаш, яйлаг, кышлаг зимний (МРС)	выгонно-стойлово-хуторской (КРС), трансманс (МРС), выгонно-стойлово-шалашный (КРС), хуторско-яйлажно-выгонный (МРС)
	Дженгутаевский	то же	то же
Предгорная	Каракайтагский	выгон, стойло, шалаш, яйлаг, кышлаг зимний	выгонно-стойлово-яйлажный, выгонно-стойлово-шалашный (КРС), трансманс (МРС)

Зона	Участок	Формы содержания (ФС)	Типы скотоводческого хозяйства (в скобках дан преобладающий для данного типа вид скота)
Предгорная	Южнотабасаранский	выгон, стойло, яйлаг, кышлаг зимний и весенний, хутор пастбищный и яйлажный	выгонно-стойлово-яйлажный, выгонно-стойлово-хуторской (КРС и МРС), трансюманс, яйлажно-хуторско-весеннекышлагный (МРС)
	Котур-Кюринский	то же	то же
	В общем по зоне	выгон, стойло, яйлаг, шалаш, кышлаг зимний и весенний, хутор комплексный, пастбищный и яйлажный	преобладающие типы: выгонно-стойловый, выгонно-стойлово-яйлажный, трансюманс
Горная	Технуцальский	выгон, стойло, яйлаг, хутор выгонный, кышлаг зимний	внутриальпийский (КРС и МРС), трансюманс (МРС)
	Тиндальский	яйлаг, выгон, хутор выгонный, пастбищный, стойло, долинный отгон	внутриальпийский с долинным отгоном
	Каратинский	яйлаг, выгон, стойло, кышлаг зимний, хутор выгонный, пастбищный, яйлажный	внутриальпийский (КРС и МРС), трансюманс (МРС)
	Хунзахский	яйлаг, выгон, стойло, хутор пастбищный и выгонный, кышлаг зимний и весенний	внутриальпийский (КРС и МРС), трансюманс (МРС), яйлажно-хуторско-весеннекышлагный (МРС)
	Батлукский	яйлаг, хутор выгонный и пастбищный, выгон, стойло	внутриальпийский
	Койсубулинский	яйлаг, хутор выгонный и пастбищный, выгон, стойло, кышлаг весенний	внутриальпийский (КРС и МРС), яйлажно-хуторско-весеннекышлагный (МРС)
	Цатанихский	яйлаг, выгон, стойло, хутор пастбищный, кышлаг зимний	внутриальпийский (КРС и МРС), трансюманс (МРС)

Зона	Участок	Формы содержания (ФС)	Типы скотоводческого хозяйства (в скобках дан преобладающий для данного типа вид скота)
Горная	Тилитль-Гидатлинский	яйлаг, хутор выгонный и пастбищный, выгон, стойло, кышлаг зимний	выгонно-стойлово-хуторской, внутриальпийский (КРС и МРС), трансюманс (МРС)
	Кудядинский	яйлаг, выгон, хутор выгонный и пастбищный, стойло	внутриальпийский
	Андалалский	яйлаг, кышлаг зимний и весенний, выгон, стойло, хутор выгонный и яйлажный	трансюманс (МРС), внутриальпийский (КРС), яйлажно-хуторско-весеннекышлагный (МРС)
	Кутинский	выгон, стойло, яйлаг, кышлаг зимний, хутор выгонный, кышлаг весенний	выгонно-стойловый (КРС), яйлажно-хуторско-весеннекышлагный (КРС и МРС), трансюманс (МРС)
	Цудахарский	яйлаг, выгон, стойло, кышлаг зимний, хутор выгонный	трансюманс (МРС), внутриальпийский (КРС и МРС)
	Акушинский	выгон, яйлаг, стойло, кышлаг зимний и весенний, хутор выгонный и пастбищный	выгонно-стойловый (КРС), трансюманс (МРС), яйлажно-хуторско-весеннекышлагный (МРС и КРС)
	Мекегинский	то же	то же
	Вицхинский	яйлаг, кышлаг зимний, выгон, стойло, хутор пастбищный, кышлаг весенний	трансюманс (МРС), выгонно-стойловый (КРС), яйлажно-хуторско-весеннекышлагный (МРС)
	Кумухский	выгон, стойло, яйлаг, хутор пастбищный, кышлаг зимний	внутриальпийский (КРС и МРС), трансюманс (МРС)
	Уркаражский	выгон, стойло, яйлаг, кышлаг зимний и весенний, хутор пастбищный	выгонно-стойловый (КРС), трансюманс, яйлажно-хуторско-весеннекышлагный (МРС)
	В общем по зоне	яйлаг, выгон, стойло, кышлаг зимний и весенний, хутор выгонный, пастбищный и яйлажный	преобладающие типы: внутриальпийский, трансюманс, яйлажно-хуторско-весеннекышлагный

Зона	Участок	Формы содержания (ФС)	Типы скотоводческого хозяйства (в скобках дан преобладающий для данного типа вид скота)
Высокогорная	Гумбетовский	яйлаг, хутор выгонный и яйлажный, выгон, стойло, кышлаг весенний	яйлажно-хуторско-весеннекышлагный (МРС), внутриальпийский (КРС)
	Андийский	яйлаг, хутор выгонный, пастбищный, яйлажный, кышлаг весенний и зимний, выгон, стойло	яйлажно-хуторско-весеннекышлагный (МРС), трансюманс (МРС), внутриальпийский (КРС)
	Ункратль-Чамалалский	яйлаг, хутор выгонный, пастбищный и яйлажный, выгон, стойло, кышлаг весенний	внутриальпийский (КРС и МРС), яйлажно-хуторско-весеннекышлагный (МРС)
	Дидойский	яйлаг, выгон, кышлаг зимний с отходом населения, стойло, хутор выгонный	трансюманс с отходом населения (МРС), внутриальпийский (КРС и МРС)
	Тлейсерухский	яйлаг, хутор выгонный, кышлаг зимний (с отходом), хутор пастбищный, выгон, стойло, кышлаг весенний, долинный отгон	трансюманс с отходом (МРС), внутриальпийский с долинным отгоном (КРС и МРС), яйлажно-хуторско-весеннекышлагный (МРС)
	Бохнадальский	яйлаг, выгон, стойло, кышлаг зимний с отходом, хутор выгонный, пастбищный и яйлажный	трансюманс с отходом (МРС), внутриальпийский (КРС и МРС)
	Анцухо-Капучинский	яйлаг, выгон, кышлаг зимний с отходом, хутор выгонный и яйлажный	трансюманс с отходом (МРС), внутриальпийский (КРС и МРС)
	Сюргинский	яйлаг, выгон, стойло, хутор пастбищный, кышлаг весенний, хутор яйлажный	внутриальпийский (КРС и МРС), яйлажно-хуторско-весеннекышлагный (МРС)
	Мукарский	яйлаг, выгон, стойло, хутор выгонный и пастбищный, кышлаг зимний	внутриальпийский (КРС и МРС), трансюманс (МРС)
	Ашты-Кулинский	яйлаг, выгон, стойло, кышлаг весенний и зимний, хутор выгонный, пастбищный и яйлажный	внутриальпийский (КРС), яйлажно-хуторско-весеннекышлагный, трансюманс (МРС)

Зона	Участок	Формы содержания (ФС)	Типы скотоводческого хозяйства (в скобках дан преобладающий для данного типа вид скота)
Высокогорная	Курахский	то же	то же
	Докузпаринский	яйлаг, кышлаг зимний с отходом, выгон, стойло, хутор пастбищный и выгонный, кышлаг весенний, хутор яйлажный	трансюманс с отходом (МРС и КРС), внутриальпийский (КРС), яйлажно-хуторско-весеннекышлагный (МРС)
	Ахтыпаринский	то же	то же
	Луческий	яйлаг, кышлаг зимний (и трансюманс с отходом с отходом), выгон, стойло, хутор пастбищный, долинный отгон	(МРС), внутриальпийский с долинным отгоном (КРС и МРС), трансюманс (МРС)
	В общем по зоне	яйлаг, выгон, стойло, кышлаг зимний (в том числе с отходом населения) и весенний, хутор пастбищный, выгонный, яйлажный, долинный отгон	преобладающие типы: внутриальпийский, трансюманс с отходом, яйлажно-хуторско-весеннекышлагный

Список информаторов

Фамилия	Год рождения	Селение	Союз об-ществ, владение	Район
Абаев М.	1894	Кандик	Дырча	Хивский
Абакаров А.	1886	Карацан	Каракайтаг	Кайтагский
Абакаров А.	1881	Кулецама	Мехтулинское	Левашинский
Абакаров И.	1905	Тад-Магитль	Цунта-Ахвах	Ахвахский
Абакаров М.	1892	Джавгат	Каракайтаг	Кайтагский
Абакаров М.-Г.	1891	Дуакар	Сирха	Дахадаевский
Абакаров М.-С.	1910	Кидеро	Шуратль	Цунтинский
Абасов Я.	1888	Кадар	Мехтулинское	Буйнакский
Абдулжалилов К.	1890	Карацан	Каракайтаг	Кайтагский
Абдулкадыров М.	1895	Батлаич	Хедолал	Хунзахский
Абдулкеримов А.	1889	Мекеги	Мекеги	Левашинский

Фамилия	Год рождения	Селение	Союз об-ществ, владение	Район
Абдуллаев А.	1911	Гигатли	Чамалал	Цумадинский
Абдуллаев А.	1918	Цийша	Кули	Кулинский
Абдуллаев Б.	1890	Муги	Муги	Акушинский
Абдуллаев М.	1894	Тидиб	Гидатль	Советский
Абдуллаев Ш.	1906	Кандик	Дырча	Хивский
Абдурахманов А.	1903	Хшюк	Котур-Кюра	Сулейман-Стальский
Абдурахманов А.	1911	Хубар	Салатау	Казбековский
Абдурахманов Д.	1903	Мехельта	Гумбет	Гумбетовский
Абдурахманов С.-Г.	1906	Тад-Магитль	Цунта-Ахвах	Ахвахский
Абурахманов Ч.	1879	Гиндух	Ухнада	Тляратинский
Абдусаламов Н.	1902	Ругельда	Келеб	Советский
Абудалов Х.	1910	Урада	Гидатль	Советский
Агамирзаев А.	1890	Кака-Шура	Мехтулинское	Ленинский
Адуков А.	1893	Мекеги	Мекеги	Левашинский
Адоков Б.	1897	Эрпели	Эрпелинское	Буйнакский
Азизов С.	1928	Цахур	Цахур	Рутульский
Акаев Г.	1899	Карабудахкент	Шамхальство	Ленинский
Акаев М.	1871	Чумлы	Верхн. Терекеме	Кайтагский
Алакаев Д.	1890	Кулецма	Мехтулинское	Левашинский
Алигаджиева П.	1896	Гели	Шамхальство	Ленинский
Алиев Г.	1899	Гапшима	Муги	Акушинский
Алиев Г.	1898	Кудиябросо	Цунта-Ахвах	Ахвахский
Алиев Г.	1894	Султан-Янгюрт	Шамхальство	Кизилъюртовский
Алиев Д.	1896	Маали	Андалал	Гергебильский
Алиев И.	1890	Ансалта	Технуцал	Ботлихский
Алиев К.	1931	Дарада	Куяда	Гергебильский
Алиев М.	1897	Акуша	Акуша	Акушинский
Алиев М.	1895	Буцра	Хиндалал	Хунзахский
Алиев О.	1881	Гапшима	Муги	Акушинский
Алиев Т.	1882	Ругуджа	Андалал	Гунибский
Алиев Ш.	1882	Сулевкент	Ганк	Дахадаевский
Алимирзаев С.-Г.	1908	Ингиши	Гумбет	Гумбетовский
Алисултанов А.	1896	Ингиши	Гумбет	Гумбетовский
Алиханов М.	1895	Джибахни	Каракайтаг	Кайтагский
Аликумаев И.	1921	Дарада	Куяда	Гергебильский
Алхасов Г.	1907	Нижн. Дженгутай	Мехтулинское	Буйнакский
Алюков Ш.	1924	Чонтаул	Шамхальство	Кизилъюртовский

Фамилия	Год рождения	Селение	Союз об-ществ, владение	Район
Амаева Х.	1898	Урари	Сирха	Дахадаевский
Амакаев М.	1876	Трисанчи	Муйре	Дахадаевский
Амирханов Т.	1873	Мекеги	Мекеги	Левашинский
Анталиев М.	1885	Кванада	Багулал	Цумадинский
Асхабов Г.	1871	Мекеги	Мекеги	Левашинский
Атаева А.	1882	Аксай	Аксаевское	Хасавъюртовский
Атрасов Х.	1893	Тинди	Тинди	Цумадинский
Ахмедагаев М.	1924	Смугул	Ахтыпара	Ахтынский
Ахмедов Б.	1892	Мекеги	Мекеги	Левашинский
Ахмедов М.	1892	Гергебиль	Андалал	Гергебильский
Ахмедов М.	1898	Каякент	Гамри	Каякентский
Ахмедов М.-М.	1877	Кана-Сираги	Урахи	Сергокалинский
Ахмедов О.	1896	Кикунни	Андалал	Гергебильский
Ашаханов А.	1897	Росутль	Куяда	Гунибский
Баватов А.	1912	Утамьш	Гамри	Каякентский
Багамаалиев А.	1881	Нижн. Мулебки	Мекеги	Сергокалинский
Багахмедов А.	1881	Джибахни	Каракайтаг	Кайтагский
Базаев К.	1885	Чирах	Буркун-Дарга	Агульский
Балаев А.	1904	Кабир	Кабир	Курахский
Бекбулатов Т.	1909	Утамьш	Гамри	Каякентский
Гаджибалаев А.	1923	Джебел	Чиле	Магарамкентский
Гаджибеков С.	1907	Касумкент	Картас	Сулейман-Стальский
Гаджиев Б.	1881	Нижн. Батлук	Батлук	Советский
Гаджиев Д.	1898	Вачи	Кули	Кулинский
Гаджиев М.	1904	Хаджалмахи	Цудахар	Левашинский
Гаджиев М.	1911	Маали	Андалал	Гергебильский
Гаджиев М.-Ш.	1913	Гапшима	Муги	Акушинский
Гаджиев М.	1896	Шиназ	Рутул	Рутульский
Гаджиев М.	1846	Янгикент	Верхн. Терекеме	Кайтагский
Гаджиев Р.	1905	Харбук	Ганк	Дахадаевский
Фазатаев Р.	1900	Ашты	Буркун-Дарга	Дахадаевский
Газиганов А.	1892	Кубачи	Ганк	Дахадаевский
Газиев Х.	1879	Кирки	Ирчамул	Кайтагский
Газиханов М.	1886	Гулли	Верхн. Терекеме	Кайтагский
Гайчаев Д.	1890	Ингердах	Хедолал	Ахвахский
Галбацов А.	1889	Карата	Карата	Ахвахский
Гамзаев Э.	1875	Анди	Анди	Ботлихский
Гализов Б.	1908	Нижн. Мулебки	Мекеги	Сергокалинский
Гасангусейнов М.	1892	Мекеги	Мекеги	Левашинский
Гасанов Г.	1875	Сурхачи	Муйре	Кайтагский

Фамилия	Год рождения	Селение	Союз обществ, владение	Район
Гасанов М.-Г.	1910	Харбук	Ганк	Дахадаевский
Гасанов М.	1895	Ахмедкент	Маджалис-Кадта	Кайтагский
Гасанов Р.	1906	Хуриг	Кырах	Табасаранский
Гасанов Т.	1926	Буйнак	Шамхальство	Ленинский
Гашимов Х.	1903	Губден	Шамхальство	Ленинский
Гебеков Х.	1917	Эндери	Эндиреевское	Хасавюртовский
Гемматов И.	1877	Кадар	Мехтулинское	Буйнакский
Гимбатов М.	1883	Буцра	Хиндалал	Хунзахский
Гитинов Г.	1889	Годобери	Технуцал	Ботлихский
Гитинов М.	1881	Нижн. Батлук	Батлук	Советский
Гичиев Г.	1873	Трисанчи	Муьре	Дахадаевский
Гусейнов А.	1877	Кутлаб	Анцросо	Тляратинский
Гусейнов Д.	1905	Токита	Хунзахское	Ахвахский
Гусейнов П.	1884	Уркарах	Гапш	Дахадаевский
Давлетмурзаев П.	1913	Костек	Костековское	Хасавюртовский
Джабраиллов А.	1898	Шиляги	Каттаган	Кайтагский
Джабраиллов М.	1892	Газия	Каракайтаг	Кайтагский
Джалалов А.	1910	Смугул	Ахтыпара	Ахтынский
Джалилов Ш.	1912	Верхн. Мулебки	Муги	Акушинский
Джаматов С.	1888	Нижн. Казанище	Бамматулу	Буйнакский
Джамалов К.	1897	Кураг	Кушандере	Агульский
Джамалов К.	1914	Хлюг	Рича	Агульский
Джамалов Х.	1902	Хлюг	Рича	Агульский
Джанарсанов Д.	1876	Доргели	Мехтулинское	Ленинский
Дибиралиев М.	1908	Хаджалмахи	Цудахар	Левашинский
Дибиров М.	1896	Гоцатль	Хунзахское	Хунзахский
Дибиров Ш.	1873	Анчих	Карата	Ахвахский
Закарьяев М.	1880	Бутри	Мекеги	Акушинский
Ибрагимов А.	1903	Гагатль	Анди	Ботлихский
Ибрагимов Б.	1916	Нучек	Рутул	Рутульский
Ибрагимов Г.	1895	Тинди	Тинди	Цумадинский
Ибрагимов Г.	1897	Цумелух	Тлебель	Тляратинский
Изиев Б.	1862	Кадар	Мехтулинское	Буйнакский
Ильясов Х.	1912	Ялак	Ахтыпара	Ахтынский
Инавов К.	1886	Параул	Мехтулинское	Ленинский
Исагаджиев А.	1890	Хуштада	Багулал	Цумадинский
Исаев Р.	1896	Сурхачи	Муьре	Кайтагский
Исмаилов И.	1902	Имгердах	Хедолал	Ахвахский
Исмаилов И.	1896	Кандик	Дырча	Хивский
Исмаилов К.	1897	Тлярата	Анцросо	Тляратинский
Исмаилов Н.	1902	Рича	Рича	Агульский

Фамилия	Год рождения	Селение	Союз обществ, владение	Район
Исрафилов Х.	1909	Гельхен	Рича	Курахаский
Казиханов М.	1881	Гулли	Верхн. Терекеме	Кайтагский
Карабудагов Р.	1915	Губден	Шамхальство	Ленинский
Караханов Ш.	1884	Зильдик	Нитриг	Хивский
Касумов А.	1910	Хунгия	Каттаган	Кайтагский
Кахруманов Г.	1911	Карадаглы	Терекеме	Дербентский
Качалаев О.	1887	Дылым	Салатау	Казбековский
Кебеков А.	1891	Бежта	Капуча	Цунтинский
Керимов А.	1914	Гуми	Кузрук	Табасаранский
Керимов Р.	1900	Оруджоба	Чиле	Магарамкентский
Кулиев Д.	1902	Куруш	Алтыпара	Ахтынский
Курамагомедов М.	1894	Хуштада	Багулал	Цумадинский
Курбаналиев Т.	1872	Султан-Янгюрт	Шамхальство	Хасавюртовский
Курбанов М.	1881	Шиляги	Каттаган	Кайтагский
Курбанов М.	1882	Усиша	Усиша	Акушинский
Курбанов М.	1890	Чирката	Гумбет	Гумбетовский
Магомедов Н.	1911	Унцукуль	Хиндалал	Унцукульский
Магомедов А.	1897	Кикюни	Андалал	Гергебильский
Магомедов А.	1901	Акуша	Акуша	Акушинский
Магомедов А.	1903	Уллуая	Акуша	Левашинский
Магомедов А.	1900	Сиух	Хедолал	Хунзахский
Магомедов А.	1914	Усиша	Усиша	Акушинский
Магомедов А.	1893	Джибахни	Каракайтаг	Кайтагский
Магомедов А.	1912	Мегеб	Андалал	Гунибский
Магомедов Б.	1903	Ингиши	Гумбет	Гумбетовский
Магомедов Г.	1896	Хуштада	Багулал	Цумадинский
Магомедов Г.	1897	Усемикент	Гамри	Каякентский
Магомедов Д.	1890	Балхар	Акуша	Акушинский
Магомедов И.	1892	Тидиб	Гидатль	Советский
Магомедов И.	1915	Смугул	Ахтыпара	Ахтынский
Магомедов К.	1907	Гилиб	Тлейсерух	Чародинский
Магомедов К.-М.	1896	Хуштада	Багулал	Цумадинский
Магомедов М.	1903	Батлаич	Хедолал	Хунзахский
Магомедов У.	1920	Мокок	Шуратль	Цунтинский
Магомедов Х.	1875	Гулли	Верхн. Терекеме	Кайтагский
Магомедов Х.	1910	Гигатли	Чамалал	Цумадинский
Магомедов Ш.	1910	Гиндух	Ухнада	Тляратинский
Майсиев Ш.	1870	Варсит	Ирчамул	Кайтагский
Макнев М.	1870	Куба	Вицки	Лакский
Малдаев М.	1900	Дибгаши	Муьре	Дахадаевский
Маматаев Х.	1909	Костек	Костековское	Хасавюртовский
Маммаев М.	1913	Кирки	Ирчамул	Кайтагский
Маммаев У.	1910	Кули	Кули	Кулинский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Природные и исторические условия развития скотоводства в Дагестане	25
1. Природно-географические условия	25
Природные условия	25
Кормовые угодья	37
2. Исторические условия и предпосылки складывания форм скотоводства	45
3. Традиции хозяйствования	52
4. Традиции содержания видов скота	60
5. Виды скота	69
Крупный рогатый скот	69
Мелкий рогатый скот	72
Ослы и мулы	76
Лошади	78
6. Области распространения и преобладания отдельных видов и категорий скота	81
7. Основные формы скотоводства в Дагестане в XIX в.	94
Глава II. Стационарные формы скотоводства	97
1. Стойловая форма	97
Заготовка кормов, сенокошение	103
Орудия сенозаготовки	110
Общинные сенокосы	113
2. Выгонная форма	115
Организация выпаса стад и община	116
Распределение сельских выгонов и пастбищ	129
Сельский выпас и обычное право	135
3. Хуторская форма	143
Выгонный хутор	144
Пастбищный хутор	149
Яйлажный хутор	153
Глава III. Подвижные формы скотоводства	158
1. Общая характеристика	158
2. Яйлажная форма	175
3. Кышлажная форма	181
Общая характеристика	181
Кышлажная форма с частичным отходом населения	192
Кышлажная весенняя отгонная форма	201
4. Другие формы подвижного скотоводства	205
Долинно-отгонная форма	205
Шалашная отгонная форма	206

Глава IV. Типы скотоводческого хозяйства и хозяйственно-культурные типы	209
1. Типы скотоводства	209
2. Формы скотоводства и хозяйственно-культурные типы	
Хозяйственно-культурные и этнокультурные районы	221
Заключение	237
Список литературы	243
Список сокращений	266
Приложения	268
Таблицы 1-5	268
Список информаторов	289

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

DEPARTMENTAL

**NOT FOR
PUBLIC RELEASE**

Научное издание

Османов Магомед-Загир Османович
ФОРМЫ ТРАДИЦИОННОГО СКОТОВОДСТВА
НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Редактор *И.Л. Елевич*
Младший редактор *И.М. Гриднева*
Художник *С.Киреев*
Художественный редактор *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *Е.А. Пронина*
Корректор *А.В. Шандер*

ИБ № 16406

Сдано в набор 20.02.90

Подписано к печати 27.09.90

Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная №1

Печать офсетная. Усл. п.л. 18,75 + 1 п.л. вкл.

Усл. кр.-отт. 19,88. Уч.-изд.л. 21,66

Тираж 1750 экз. Изд. № 6889. Зак. № 239. Цена 3 р. 60 к.

Издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Книги Главной редакции восточной литературы
издательства "Наука"

можно предварительно заказать в магазинах
Центральной конторы "Академкнига",
в местных магазинах книготоргов
или потребительской кооперации

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ
ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

- 117393 Москва, ул.Академика Пилюгина, 14, корп.2, магазин № 3
"Книга — почтой" "Академкниги";
- 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин "Книга — почтой" Северо-Западной конторы "Академкнига" или в ближайший магазин "Академкниги", имеющий отдел "Книга — почтой";
- 480091 Алма-Ата, ул.Фурманова, 91/97 ("Книга — почтой");
- 370005 Баку, ул.Джапаридзе, 13 ("Книга — почтой");
- 232600 Вильнюс, ул.Университето, 4;
- 690088 Владивосток, Океанский пр., 140;
- 320093 Днепропетровск, пр.Гагарина, 24 ("Книга — почтой");
- 734001 Душанбе, пр.Ленина, 95 ("Книга — почтой");
- 375002 Ереван, ул.Туманяна, 31;
- 664033 Иркутск, ул.Лермонтова, 289 ("Книга — почтой");
- 420043 Казань, ул.Достоевского, 53;
- 252030 Киев, ул.Ленина, 42;
- 252142 Киев, пр.Вернадского, 79;
- 252030 Киев, ул.Пирогова, 2;
- 252030 Киев, ул.Пирогова, 4 ("Книга — почтой");
- 277012 Кишинев, пр.Ленина, 148 ("Книга — почтой");
- 343900 Краматорск Донецкой обл., ул.Марата, 1 ("Книга — почтой");
- 660049 Красноярск, пр.Мира, 84;
- 443002 Куйбышев, пр.Ленина, 2 ("Книга — почтой");
- 191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
- 199164 Ленинград, Таможенный пер., ?;
- 199044 Ленинград, 9 линия, 16;
- 220012 Минск, Ленинский пр., 72 ("Книга — почтой");
- 103009 Москва, ул.Горького, 19а;
- 117312 Москва, ул.Вавилова, 55/7;
- 630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
- 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 (Книга — почтой);

142284 Протвино Московской обл., "Академкнига";
142292 Гудино Московской обл., МР "В", 1;
620151 Свердловск, ул.Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга — почтой");
700029 Ташкент, ул.Ленина, 73;
701000 Ташкент, ул.Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул.Дружбы народов, 6 ("Книга — почтой");
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул.Зорге, 10 ("Книга — почтой");
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 ("Книга — почтой");
310078 Харьков, ул.Чернышевского, 78 ("Книга — почтой").

Зр. 60к